
DUM SPIRO, SPERO

Пока дышу, надеюсь (лат.)

SPERO | № 13/2010

Autumn—Winter 2010

S
P
E
R
O

SOCIAL

POLICY:

expertise

recommendations

interviews

SPERO | № 13/2010

Осень—Зима 2010

С
П
Э
Р
О

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:

экспертиза

рекомендации

обзоры

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Павлова-Сильванская Марина Павловна (председатель)	к. и. н., консультант журнала «Pro et Contra» московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д. э. н., профессор, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института нацио- нального проекта «Общественный договор», президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д. э. н., профессор, член правления государственной корпо- рации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», зам. председателя Внешэкономбанка
Вишневецкий Анатолий Григорьевич	д. э. н., действительный член РАЕН, директор Института демографии ГУ–ВШЭ, главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Лукьянов Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
Малева Татьяна Михайловна	к. э. н., ДВА, директор Независимого института социальной политики (НИСП), главный редактор журнала
Плискевич Наталья Михайловна	зам. главного редактора журнала «Общественные науки и современность», редактор журнала «Social Science», ст. н. с. Института экономики РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д. э. н., профессор, зам. директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ, зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, руководитель Клуба региональной журналистики

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к. э. н., ДВА, директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к. э. н., зам. директора НИСП
Ответственный редактор	Фетисова Марина Игоревна, директор публикационной программы НИСП
Члены редколлегии	Зубаревич Наталья Васильевна, д. г. н., директор региональной программы НИСП Овчарова Лилия Николаевна, к. э. н., зам. директора НИСП Шишкин Сергей Владимирович, д. э. н., проректор ГУ–ВШЭ

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Форда и Фонда Дж. и К. Макартуров

СОДЕРЖАНИЕ

10 ЛЕТ НИСП И 5 ЛЕТ SPERO

О ЮБИЛЕЯХ И ЮБИЛЯРАХ

9

ИНТЕРВЬЮ

Интервью Т.М. Малевой с председателем Попечительского совета НИСП, научным руководителем ГУ–ВШЭ, д.э.н. Е.Г. Ясиным

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

15

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИНСТИТУТЫ

Т. М. Малева, Л. Н. Овчарова

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ:
ЧТО МОДЕРНИЗИРОВАТЬ И КТО МОДЕРНИЗАТОРЫ?

21

Е. Ш. Гонтмахер

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО
СТРАХОВАНИЯ: СТИЛЬ, СУТЬ И АЛЬТЕРНАТИВА

35

Л. Н. Овчарова, А. Д. Языков

КАКИЕ ПРОДУКТЫ НА РЫНКЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ МОГУТ
СТАТЬ ДРАЙВЕРАМИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

43

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

С. А. Белановский, М. Э. Дмитриев, С. Г. Мисихина

СРЕДНИЙ КЛАСС В РЕНТООРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ:
ПОЧЕМУ МОСКВА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ РОССИЕЙ?

69

Л. М. Григорьев

ЭЛИТЫ И СРЕДНИЙ КЛАСС

87

ДЕМОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

С. Ф. Иванов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

111

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Л. М. Дробижева ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	119
---	-----

Е. В. Тюрюканова МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО	135
---	-----

ВЫЗОВЫ ПЕНСИОННЫМ СИСТЕМАМ

Н. Барр, П. Даймонд ЭКОНОМИКА ПЕНСИЙ	147
---	-----

О. В. Синявская РОССИЙСКАЯ ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА: КУДА ИДТИ ДАЛЬШЕ?	187
---	-----

ОБЗОРЫ

А. С. Бабкин ЭВОЛЮЦИЯ ВМЕСТО РЕВОЛЮЦИИ: ОБЗОР МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПЕНСИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ	211
--	-----

А. С. Сухова ОБЗОР СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ: МИРОВОЙ ОПЫТ	227
---	-----

МЕРОПРИЯТИЯ

Л. А. Хахулина, Л. Б. Косова ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ЕДИНОГО АРХИВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ — УЖЕ В ПЯТЫЙ РАЗ!	245
--	-----

SUMMARIES

SUMMARIES	252
-----------	-----

Когда идея нового «бумажного» журнала по социальной политике только обсуждалась, я скептически смотрел на его будущее. Мне казалось, что журнальный рынок и без того заполнен экономическими и социологическими журналами, новичку едва ли удастся занять среди них достойное место, найти своего читателя.

Сейчас я должен признать, что ошибался. Поразительно, как быстро журнал приобрел свое, ни с кем не схожее лицо и прочно занял свою нишу. Наверно, это объясняется тем, что SPERO тесно связан с деятельностью неутомимого и полного энтузиазма творческого коллектива НИСП. Исследовательская продукция НИСП, его интегрированность в среду активно работающих людей из других научных центров в смежных областях, обеспечивает журнал новой полноценной информацией, делает его живым, спасает от наукообразной схоластики.

Проведение социальной политики ближайшего десятилетия в России не будет легким делом, перед журналом стоят непростые задачи. Сейчас самое время не только поздравить SPERO и людей, которые его делают, с первым юбилеем, но и пожелать им успешно справиться с новыми задачами и выйти на новые горизонты.

Успехов вам!

Член редакционного совета SPERO, д. э. н.,
действительный член РАЕН,
директор Института демографии ГУ–ВШЭ,
главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
А. Г. Вишнеvский

Пять лет — возраст, когда уже прочно стоят на ногах и активно осмысляют мир, данный в ощущениях. Десять лет — это попытки не просто понять окружающую действительность, но и попробовать изменить ее. Это в обычных обстоятельствах. Но переломное время диктует свою хронологию и заставляет быстро взрослеть. Десятилетие Независимого института социальной политики и пятилетие журнала SPERO — даты номинальные, фактически стоит считать год за несколько, как на Крайнем Севере в прежнюю историческую эпоху.

НИСП занимается самым важным — социальными проблемами. От них зависит не только состояние общества, но и все остальное, включая темпы экономического развития страны, ее роль в мире и вообще все перспективы — хоть локальные, хоть глобальные. Профессиональная экспертиза и человеческий энтузиазм — этим отмечены все проекты института. Хочется пожелать всему коллективу достигать глубин анализа и административных вершин, где этот анализ был бы востребован.

Член редакционного совета SPERO,
главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
Ф. А. Лукьянов

В идеале независимый аналитический центр стоит на трех китах: профессионализм, публичность, реальность решаемых проблем. Наши коллеги из Независимого института социальной политики и журнала SPERO опасно близки к этому идеалу. Десять лет работы института — убедительное доказательство профессионализма в производстве общественной политики, которую нельзя прошептать на ухо государю, а нужно высказать в своем журнале профессиональному сообществу и всем заинтересованным лицам, — тем более, когда это касается самых человеческих из всех существующих проблем...

*Член редакционного совета SPERO, д. э. н., профессор,
зав. кафедрой прикладной институциональной экономики
экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
президент Института национального проекта «Общественный договор»,
президент Ассоциации независимых центров экономического анализа*
А. А. Аузан

SPERO удался. Он интересен не только социологам и «социальщикам». Он полезен экономистам и макроэкономистам, к числу которых я отношу себя. Он помогает понять хитросплетения в социальных процессах и в современной политике, о которых мы думаем, что знаем, но, оказывается, знаем бесконечно мало или не знаем вообще ничего.

В настоящее время Россия переживает очередной сложный период своей истории, и крайне важно не просто понять, что происходит с нами сегодня, но и предвидеть возможные пути развития ситуации. В этой связи большое значение приобретает научная интуиция авторов SPERO, ведущих российских экспертов, для которых социальная политика в науке и на практике — профессия.

Остается лишь пожалеть, что подобных журналов в российской науке очень немного. Очень хотелось бы, чтобы и впредь SPERO удержал высокую планку профессионализма, научной смелости и широты охвата.

*Член редакционного совета SPERO, д. э. н., профессор,
член правления государственной корпорации
«Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»,
зам. председателя Внешэкономбанка*
С. А. Васильев

Среди отзывов о SPERO не хватает еще одного.

Андрей Владимирович Полетаев...

Его взгляд на журнал — скупая похвала и острая критика, умение оценить главное и строгость к мелочам — все прошедшие годы помогал журналу и стал необходимостью. В юбилейный номер он хотел написать статью.

Уход Андрея Полетаева из жизни — это потеря не только для SPERO, Независимого института социальной политики, Высшей школы экономики и экспертного сообщества. Это потеря для всего клуба интеллигентных и образованных людей России. Очень неожиданно и грустно...

Т. М. МАЛЕВА,
 директор Независимого института
 социальной политики (НИСП),
 главный редактор SPERO

О ЮБИЛЕЯХ И ЮБИЛЯРАХ

НЕНАУЧНОЕ ЭССЕ С БОКСАМИ

Независимый институт социальной политики — юбиляр! Размерность юбилея зависит от угла зрения: можно — декада, можно — «ровесник века», а можно — «ровесник тысячелетия». И все будет правдой. Ведь дата рождения Института — 5 декабря 2000 г.

Положение юбиляра столь же почетно, сколь ответственно. Как, например, оценить свою деятельность, сохранив объективность (обязательное условие для независимого эксперта) и скромность (общекультурную добродетель), но одновременно дать понять, как всем повезло, что мы у вас есть?

На помощь приходит выбор жанра — эссе, которое *«выражает индивидуальные впечатления и соображения автора по конкретному поводу или предмету и не претендует на исчерпывающую или определяющую трактовку темы»* (Википедия).

НЕМНОГО ИСТОРИИ...

Как и всё в мире, НИСП возник не на пустом месте. Еще в 1997 г. по инициативе Фонда Форда была открыта грантовая программа по проблемам социальной политики. Собрали экспертов. Эксперты раздали гранты, собрали результаты, выразили удовлетворение. Действительно, среди проектов наших грантополучателей были выдающиеся работы, которые получили признание во всем экспертном сообществе. Но уже после двух туров грантовых конкурсов стало понятно, что много удачных эскизов не создают общей картины. После работ наших грантополучателей хотелось многое додумать, досчитать, дооценить и деспорить. Оценивая результаты прошедших перед нашими глазами грантовых проектов, которые делаются время от времени, на ту или иную тему, с теми или иными участниками, мы остро почувствовали потребность в системных исследованиях, которые имеют своим предметом фундаментальные социальные проблемы и выполняются высокопрофессиональным коллективом, постоянно накапливающим исследовательский опыт. Так возникла идея Института. Так появилось ее воплощение — НИСП.

НЕМНОГО ПОЛИТИКИ...

Институт социальной политики — это понятно. А вот независимый — это вызов. Не один и не два раза нам задавали вопрос «А от кого вы, собственно, не зависите?» И далеко не всегда этот вопрос выражал интерес. Чаще — плохо скрываемое подозрение.

Наш выбор в 2000 г. был совершенно осознанным. Важнейшая задача социальной политики последних лет — установление диалога между всеми ее субъектами — государством, бизнесом, гражданским обществом, населением с целью выработать правила игры и договориться о разделении сферы ответственности. Этот диалог невозможен без появления еще одного субъекта — Независимого эксперта. Эту многотрудную роль мы и попытались на себя взять. Взаимодействию с акторами социальной политики тоже пришлось учиться — объективно взглянуть на аргументы *pro et contra* и от решиться от субъективных оценок, подвергнуть критике, но не перекрыть пути для сотрудничества, поддержать, но не лоббировать.

Со временем к нашей независимости привыкли все — и партнеры, и оппоненты, и мы сами. А независимость привыкла к нам. Сейчас «вопрос с подозрением» уже не задают.

НЕМНОГО РЕЗУЛЬТАТОВ...

Перечислять достижения десятилетия — утомительно и скучно даже самим юбилярам. Но всегда есть нечто, что приносит чувство самоудовлетворения.

Мы пришли в Институт с большим опытом борьбы с бедностью 1990-х гг. Этот опыт уверил нас в том, что бедность не победить инструментами социальной защиты. Чтобы понять, как можно вырваться из бедности, нужно внимательно посмотреть на небедных. Так появилась серия стратификационных исследований о среднем классе и его социальном окружении. В изменении приоритетов социальной политики последних лет и в выводе, что целью социального развития должно стать не сокращение бедности, а рост среднего класса, есть и наша лепта.

В далеком 2002 г. мы присоединились к амбициозной панъевропейской социодемографической программе «Поколения и Гендер». И через несколько лет оказались в эпицентре исследований в области демографии. Страна решилась на беспрецедентную программу выхода из демографического кризиса, прискорбно мало зная о демографии семьи и рождаемости, и мы, как никогда прежде, почувствовали востребованность своих исследований.

Сейчас, оценивая масштабы программы, мы понимаем, какая это была авантюра! Более 20 европейских стран, гораздо более искушенных в социологических, демографических и панельных обследованиях! Только войдя в этот «клуб», мы поняли, насколько методически сложны и трудоемки репрезентативные панельные обследования. Но пути отрезаны и нужно соответствовать. Присоединились к пулу участников последними, но от страха и ответственности результаты получили первыми.

Институт создал уникальную по масштабу и исследовательской программе панель микроданных. В частности, это единственная панель по проблемам пенсионной сферы. А поиск направлений пенсионной реформы невозможен без ответа на вопрос, каково поведение участников пенсионной системы — контрибьютеров (работников) и реципиентов (пенсии). Исследование экономических и социальных стратегий участников пенсионной системы стало одним из наиболее значимых направлений научной деятельности НИСП. И уже в середине 2000-х гг. нам стало ясно, что пенсионная реформа идет «не так».

Наша приверженность микросоциологическим исследованиям создала новую отрасль — экономика семьи. Семья, домохозяйство, индивид — не только объекты социальной политики, но и активно действующие субъекты. Они вырабатывают адаптационную тактику и жизненные стратегии в зависимости от состояния экономической и социальной макросреды. И попытки изменить эту среду безуспешны, если не учитывают мотивы и модели поведения столь весомого субъекта, как население страны.

НИСП не единственный, кто занимался проблемами системообразующих социальных систем — здравоохранения и образования. Но наши исследования в сфере доступности качественных услуг здравоохранения и образования для различных социальных групп повлияли на общий дискурс о реформах в этих сферах.

Социальная модернизация стала нашим научным кредо не в кризис, а еще в те годы, когда страна входила в стадию экономического роста. Даже на его пике, когда социальные проблемы переместились в начало политической повестки и, казалось бы, имели все шансы на успешное решение, нам была очевидна разница между эффективными мерами и эффективной политикой. В нашем видении у социальной модернизации есть два ракурса. С одной стороны, это необходимость модернизации социальных институтов. С другой — модернизация возможна только в том случае, если есть социальные группы, способные ее поддержать.

Насколько мы убедительны в своих исследованиях и выводах, судить не нам, а вам. Но мы ставим себе в заслугу тот факт, что все перечисленные исследования НИСП инициировал задолго до того, как эти темы вошли в топ-лист политической повестки.

А еще была История с Географией. История — это Единый Архив социологических данных, собравший в открытом доступе сотни социологических массивов за последние 20 лет. Идите в Архив, и Вы сами узнаете, что было, как было и с кем было. География — это Социальный Атлас российских регионов. Это не только карта, которая в красках иллюстрирует драматическое пространственное неравенство, но и компас для всех «региональщиков» и «социальщиков» России.

Реальная цена Атласа выяснилась, когда совпали два кризиса: глобально-экономический (в мире и в стране) и локально-информационный (сайт НИСП встал на реконструкцию). Из шквала обиженных и иногда сердитых звонков мы узнали, что наш Атлас — «дежурный по кризису».

И Атлас, и Архив — открытые информационные ресурсы, которые НИСП дарит обществу.

Наконец, журнал SPERO, свежий номер которого Вы держите в руках. У него тоже юбилей — 5 лет выхода бумажной версии. За прошедшее время журнал расширился сам и расширил границы своего распространения. Но не изменился его замысел, и да позволит мне читатель процитировать вступительную статью главного редактора к первому номеру: «Мы все хотим жить в экономически сильной и социально стабильной стране. Это невозможно без взвешенной, активной и эффективной социальной политики, адресованной главному экономическому субъекту — гражданам страны. Журнал носит название СПЭРО — «Социальная Политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры». Однако это не просто аббревиатура. По латыни SPERO означает «надеюсь». Социальная политика должна давать надежду гражданам своего государства на устойчивое социальное развитие». Девиз журнала — *Dum spiro spero!* (Пока живу, надеюсь! — лат.).

МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ...

НИСП не состоялся бы, если бы не поддержка и участие многих-многих людей.

Наши отцы-основатели — Абел Гезевич Аганбегян и Юрий Александрович Левада, возглавлявшие в 2000 г. АНХ и ВЦИОМ, которые и стали нашими учредителями. Эти имена уже сами по себе делают нам честь и ко многому обязывают.

Нам несказанно повезло, когда первым председателем Попечительского совета стала Татьяна Ивановна Заславская. Научный вклад академика Т. И. Заславской в понимание социальных проблем современной России неоспорим. Но НИСП подтверждает и другое: высочайшая ответственность Татьяны Ивановны в выполнении взятых обязательств — не легенда, а абсолютная реальность. И по сей день у нас нет более внимательного, заинтересованного, вдумчивого и объективного читателя, чем Татьяна Ивановна.

Сегодня Попечительский совет возглавляет Евгений Григорьевич Ясин. Остается только удивляться, как при той грандиозной роли, которую играет Евгений Григорьевич в экономической жизни страны и в экономической науке, он может уделять внимание Независимому институту социальной политики. Но он не только уделяет, но и задает много профессиональных вопросов. А особенность Евгения Григорьевича в том, что он задает вопросы за много и на много лет вперед. Этими вопросами он помогает нам предугадать социальную повестку будущего.

Поначалу Евгений Григорьевич сомневался, принять ли наше предложение.

Тогда я написала письмо и пришла к нему с текстом:

— Вы Евгений, я Татьяна. Я к Вам пишу, чего же боле?

— Так ведь Евгений Татьяне отказал!

— А как потом всю жизнь мучился!..

Наши Попечители — это действительно Попечители с большой буквы. Им важно знать, что мы делаем и как мы делаем. А нам важно их мнение.

Людмила Александровна Хахулина по праву может считать юбилей НИСП своим личным праздником. Все эти годы она возглавляет Экспертный совет грантового конкурса, который 10 лет назад и положил начало Институту. И с тех пор НИСП считает Людмилу Александровну своим полноправным сотрудником.

Финансовый партнер, оказавший нам институциональную поддержку, — Фонд Форда и его московское представительство. Мы признательны главе представительства в 2000 г. Мэри Маколи и руководителю программы Галине Рахмановой не только за их содействие в становлении Института, но и за ту атмосферу партнерства, которая сложилась и поддерживалась на протяжении всей истории нашего сотрудничества. Такое же сотрудничество в последние годы сложилось и с Фондом Дж. и К. Макартуров.

Список людей и организаций, с которыми НИСП связывают узы совместной работы, можно множить и множить. Ведь дух партнерства в нашем секторе — это не оборот красноречия, а единственно возможный путь существования и развития.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К АВТОПОРТРЕТУ...

Первые шаги всегда самые трудные. Трудовой договор НИСП № 1 — Оксана Синявская, которая в 2000 г. взяла на себя тяжелое бремя по юридическому и организационному становлению Института.

С тех пор у руководства НИСП появилась привычка: start-up — самое трудное, новое и непонятное — Синявской! Только теперь это касается новаций в науке.

С первых же дней в НИСП работает Елена Шепелева. И дело не в ее формальной карьере — от координатора до заместителя директора, а в реальной функции в Институте — хранитель традиций. Главная их них — «чувство локтя», «не я, а мы».

А затем в Институт пришли настоящие Лидеры — Лилия Овчарова, Сергей Шишкин, Наталья Зубаревич. Это высочайший профессионализм, научное новаторство, независимость суждений и полемическая яркость. Они делали имя Институту, а Институт делал имя им.

Но истинный «золотой фонд» НИСП — его сотрудники: младшие и старшие, экономисты и социодемографы, мастера макроанализа и любители микрорасчетов. У одних научная карьера уже сложилась, у других она еще впереди. И их много!

Известны случаи, когда молодые намекали «большим»: «Ну что вы тут ходите да ходите? Нам работать надо...»

И МНОГО НАДЕЖД!

Мы надеемся, что социальная политика уже не покинет первых мест в социально-экономической повестке российского государства.

Мы надеемся, что сектор НКО в науке своей деятельностью докажет, что он — не что иное, как элемент модернизации.

Мы надеемся, что следующее десятилетие НИСП проживет не менее достойно, чем десятилетие прошедшее.

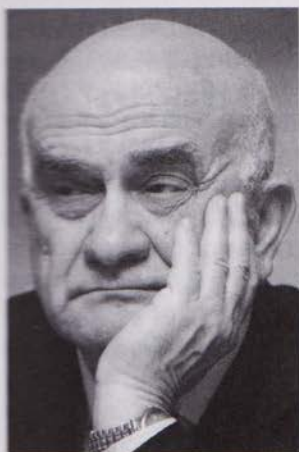
Мы надеемся, что мы вместе и каждый по отдельности сделаем новые заметные шаги в профессии!

Словом,

Dum spiro spero!

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Интервью председателя Попечительского совета НИСП, научного руководителя ГУ–ВШЭ,
д. э. н. **Е. Г. Ясина** главному редактору SPERO, директору НИСП **Т. М. Малевой**

Е. Г. Ясин — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, президент Фонда «Либеральная миссия», член Европейской академии наук, почетный профессор Цзилинского университета (КНР), доктор honoris causa Университета Бирмингема (Великобритания), президент Научно-просветительского фонда «Экспертный институт».

С 2008 г. Е. Г. Ясин возглавляет Попечительский совет Независимого института социальной политики

Т. М.: Дорогой Евгений Григорьевич!

Вы — экономист с широчайшим кругозором. Вы смотрите на жизнь сразу через несколько призм — экономическую, политическую, социальную, историческую. Это большая редкость. Именно поэтому нам интересен Ваш взгляд на социальную политику в общей системе координат.

В этой связи мой первый вопрос о прошлом. Известно, каким непростым с социальной точки зрения был период экономических реформ 1990-х. Конечно, столь масштабные экономические и институциональные реформы были невозможны без усугубления проблем социальной сферы. Но имели ли место, на Ваш взгляд, такие социальные ошибки, которых можно было бы избежать? Или же, наоборот, — социальные действия, которые были необходимы, но не реализованы? Не могу не вспомнить, что в декабре — годовщина ухода из жизни Егора Тимуровича Гайдара, а этот вопрос в той или иной форме всегда адресовали ему. Давайте попробуем еще раз на него ответить.

Е. Г.: Моя принципиальная позиция в том, что реформы 1990-х гг. играли и продолжают играть ключевую роль в развитии нашей страны. Они, к сожалению, были проведены с большим опозданием по отношению к тому положению, в каком находились экономика страны и социальная сфера. Если бы реформы были проведены раньше, причем существенно, то мы платили бы гораздо более умеренную цену. Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения

Александра Михайловича Бирмана. Напомню, что это наш очень известный экономист, один из наиболее энергичных лидеров косыгинской реформы, который готовил ее научное обоснование, а затем был ее ярким популяризатором. Выступая на его юбилее, я сказал: «Вот если бы мы тогда в косыгинский период начали серьезные реформы, мы могли бы обойтись косметическими переменами, которые произошли в Восточной Европе». И я действительно в этом убежден. Например, в Чехии или в Венгрии накануне рыночных реформ 1990-х гг. потребительский рынок был сбалансирован, уровень жизни был достаточно высок, инфляция была «копеечная» (12–15% на этапе перехода). К сожалению, Россия уже тогда глубоко «сидела на нефтяной игле». Падение цен на нефть привело к резкому ухудшению экономического положения в целом. К началу 1990-х гг. экономика полностью разбалансировалась. Большинство наших сограждан испытывали огромные трудности.

Многие полагали, что во всем виноват Гайдар. На самом деле это не так. Гигантские проблемы уже были накоплены к тому времени, когда он взял управление на себя. И эти процессы начались гораздо раньше, чем принято думать. Осенью 1990 г. у меня состоялась беседа со Станиславом Васильевичем Анисимовым, председателем Госснаба СССР. И еще тогда в сентябре 1990 г., а не 1991-го, он говорил, что нам больше нечем платить за импорт зерна и других товаров, включая товары питания. И нет пути выхода из этой ситуации. Экономически все было ясно уже в конце 1990 г. А 1991 г. был обозначен другими, политическими, событиями. И на Егора Гайдара, пришедшего в правительство в 1991 г., пало самое тяжелое. Мало того, что он взял на себя ответственность за то, что делал сам, он принял ответственность и за ошибки политиков предыдущих поколений. Коммунисты, в том числе и Горбачев и его окружение, уже нести ответственность за свои действия отказывались.

Поэтому Вы совершенно правы: никакого варианта с точки зрения ограждения российских граждан от стресса не было.

Т. М.: Вообще говоря, если судить по глубине падения социальных индикаторов в 1990-х гг., социальный взрыв был неизбежен. Но он не произошел, потому что у населения существовали накопленные материальные ресурсы, которые помогли ему адаптироваться.

Е. Г.: Да. Были собственные возможности, потому что адаптационные свойства советского человека довольно высоки, например, широкое распространение личного подсобного хозяйства и приусадебных участков, которые людей кормили. И еще — приспособленность к тому, чтобы обходиться малым. Низкие стандарты жизни в каком-то смысле спасали. Мы в тот период очень сильно потеряли в инвестициях, в динамике ВВП и промышленного производства, во многих других отношениях, но уровень жизни населения сократился не так существенно, как другие показатели.

Т. М.: Главное, население продемонстрировало долготерпение. Все были недовольны, но никто активно не протестовал. Я бы даже сказала, что своим терпением российские граждане давали аванс правительству.

Е. Г.: И это успокаивало! Ведь когда мы обнаружили, что российский рынок труда реагирует на реформы не так, как остальные рынки труда, мы должны были задуматься, почему это происходит. И должны были не радоваться стабильности рынка труда, а понять, что это свойство, порожденное

старыми структурами, и что нам потом еще предстоит с этим бороться. Имея сравнительно низкие показатели по безработице, мы должны были понимать, что на рынке труда все идет не так, как должно. Это была адаптация, но реальных структурных сдвигов, которые должны были происходить, не было.

Что касается социальной сферы и тех ошибок, которые в ней были допущены, — это тоже трудный вопрос. Реформаторы, конечно, торопились, и весь фронт намеченных преобразований пытались начать сразу. Многие реформы были сделаны очень небрежно и поверхностно. Острой необходимости в них не было и надо было какое-то время, может быть, подождать. Сомнительна, например, ситуация с реформой здравоохранения. С самого начала в 1993 г. мы сразу попали в институциональную ловушку: ожидать, что страховой сектор сможет взять на себя ту реальную функцию, которую на него пытались возложить, было абсолютно невозможно. Но в тот момент это был некий политический маневр: отдадим эти функции в сектор страхования, а там посмотрим, что получится. Ничего хорошего не получилось. И мы вновь должны реформировать эту сферу. А переделывать гораздо хуже...

С образованием, я считаю, дело обстоит все-таки лучше. Мы не так торопились и, кроме того, использовали свои преимущества. Еще в советские времена была создана крепкая система образования, которая сохранялась на плаву довольно долго. Правительство не торопилось делать образование платным, хотя, конечно, сами граждане довольно сильно помогли своими неформальными платежами. Но вместе с тем они помогли создать очень некачественный сектор образования. Вот это, конечно, плохо, и эту проблему тоже придется решать.

Но у нас было еще одно преимущество. Говорить об этом гражданам тяжело, но по прошествии времени можно и нужно. В какой-то момент высокая инфляция обесценила большинство социальных обязательств, данных в советское время. И правительство в середине 1990-х гг. имело свободные руки для того, чтобы выстраивать новую систему. Но я считаю, что государство этими возможностями в полном объеме не воспользовалось и аванс, о котором Вы говорили, не оправдало.

Т. М.: Вновь о прошлом, но уже более близком. С середины 2000-х гг. социальные проблемы стремительно переместились с периферии в эпицентр экономической повестки — монетизация социальных льгот, национальные социальные проекты, демографическая программа, миграционное законодательство. Чем было продиктовано столь пристальное внимание? Попытка отдать накопившийся долг? Или же действительно пришло осознание реального места социальной политики в системе политических координат?

Е. Г.: Вот это действительно любопытно. В целом я отношусь к опыту «нулевых годов» отрицательно. Почему? Потому что ни одна из серьезных институциональных реформ в социальной сфере проведена не была. Можно лишь сказать несколько позитивных слов относительно образования: в 2007—2008 гг. наконец провели реформу высшего образования на основе введения ЕГЭ. А больше реальных достижений в социальной сфере не было.

Т. М.: Так называемые национальные проекты скорее затормозили реформы. Когда в социальные сектора пришли деньги, деньги заместили реформы.

Е. Г.: Совершенно верно. Если смотреть и в ретроспективу, то всегда, когда мы пытались проводить какую-то активную социальную политику,

она выливалась в раздачу денег. Она не создавала новые институты, не позволяла сформировать устойчивую новую социальную систему, поэтому все превращалось в ноль.

Монетизацию льгот нельзя даже назвать социальной реформой. Из общего контекста были искусственно выдернуты отдельные финансовые вопросы, а самые важные, самые актуальные проблемы социальных льгот — их целесообразности, содержания, массовости, дублирования — были оставлены в стороне.

То, что происходило в пенсионной реформе, — просто катастрофа. Завести разговор о формировании новой пенсионной системы, а потом вдруг ни с того ни с сего снизить социальный налог с 35% до 26% и оставить «дыру» в пенсионном фонде! Это не укладывается в голове. И это при том, что все проблемы внутри пенсионной сферы начали обостряться. Это заведомо приводило пенсионную систему к откровенному финансовому кризису. И опять в тот момент в стране были деньги и все острые вопросы «заливались деньгами». Это обычно ничего не дает, кроме кратковременного ощущения, что правительство наконец занялось социальными проблемами.

Т. М.: О дне сегодняшнем — кризис 2008–2010 гг. Ведь он еще не закончился, несмотря на общую политическую риторику конца 2009 — начала 2010 гг. Во время кризиса говорилось, что антикризисная программа носит ярко выраженный социальный характер. Вы согласны? Это был правильный выбор? И каких именно социальных целей она достигла?

Е. Г.: Я реальных достижений не увидел. Я опять увидел процесс раздачи денег. А эта раздача ничего не приносит, она асоциальна. После того как деньги потрачены, особенно если их съест инфляция, остается только чувство горечи, неудовлетворения и пессимизма.

Перед социальной сферой стоят острее институциональные проблемы. Они стоят на повестке дня с 1997 г. Но с тех пор ничего существенного не сделано: ни в пенсионном деле, ни в образовании, ни в здравоохранении, ни на рынке жилья. Не было институциональных преобразований. А проблема социальных реформ — в том, что нужны определенные государственные инвестиции в институты.

Например, в ходе пенсионной реформы возникает проблема двойного платежа. Нужно, чтобы какое-то время одно поколение платило в две системы — старую, распределительную, и в новую, накопительную. Ясно, что одно поколение сделать этого не может, у него нет таких ресурсов. Все специалисты вокруг говорят одно и то же: нужно эту проблему решить. Решения до сих пор у государства нет. А ведь предложения были. Егор Гайдар предлагал использовать Фонд будущих поколений или Фонд народного благосостояния в качестве эндамента — целевого капитала для пенсионного фонда. Но как только начался экономический кризис, финансовые ресурсы начали вынимать именно из этого фонда. К счастью, это быстро прекратилось. А решение о пенсионной реформе с помощью этого фонда так и не было принято. Хотя именно в кризис это решение можно было реализовать. Правительство просто увеличило размер пенсий за счет трансфертов из федерального бюджета.

Мы понимаем, что политики отличаются тем, что у них разное понимание ответственности: одни думают о будущем поколении и не очень тревожатся относительно того, как будут восприниматься их действия сегодня, даже

если их будут осуждать. У нас есть такой пример — это Егор Гайдар. Второй пример — это Алексей Кудрин. Своими действиями они показали, что такое ответственная политика и ответственное видение проблем. Но есть политики другие, у которых самое главное — угодить начальству или понравиться нынешнему поколению избирателей. Их не интересует, что будет дальше. Это чистейший популизм.

Т. М.: Недавно появился еще один пример — президент Франции Саркози, который, несмотря на открытое и острое сопротивление, принимает абсолютно непопулярное решение. У него действительно страна вышла на улицы, но во избежание будущих серьезных проблем решение было принято. А ведь вопрос о повышении пенсионного возраста нас касается в меньшей степени, чем Францию, но у нас его, как смерти, боятся.

Е. Г.: Да, Саркози просто герой. Он действительно проявил политическую волю. А мы должны усвоить урок — чего бояться надо, а чего нет.

Но давайте поставим перед собой еще один вопрос. Когда нужно делать непопулярную социальную реформу, остро необходимую стране? В тучные «нулевые годы» — экономический рост, полным-полно денег, высокие рейтинги президента и т. д. По логике нужно делать реформы. Нет, говорят нам высокие политические лица, нельзя нарушать стабильность. Начался экономический кризис. Во время кризиса непопулярные меры воспринимаются менее драматично. Опять нам говорят — нельзя усугублять социальные последствия кризиса. В итоге времени для реформ не находится вообще. А на самом деле за этим стоит непонимание и нежелание что-то существенно менять. Но ведь социальные реформы — это даже не завтрашний день, это будущее страны на несколько веков вперед. И делать их надо сейчас — переломить упадок экономики и деградацию социальной сферы.

Т. М.: Да, и именно об этом мой следующий вопрос — о будущем социальной политики. Социальных проблем — несчетное множество, всегда и везде. И все же среди них есть системные, от которых зависит вектор социального развития. Нельзя все сделать или стартовать одновременно. На Ваш взгляд, каковы самые приоритетные социальные системы, реформы в которых не терпят отлагательства?

Е. Г.: Я бы назвал четыре, которые считаю очень важными: пенсионное обеспечение, здравоохранение, образование и жилье. Причем хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Это не только социальные проблемы, от которых зависит положение народа в будущем. Это драйверы экономики. Жилье, пенсии, образование и здоровье — это колоссальные рынки.

Например, здравоохранение. Вместо того чтобы носить врачам конверты, мы могли бы иметь нормальную страховку, создать реальную систему страхования уже сегодня, имея достаточные ресурсы. Я считаю, что нужно отменить различия между обязательным и дополнительным страхованием в здравоохранении. У государства сложилось такое впечатление, что оно должно заботиться только об обязательном страховании. ОМС никогда не будет давать тех средств, которые нужны для удовлетворения спроса населения. Медицинские услуги никогда не будут качественными, если даются гарантии только в отношении некоего минимума услуг. А за пределами этого минимума гарантии никто никому никогда не даст. В обществе должны быть открыты возможности для тех, кто хочет получать самое лучшее.

Но если все же выделять из социальной сферы главное, то это образование. Здесь есть особенность. Образование за пределами социального минимума можно сделать платным. Но если вы стараетесь найти в стране таланты, значит, вы должны открыть доступ к образованию всем. И это означает, что образование не может развиваться как рыночный сектор. В этом отношении образование находится в некоторой противофазе по сравнению с другими социальными отраслями.

Т. М.: Наконец, вопрос почти личный. И только мы можем его задать, поскольку у нас есть такое право. Вы — председатель Попечительского совета НИСП, который отмечает 10-летний юбилей. И Вы нас хорошо знаете. Но Вас все знают, как научного руководителя ГУ—ВШЭ. Маленький институт и университет-супергигант. Набор преимуществ второго перед первым очевиден. Но есть ли какие-либо преимущества независимых центров перед крупными организациями? Есть ли будущее у НКО в науке? И есть ли будущее у НИСП? Словом, Ваш наказ НИСП, скажем, на следующее десятилетие?

Е. Г.: У вас и у других независимых центров, если они работают так, как вы, всегда будет будущее. Я глубоко убежден, что в экономике будущего главным ресурсом является интеллект. Разговоры об инновациях — не пустой звук, это реальность. И у нас в России не будет иных возможностей экономического развития и улучшения жизни, кроме инноваций. В обществе и в экономике, где главный ресурс — интеллект, все будет концентрироваться вокруг него. Если есть идеи и умы, этого уже достаточно.

Умы не любят больших команд. Они любят быть лидерами. Так уж они устроены, с этим ничего не поделаешь. Успешные ученые, не по формальным критериям, разработанным чиновниками, а по гамбургскому счету — это либо одиночки, либо лидеры небольших коллективов. Других вариантов я не знаю.

В больших университетах другая история, они имеют дело с преподаванием и со студентами. Но у нас в «Вышке», когда создаются исследовательские центры, они тоже небольшие и независимые. Больше того, мы стараемся создавать несколько центров, занимающихся одним и тем же. И мне кажется, что это очень правильно. Я также не сторонник того, чтобы такие университеты слишком сильно разрастались. А если уж разрастаются, то все равно внутри они должны разделяться на автономные школы. Из всех названий мне больше нравится это — школа.

И НИСП — это школа. Вы развили определенные направления, где завоевали действительно серьезные позиции и задаете тон: социальная структура российского общества, средний класс, пенсионная реформа, социальная защита и бедность. Но я надеюсь, что в будущем каждые 2–3 года НИСП будет открывать новые ракурсы и новые направления в социальной политике и разрабатывать их с таким же научным классом, как и прежние. Одновременно вы должны помнить, что те проблемы, в которых вы стали лидерами, уже нельзя оставить в стороне, вы обязаны заниматься этим и дальше. Предел не известен — успевать надо все! И я желаю, чтобы у вас такое желание — все успевать — всегда было. Для этого нужно, чтобы у вас появлялись молодые силы, которые могут поддерживать все направления исследований, которые ставит перед вами социальная политика в стране и в мире. А мы будем в «Вышке» стараться для вас этих молодых обучить. И вместе мы будем делать очень полезное дело.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЧТО МОДЕРНИЗИРОВАТЬ И КТО МОДЕРНИЗАТОРЫ?

Малева Т. М., к.э.н., директор Независимого института социальной политики (НИСП)
Овчарова Л. Н., к.э.н., зам. директора Независимого института социальной политики (НИСП)

Взгляд авторов на социальную модернизацию — результат многолетней исследовательской деятельности: в той или иной мере проблемы, затронутые в статье, составляли предмет исследований Независимого института социальной политики (НИСП), который в этом году отмечает свое 10-летие. Авторы обозначают векторы социальной модернизации по методологической схеме «от status quo к желаемому состоянию». Эти векторы касаются практически всех сфер социальной политики: рынок труда, образование, социальная защита, пенсионная система, демографическое развитие, информационное обеспечение социальной политики и пр. Вторая часть статьи посвящена анализу структуры российского общества, с точки зрения выделения тех социальных групп, которые могут рассматриваться как социальная база модернизации. По мнению авторов, центральным элементом этой структуры выступает средний класс в силу своих функциональных характеристик и той роли, которую он призван играть в обществе и в экономике.

О СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

До наступления экономического кризиса в конце 2000-х гг. необходимость социально-экономической модернизации была осознана лишь узким кругом экспертов, которые даже на пике экономического роста не были удовлетворены его качеством [Побережников, 2006; Коалиции для будущего..., 2007; Мау, 2005]. Политическое звучание проблема получила лишь благодаря кризису, начавшемуся в 2008 г. и не закончившемуся по сей день. Не стал ли экономический кризис стимулом к поиску тех решений, которые в предшествующие благоприятные периоды были либо не видны, либо не нужны? Ведь сегодня уже очевидно: несмотря на то что кризис был спровоцирован внешними по отношению к российской экономике факторами, он обнажил внутренние диспропорции нашей экономики и общества. И желаемое завершение мирового кризиса отнюдь не будет означать решение внутренних российских экономических и социальных проблем. Более того, их нерешенность может стать барьером для эффективного выхода на посткризисную траекторию развития. Другими словами, мы вошли в кризис по причине факторов внешних, а не можем выйти из него по причине факторов внутренних.

Сегодня с тем, что модернизация необходима, согласны все или по меньшей мере, большинство. Проблема, однако, в том, что до выработки общей или хотя бы преобладающей позиции по вопросам, что такое модернизация и как ее осуществлять, в политических и экспертных кругах еще очень далеко.

Суть модернизации сводится к формированию сильной в экономическом, политическом, научном, военном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. В современном обществе на первый план выходят проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, повышения производительности труда. В мире сложилось понимание, что главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с качеством человеческого капитала и факторами, непосредственно обеспечивающими жизнедеятельность людей. У модернизации есть социальный аспект, который в первую очередь предполагает необходимость коренного реформирования секторов, связанных с развитием человеческого потенциала.

Россия — не единственная страна, которая столкнулась с такими проблемами. Этот кризис вообще не является посткоммунистической проблемой, он имеет глобальный характер. Все развитые страны мира сегодня стоят перед необходимостью существенной перестройки своих социальных систем, сформировавшихся в период, когда преобладало молодое население, продолжительность жизни была относительно невелика, а составлявшие большую часть населения сельские жители почти не пользовались услугами социального сектора. Сегодня ситуация радикально изменилась и даже самые развитые страны с трудом справляются с резко возросшей социальной нагрузкой.

Между тем в современной России социальные проблемы отличаются особой остротой. Причины тому — неравномерное развитие различных сфер жизни и дисбаланс в системе социальных, политических и культурных и пр. факторов развития. Эти причины — важная особенность всех прежних попыток модернизировать Россию [Мау, 2005]. В результате страна с рыночной экономикой, находящейся в процессе постиндустриального перехода, живет с незавершенной демографической модернизацией [Вишневский, 2009] и имеет модель социальной политики, сложившуюся в условиях индустриального социалистического общества [Малева, Овчарова, 2009].

Человечество пока не сконструировало идеальную социальную модель. Более того, экономический кризис поставил под сомнение даже те общественные системы, в которых, как казалось, достигнут относительный социальный баланс. Образца, достойного подражания, нет и, видимо, не будет. Идеальная социальная модель — это не конечное состояние, а движущийся и постоянно меняющийся фронт, поэтому крайне трудно обозначить «пункт прибытия», если ставить перед собой цель разработать маршрут, ведущий к социальной модернизации.

Однако необходимо хорошо представлять «пункт отправления». Мы попытались обозначить векторы социальной модернизации по методологической схеме «от status quo к желаемому состоянию».

Наш взгляд на социальную модернизацию — результат многолетней исследовательской деятельности: в той или иной мере эти проблемы составляли предмет исследований Независимого института социальной политики (НИСП), который в этом году отмечает свое 10-летие. В этом отношении настоящую статью можно считать неким отчетом о проведенной работе. И в ряде случаев мы позволили себе опустить детальную аргументацию и эмпирические свидетельства, послужившие основанием для нашей убежденности. Эти аргументы приведены в многочисленных публикациях научных сотрудников НИСП.

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Предшествующее развитие и экономический кризис в России поставили социальные системы перед новыми вызовами, ответом на которые является изменение векторов в развитии институтов и принципов функционирования социальной сферы.

1. Рынок труда

- *От политики низкой безработицы — к политике эффективной занятости*
- *От дешевых и неэффективных рабочих мест — к рабочим местам с достойной заработной платой и высокой квалификацией труда*
- *От жесткого трудового законодательства и слабой дисциплины экономических субъектов — к гибкому трудовому законодательству и высокой дисциплине участников рынка*

Рынок труда — базовый элемент социальной сферы, по отношению к которой большинство прочих социальных процессов в обществе являются производными.

В течение долгого времени максимальная часть инструментов и действий на российском рынке труда сводилась к регулированию открытой (зарегистрированной) безработицы с целью поддержания формально высокого уровня занятости и не преследовала цели реструктуризации занятости. В течение 20 лет в поле политического воздействия находилась лишь зарегистрированная безработица, т. е. от 1% до 3% от численности экономически активного населения. Во время нынешнего экономического кризиса (2008–2009 гг.) правительство осуществляло политику поддержки отдельных крупных промышленных предприятий, предотвращая в том числе массовые высвобождения работников. На предприятиях, вошедших в список, занято менее 15% от численности экономически активного населения.

И этот эпизод, и все предшествующие периоды показывают, что в сфере занятости политика поддержания старых неэффективных рабочих мест явно превалировала над политикой создания новых эффективных рабочих мест [Капелюшников, 2007, 2009].

Сегодняшняя политика *занятости* по сути является политикой *противодействия безработице*. Последствия этой политики — сохранение архаичной структуры экономики, низкая производительность труда, низкий в абсолютном выражении уровень оплаты труда, формирование и хроническое воспроизводство группы «работающих бедных» и пр.

Действующее трудовое законодательство не предусматривает гибкости рынка труда, в первую очередь оно направлено на консервацию действующей структуры занятости.

Хотя Трудовой кодекс расширил сферу применения срочных трудовых договоров [Сколько стоит Трудовой кодекс, 2001], на практике по-прежнему доминируют бессрочные трудовые договоры и их вес продолжает увеличиваться. Излишняя регламентированность переводов на другую работу в связи с технологическими изменениями сдерживает инновации в производстве. Гибкие графики работы, неполная занятость, упрощенные процедуры приема и увольнения практически отсутствуют. А нетрадиционные формы занятости, сопровождающие постиндустриальное и инновационное развитие, например дистанционная, действующим законодательством вообще не предусмотрены.

В стране отсутствует современная национальная система квалификаций. В России, согласно действующему «Единому тарифно-квалификационному справочнику», насчитывается более 7 тысяч рабочих профессий, в то время как в странах ОЭСР сборники рабочих профессий включают от 600 до 800 профессий. Столь сильная детализация противостоит гибкости и эффективности производственных процессов, управления персоналом на предприятиях и в экономике в целом.

Все это сдерживает рост производительности труда. Чрезмерная жесткость трудового законодательства делает неизбежными массовые нарушения, а также способствует систематическому воспроизводству неформальных трудовых отношений [Вишневская, Капелюшников, 2007].

2. Образование

- *От формального расширения доступности высшего образования к дифференциации ступеней образования и повышению его качества*

В последние годы и общий дискурс, и практические шаги были связаны с реформами в сфере высшего образования. Формальный доступ населения к высшему образованию в последние годы расширился, но одновременно с этим его качество существенно снизилось [Социальная дифференциация..., 2005].

На фоне оживленной дискуссии и качестве о высшем образовании в тени остался тот факт, что образование и качество рабочей силы отнюдь не тождественны. Сегодня российские работодатели все чаще говорят о низкой квалификации рабочей силы, об отсутствии ее роста и о низкой трудовой и производственной дисциплине¹.

В системе подготовки и квалификации нарушен баланс по объему и качеству высшего, среднего и начального профессионального образования. Необходимо переходить от массового распространения высшего образования к повышению качества образования на всех его ступенях — в сфере начального, среднего и высшего образования. Эффективная экономика всегда требует соблюдения оптимальной пропорции специалистов разного уровня квалификации.

Крайне слабо развита система непрерывного образования, которая в настоящее время характеризуется низким охватом работников, низким качеством услуг и часто вырождается в чисто формальные процедуры. В итоге абсолютное большинство работников на российском рынке труда — носители устаревшего образования и компетенций, они существенно препятствуют модернизации экономики. Будущее развитие немыслимо без активной поддержки и развития системы непрерывного образования и превращения ее в часть трудовой карьеры каждого работника.

3. Социальная защита населения

- *От социальной защиты массовых категорий к адресной поддержке социально уязвимых групп*

В условиях структурного кризиса 1990-х гг. низкий уровень минимальной заработной платы и трудовой пенсии способствовал приоритетному развитию

¹ См. выступление председателя Комитета РСПП по рынку труда и кадровым стратегиям, главы группы «Онэксим» М. Д. Прохорова на конференции «Человеческий капитал как средство модернизации экономики» в рамках Недели российского бизнеса: <http://nrb-rspp.ru/otchet/review-25/>

категориального подхода в оказании социальной помощи, призванного поддержать наиболее заслуженные и пострадавшие в ходе кризиса группы независимо от уровня их доходной обеспеченности. В результате 60% российских домохозяйств оказались получателями категориальных социальных льгот и выплат [Социальная поддержка..., 2010].

Монетизация льгот ликвидировала большинство нефинансируемых мандатов по льготным категориям, но сохранила категориальных льготников как главный контингент получателей денежных выплат и льгот. Сегодня на финансирование ежемесячной денежной выплаты, заменившей льготы, направляется больше половины всех средств, расходуемых на все социальные пособия, включая страховые. Основными получателями социальных льгот являются пенсионеры, которым данная социальная программа компенсирует низкий уровень пенсионного обеспечения. При этом льготополучатели сконцентрированы в среднедоходных группах населения [Доходы и социальные услуги..., 2005].

Существование масштабной системы поддержки массовых категорий населения без контроля их доходов блокирует развитие адресных программ для бедных, являющихся неотъемлемой частью рыночной экономики, ориентированной на воспроизводство качественного человеческого потенциала и сохранение его в период сложных жизненных ситуаций, связанных с потерей доходов (рождение детей, периоды нетрудоспособности, высокий уровень иждивенческой нагрузки, длительная безработица). Более половины бедных домохозяйств не имеют права на участие в адресных программах поддержки бедных (жилищные субсидии, пособия для детей из бедных семей, региональные пособия по нуждаемости).

Развитие адресных программ для бедных станет приоритетным только в том случае, когда реально начнут сокращаться программы социальной поддержки, действующие без контроля доходов получателей помощи. В условиях поставленной задачи повышения средней пенсии до величины двух прожиточных минимумов (ПМ) пенсионера система категориальных льгот должна ориентироваться на поддержку низкодходных категорий льготников. Чтобы не создавать социальной напряженности при реализации таких мер, целесообразно устанавливать более высокий, чем ПМ, порог входа в данную систему, например на уровне 1,5–2 ПМ.

• *От социальных пособий к социальным контрактам*

Ориентация социально-экономического развития на модернизационный сценарий требует имплементации элементов развития во все социальные и экономические программы, включая и программы поддержки бедного населения.

В настоящее время среди их участников высоко представительство небедных, а среди бедных многие не имеют доступа к программам социальной поддержки. В кругу бедных семей — получателей адресных пособий широко распространена незанятость или частичная занятость трудоспособных. Пассивный характер программ социальной поддержки способствует росту иждивенческих настроений, с одной стороны, и нежеланию местных властей повышать размер пособий — с другой.

Преодолеть данную проблему позволило бы введение принципа оказания социальной поддержки при условии заключения социального контракта, предусматривающего социальную адаптацию трудоспособных незанятых членов домохозяйства (обязательные этапы адаптации — получение профес-

сиональных навыков, переобучение, активный поиск работы через службу занятости и т. п.). Условия социального контракта должны основываться на принципе «прежде всего возможность трудиться», что будет стимулировать трудоспособных индивидов совершенствовать и использовать свой трудовой потенциал. Данные условия могут включать поиск работы, временное участие в общественных работах, участие в программе реабилитации для индивидов с алкогольной зависимостью, участие в программе переподготовки или выполнение какой-нибудь работы. Контракты социальной адаптации могут сочетать низкооплачиваемую занятость и пособия из системы социальной защиты, в этом случае их называют «зарплата + пособие».

Сокращение числа небедных участников программ социальной поддержки и активизация трудового потенциала бедных — два основных преимущества данного концептуального подхода к организации социальной защиты населения.

- *От поддержки отдельных категорий населения к равномерной поддержке домохозяйства на различных этапах жизненного цикла*

Сложившаяся система социальной поддержки населения, особенно денежных пособий для бедных семей с детьми, не привязана к жизненному циклу семьи, вследствие этого она не выполняет функции гармонизации распределения полномочий по обеспечению уровня и качества жизни между семьями, государством и рынками. В результате на различных этапах жизненного цикла семья испытывает острые стрессы, которые действующая система институтов и социальной политики не способна смягчить. Кроме того, ориентация на поддержку не семьи (домохозяйства), а отдельных категорий индивидов влечет за собой масштабные ошибки включения и исключения из адресных программ.

В результате всего вышеперечисленного в социальной поддержке существует целый ряд системных противоречий [Овчарова, 2010]. Семьи с детьми до 1,5 лет получают существенную социальную помощь, которая может достигать до 70% ПМ ребенка. В то же время семьи с детьми от 1,5 до 16 лет получают незначительную социальную поддержку — около 6% ПМ. Регионализация пособий только усиливает неравенство в рисках бедности, с которыми сталкиваются семьи с детьми из разных регионов России (в некоторых благополучных регионах размер социальной помощи семьям с детьми доходит до 100% ПМ, в то время как в бедных регионах размер помощи не превышает 4% ПМ). Из-за изменчивости численности детского контингента и обеднения семей с детьми инфраструктура детских дошкольных учреждений сначала была резко сокращена, теперь осуществляются масштабные инвестиции в ее восстановление. Новая адресная программа поддержки неработающих пенсионеров с пенсией ниже величины ПМ с потенциальной численностью участников в 5 млн человек, также базируется на оценке индивидуальных, а не семейных доходов. В результате 30% от общей численности потенциальных участников не являются бедными с точки зрения душевых доходов, а 30% реально бедных пенсионеров не получают доступа к новой адресной программе.

Преодолеть данные противоречия позволит введение федерального пособия по бедности, действующего на основе контроля душевых семейных пособий по аналогии с назначением и выплатой жилищных субсидий и пособия на детей из бедных семей. Размер пособия должен гарантировать некоторый консенсуальный уровень минимального потребления для России.

• *От слабых монетарных мер поддержки нетрудоспособного населения к развитию сектора социальных услуг населению*

В современном мире социальное развитие идет по пути перераспределения функций по обеспечению уровня и качества жизни населения между обществом, рынками и семьей [Esping-Andersen, 1990, 2002]. Применительно к рыночной экономике и демократической политической системе с широким списком участников социального процесса эту триаду можно уточнить как перераспределение полномочий между государством и его специализированными социальными институтами, обществом в лице институтов гражданского общества, рынками, семьями, индивидами и социальными сетями. Вектор этого перераспределения — передача ряда функций и полномочий от семьи к рынкам и институтам. Задача социальной политики — поиск оптимального баланса в распределении этих полномочий и ответственности.

В современной России до достижения этого баланса чрезвычайно далеко. Сложившуюся российскую систему социальной поддержки населения (исключая пенсионную систему) кратко можно охарактеризовать следующим образом: 1) слабая система пособий для семей с детьми при умеренно развитом секторе детских дошкольных учреждений и школьной инфраструктуры [Российские домохозяйства..., 2008; Семья в центре..., 2009]; 2) развитая система пособий для пожилых при практически полном отсутствии сектора услуг внесемейного ухода за пожилыми [Малева, Синявская, 2007; Синявская, Сухова, 2009]. Сложившееся положение, при котором практически вся нагрузка по уходу за нетрудоспособными членами общества (детьми, пожилыми, инвалидами и пр.) решается за счет семейных социальных услуг, может стать непреодолимым барьером на пути реализации модернизационного сценария развития, ориентированного на повышение производительности труда: экономически активное население принимает на себя всю тяжесть семейной нагрузки и не может в полном объеме реализовать свой экономический и трудовой потенциал. Сейчас работники на пике своей карьеры (особенно женщины) обременены услугами по уходу за детьми и пожилыми. Вследствие подобного распределения ролей мы имеем низкую производительность труда и неформальный договор с работодателем о гибком сочетании семейных обязанностей и экономической активности.

Даже обеспеченные домохозяйства сталкиваются с дефицитом бюджетных и рыночных услуг по уходу за детьми и их воспитанию. Дети из бедных семей и семей с низким человеческим капиталом существенно ограничены в доступе к детским дошкольным учреждениям, они поступают в школу с низкими навыками позитивного социального поведения. Школьная инфраструктура, утратившая за годы реформ мандат социализации и воспитания детей, консервирует низкий уровень их социализации и адаптации, особенно у мальчиков. В результате всего этого человеческий капитал становится серьезным барьером модернизации. Следует подчеркнуть гендерные диспропорции, складывающиеся не в пользу мужчин. Для них все большим барьером входа в систему профессионального образования является низкий уровень школьной подготовки.

Дефицит внесемейных услуг по уходу за пожилыми людьми настолько велик, что можно смело говорить о его отсутствии, особенно в сегменте рыночной экономики. Уход за пожилыми — мандат расширенной семьи, реализация которого существенно затруднена модернизацией семейных отношений, особенно в крупных городах (большинство населения проживает в нуклеарных, а не трехпоколенных семьях) и семьях, где все трудоспособные экономически активны.

Чем старше население и выше рождаемость, тем ощутимее институциональные бреши на рынке социальных услуг, включая государственную систему социального обслуживания.

Без формирования сектора услуг по уходу за пожилыми (государственного и рыночного), развития внесемейных услуг по воспитанию и развитию детей экономически активное население средних возрастов не будет мотивировано на рост производительности труда и не сможет принять и реализовать модернизационный сценарий развития.

4. Пенсионная система

• *От инструмента борьбы с бедностью к системе страхования и накоплений*

2000-е гг. прошли под знаком пенсионной реформы. Реформа стартовала, модифицировалась и, судя по всему, захлебнулась. Ей так и не удалось решить стоящие перед ней крупномасштабные задачи [Малева, Синявская, 2005].

Сегодняшняя пенсионная система, две самые мощные подсистемы которой (базовая и страховая) по-прежнему строятся на принципе солидарности поколений, оказалась не в состоянии ослабить мощное влияние долговременного и неизбежного демографического фактора старения населения. Первоначальный замысел формирования страхового принципа пенсионной системы уже в середине 2000-х гг. был дезавуирован, и пенсионная система смещается от страхования к системе социального обеспечения. Накопительный элемент практически не получил развития и не стал сколько-нибудь весомым в пенсионной системе.

По-прежнему сохраняется крайне низкий возраст выхода на пенсию, что не оправданно ни с экономической, ни с социальной точек зрения [Малева, Синявская, 2010]. Финансирование пенсий работников целого ряда отраслей и проблема льготных (досрочных) пенсий в новых пенсионных координатах не получили решения, а тенденция к сокращению фактического срока выхода на пенсию не только сохраняется, но и усугубляется, что имеет ярко выраженные негативные последствия для финансового положения пенсионной системы.

Создание стимулов к легализации оплаты труда как основы для формирования будущей страховой пенсии составляло одну из целей пенсионной реформы. Однако на практике эта связь оказалась неочевидной. Неформальный сектор рынка труда не сократился, а лишь реструктурировался. Значительная часть трудовых доходов по-прежнему носит теневой и неформальный характер.

Сохраняется высокая степень государственного монополизма в управлении пенсионной системой, и этот монополизм растет. Негосударственные пенсионные фонды и прочие коммерческие институты так и не стали сильными акторами пенсионной системы.

События в пенсионной сфере последнего десятилетия показали опасность высокой степени ее зависимости от текущих экономических кризисов и политических приоритетов. Этот приоритет — сокращение бедности среди лиц пенсионных возрастов [Малева, Синявская, 2005].

В итоге текущее финансовое состояние Пенсионного фонда и среднесрочный прогноз показывают высокие риски финансового дефицита при различных экономических и политических сценариях [Гурвич, 2010]. Постоянно принимающиеся новые обязательства влекут дополнительные расходы без привлечения новых источников финансирования. Рельефный пример — последние новации в пенсионной системе (2009 г.), в результате которых, предположительно, минимальный размер пенсий достигнет уровня ПМ.

Все эти проблемы пенсионной системы страны, накопленные в течение долгого времени, уже не могут быть устранены одним или двумя локальными решениями. По существу, на повестку дня встает вопрос о новом этапе реформирования пенсионной системы.

5. Информационная база социальной политики

- *От статистики, ориентированной на макроэкономический уровень, к развитой информационной системе данных о населении, включая микроданные*

Повышение эффективности социального развития невозможно без существенного повышения уровня информационной поддержки и социальной статистики. Сегодняшнее ее состояние не позволяет адекватно оценивать важнейшие социально-экономические и демографические процессы, в том числе ситуацию на рынке труда, уровень, распределение и дифференциацию доходов населения, уровень развития социальных институтов, оказывающих услуги населению, и пр. Тем более оно не позволяет разрабатывать прогнозы и приоритеты развития. В этой связи социальной статистике, помимо ряда дополнений и изменений в действующую систему статистического учета и наблюдений, предстоит решить принципиально новые задачи.

Необходимо расширить практику выборочных обследований населения. Большинство социальных процессов не поддается прямому статистическому учету и может анализироваться лишь на основе репрезентативных выборочных обследований населения, которые в настоящее время развиты крайне слабо. Среди индикаторов социального развития практически не развиты мониторинговые обследования, которые позволяют анализировать социальные процессы в динамике. В частности, в стране практически не используются современные информационные методы, к которым относятся панельные (лонгитюдные) исследования.

Создание надежной информационной системы «Население» должно строиться не только на усилении государственной статистики и ее институтов, но и на основе широкой сети негосударственных и независимых аналитических агентств, центров и пр. И наконец, вся статистическая и социологическая информация должна быть открыта и доступна широкому кругу пользователей.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Итак, и характер большинства социальных процессов, и состояние институтов социальной сферы в России далеко отстоят от современных достижений стран — экономических лидеров. В этом отношении необходимость модернизации очевидна. В то же время возникает вопрос: возможна ли она? И если да, то каковы ее движущие силы?

Если для старта модернизации принципиальное значение имеет коалиция экономических и политических элит [Коалиции для будущего..., 2009], то для успешного хода и достижения целей модернизации необходима весомая социальная поддержка. Эта поддержка зависит от сложившейся модели социальной стратификации, равным образом характеризующей степень развитости и эффективности действующей социально-экономической системы и потенциал будущих модернизаций.

На наш взгляд, центральным элементом этой структуры выступает средний класс в силу своих функциональных характеристик и той роли, которую он призван играть в обществе и в экономике:

- средний класс — это наиболее производительная, образованная и эффективная рабочая сила, концентрирующая человеческий и социальный капитал нации;
- средний класс — класс, обладающий собственностью и заинтересованный в стабильности экономических, финансовых и социальных институтов, в том числе институтов, регулирующих отношения собственности;
- средний класс — активный экономический субъект потребительского рынка, и от его активности зависят состояние и перспективы развития этого рынка;
- средний класс — основной налогоплательщик и тем самым инвестор социальной сферы;
- срединное положение среднего класса предопределяет его важнейшую роль в стабилизации общей социальной структуры и обеспечивает связь между различными группами общества;
- и наконец, средний класс — проводник инновационных форм экономического, потребительского, финансового и пр. поведения, он первый осваивает передовые практики и транслирует их всему обществу.

В современных развитых обществах 70% населения составляет средний класс, 15% — классы выше среднего и высшие классы, 15% — бедные [Analyzing Inequality..., 2005; Mobility and Inequality..., 2006; Pakulski, Waters, 1995; Rose, 2000]. Ориентируясь на подобный американско-европейский эскиз, вдохновленное успехами экономического развития в течение последних лет, российское государство, формулируя долгосрочную социальную концепцию, позволило себе отойти от традиционной в 1990—2000-х гг. задачи преодоления (снижения) бедности и сформулировало принципиально иную стратегическую цель — рост среднего класса, который в среднесрочной перспективе должен достичь 50% и даже 70% в структуре общества². И следует согласиться, что по своему замыслу эта задача вполне отвечает целям социальной модернизации.

И хотя однозначно определить социальную структуру в трансформирующемся обществе, которое прошло путь к рыночным отношениям за 20 лет, в то время как в западных странах этот процесс эволюционно развивался на протяжении столетий, весьма трудно, все же в российской науке сложилась методология изучения этого вопроса. Не углубляясь в подробности [Малева, Овчарова, 2009]³, кратко изложим основные результаты, от которых зависит понимание проблемы.

Средние классы в современной России, определяемые как совокупность социальных групп с относительно высоким уровнем благосостояния, высоким социально-профессиональным статусом и обладающие устойчивостью этих характеристик, составляют около 20%.

² См. выступление Президента России Д. А. Медведева в феврале 2008 г. на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года»; http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: http://mert.tatar.ru/rus/file/pub/pub_8406.doc

³ Эти вопросы подробно изложены в монографии «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» / Под ред. Т. М. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.

С точки зрения перспектив развития принципиален вопрос, не сколько среднего класса в России, а каков его потенциал. Какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение или вхождение в средние классы? И у каких групп таких шансов нет?

Низшие слои составляют чуть менее 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не имеют высшего образования, тем самым они мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не испытывают иллюзий по поводу своего социального будущего — у них сформировано чувство неуверенности в отношении большинства сфер их жизни.

Между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средние». И их сегодня подавляющее большинство — 70% от общего числа российских домохозяйств. Эта группа неоднородна. Чуть менее ее половины (30%) более походят на средний класс и тем самым обладают шансами на присоединение к нему. Эту группу условно можно назвать рекрутами среднего класса. Оставшиеся 40% имеют больше общих черт с низшими группами и при негативных сценариях могут пополнить ряды бедных. Это — «зона риска бедности».

Так выглядела социальная пирамида на пике экономического роста в конце 2007 г., который, как показал ход событий, оказался последним безоблачным годом устойчивого экономического роста, не деформированным мировым и последующим за ним российским кризисом [Малева, Овчарова, 2009].

Но истинный драматизм российской ситуации — отнюдь не в малочисленности среднего класса. Практически такая же социальная структура была характерна для российского общества в конце периода длительной рецессии 1990-х гг. и в преддверии экономического подъема 2000-х гг. [Средние классы в России..., 2003]. А это означает, что вопреки массовым политическим и социальным ожиданиям, ведь экономический рост — уже сам по себе гарантия роста среднего класса и сокращения бедности, социальная ситуация в стране стагнирует. Причина — в слабом развитии социально-институциональной среды.

Невысокая доля среднего класса и преобладание в социальной структуре групп, которые относятся к «классу ниже среднего», означает, что в обществе социальная база модернизации крайне слаба. Этот вывод многократно усиливается региональным анализом. Региональные социальные различия можно оценить и с помощью индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанного Программой развития ООН. Хотя после 2005 г. Россия впервые вошла в группу развитых стран, региональные различия ИРЧП огромны и продолжают расти [Зубаревич, 2010].

Но так ли уж очевиден вопрос о маломощности среднего класса?

Средние классы составляют лишь пятую часть общества, а много это или мало — зависит от угла зрения. 20-процентная доля средних классов, хотя и уступает аналогичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60–70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать факта его существования. Главная сила среднего класса — не в количественном весе, а в той роли, которую он играет в обществе. Эта роль — в восприимчивости к разного рода инновациям и способности транслировать инновационные практики всему обществу. Поскольку современный российский средний класс — социальная группа, более молодая, хорошо об-

разованная, лучше обеспеченная материально, живущая преимущественно в крупных и столичных городах, во множестве сфер она оказывается более активной. В инновационных формах деятельности на рынке труда, в экономической, предпринимательской и финансовой деятельности, на потребительском рынке и прочих сферах активность среднего класса превышает активность более массовых слоев как минимум в несколько раз. Самим фактом приверженности к более активным социально-экономическим стратегиям средний класс доказывает свою способность вписаться в модернизационный процесс и поддержать его, если этот процесс отвечает его интересам.

В то же время не следует преувеличивать инновационность среднего класса или его приверженность модернизационному развитию. Средний класс обладает известной степенью консерватизма, причем чем многочисленнее средний класс, тем сильнее он демонстрирует свой консерватизм. И именно этот процесс имеет место в современной России. Если в начале 2000-х гг. в портрете представителей средних классов явно прослеживались признаки пассионарности (склонность к риску, попытки освоить новые сферы деятельности, в том числе за счет повышения квалификации, а иногда и приобретения новой профессии), то сегодня портрет средних классов иной. Значительную часть современного среднего класса составляют госслужащие и чиновники, например массовый отряд работников госкорпораций, которым абсолютно не присуща склонность к рискам и, соответственно, ответственность за результаты. Прежнее стремление к экономической активности уступило место тяготению к социальной стабильности [Левинсон, 2009; Малева, Овчарова, 2009].

Средний класс практически никогда не выступает инициатором реформ, он может лишь поддержать их. В то же время опасность заключается в альтернативном сценарии: в случае несовпадения целей реформ и интересов среднего класса последний может отвергнуть их, в российском случае — не замечать, игнорировать, дистанцироваться от них. Кто, как ни средний класс, будучи неудовлетворенным состоянием институциональной среды, первым вступил в неформальные отношения с прочими агентами в сфере образования, здравоохранения, на рынке труда и пр., научился договариваться с бюрократией, — словом, поддержал все формы теневых отношений в обществе? И здесь он тоже продемонстрировал свою реальную силу — умение транслировать свои практики всему обществу, в результате чего теневые отношения густой сетью опутали все российское общество.

Эти черты делают средний класс реальным актором в модернизационном процессе. Его экономические требования и социальные ожидания уже настолько высоки, что стагнация или откат от ранее достигнутых стандартов вряд ли его устроит. И хотя переговорная сила среднего класса крайне слаба, все же власти придется с ним договариваться. Вопрос в том, какую цену готовы заплатить оба субъекта — государство и средний класс — за издержки модернизации [Григорьев и др., 2010].

Возможности для воспроизводства и расширения среднего класса определяются не институтами социальной поддержки, в которой нуждаются низшие классы и значительная часть слоя «ниже среднего», а институтами развития [Малева, 2008]. И это многократно усиливает необходимость модернизации социальных систем, о которых шла речь выше.

Тем самым общий стратегический вектор российской социальной модернизации:

- от борьбы с бедностью к росту среднего класса;
- от тактики выживания к стратегии развития.

Любой кризис имеет положительную сторону: он дает политические, экономические и социальные уроки, и нынешний экономический кризис — не исключение.

Мы надеемся, что нынешний экономический кризис изменит ход событий и положит начало новому модернизационному этапу, в том числе и в социальной сфере. В момент вхождения в кризис политическая развилка была достаточно ясна: сконцентрироваться на действиях в области социальной поддержки населения, на мерах сугубо антикризисного характера (политика в отношении безработных, поддержка доходов различных социальных групп, социальная защита малообеспеченных и пр.) или признать, что кризис — время для принятия стратегических решений и реализации тех институциональных реформ, которые либо крайне затруднены, либо невозможны на этапе эволюции. Разумеется, нельзя допустить, чтобы одна проблема заслонила собой другую, и в реальной политике придется искать баланс и совмещать решение обеих задач. Но именно сейчас России необходимо сделать выбор в пользу вектора, который помог бы сократить на посткризисном этапе разрыв между российской экономикой и экономикой стран-лидеров. Это сценарий реальной социальной и, в конечном итоге, экономической модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Выступление Президента России Д. А. Медведева в феврале 2008 г. на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года» http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml
- Вишневская Н. Т., Капелюшников Р. И. Инфорсмент трудового законодательства: охват, динамика, региональная дифференциация. — М.: ГУ–ВШЭ, 2007.
- Вишневский А. Г. Незавершенная модернизация в России // SPERO. 2009. № 10 (Весна–лето).
- Григорьев Л. М. и др. Средний класс после кризиса. Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. — М.: БЭА, 2010.
- Гурвич Е. Т. Реформа 2010 г.: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы? // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 6.
- Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований / Под ред. Л. Н. Овчаровой. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 211. — М.: Московский общественный научный фонд; Независимый институт социальной политики, 2010. — 248 с.
- Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: Коллективная монография / Рук. Л. Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Зубаревич Н. В. Цели развития тысячелетия и российские регионы // Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад ПРООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. — М., 2010; <http://www.undp.ru/OONrussEND.pdf>
- Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М.: ГУ–ВШЭ, 2001.
- Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда? — М.: ГУ–ВШЭ, 2009.
- Коалиции для будущего. Стратегии развития России / «СИГМА». — М.: РИО-центр, 2007.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: http://mert.tatar.ru/rus/file/pub/pub_8406.doc
- Левинсон А. Г. О категории «средний класс» // SPERO. 2009. № 10 (Весна–лето).

- Малева Т. М.* Средний класс вчера, сегодня, завтра, или как построить «социальный лифт»? // SPERO. 2008. № 8 (Весна-лето).
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М.: ИНСОП, 2009.
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: Сб. статей и материалов / Под ред. *В. Л. Иноземцева*. — М., 2009.
- Малева Т. М., Синявская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. — М.: Поматур, 2005. — Серия «Аналитические доклады НИСП».
- Малева Т. М., Синявская О. В.* Повышение пенсионного возраста: *Pro et Contra* // Журнал новой экономической ассоциации [в печати].
- Малева Т. М., Синявская О. В.* Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. *Т. М. Малевой, О. В. Синявской*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
- Мау В. А.* Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // Газета. Ru — Комментарии. 2005. 5 июля; http://www.gazeta.ru/comments/2005/07/04_a_309315.shtml
- Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. *Т. М. Малевой*. — М.: НИСП, 2007.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. — М.: ИНСОП, 2010.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. — М.: РОСПЭН, 2006.
- Проблемы доступности высшего образования. / Отв. ред. *С. В. Шишкин*, Независимый институт социальной политики. — М.: Сигнал, 2003.
- М. Д. Прохоров*, председатель Комитета РСПП по рынку труда и кадровым стратегиям. Выступление на конференции «Человеческий капитал как средство модернизации экономики» в рамках Недели российского бизнеса: <http://nrb-rspp.ru/otchet/review-25/>
- Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. *Л. Н. Овчарова*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2008. — 208 с.
- Семья в центре социальной политики? Сборник аналитических статей / Отв. ред. *О. В. Синявская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009. — 192 с. <http://www.socpol.ru/publications/pdf/Family2009.pdf>
- Синявская О. В., Сухова А. С.* Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. *О. В. Синявская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009. С. 73–96
- Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. *О. В. Синявская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
- Сколько стоит Трудовой кодекс? / Рук. авторского коллектива *Т. М. Малева*. — М.: Московский центр Карнеги, 2001.
- Социальная дифференциация высшего образования / Отв. ред. *С. В. Шишкин*, Независимый институт социальной политики. — М., 2005.
- Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации / Под ред. *Т. М. Малевой, Л. Н. Овчаровой*. — М.: Дело, 2010.
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии: Коллективная монография / Под ред. *Т. М. Малевой*. — М.: Гендальф, 2003.
- Analyzing Inequality: Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective / Ed. by *S. Svallfors*. — Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Polity Press, 1990.
- Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics / Ed. by *S. L. Morgan, D. B. Grusky, G. S. Fields*. — Stanford: Stanford University Press, 2006.
- Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. — L.: Sage Publications, 1995.
- Rose St. J.* Social Stratification in the United States. — NY: The New Press, 2000.
- Why We Need a new Welfare State? / *G. Esping-Andersen* (ed.). — NY: Oxford University Press, 2002. Ch. 1.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ: СТИЛЬ, СУТЬ И АЛЬТЕРНАТИВА

Гонтмахер Е. Ш., д. э. н., заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

В статье анализируется проект закона «Об обязательном медицинском страховании», принятый в первом чтении. Произведя несложные вычисления на базе общедоступных данных Росстата, автор указывает на явные противоречия между заявленной Минздравсоцразвития схемой финансирования системы обязательного медицинского страхования (ОМС) и прогнозом социально-экономического развития страны, утвержденным Правительством РФ. Далее автор останавливается на отдельных положениях предстоящей реформы, таких как возможность для пациента выбора врача и медицинского учреждения, включение в систему ОМС скорой и высокотехнологичной медицинской помощи, оказание помощи отдельным группам незастрахованных лиц и т. д. В заключение приводятся основные принципы, которые, по мнению автора, должны лечь в основу развития здравоохранения в России, а также возможная последовательность шагов по реализации этих принципов.

Грядущую реформу обязательного медицинского страхования (ОМС) всерьез обсуждать бессмысленно. Подготовленный в недрах Минздравсоцразвития проект соответствующего закона появился на сайте этого министерства в конце мая 2010 г., вроде бы для публичного обсуждения, но всего лишь через несколько дней он, минуя согласование в правительстве, был внесен в Государственную Думу группой депутатов от «Единой России», а в июле уже был принят в первом чтении¹.

Вот такая головокружительная скорость прохождения документа, касающегося буквально каждого гражданина России, притом что эксперты, страховщики, представители медицинского сообщества, организации, защищающие права пациентов, просто-напросто проигнорированы.

Увы, в который раз Государственную Думу, а точнее, обладающую там большинством «Единую Россию» используют в качестве примитивной машины для голосования. Помнится, попытка монетизировать льготы именно таким образом привела к массовым протестным выступлениям, которые удалось остановить только обильными денежными вливаниями. Продавленные в прошлом году изменения в пенсионной системе, подрывающие перспективы безбедной старости работников молодого и среднего возраста, были заретушированы единовременным повышением нынешних пенсий (так называемой валоризацией). Казалось бы, шаг вперед в стилистике социального реформа-

¹ В ноябре 2010 г. после поправок, не меняющих основной смысл этого документа, он был принят Государственной Думой во втором и третьем чтениях

торства правительства. Но совсем недавняя социальная новация, ставшая законом, касающаяся изменения принципов работы бюджетных организаций, снова продемонстрировала старый метод проламывания несмотря ни на что. Однако в случае с реформой ОМС, кажется, побиты все рекорды пренебрежения к процедурам (на которых, как известно, и держится демократия).

А теперь хотелось бы остановиться собственно на сути предлагаемой реформы.

Прежде всего нужно отметить, что реформа и не предлагается. Речь идет о косметическом ремонте системы ОМС, которая функционирует сейчас. А она, как известно, с самых высоких трибун была названа — и совершенно справедливо — неэффективной.

Почему я делаю вывод об отсутствии реформы? Корневой вопрос — финансовая обеспеченность системы ОМС. Любопытные цифры содержатся в финансово-экономическом обосновании к законопроекту (табл. 1).

При анализе этих цифр возникают два основных вопроса.

1. За счет чего взносы работодателей в 2013 г. возрастут чуть ли не в 2 раза по сравнению с 2012 г.?

В 2008 г. (пока самые свежие данные Росстата) в систему ОМС поступило 252,3 млрд руб. страховых взносов. Это 1,3% от выплаченной в этом же году заработной платы (19,55 трлн руб.). С 1 января 2011 г. тариф возрастает в 1,65 раза, т.е. при том же, что и в 2008 г., объеме зарплаты в ОМС должно поступить почти 420 млрд руб., но не 712 млрд, как считает Минздравсоцразвития. Но может быть в 2013 г. по сравнению с 2008 г. существенно увеличится оплата труда в стране? Несложно подсчитать, что недостающие 298 млрд руб. поступят, если общий объем зарплат в 2013 г. составит 33,2 трлн руб., или примерно 40 тыс. руб. в месяц в расчете на одного занятого. Хочу напомнить, что, по самым свежим данным Росстата (июль 2010 г.), средняя начисленная зарплата в России составила 21 360 руб. Выходит, что Минздравсоцразвития планирует всего лишь за три ближайших года почти двукратный рост оплаты труда? Но правительство в прогнозе социально-экономического развития страны недавно утвердило ожидаемый размер средней номинальной зарплаты в 2013 г. на уровне 26 380 руб. в месяц. Так откуда же возьмутся планируемые

Таблица 1. Финансовое наполнение системы обязательного медицинского страхования, млрд руб.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Страховые взносы работодателей	315,0	361,0	712,0
Страховые взносы на неработающее население	224,7	239,3	254,9
Передача средств из бюджетов на содержание учреждений здравоохранения	173,0	190,7	229,0
Передача средств из бюджетов на финансовое обеспечение скорой медицинской помощи	—	—	76,9
Средства на повышение уровня обеспеченности стандартов предоставления медицинской помощи в связи с осуществлением программ модернизации	37,6	37,6	—
Недостаток средств системы обязательного медицинского страхования по сравнению с установленным федеральным нормативом (4059,6 руб. на человека в год)*	90,3	29,7	—
ИТОГО	840,6	858,3	1272,8

Примечание: * — этот дефицит, видимо, будет покрываться из федерального бюджета.
Источник: по данным Минздравсоцразвития.

на этот год 712 млрд руб. страховых взносов работодателей? В данной ситуации я больше доверяю правительству, чем Минздравсоцразвития.

2. Даже если допустить, что в систему ОМС в 2013 г. действительно поступит почти 1,3 трлн руб. и это составит, как заявляют представители Минздравсоцразвития, 75% от общих расходов на здравоохранение, то хватит ли этих средств для полноценного удовлетворения потребности нашего населения в медицинских услугах?

Снова посчитаем: 1,7 трлн руб. — это, пользуясь официальным прогнозом правительства, не более 3,8% ВВП. В экономически самый благоприятный год — 2007 г. — государственные расходы на эти цели составили 3,4% ВВП. Казалось бы, прогресс. Но есть несколько оговорок.

Во-первых, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) минимально допустимый уровень государственных расходов на здравоохранение — 7% ВВП.

Во-вторых, ВВП в расчете на душу населения России по паритету покупательной способности более чем в 2,2 раза уступает соответствующему показателю по ОЭСР. Поэтому наше отставание от развитых странах по государственному (бюджет + ОМС) финансированию здравоохранения не двойное, а более чем 4-кратное.

В-третьих, самое главное. Есть такой показатель DALY (сокращение от «Disability-adjusted life year»), используемый Всемирной организацией здравоохранения. Он состоит из суммы потенциальных лет жизни, потерянных из-за преждевременной смерти и нетрудоспособности, и измеряет «бремя болезней» для человека, а соответственно, и для общества. Один DALY эквивалентен потере одного года здоровой жизни. В России показатель общего бремени болезней в 2007 г. составил 210 лет на 1 тыс. человек в соответствии с Международным классификатором болезней, в то время как во Франции этот показатель составляет 137 лет, в Германии — 100 лет. Наибольшее бремя болезней (64%) в России приходится на 24 заболевания, в целом потери от этих недугов составляют 135 лет на 1 тыс. человек. В Германии этот показатель в 2,5 раза меньше, чем в России, и составляет 53 года, а во Франции в 1,6 раза меньше — 84 года. Эти сопоставления говорят о том, что здоровью российской нации нужны не косметические примочки, а глубокое и интенсивное лечение, которое невозможно, как бы мы ни старались внедрить самые современные экономические механизмы в предоставлении медицинских услуг, без быстрого и радикального увеличения *государственного* финансирования на эти цели. А это предлагаемой «реформой» никак не предполагается.

А теперь остановимся на некоторых деталях предстоящей реформы.

1. Представленная в виде основных новаций для застрахованных лиц возможность выбора врача и медицинского учреждения на самом деле присутствует в российском законодательстве почти 20 лет (статья 6 Закона от 28 июня 1991 г. № 1499–1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации»). Более того, законопроектом, принятым в первом чтении, эти права существенно ущемляются.

Статьей 11 законопроекта дается право на «выбор медицинской организации *из участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования*» и «выбор врача *с учетом его согласия*, оказывающего медицинскую помощь в медицинской организации, осуществляющей свою деятельность в системе обязательного медицинского страхования». Тем самым, во-первых, *нельзя обратиться за медицинской помощью в другой субъект*

Российской Федерации, и, во-вторых, выбранный врач *вправе отказать без всякого обоснования* в обслуживании пациенту, у которого есть полис ОМС.

Разберем ситуацию с возможностью выбора врача более подробно. Очевидно, что пациент будет стремиться сделать свой выбор на основании высокой оценки качества работы врача. Однако эта оценка будет формироваться в результате случайных обстоятельств (мнение родственников, знакомых и т. п.), что зачастую не соответствует действительности. Поэтому *в законопроекте должны были быть прописаны официальные процедуры оценки качества работы каждого врача* с предъявлением этих параметров, например, в Интернете и местных СМИ.

Но, допустим, такие объективные оценки стали доступными. Это значит, что к лучшим врачам выстроится очередь желающих получить помощь, в которой большинству из них будет наверняка отказано хотя бы из-за ограниченности времени приема. Тут появляется явная коррупциогенная зона, когда люди будут стремиться получить услуги этого специалиста при помощи взяток, звонков «сверху» и т. п.

С другой стороны, возникает проблема «плохих» врачей, которые в рейтингах получили низкую оценку. В условиях существования системы, когда деньги идут за пациентом, это означает, что значительная часть российских медицинских учреждений (особенно в крупных городах) фактически окажется без финансирования.

2. В законопроекте отсутствуют принципиальные положения, на базе которых можно добиться *баланса интересов всех участников ОМС*:

- страхователь (работодатель) лишен каких-либо прав, кроме получения от страховщика (Фонда ОМС) информации о его регистрации и уплате страховых взносов (п. 1 ст. 13 законопроекта). Не предусмотрена какая-либо дифференциация размера страховых взносов для тех работодателей, которые проявляют заботу о здоровье своих застрахованных работников (покупают полисы дополнительного медицинского страхования, улучшают условия труда и т. п.), что объективно ведет к увеличению затрат системы ОМС на лечение застрахованных работников;
- лечебные учреждения становятся заинтересованными в плохом состоянии здоровья застрахованных как источнике доходов, что противоречит необходимости приоритетного финансирования профилактической медицины;
- законопроект не позволяет гарантировать населению своевременность, доступность, преемственность и качество медицинской помощи, поскольку освобождает страховщика (Фонд ОМС) от функции организации такой помощи (ст. 8, 29 и 30). Вмешательство страховщика предусмотрено лишь в случае жалоб застрахованных (т. е. когда их здоровью уже нанесен вред) или ретроспективно — «по окончании случая». Тем самым предполагается, что сложная технологическая цепь современной медицинской помощи будет выстраиваться сама собой в рамках хаотических и бессистемных обращений застрахованных и их «свободных» отношений с лечебно-профилактическими учреждениями (ЛПУ).

3. Законопроект не предусматривает использования доказавших свою эффективность и проверенных временем страховых инструментов управления рисками:

- организация медицинской помощи страховщиком для ее оптимизации по доступности, качеству и стоимости (*см. выше*);

- приоритет финансирования профилактики, раннего выявления и своевременного лечения болезней (см. выше);
- разделение медицинской помощи на плановую и внеплановую.

В результате *возникает опасность хронического дефицита бюджета ОМС, необходимость дотаций и постоянный необоснованный рост тарифов и расходов* (яркий пример — система страховой медицины в США, в которых при 17% ВВП, идущих на медицинскую помощь, показатели здоровья населения — лишь 35-е в мире).

4. Законопроект не предусматривает возмещение расходов на оказание застрахованным лицам экстренной медицинской помощи тем ЛПУ, которые в силу конкретных причин не участвуют в системе ОМС. Особенно это относится к части ведомственных или частных медицинских учреждений.

5. *Возникают проблемы и в связи с предлагаемым включением в систему ОМС скорой и высокотехнологичной медицинской помощи.*

Включение скорой медицинской помощи в одноканальное финансирование через систему ОМС — это не только экономическая, но и серьезная правовая проблема. Существует разница между медицинской помощью и медицинской услугой. Медицинская услуга — это термин гражданско-правового института. Может ли наступать уголовная ответственность за неоказание медицинской услуги? Нет, не может. Но государство не может позволить себе институт страхования, который является гражданско-правовым, полностью распространить на всю сферу медицинской помощи, потому что существуют требования готовности определенных служб, медицинских организаций, когда медицинская помощь должна быть оказана вне гражданско-правовых отношений, именно как такое бюджетное поручительство. Например, во время катастрофы, чрезвычайного происшествия (в результате ДТП) невозможно требовать у пострадавших полис ОМС, оставляя их из-за его отсутствия без медицинской помощи. Поэтому для введения скорой помощи в систему ОМС нужны очень серьезные проработки, которые, возможно, потребуют подготовки специального закона.

А вот проблема с включением в систему ОМС высокотехнологической медицинской помощи — чисто финансовая. В финансово-экономическом обосновании к законопроекту этот вопрос не проработан.

6. В законопроекте *остаётся нерешенной проблема оказания медицинской помощи значительным группам незастрахованных лиц*. Это, в частности, военнослужащие и иностранцы, находящиеся на нашей территории (в частности, трудовые мигранты). Это серьезное нарушение принципа обязательности социального (в том числе и медицинского) страхования.

7. Законопроектом (ст. 11) вводится понятие *обязанностей застрахованных², что, во-первых, может быть сделано только путем внесения поправок в Конституцию Российской Федерации* и, во-вторых, предполагает ответственность за неисполнение этих обязанностей, о чем законопроект умалчивает.

² 1) получить страховой медицинский полис обязательного медицинского страхования;
 2) предоставлять информацию о страховом медицинском полисе обязательного медицинского страхования при обращении за медицинской помощью;
 3) подавать заявление о выборе страховой медицинской организации в страховую медицинскую организацию лично, через законного представителя или страхователя по форме, установленной в инструкции по ведению страхового медицинского полиса обязательного медицинского страхования, утверждаемой уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;
 4) уведомлять страховую медицинскую организацию об изменении фамилии, имени, отчества, места жительства в течение одного месяца со дня, когда эти изменения произошли.

8. В ст. 28 законопроекта упоминается, что Фонд ОМС «участвует в разработке *программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи в части обязательного медицинского страхования*». Это противоречит намерению перейти к одноканальному финансированию медицинской помощи через систему ОМС, что предполагает существование только одного из вышеназванных документов.

Но может быть ситуация в здравоохранении не требует каких-либо концептуальных решений? По опросу, проведенному Российской медицинской ассоциацией среди 80 тыс. врачей, оценка состояния здравоохранения Российской Федерации следующая: *93% — переживает кризис, 89% — нужна реформа здравоохранения.*

Есть только два базовых варианта построения системы здравоохранения:

- бюджетная медицина (кстати, успешно функционирующая в целом ряде развитых стран например в Канаде, Великобритании);
- обязательное всеобщее медицинское страхование (Германия, Франция, а теперь и США).

В первом случае медицинские услуги предоставляются за счет налогов общего покрытия (нет целевых платежей). Во втором взимаются страховые взносы. И то и другое дает искомые суммы по простой причине: все вышеназванные страны — экономические развитые, одним из их признаков являются высокие зарплаты, которые позволяют либо через налоги, либо через страховые взносы собирать приличные деньги на социальные расходы.

В России же ситуация немного другая:

- средняя зарплата в несколько раз ниже, чем в развитых странах;
- большая часть занятых получает совсем не большую оплату за свой труд — 10–15 тыс. руб. в месяц;
- 30% зарплат находится в «тени», т. е. с них не платятся ни налоги, ни страховые взносы.

Причины просты:

- архаичная структура экономики, когда, только имея отношение к добыче нефти и газа или работая в банковском секторе, можно получать сколько-нибудь приличные деньги. Ведь неслучайно российский средний класс — это в лучшем случае не более 20% населения;
- высокая степень недоверия к государству, в том числе к его способности честно тратить общественные деньги.

Поэтому, *имея экономику вчерашнего дня и неэффективное государство, мы пытаемся осуществить столь сложный проект, как ОМС.* Естественно, что главную задачу — поправить здоровье людей — он в принципе решить не может. Даже если мы будем иметь право, как предлагается в законопроекте, предъявлять свой страховой полис в любой точке страны, попытаться выбрать страховую компанию и врача и находиться в федеральной базе данных с нашей историей болезни, все равно возможности ОМС будут ограничены теми незначительными суммами, которые удастся собрать в виде страховых взносов, и незначительными дотациями бюджетов.

Так что же делать? Какие основные принципы должны быть положены в основу развития здравоохранения? Их всего восемь³:

³ Они сформулированы председателем Комитета политики здравоохранения Российской медицинской ассоциации профессором Ю. М. Комаровым.

1. В соответствии с Конституцией РФ медицинская помощь для пациентов (кроме частных клиник) должна быть бесплатной, поскольку граждане для этого выплачивают налоги. А в нынешних условиях и в случае принятия нового закона об ОМС получается, что одна и та же услуга может быть оплачена трижды: из налогов, страховых взносов и из кармана пациентов. Возникает следующий парадокс: несмотря на рост бюджетных расходов и продолжающееся увеличение объемов внебюджетных средств за счет интенсивного роста «формальных» платных услуг граждан, доступность и качество медицинской помощи непрерывно снижаются, что говорит о серьезных и глубинных проблемах, зависящих не только от размеров финансирования.
2. Значительный акцент в организации и ресурсах должен быть сделан на предупреждении и возможно раннем выявлении заболеваний (а не на высокотехнологичной помощи), когда они поддаются эффективному лечению и не приводят к хронизации и утяжелению патологии. Во всем мире стараются не запускать заболевания с тем, чтобы затем не появлялась потребность в дорогостоящем лечении в центрах высоких медицинских технологий. Исходя из этого большая часть средств здравоохранения должна быть направлена на реализацию данного принципа, а в первичном звене должно быть сосредоточено не менее 50% всех врачей, ибо от того, как сработает первичное звено, полностью зависит эффективность всех остальных уровней медицинской помощи.
3. Преимущественное развитие должно получить сестринское дело, ибо медицинские сестры должны осуществлять весь объем повседневной работы (профилактические осмотры, первичный доврачебный прием пациентов, вызовы на дом, выполнение ряда медицинских манипуляций, реабилитация и медицинское выхаживание, осуществление административных функций и т. п.).
4. Введение системы отбора для будущих врачей, существенные изменения в характере их подготовки, кардинальное изменение системы лицензирования и аккредитации.
5. Особое внимание должно быть обращено на качество медицинской помощи, применение только доказанных и обоснованных медицинских технологий и стандартов ИСО серии 9000, развитие систем обеспечения качества и управления им, а также оценки качества путем сопоставления индикаторов результатов с соответствующими стандартами.
6. Необходимо прекратить превращение здравоохранения как социальной системы в рыночную отрасль со всеми атрибутами рынка (конкуренция, выгода, выбор, торг, товар, цена, прибыль, оплата за услугу и т. д.), медицинские учреждения приравнивать к торговым точкам, а взаимоотношения «пациент–врач» не превращать в отношения поставщика и потребителя, забывая о том, что пациентам оказывается медицинская помощь, а не медицинская услуга.
7. Развитие всех служб здравоохранения должно базироваться на обоснованно выделенных приоритетах, т. е. быть направлено на решение тех проблем, от которых общество несет наибольшие потери. В связи со сложившейся демографической ситуацией и с необходимостью восполнения населения здоровыми поколениями самый высокий приоритет как с медицинских, так и экономических позиций должен принадлежать службе материнства и детства.

8. Необходимо рассматривать здравоохранение как систему, а не набор отдельных, не связанных между собой медицинских учреждений. Театры и кинотеатры могут существовать автономно, независимо друг от друга, но медицинские учреждения могут работать только в системе, поскольку ни одно из них не может в полном объеме оказать все виды медицинской помощи.

Предлагается следующая последовательность шагов по реализации этих принципов:

- разработка системы медико-экономических стандартов оказания медицинской помощи;
- на этой базе расчет реальной потребности российского общества в услугах здравоохранения;
- вывод о том, что в стране остро не хватает современного медицинского оборудования и квалифицированных кадров;
- ликвидация системы ОМС как не оправдавшей себя в условиях нынешней России с передачей соответствующего страхового взноса на цели балансировки пенсионной системы;
- разработка не концепции или стратегии развития здравоохранения (в нашем узком понимании), а программы укрепления и развития здоровья нации, как это было сделано в ряде развитых стран. Эти программы носили не отраслевой, а общенациональный характер с участием многих министерств и ведомств. Тому примером могут служить 10-летние американские программы (Health promotion. Disease prevention. Objectives for the Nation, 1980–1990: Healthy people, 1990–2000: Healthy people, 2000–2010), программы Великобритании (до 2010), Нидерландов и других стран. Это принципиально иной и абсолютно правильный подход к улучшению здоровья, не сводящий решение всех проблем здоровья только к мероприятиям медицинского характера;
- в рамках бюджетного финансирования формирование долгосрочной целевой программы по укреплению инфраструктуры системы здравоохранения;
- по мере реализации долгосрочной целевой программы увеличение степени реализации медико-экономических стандартов, причем делать это нужно публично, после широкого обсуждения;
- преобразование нынешних территориальных фондов ОМС в информационные центры, которые ведут федеральный реестр как индивидуальных историй болезни, так и персонифицированных расходов по потреблению услуг бесплатного здравоохранения;
- принятие комплекса стимулирующих мер по развитию дополнительного (добровольного) медицинского страхования (прежде всего льготное налогообложение и страховщиков, и потребителей услуг);
- стимулирование создания саморегулируемых медицинских организаций, как врачей, так и пациентов, с передачей им значительной части государственных полномочий по аттестации медицинских кадров и контролю качества оказанных услуг.

КАКИЕ ПРОДУКТЫ НА РЫНКЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ МОГУТ СТАТЬ ДРАЙВЕРАМИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Овчарова Л. Н., к.э. н., заместитель директора Независимого института социальной политики (НИСП)
Языков А. Д., генеральный директор ОАО «Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов» (АРИЖК)

Ориентация на модернизационное развитие и расширение ипотечного кредитования определена как приоритетная задача на ближайшую перспективу. Какой синергетический эффект возможен у обозначенных векторов роста? Поиску ответа на этот вопрос посвящена данная статья, базирующаяся на результатах совместных исследований Независимого института социальной политики и Агентства по реструктуризации ипотечных и жилищных кредитов. Специализированные ипотечные программы, ориентированные на содействие трудовой миграции и выравнивание уровня и качества жизни лиц трудоспособного и пенсионного возраста, рассматриваются как драйверы модернизации. Авторы предприняли попытку оценить масштаб и структуру потенциального спроса на новые ипотечные продукты. Самостоятельным фокусом рассмотрения стал анализ влияния кризиса на платежеспособность ипотечных заемщиков.

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Насколько обоснованно обращение к ипотечным инструментам в контексте расширения социальной базы модернизации? Прежде чем отвечать на данный вопрос, следует определиться с дефиницией понятия «социальная база модернизации». Философской и концептуальной сущности модернизационных процессов посвящено немало научных монографий и статей, но большинство авторов придерживаются точки зрения, согласно которой они не сводятся только к технократическим аспектам, а затрагивают базовые социокультурные отношения между рынками, государством, широкими слоями индивидов и домохозяйств. Изменение этих отношений с целью повышения производительности труда, с одной стороны, и уровня и качества жизни, с другой, и называется модернизацией.

В рамках обозначенного теоретического определения многообразие дискуссий о социальной базе модернизации все более четко сводится к конкуренции двух подходов — модернизация общества или формирование «сообщества модернизаторов». Первое предполагает развитие институциональной социальной инженерии: реформирование ключевых социальных институтов, создание и развитие новой социальной среды, новых принципов повседневной жизни общества. Второй подход базируется на выделении «прорывных технологических направлений», создании для тех, кто в них работает, особых условий работы и жизни, поиска и сбора по всей стране существующих инноваторов — ученых, специалистов, менеджеров, творческих пассионариев. В первом случае речь идет

о модернизации вширь, предполагающей распространение уже сложившихся в проектном режиме (т.е. доступных узкому кругу участников) экономических и социальных отношений, формирующих более высокий уровень и качество жизни, на широкие слои населения. Расширение линейки продуктов рынка ипотечного кредитования мы рассматриваем именно в данном контексте. Во втором случае — это модернизация вглубь и, вероятно, в проектном режиме или режиме формирования лучших практик в инкубационных условиях. Пример тому — стартовавший мегапроект «Сколково».

Почему институт ипотечного кредитования — драйвер модернизации? Вопрос не праздный и в первую очередь по двум основаниям: 1) какова связь ипотеки с производительностью труда (связь с повышением благосостояния очевидна, так как в результате существенно улучшаются жилищные условия); 2) можно ли говорить о доступности ипотеки для широких слоев населения. Модель отношений, возникающих в случае ипотечного кредита, предполагает наличие достаточно высоких доходов на этапе вступления в кредитные отношения и мотивирует на поддержание их уровня на протяжении всего кредитного периода — это драйвер роста производительности со стороны предложения на рынке труда. Что касается доступности для широких слоев населения, то здесь пока больше вопросов, чем ответов. В настоящее время в отношениях жилищных и ипотечных кредитов находится не более 3% российских домохозяйств. Согласно данным второй волны репрезентативного выборочного опроса населения (РиДМиЖ), проведенной Независимым институтом социальной политики на пике экономического роста (2007 г.), порядка 60% семей заявляли о том, что в принципе рассчитывают на улучшение жилищных условий, при этом четверть полагали, что смогут когда-либо решить эту проблему за счет безвозмездного получения жилья от родственников. Только 6,2% были намерены предпринять конкретные действия в ближайшие три года, в том числе половина из них рассчитывала взять ипотечный или жилищный кредит, а вторая половина планировала опираться на собственные ресурсы. Обозначенные перспективы расширения масштабов традиционной ипотеки трудно позиционировать как масштабный драйвер модернизации, но она может стать таковым, если, во-первых, распространится на более широкие слои населения, во-вторых, предложит новые по содержанию ипотечные продукты, способствующие модернизационному развитию.

Что касается расширения базы для традиционной ипотеки, то здесь перспективы понятны: каждое десятое домохозяйство, имея душевые доходы выше трех прожиточных минимумов, хотело бы улучшить жилищные условия, и теоретически, по доходным характеристикам, оно может стать ипотечным заемщиком, но на практике не в состоянии преодолеть доходный барьер, поскольку при получении кредита речь идет о заработной плате, а не о доходах. Кроме отсутствия необходимых ресурсов, для большинства из них существенным барьером на вход в ипотеку являются сомнения и страхи, связанные с включенностью в такие модели кредитного поведения. Если откроются перспективы снижения издержек на приобретение жилья по ипотеке и возможности реструктуризации обязательств, платежных каникул в случае наступления определенных этапов жизненного цикла, связанных с рождением детей или потерей работы, то данная категория домохозяйств может стать потенциалом для роста группы ипотечных заемщиков. Профессионально-квалификационный портрет потенциальных участников традиционной ипотеки указывает на то, что в их числе широко

представлены работники с высшим образованием, занятые в бюджетных секторах экономики. Эта же категория работников концентрируется и в группе с душевыми доходами в промежутке между двумя и тремя прожиточными минимумами. Если в ситуации ипотечного кредита удастся найти вариант распределения обязательств между государством и семьями бюджетных работников, то можно существенно продвинуться в модернизации ткани повседневной жизни: помимо увеличения группы ипотечных заемщиков, мотивированных на рост доходов и повышение производительности труда, это позволит повысить привлекательность занятости и качество предоставляемых услуг в образовании и здравоохранении без существенного роста издержек на заработную плату. Но в данном случае мы уже переходим к специализированным ипотечным продуктам, пока не представленным на российском рынке.

Анализ линейки таких продуктов на рынках стран постиндустриального развития позволил выделить те из них, которые работают на модернизацию, и в первую очередь речь идет о содействии решению жилищных проблем трудовых мигрантов. В этих странах практически не существует препятствий для трудовой миграции населения между городами. Ключевым вопросом для принятия решения о перемене места жительства является возможность улучшения условий труда и повышения трудовых доходов, а не возможность изменить жилищные условия, при этом «квартирный вопрос» эффективно решается за счет развитого рынка аренды и/или отработанных кредитных процедур. Наличие инструментов, позволяющих обеспечить трудового мигранта и его семью жильем, дает возможность гражданам, например, в США и ряде стран Европы изменять регион работы и проживания в среднем 5–7 раз в течение жизни. Модернизационное развитие предполагает появление большого количества проектов, приводящих к созданию значительного числа новых рабочих мест. Российская практика делового оборота в сфере недвижимости имеет короткий путь развития и нацелена главным образом на наличные денежные расчеты, что не позволяет гражданам осуществлять сделки с недвижимостью, разнесенные во времени, и еще больше усложняет межрегиональные сделки обмена жильем. Учитывая неразвитость и непубличность рынка жилой аренды и высокую долю собственников жилья в России, наиболее простым и наименее рискованным инструментом, позволяющим обеспечить трудовых мигрантов жильем в новом городе, может стать специальный продукт, призванный разрешить сложившиеся противоречия и опирающийся на залог имеющегося жилого помещения, т. е. ипотеку.

Вторая важная проблема модернизационного продвижения по пути постиндустриального развития — ликвидация различий в уровне жизни между домохозяйствами экономически активного населения и семей пенсионеров по старости. Преодолевается она за счет развития накопительного компонента пенсионного обеспечения, трансформации накопленных в период трудовой деятельности материальных активов в ресурсы для текущего потребления и межпоколенной внутрисемейной поддержки. Разработка и внедрение инструментов ипотечного кредитования, позволяющих пожилым собственникам получать кредит под залог жилья, с выплатой кредита после наступления оговоренного события, начались в США в 1970 г., а сам продукт получил название обратной ипотеки. В случае традиционной ипотеки владелец жилья ежемесячно выплачивает кредитору проценты и часть основного долга, а в случае обратной ипотеки, напротив, кредитор выплачивает единую сумму или осуществляет периодические платежи пожилому владельцу жилья. Сумма долга растет за счет

процентов и погашается за счет продажи жилья после наступления оговоренного события. Возможен вариант погашения займа без продажи жилья — самим заемщиком либо его наследниками или родственниками.

Обратная ипотека обладает следующими преимуществами для заемщика: во-первых, стоимость жилья превращается в деньги, при этом владелец продолжает проживать в этом жилье; во-вторых, владелец жилья получает доступ к кредиту, который не нуждается в погашении на протяжении его проживания в данном жилье; наконец, обратная ипотека является кредитом без регресса. Таким образом, даже в случае, если к моменту его погашения стоимость залога окажется ниже суммы выплат заемщику, в распоряжение кредитора переходит только сам залог, дополнительные выплаты от заемщика либо его родственников не требуются. Более того, в случае если вырученная от продажи жилья сумма превосходит сумму долга, излишек возвращается заемщику либо его бенефициариям. Как правило, страхованием от перекрестного риска, т. е. риска кредитора понести убытки в такой ситуации, занимаются государственные финансовые организации. Доминирующее положение на рынке обратного ипотечного кредитования США занимает программа *HECM* (около 90% всех выданных обратных ипотечных займов), считающаяся наиболее надежной, поскольку страхование по ней осуществляется правительством США¹. К 2008 г. ее участниками стало более 308 тыс. пожилых домовладельцев, при этом в 2000-х гг. отмечен значительный рост популярности программы.

Возвращаясь к российской действительности, определим векторы развития ипотеки как инструмента расширения социальной базы модернизации: во-первых, за счет расширения возможностей входа в традиционную ипотеку; во-вторых, посредством вывода на рынок специальных ипотечных продуктов, адресованных целевым группам, не связанным с традиционной ипотекой, для которых ипотечный кредит расширяет доходные возможности. Каковы особенности текущего момента с точки зрения спроса на кредитные ресурсы в секторе домашних хозяйств, обусловленные долгосрочными векторами развития и последствиями адаптации к эффектам кризиса 2010 г.? Насколько спрос, предложение и институциональная среда современной России готовы к продвижению новых ипотечных продуктов? В 2010 г. анализу этих процессов была посвящена совместная научно-исследовательская работа Агентства по реструктуризации ипотечных и жилищных кредитов и Независимого института социальной политики. Помимо авторов данной статьи в исследовании принимали участие Пишняк А. И., к. с. н., ведущий научный сотрудник НИСП; Бурдяк А. Я., старший научный сотрудник НИСП; Головляница Е. Б., старший научный сотрудник НИСП и Малкова М. А., научный сотрудник НИСП. Данная статья опирается на основные результаты, полученные в рамках этого исследования.

Информационная база анализа

Одним из основных информационных ресурсов исследования стал массив данных второй волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РидМиЖ–2007)», проведенного НИСП в 2007 г. по выборке 11 117 домохозяйств и содержащего информацию об экономическом

¹ Подробнее о программе HECM см.: http://portal.hud.gov/portal/page/portal/HUD/topics/information_for_senior_citizens

положении, демографическом составе и финансовом поведении российских домохозяйств накануне кризиса. Результаты данного опроса, репрезентативного на общероссийском и поселенческом уровне, позволяют оценить спрос на ипотечное кредитование на пике экономического роста. Надежность и адекватность первичных данных подтверждена результатами сравнения генерализированных социально-демографических характеристик с данными официальной статистики о половозрастном составе населения, размере и структуре домохозяйств [Родители и дети..., 2007].

Информационным ресурсом, позволяющим с точки зрения спроса домашних хозяйств оценить перспективы внедрения инновационных для современной России ипотечных продуктов, стал социологический опрос 1200 домохозяйств «Ипотека и домохозяйства (ИДХ–2010)», проведенный в мае 2010 г. в Нижнем Тагиле, который был выбран как представитель моногородов с большим промышленным спадом в период кризиса. Опрос был организован НИСП и АРИЖК, проходил внутриквартирно и осуществлялся методом формализованного личного интервью. В анкету обследования вошли 6 основных разделов:

1. Сведения о составе домохозяйства.
2. Деятельность членов домохозяйства.
3. Доходы, сбережения, трансферты.
4. Жилищные условия, ипотека.
5. Программа поддержки пожилых (обратная ипотека).
6. Программа поддержки трудовой миграции.

В рамках данного обследования программа трудовой миграции была представлена следующим образом: предлагается занятость в другом населенном пункте, и государство выкупает имеющееся в собственности жилье, чтобы можно было приобрести жилье на новом месте. Цель исследования — понять, заинтересует ли такая программа респондентов и в каких случаях; каковы возможности и ограничения участия со стороны домашних хозяйств. Обратная ипотека номинировалась как возможность получить пожизненную ежемесячную доплату к пенсии в обмен на право собственности на жилье пенсионера. При этом участник программы продолжает проживать в жилье, являющемся предметом залога до наступления оговоренного события. В опросный лист были включены вопросы, позволяющие проанализировать заинтересованность в такой программе респондентов в возрасте 45 лет и старше и причины отказа от участия в ней. Тестирование обеих программ дает представление о масштабе группы потенциальных участников при различных сценариях их формализации.

Анализ влияния кризиса 2008–2009 гг. на изменение экономического положения и финансового поведения населения базируется на макроданных государственной статистики и репрезентативных для России в целом микроданных обследования 3140 домохозяйств по характеристикам: 1) жилищных условий и перспектив их улучшения за счет развития ипотечных программ; 2) занятости и истории изменения моделей экономической активности за период кризиса 2008–2009 гг.; 3) динамики доходов, сбережений и кредитов населения в условиях кризиса и на этапе выхода из него домохозяйства; 4) социальных и демографических характеристик населения и домохозяйств. Обследование «Кризис и поведение домашних хозяйств» (КПДХ–2010) проведено в сентябре–октябре 2010 г. НИСП при финансовой поддержке Сбербанка РФ. Единицами опроса являются домохозяйства и респонденты старше 18 лет, случайным образом отобранные внутри домохозяйства.

Спрос на стандартные ипотечные кредиты до и после кризиса

В журнале SPERO № 11 была опубликована статья «Ипотечное кредитование в России — портрет заемщика», подготовленная А. Я. Бурдяк в рамках исследования «Анализ ситуации на рынке ипотечного кредитования в условиях кризиса», реализуемого НИСП и АРИЖК под руководством авторов данной статьи. В ней были сформулированы основные проблемы рынка ипотечного кредитования на пике экономического роста и в период острой фазы кризиса 2008 г. Поэтому здесь мы приведем лишь основные результаты данного исследования. Очевидно, что в период кризиса задача расширения спроса на ипотечные кредиты отошла на периферию развития рынка и актуализировалась проблема невозвратных ипотечных кредитов.

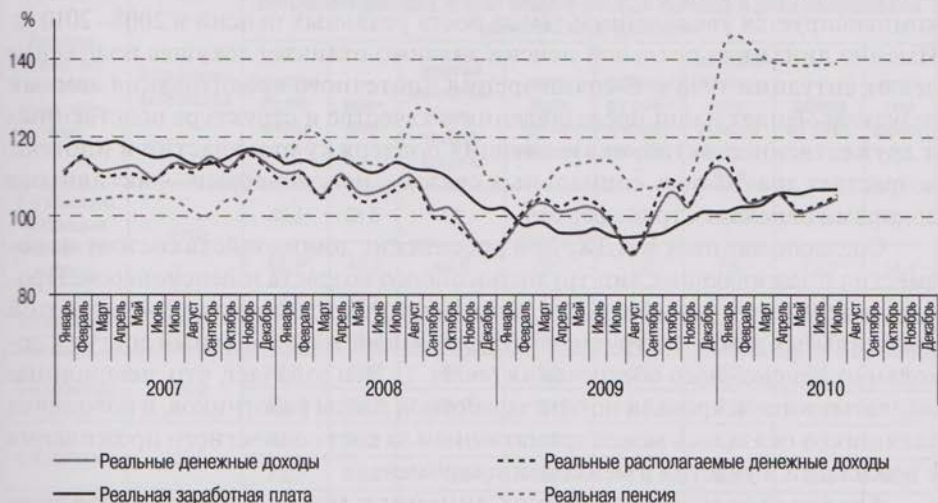
Детерминация ресурсных характеристик ипотечных заемщиков на основе данных РИДМиЖ–2007 накануне кризиса позволила сделать вывод о том, что еще на этапе экономического роста в ипотеку вступило большое число (27% от общего числа получателей ипотечного кредита) высокорисковых заемщиков, имеющих уязвимую позицию на рынке труда (занятость на малых предприятиях в торгово-гостиничном секторе, сельском хозяйстве и строительстве; при низком уровне образования работа на должностях, по которым предложение существенно превышает спрос на рынке труда; высокий удельный вес переменной части заработной платы), при отсутствии ресурсной поддержки внутри домохозяйства (единственный работник в семье с заработной платой выше прожиточного минимума) и в рамках социума (нет материальной поддержки со стороны дружественно-родственных сетей, к которым обращается 30% ипотечных заемщиков).

Объективной предпосылкой для такого развития ситуации послужил дефицит благонадежных заемщиков, вопреки тому, что порядка 20% российских домохозяйств могут участвовать в ипотечном и жилищном кредитовании, если при оценке масштаба потенциальных участников ипотеки опираться на характеристики среднедушевого дохода. Почему не работают рассчитываемый официальной статистикой критерий душевого дохода и его соотношение с издержками по ипотечному кредиту? Прежде всего потому, что реально при предоставлении кредита используются другие доходные показатели, и не все представители высокодоходных групп мотивированы на участие в ипотеке. Если применить практику измерения спроса на ипотеку, приближенную к той, которую используют кредиторы, то численность благонадежных заемщиков в 2007 г. оценивалась на уровне 1,5–1,6 млн домохозяйств, что составляет порядка 3% от их общей численности. В данном случае: 1) вместо дохода используются данные об официально выплачиваемой заработной плате работника, начисленной на основе срочного и бессрочного трудового договора; 2) принимаются во внимание реальные намерения и потребность в улучшении жилищных условий; 3) учитывается факт проживания в одном домохозяйстве двух высокооплачиваемых работников, которые будут возвращать один ипотечный кредит; 4) вводятся реально используемые возрастные ограничения для входа в ипотеку. Следовательно, рынок ипотеки, настроенный на платежеспособный спрос на уровне 20%, стал работать в условиях переоцененного спроса и был вынужден открыть вход для высокорисковых заемщиков.

Какие принципиальные для рынка ипотеки изменения в экономике и социальной политике происходили в период кризиса и на этапе выхода из него? *Снижение реальных средних душевых доходов населения является за-*

Рисунок 1. Динамика денежных доходов, заработной платы и пенсии в реальном выражении в 2007–2010 гг., в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: Краткосрочные экономические показатели РФ. Статистический сборник, Росстат.

кономерной реакцией на экономические кризисы, сопровождающиеся рецессией (рис. 1), но ипотечные заемщики сильно не пострадали. До этого периода в истории современной России уже было два подобных эпизода — в 1992 и в 1998 гг. В обоих случаях реальная заработная плата падала сильнее, чем доходы и пенсия, так как большую часть 1990-х гг., вплоть до кризиса 1998 г., пенсии индексировались лучше, чем заработная плата. В период экономического подъема 1999–2007 гг. в основе увеличения реальных денежных доходов населения лежал стремительный рост оплаты труда. При этом темпы роста скрытой от наблюдения заработной платы, составляющей по оценкам Росстата около 40% от фонда оплаты труда, опережали рост официальной оплаты труда, который, в свою очередь, опережал рост пенсий. С началом текущего кризиса наблюдается инверсная ситуация.

В 2008 г. впервые с 1999 г. реальные доходы населения упали на 11%, однако в 2009 г. это падение было полностью отыграно. Применительно к официальной заработной плате сокращения в реальном выражении не произошло, но наблюдается существенное снижение темпов роста. Наиболее сильно от макроэкономического шока пострадала теневая часть зарплаты: реальная заработная плата с учетом скрытой оплаты труда в 2008 г. «проваливается» ниже уровня 2007 г., который не был восстановлен в 2009 г. По сравнению с докризисным периодом темпы роста поступлений по НДФЛ к 2010 г. оказались отрицательными: в I полугодии 2010 г. объем поступлений налогов от физических лиц составил в реальном выражении 89,6% от уровня I полугодия 2008 г.² Помимо возможных погрешностей в измерении доходов населения (с переоценкой в большую сторону), это свидетельствует о том, что наблюдаемый рост доходов населения на этапе выхода из кризиса во многом

² Данные сайта Федерального казначейства: <http://www.goskazna.ru/>. Приведено к реальным показателям по инфляции номинальной заработной платы из Докладов о социально-экономическом положении (Росстат), где есть сводные данные за первое полугодие.

был обусловлен ростом пенсий, значительно опережающим рост зарплаты (см. рис. 1). Итак, снижение заработной платы в период кризиса отчасти компенсируется увеличением темпа роста реальных пенсий в 2008–2010 гг. Именно динамика реальной пенсии значимо отличает текущее положение дел от ситуации 1998 г. С точки зрения ипотечного кредитования данный результат меняет наши представления о качестве и структуре родственных и дружественных сетей, оказывающих поддержку при участии в ипотеке: возрастает значимость социальных связей с пенсионерами — активными донорами денежных трансфертов.

Согласно данным КПДХ, 29% российских домохозяйств состоят из совместно проживающих лиц трудоспособного возраста и пенсионеров. Проблемные ипотечные заемщики концентрируются в третьей и четвертой квинтильных доходных группах, которые имеют максимальный доступ к доходам от пенсионного обеспечения (табл. 1). Это означает, что, пенсионные выплаты компенсировали потери заработной платы работников, и положение заемщиков оказалось менее драматичным за счет совместного проживания с пожилыми и участия в межсемейном обмене.

Анализ субъективных оценок динамики материального положения домохозяйств за период с начала кризиса (май 2008 г.) по момент опроса (III квартал 2010 г.), представленных в данных КПДХ–2010, свидетельствует о том, что более чем у половины домохозяйств (табл. 2) в анализируемый промежуток времени уровень благосостояния не изменился, 23,5% указали на то, что материальное положение улучшилось, а для 23,7% ухудшилось. Среди тех, у кого материальное положение улучшилось, у 7,3% это произошло только за счет микроэкономических факторов (экономические изменения, обусловленные деятельностью домохозяйств), у 5,4% — только за счет макроэкономических факторов (экономические изменения, не зависящие от поведения домохозяйств), у 0,9% — только за счет неэкономических факторов и у 9,9% — за счет смешанной природы факторов. Профиль факторов ухудшения материального положения следующий: у 1,7% — только микроэкономические, у 4,6% — только макроэкономические, у 0,8% — только неэкономические, 16,6% — смешанные.

Совмещение субъективных и объективных характеристик благосостояния свидетельствует о том, что наиболее сильно от кризиса пострадали представители самого бедного квинтиля. Начиная с третьего квинтиля — зона концентрации ипотечных заемщиков — число выигравших значимо превышает число проигравших.

На выходе из кризиса население накапливает сбережения. В III квартале 2008 г. начался массовый отток вкладов и сбережений и перевод их в валюту, который достиг пика в январе 2009 г. (22,4%), а также наблюдалось ускоренное наращивание потребительских расходов. В результате объемы расходов стали существенно превышать доходы, и в январе 2009 г. этот показатель также достиг своего пика — 22%. Однако уже весной 2009 г. ситуация стала более стабильной и похожей на докризисную. В целом по итогам 2009 г. (декабрь 2009 г. к декабрю 2008 г.) наблюдается сокращение доли денежных доходов, использованных на покупку товаров с 65,7% до 58,7%, и повышение доли сбережений (до 20,4%). Ситуация 2010 г. (по данным за июль) пока ничем принципиально не отличается от ситуации в аналогичном периоде 2009 г., следовательно, население вышло на траекторию накопления сбережений.

Таблица 1. Структура источников доходов в разрезе 20%-ных групп

Распределение по 20%-ным группам	Все домохозяйства	Источники доходов, в % от общего объема доходов и доля получателей данного вида доходов							
		доходы от занятости	пенсии	другие социальные трансферты	частные трансферты	доходы от собственности	доходы от финансового поведения	доход от ЛПХ	другие доходы
1-й квинтиль (с самыми низкими доходами)	100,0	49,3	31,5	4,8	4,0	0,3	0,4	1,6	8,3
		65,9	46,6	44,8	20,3	1,0	1,6	13,3	14,4
2-й квинтиль	100,0	44,6	41,7	3,4	2,6	0,1	0,6	0,5	6,4
		64,1	63,3	39,4	18,0	0,8	3,4	5,2	14,4
3-й квинтиль	100,0	41,9	45,3	4,4	2,2	0,2	0,7	0,3	4,9
		62,0	72,1	48,0	15,5	1,8	5,0	4,2	11,8
4-й квинтиль	100,0	50,1	36,2	3,4	2,7	0,3	1,8	0,2	5,2
		73,3	69,5	41,8	18,3	1,6	8,9	3,0	13,4
5-й квинтиль (с самыми высокими доходами)	100,0	51,3	14,9	1,9	2,7	0,8	17,3	0,2	10,7
		85,6	60,4	36,1	15,8	4,2	17,8	3,6	21,5
В целом по выборке	100,0	48,7	28,3	3,0	2,7	0,5	8,4	0,4	8,0
		70,2	62,4	42,0	17,6	1,9	7,3	5,9	15,1

Примечание: курсивом указан процент домохозяйств, имеющих доступ к данному источнику доходов. Источник: здесь и для таблиц 2, 4, 5 данные КПДХ-2010.

Таблица 2. Субъективные оценки изменения благосостояния домохозяйств в результате кризиса в разрезе 20%-ных доходных групп, в % от численности группы

20%-ные группы по душевым доходам	1-й квинтиль (с самыми низкими доходами)	2-й квинтиль	3-й квинтиль	4-й квинтиль	5-й квинтиль (с самыми высокими доходами)	В целом по выборке
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Положение не изменилось	53,7	57,0	54,5	50,5	47,0	52,8
Положение улучшилось	12,5	20,2	24,4	28,7	32,1	23,5
только за счет микроэкономических факторов	4,6	6,0	6,8	8,3	11,0	7,3
только за счет макроэкономических факторов	1,9	6,6	7,1	7,7	3,7	5,4
только за счет неэкономических факторов	1,4	0,8	0,5	0,8	1,2	0,9
за счет любых факторов	4,6	6,8	9,9	11,9	16,3	9,9
Положение ухудшилось	33,9	22,7	21,1	20,8	20,9	23,7
только за счет микроэкономических факторов	1,9	1,2	1,6	1,6	1,8	1,7
только за счет макроэкономических факторов	6,0	5,6	4,4	4,2	3,0	4,6
только за счет неэкономических факторов	0,7	1,5	0,5	0,8	0,3	0,8
за счет любых факторов	25,3	14,4	14,6	14,2	15,8	16,6

В период кризиса было потеряно 2 млн рабочих мест, поэтому рост занятости в 2010 г. носит восстановительный характер с выходом в конце I полугодия на уровень начала 2007 г. Как развивался данный процесс? Начиная с 2002 г. численность занятых, скорректированная на фактор сезонности³, устойчиво росла и достигла пика в мае—июле 2008 г. (71,2 млн чел.). Уже август 2008 г. обозначил начало резкого сокращения численности занятых, и по итогам I квартала 2009 г. число занятых снизилось на 2 млн чел. по сравнению с максимумом. Второй минимум был достигнут в I квартале 2010 г. — в январе—марте число занятых составило 69,1 млн чел., что соответствует уровню осени 2006 г. Начиная с апреля текущего года численность занятых росла и к концу I полугодия достигла 70 млн чел., оставаясь ниже показателей на начало экономического кризиса (98,7% к августу 2008 г.). Таким образом, на рынке труда основным негативным эффектом экономического кризиса стал спад занятости к уровню начала 2007 г., т. е. нивелировка результатов интенсивного роста в 2007—2008 гг. Наибольший спад занятости (табл. 3) испытали следующие отрасли: рыболовство и рыбоводство (26,6 п. п.), гостиничное и ресторанное дело, строительство (17 п. п.), обрабатывающие производства и сельское хозяйство (15 п. п.). Добыча полезных ископаемых также отличается высоким спадом занятости, который в дополнение характеризуется и снижением реальной заработной платы на фоне ее роста по экономике в целом (более высокие темпы падения заработной платы только в строительстве). Данная отрасль воспользовалась кризисом для оздоравливающего сброса занятости и заработков, но для рынка ипотеки это сопряжено с дополнительной напряженностью, так как наиболее эффективные работники, занятые добычей полезных ископаемых, покупали жилье без кредитных ресурсов, а представители избыточной группы офисных служащих чаще прибегали к участию в ипотеке, и именно они оказались под угрозой увольнения при низких шансах трудоустройства. Рост занятости с одновременным увеличением оплаты труда по итогам кризиса отмечен только в одной отрасли — государственное управление и обеспечение военной безопасности.

Уровень общей безработицы в кризис вырос, но оставался в социально приемлемых пределах, а зарегистрированная безработица показала временный всплеск как реакцию на антикризисное увеличение пособий. Общая безработица⁴ сокращалась на протяжении всех 2000-х гг., и начиная с осени 2006 г. численность безработных составляла менее 4 млн чел. Резкий рост начался в октябре 2008 г., достигнув пика весной 2009 г. (6,9 млн чел.). Ретроспективно этот уровень соответствовал ситуации конца 2000 — начала 2001 г. Затем началось медленное снижение численности безработных, на конец I полугодия 2010 г. показатели безработицы оставались несколько выше предкризисных. Динамика зарегистрированной безработицы тесно связана с сигналами социальной политики: в 2009—2010 гг. она выросла в ответ на увеличение максимального

³ Фактор сезонности на рынке труда заключается в выраженном росте занятости и сокращении общей безработицы в летние месяцы и в росте этих показателей зимой.

⁴ Общая безработица, или безработица по критериям Международной организации труда (МОТ), включает в число безработных лиц, не имеющих работы, ищущих ее и готовых к ней приступить, в отличие от показателя зарегистрированной, или официальной, безработицы, учитывающей только лиц, зарегистрированных в государственных службах занятости.

Таблица 3. Число замещенных рабочих мест в организациях по видам экономической деятельности (без субъектов малого предпринимательства) и среднемесячная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) по видам экономической деятельности*

Число замещенных рабочих мест	Число рабочих мест, июнь 2010 г. в % к июню 2008 г.	Динамика реальной заработной платы за I полугодие 2010 г. в % к I полугодью 2008 г.
Всего	93,1	101,9
из них:		
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	84,9	106,9
рыболовство, рыбоводство	73,4	103,6
добыча полезных ископаемых	91,9	99,6
обрабатывающие производства	84,7	97,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	98,9	105,8
строительство	82,4	92,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	93,2	102,3
гостиницы и рестораны	82,2	100,1
транспорт и связь	91,5	106,2
финансовая деятельность	98,7	99,0
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	93,3	103,9
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	103,9	100,2
образование	96,3	105,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,4	103,8
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	93,0	103,5

Примечание: * — учтены только занятые на крупных и средних предприятиях, которые составляют примерно половину всех работников. Работники малых предприятий, самозанятые и занятые в личном подсобном хозяйстве остаются за рамками анализа.

Источник: Социально-экономическое положение России: Ежемесячный доклад. — Росстат, 2010.

размера пособия по безработице и для уволенных по собственному желанию⁵. Уже в марте 2009 г. был перейден рубеж в 2 млн зарегистрированных безработных, что не имеет прецедентов на протяжении всех 2000-х гг. (максимум в 1,9 млн отмечен осенью 2004 и весной 2005 гг.). Массовое окончание сроков выплаты пособий снизило уровень зарегистрированной безработицы: в июне 2010 г. до 2,4% (2,9% в июне 2009 г.).

Данные обследования домохозяйств КПДХ–2010 (табл. 4) указывают на то, что негативные явления в сфере занятости, помимо потери работы, затронули основных работников более чем в четверти домохозяйств (27%). Модель адаптации рынка труда к кризису развивалась по двум основным направлениям: традицион-

⁵ Размеры пособий по безработице в 2010 г. сохранены на уровне 2009 г.: минимальная величина пособия по безработице составляет 850 руб., максимальная — 4900 руб. Постановление Правительства РФ от 14.11.2009 № 926 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2010 г.».

Таблица 4. Распространенность негативных явлений в сфере оплачиваемой занятости на уровне домохозяйств, май 2008 г.

Распространенность негативных явлений	% от всех домохозяйств	% от домохозяйств, где есть лица трудоспособного возраста на момент опроса
Сокращение размера «белой» заработной платы	8,3	11,1
Сокращение размера «теневого» заработной платы	2,0	2,7
Сокращение размера бонусов, премий	5,1	6,9
Невыплата бонусов, премий	5,2	7,0
Сокращение социального пакета	1,3	1,8
Задержка выплаты заработной платы	15,3	20,6
Перевод на неполное рабочее время	5,4	7,2
Оформление неоплачиваемого отпуска по инициативе администрации	2,9	3,9

Примечание: сумма по столбцу превышает 100%, так как респондент мог указать несколько ответов.

ный сценарий (задержка зарплаты, сокращение теневой части зарплаты, неполная занятость) и «современный» сценарий (сокращение или отмена переменной части зарплаты, сокращение официальной зарплаты). Второй сценарий развития событий больше характерен для домохозяйств со средними и высокими доходами, а первый — для бедных. Несмотря на то что задержки выплаты заработной платы, согласно макроэкономическим данным, не стали массовым явлением текущего кризиса, на микроуровне они отмечены как самая распространенная мера адаптации рынка труда к кризису: 20,6% домохозяйств с трудоспособными отметили, что столкнулись с данным явлением в ходе кризиса.

Обследование КПДХ—2010 содержит сведения о фактах потери работы основными работниками в домохозяйстве в период экономического кризиса, о стратегиях поиска работы, а также о количестве безработных среди членов домохозяйств на момент опроса и их концентрации в семьях. Согласно официальным данным Росстата, на момент опроса (август 2010 г.) в стране насчитывалось 5,2 млн безработных, а на пике кризиса, как уже отмечалось, — 6,9 млн человек. Микроданные показывают, что почти в трети (31,3%) домохозяйств трудоспособных были лица, находившиеся в состоянии безработицы месяц и более за период с мая 2008 г. на момент опроса. Из них в подавляющем большинстве случаев безработица касалась только одного члена домохозяйства (25,8%).

Усиление контроля негативных явлений на рынке труда вкупе с надвигающимся ростом взносов по единому социальному налогу спровоцировали новый виток «теневизации» трудовых отношений. Проявлением роста распространенности теневых схем оплаты труда являются также резкие изменения в структуре фонда оплаты труда: в 2010 г. произошли резкое, на 5 млн чел., сокращение списочной численности работников, за которых платятся взносы в Фонд социального страхования, и не соответствующий общеэкономической ситуации рост численности работников с оплатой труда выше порога обложения данными взносами (514 тыс. руб.). Аналогичную тенденцию к сокращению поступлений из-за роста доли зарплат выше страхового порога отмечают специалисты Пенсионного фонда [Кувшинова, Стеркин, 2010]. Такие деформации на рынке труда посылают неправильные сигналы ипотечным донорам (о росте высоких зарплат) и сужают коридор возможностей для входа на рынок ипотеки для тех, кто участвует в оптимизации налоговых схем.

Следствием снижения занятости стала проблема «плохих» кредитов в секторе домашних хозяйств. Пересмотр банками условий выдачи кредитов в сторону ужесточения контроля доходов потенциальных заемщиков, а также повышение ставок и размера минимального первоначального взноса по ипотечным жилищным кредитам привели к резкому снижению кредитования населения. В свою очередь, дефицит благонадежных клиентов и нехватка финансовых ресурсов, особенно долгосрочных, повлекли за собой уход части банков с поля кредитования населения, что снизило физическую доступность кредитов для российских потребителей.

По данным обследования КПДХ–2010, 44,1% домохозяйств уже имеют опыт кредитования (за 10-летний период, начиная с 2000 г.). Наиболее распространены кредиты на покупку бытовой техники (более 30% семей), чуть менее популярны кредиты на автомобиль, а самыми редкими целями оформления кредита являются медицинские услуги и образование. Через жилищное и ипотечное кредитование, исключая кредиты на ремонт жилья и благоустройство, уже прошли 4,7% семей, при этом 2,7% домашних хозяйств являлись плательщиками по этим кредитам на момент опроса (табл. 5).

Сопоставление опыта домашних хозяйств в области кредитования и их намерений взять кредит в ближайшие три года позволяет заключить, что в результате экономического кризиса намерения населения участвовать в кредитовании сократились, и лишь около 20% домашних хозяйств предполагают брать кредиты в ближайшие три года, в то время как на пике экономического роста таковых было более трети населения. В намерениях населения наблюдается снижение интереса к покупке бытовой техники в кредит при устойчивой заинтересованности российских семей к кредитам на покупку и ремонт жилья (около 10%).

О том, что в результате экономического кризиса ипотечные заемщики испытывают трудности со своевременным погашением платежей по кредитам, заявил каждый пятый. В свою очередь каждый пятый из тех опрошенных, у кого были проблемы с выплатами по кредитам в течение последних 12 месяцев, пока не смог их решить, а в остальных 80% случаев последствия кризиса заемщиками

Таблица 5. Характеристики удовлетворенного спроса на кредитные продукты в секторе домашних хозяйств, в % от общего числа опрошенных домохозяйств

Кредит на приобретение или оплату	Никогда не брали	Да, брали и уже выплатили	Да, брали, продолжаем выплачивать
бытовой техники, видеотехники, компьютера	69,8	22,5	7,7
мебели	90,1	7,6	2,3
автомобиля	88,6	4,7	6,7
недвижимости (квартиры, дачи)	95,3	2,0	2,7
ремонт жилья или благоустройство участка	94,0	3,2	2,8
образования	97,0	2,0	1,0
медицинских услуг	98,5	1,1	0,4
другие цели	93,9	2,8	3,3
Все виды кредитов*	55,9	31,3	21,2

Примечание: * — по данной строке сумма превышает 100%, так как по разным видам кредита домохозяйства демонстрируют разные модели кредитного поведения.

были успешно преодолены. Среди принятых мер самая популярная — взять деньги в долг у родственников, друзей: к ней обратилось более 70% проблемных заемщиков, причем более половины таких заемщиков ничего другого и не предпринимали. Еще около 20% плательщиков по кредитам смогли преодолеть трудности за счет безвозмездной помощи от родственников и друзей, что эмпирически подтверждает огромную важность социальных сетей и межсемейных трансфертов в России. Следует отметить, что для 17% заемщиков проблемы с выплатами по кредитам стали стимулом сменить работу или найти дополнительные источники дохода, дополнительную работу. Около 14% «проблемных» заемщиков обратились в банк и пересмотрели условия кредитного договора — таков масштаб антикризисных действий, наблюдаемый на микроуровне.

Экономический кризис не снял квартирный вопрос с повестки дня и, как ни странно, привел даже к некоторому повышению доступности жилья для населения. Это связано с существенным снижением, во-первых, цен на жилье, которое в крупных городах России по итогам 2009 г. составило до 20% [Мальгинов, Стерник, 2010] в реальном выражении, во-вторых, ставок по кредитам вслед за нисходящей динамикой ставки рефинансирования ЦБ, пересмотром в сторону смягчения требований банков к доходу заемщика и размеру первоначального взноса и государственной поддержке ипотечного кредитования через программы рефинансирования АИЖК. Как в новых экономических условиях сложились намерения населения относительно улучшения жилищных условий?

Порядка 10% всех домашних хозяйств в ближайшие три года намерены существенно улучшить жилищные условия. Ипотечное кредитование, включая программы для молодых семей, а также жилищные кредиты упомянули около 15% респондентов, которые будут менять жилищные условия. Это означает, что в ближайшие три года порядка 900 тыс. домохозяйств намерены включиться в ипотечные программы, в том числе в социальную ипотеку, и еще столько же семей намерены купить жилье без использования кредитных схем.

Подводя итог рассмотрению особенностей влияния кризиса на спрос и предложение на ипотечном рынке, отметим, что кризис оказал оздоравливающее воздействие на данный рынок. Столкнувшись с обострением проблемы задолженности в начале кризиса, кредиторы и заемщики выработали модель адаптации к новым экономическим условиям. В большинстве случаев домохозяйства мобилизовали внутренние ресурсы и повысили экономическую активность (среди заемщиков выше доля тех, чье материальное положение улучшилось или не изменилось, чем в среднем по населению), а кредиторы предложили условия реструктуризации проблемных займов. Потенциальные участники ипотечных программ отложили неудовлетворенный спрос, накапливая сбережения в ожидании более лучшего ценового предложения и более выгодных условий кредитования.

НОВЫЕ ЛИНЕЙКИ КРЕДИТНЫХ ИПОТЕЧНЫХ ПРОДУКТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СО СТОРОНЫ СПРОСА

Ипотека как инструмент содействия трудовой миграции

Российская практика делового оборота в сфере недвижимости имеет короткий путь развития и нацелена главным образом на наличные денежные расчеты, что не позволяет гражданам осуществлять сделки с недвижимостью, разнесен-

ные во времени, и еще больше усложняет межрегиональные сделки, связанные с обменом жилья. Учитывая высокую долю собственников жилья в России, наиболее простым и наименее рискованным инструментом, позволяющим обеспечить трудовых мигрантов жильем в новом городе, может стать специальный кредитный продукт, призванный разрешить сложившиеся противоречия и опирающийся на залог имеющегося жилья. В декабре 2009 г. ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» представило специальный ипотечный продукт «Переезд», способствующий трудовой миграции населения. В его рамках предлагается выкуп квартир у трудовых мигрантов и содействие в приобретении нового жилья по месту переезда. В апреле—мае 2010 г. Независимым институтом социальной политики был организован и проведен опрос жителей Нижнего Тагила для выявления возможностей и ограничений, возникающих со стороны домашних хозяйств при выводе данного продукта на рынок.

Выбор места проведения обследования неслучаен. Нижний Тагил — моногород с избыточной численностью занятых на градообразующих предприятиях и отсутствием альтернативных рабочих мест. Для него характерна слаборазвитая инфраструктура и крайне малая вероятность модернизации в ближайшие годы. Эти обстоятельства дают основания предполагать, что население города выразит желание присоединиться к потоку трудовых мигрантов в рамках разрабатываемой программы. Таким образом, опрос жителей Нижнего Тагила позволил собрать информацию, необходимую для корректировки представлений о портрете будущих участников «Переезда».

Рассмотрение вопроса трудовой миграции начнем с анализа миграционных намерений в принципе. Более четверти семей Нижнего Тагила (26,1%) хотели бы покинуть город, но только 8,4% из них намерены сделать это в течение ближайших трех лет, а 72,1% считают, что не имеют возможностей для такого переезда. Среди последних 58,5% случаев речь идет об отсутствии ресурсов для решения жилищной проблемы по новому месту жительства. Можно выделить три группы целей переезда (табл. 6). Первая по значимости связана с расширением возможностей для увеличения дохода и поиском новой работы. Вторая по распространенности группа мотивов переезда — это поиск населенного пункта с лучшими условиями для жизни (инфраструктура, климат, система образовательных учреждений). И третья связана со стремлением перебраться ближе к родственникам и друзьям.

После того как респондентам рассказали о программе «Переезд», 18,5% продемонстрировали свой интерес к предложению перебраться в другой населенный пункт при условии выкупа квартиры в Нижнем Тагиле и отметили, что готовы предпринять для этого определенные усилия. Если перейти к совокупности домохозяйств, имеющих в своем составе трудоспособных (обязательное условие для участия в программе поддержки трудовой миграции), то в их кругу доля заинтересованных увеличивается до 26,3%. Две трети в их числе указали, что такое предложение заинтересовало бы всех членов домохозяйства, а 10,3% ответили, что такой вариант будет интересен только некоторым членам семьи.

Поскольку жилье, предлагаемое в конечном пункте переезда, может существенно отличаться по стоимости от того, в котором проживают кандидаты на переезд, необходимо рассмотреть отношение респондентов к варианту привлечения дополнительных средств для покупки квартиры. Порядка 20% заинтересовавшихся программой содействия трудовой миграции (или 3,7% от общего числа опрошенных домохозяйств) намерены в данном случае об-

Таблица 6. Причины переезда в другой населенный пункт, в %

Список причин переезда	Доля респондентов, выбравших вариант ответа	Процент от всех ответов*
Нашли или собираются искать работу в другом населенном пункте	11,4	8,7
Переезжают ближе к детям	5,7	4,3
Переезжают ближе к родителям	9,1	7,0
Переезжают ближе к другим родственникам, знакомым	10,2	7,8
В другом населенном пункте имеется более подходящее жилье	4,5	3,5
Считают, что в другом населенном пункте больше возможностей для получения более высокого дохода	44,3	34,0
Считают, что в другом населенном пункте больше возможностей для получения образования	5,7	4,3
В другом населенном пункте более развита инфраструктура	22,7	17,4
В другом населенном пункте более подходящие климатические условия	10,2	7,8
Освобождают квартиру для родственников, знакомых	2,3	1,7
Другие причины	4,5	3,5
		100

Примечание: * — респондент имел возможность указать две основные причины переезда. В колонке приведены проценты от общего числа упоминаний всех причин переезда.

Источник: данные ИДХ–2010.

ратиться за ипотечным кредитом, а остальные рассчитывают на собственные сбережения или помощь через родственно-дружеские сети. Еще 8,6% домохозяйств отметили, что они не намерены менять работу и место жительства, но если программа поддержки трудовой миграции откроет возможности для переезда в лучший населенный пункт и появится перспектива более высокооплачиваемой занятости, они станут участниками программы. В случае отнесения данной категории домохозяйств к потенциальным потребителям нового ипотечного продукта масштабы заинтересованности расширяются до 27,1% от общего числа домохозяйств и 38,5% от числа домохозяйств с трудоспособными. В целом иерархия и структура миграционных мотивов указывают на то, что на уровне субъективных установок сформировался спрос на программы поддержки трудовой миграции.

Чтобы понять, как намерения относительно трудовой миграции соотносятся с реальными возможностями потенциальных участников программы «Переезд», обратимся к характеристикам занимаемого ими жилья и параметрам профессионально-квалификационного статуса трудоспособных. Жилье нас интересует с точки зрения возможностей оформления его в залог, а профессионально-квалификационный статус — с позиций конкурентоспособности на рынке труда.

Какие ограничения действуют в отношении жилья, под залог которого предполагается предоставление узкоспециализированного кредита на приобретение жилья в новом городе и оплату расходов по переезду? Учитывая то обстоятельство, что часть семей являются сложными по своему составу и в них есть другие взрослые, кроме респондента и его супруги/супруга,

на потенциальных участников программы «Переезд» накладываем три одновременно действующих требования:

1. Жилье принадлежит только респонденту, его супруге/супругу и их несовершеннолетним детям, к данной категории относится 55,8% всех опрошенных домохозяйств.
2. В жилье прописаны только члены домашнего хозяйства (78,9%).
3. В домашнем хозяйстве нет других взрослых, кроме респондента и его супруги/супруга (72,9%).

Все три признака присутствуют у 46% домашних хозяйств, и именно эти семьи по объективным характеристикам могут считаться потенциальными участниками программы трудовой миграции с точки зрения неотягощенности их жилища узлами собственности или прописки других взрослых, кроме респондента и его супруги/супруга.

Вторым принципиальным условием входа домохозяйства в программы поддержки трудовой миграции является наличие трудоспособного работника, обладающего специфичными навыками, представляющими ценность для удаленного работодателя. Результаты мониторинга ситуации на рынке труда, проводимого НИСП последние 10 лет, свидетельствуют о том, что таковыми являются представители профессиональных групп руководителей, специалистов, служащих и высококвалифицированных рабочих промышленности. С одной стороны, представители данных профессиональных отрядов востребованы на рынке труда, с другой — в большинстве случаев они располагают жильем, которое может быть использовано в качестве залога, и прочими ресурсами, позволяющими включиться в трудовую миграцию с целью повышения уровня и качества жизни. В рамках данного обследования в составе 67,3% опрошенных домохозяйств есть респонденты трудоспособного возраста, и именно эти домохозяйства могут рассматриваться далее с точки зрения критериев заинтересованности, жилищных условий и профессионально-квалификационного капитала, необходимых для участия в программе поддержки трудовой миграции. Масштабы представительства потенциальных участников по каждому из трех критериев представлены в *табл. 7*, а результаты их пересечения — на *рис. 2*.

Релевантные жилищные условия и заинтересованность в переезде в другой населенный пункт в связи со сменой работы относятся к более дефицитным ресурсам. Только 10,1% домохозяйств, имеющих в своем составе лиц в трудоспособном возрасте, имеют мотивы и ресурсы для участия в программе «Переезд». Если посмотреть на полученные результаты глазами работодателя, заинтересованного в квалифицированных работниках, важно подчеркнуть, что треть

Таблица 7. Домохозяйства потенциальных участников программы трудовой миграции, в % от числа домохозяйств с работниками

Потенциальные участники программы трудовой миграции	Доля среди домохозяйств с респондентами трудоспособного возраста
Те, кого может привлечь программа трудовой миграции	38,2
Те, кто подходят для программы по профессионально-квалификационному капиталу (руководители, специалисты, служащие и высококвалифицированные рабочие промышленности)	68,4
Те, кто располагают собственным отдельным жильем, в котором никто, кроме членов домохозяйства, не прописан, при этом в домохозяйстве нет других взрослых, кроме респондента и его партнера	40,1

Источник: данные ИДХ–2010.

Рисунок 2. Возможности и ограничения входа домохозяйств трудоспособных в программу поддержки трудовой миграции посредством специализированных ипотечных программ, в % от числа опрошенных семей, имеющих в своем составе трудоспособных

Источник: данные ИДХ–2010.

таких работников и не проявляет интерес к трудовой миграции, и не обладает ресурсами для покрытия издержек на переезд и приобретение жилья по новому месту работы. Наиболее успешная группа квалифицированных работников, обладающая приемлемыми для программы «Переезд» жилищными условиями (27% от всех квалифицированных работников или 18,6% от домохозяйств с трудоспособными), не проявляет интереса к трудовой миграции, поскольку ее представителей устраивает текущий уровень и качество жизни, и они не рассматривают варианты трудовой миграции даже при возможности получения более высоких доходов и проживания в более комфортном населенном пункте. В значительной степени их позиция обусловлена серьезными барьерами для трудовой миграции работников среднего достатка, которые снимаются при внедрении рассматриваемого ипотечного продукта, следовательно, именно у данной категории работников он может оказаться востребованным. Практически четверть семей с квалифицированными работниками, что составляет 16,4% от всех домохозяйств с трудоспособными, заинтересованы в трудовой миграции, но имеют существенные ограничения со стороны жилья, которое не отвечает требованиям оформления его в залог. 5% домохозяйств трудоспособных соответствуют программе «Переезд» по критериям заинтересованности и жилищным условиям, но не имеют в своем составе представителей квалифицированной рабочей силы. Данная группа может быть интересна для работодателей, столкнувшихся с дефицитом работников более низкой квалификации.

Подводя итог анализу возможностей и ограничений для вывода на рынок нового специализированного ипотечного продукта с целью поддержки трудовой миграции, отметим, что условия программы будут существенно влиять на численность потенциальных участников: от 10,1% домохозяйств с респондентами в трудоспособном возрасте или 6,8% от всех домохозяйств при поддержке трудовой миграции квалифицированных работников по строго

заданным векторам переезда до 33,7%, если в программу будут допущены все заинтересованные работники (независимо от квалификации) и она будет открыта для любого направления трудовой миграции, включая областные центры и столичные города. Помимо характеристик занятости и жилья (обязательные условия участия в программе), на востребованность данного ипотечного продукта будут влиять следующие значимые факторы: инфраструктура населенного пункта — акцептора рабочей силы, доходы и сбережения потенциальных участников, состав домохозяйств, намерения и желание жителей покинуть город. При выборе населенных пунктов — доноров и населенных пунктов — акцепторов рабочей силы необходимо учитывать, что миграционные потоки будут значительно больше, если населению будет предложено переехать из более мелких городов в крупные с более развитой инфраструктурой. Другие варианты будут привлекательны для населения только при существенном увеличении оплаты труда или улучшении жилищных условий.

Обратная ипотека как инструмент сближения уровня и образа жизни трудоспособных и пожилых

Один из векторов модернизационного развития — сближение уровня жизни трудоспособных и неработающих в пенсионных возрастах — реально достигается за счет использования ресурсов, аккумулированных в период экономической активности, к которым, как уже отмечалось, традиционно относят накопительную часть пенсии, накопленное движимое и недвижимое имущество, финансовые активы, межпоколенную внутрисемейную поддержку. Еще один путь сохранения относительно высоких стандартов благосостояния, получивший широкое распространение в современной России, — это занятость в пенсионном возрасте. Как справедливо отмечают Т. М. Малева и О. В. Синявская [Обзор социальной политики в России, 2007], треть городских российских пенсионеров продолжают работать после выхода на пенсию. В постиндустриальных экономиках, отличающихся перераспределением полномочий по обеспечению благосостояния пенсионеров и ухода за пожилыми с семьи на государство и рынки, на ипотечном рынке представлен продукт, получивший название обратная ипотека. Востребованность обратной ипотеки обусловлена в первую очередь тем, что после завершения трудовой деятельности и выхода на пенсию доходы лиц старшей возрастной группы могут резко сокращаться, что подтверждается теорией жизненного цикла семьи и реальными оценками уровня и качества жизни пожилых. Зачастую ресурсов и сбережений оказывается недостаточно для поддержания прежнего уровня материального обеспечения, и единственным значимым ресурсом остается жилье. В таком случае обратная ипотека будет достаточно актуальной.

В целом механизм обратного ипотечного кредита сводится к следующему⁶: банк оценивает имеющуюся в собственности потенциального заемщика недвижимость и рассчитывает максимальную сумму кредита, которую он готов выдать под ее залог. Пенсионер закладывает находящееся у него в собственности жилье, взамен чего банк выплачивает ему деньги по определенной схеме: либо в виде единовременной выплаты, либо в виде периодических платежей, образующих сумму основного долга. При наступлении заранее оговоренного

⁶ См., например, <http://reverse.org/>

события кредит погашается через продажу недвижимости. Обратная ипотека по своему механизму похожа на договор ренты или пожизненного содержания с иждивением, существующий в российском законодательстве⁷. По договору ренты получатель ренты передает плательщику ренты в собственность имущество (например, жилье), а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать определенную сумму. Однако в последнее время в России все чаще стали говорить о введении в практику и обратной ипотеки тоже. Развернувшаяся дискуссия на этот счет, с одной стороны, указывает на ряд недостатков, рисков и трудностей, связанных с реализацией данной инициативы, но с другой — подчеркивает, что обратная ипотека может стать эффективным инструментом, работающим как на макроуровне (развитие кредитных инструментов, компенсация недостатков пенсионной системы), так и на микроуровне (повышение уровня жизни пенсионеров).

Стоит сразу оговориться, что в задачи нашего анализа не входит рассмотрение всех преимуществ и недостатков реализации программ обратного ипотечного кредитования на российском пространстве. Мы поставили задачу посмотреть на программу поддержки пожилых глазами потенциальных участников, а именно на примере данных ИДХ–2010 оценить отношение населения к обратной ипотеке, его заинтересованность в участии в такой программе. В качестве базовых условий программы в обследовании были заданы следующие: государство предлагает пожизненную ежемесячную доплату к пенсии в обмен на право собственности на жилье пенсионера. При этом пенсионер может продолжать жить в своем жилье, никто к нему подселен не будет. Вопросы задавались респондентам в возрасте 45 лет и старше. Выбор данной возрастной группы связан с тем, что он позволяет максимально приблизиться к целевой группе программы. Именно в данном возрасте вопросы пенсионного обеспечения становятся особенно актуальными, и люди задумываются о различных способах повышения своего дохода после выхода на пенсию.

Отношение населения к новым программам или инициативам со стороны государства, как правило, оценивается с двух ракурсов: во-первых, это личная заинтересованность респондента в программе, его готовность принять в ней участие; во-вторых, это оценка со стороны респондента программы в целом, ее необходимость не только для него лично, но и для других потенциальных участников. Уровень позитивного отношения к программе в целом обычно значительно превышает личную заинтересованность. В нашем исследовании для оценки личной готовности респондента участвовать в обратной ипотеке и его отношения к программе задавались следующие вопросы: «Вас может заинтересовать предложение пожизненной ежемесячной доплаты к пенсии в обмен на право собственности на Ваше жилье, исходящее от государства?» и «Нужна ли в России программа, при которой пожилые владельцы жилья смогут уступить право собственности на свое жилье государству и получить взамен этого ежемесячную доплату к пенсии?».

Более половины опрошенных респондентов 45 лет и старше считают, что в России нужна такая программа (табл. 8), при этом наиболее популярным ответом является согласие в форме «скорее да» (около 38%). Лично заинтересованы в программе и готовы принять в ней участие гораздо меньшее число опро-

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Глава 33. Рента и пожизненное содержание с иждивением.

Таблица 8. Отношение к программе поддержки пожилых и личная заинтересованность в участии, в % от численности респондентов в возрасте 45 лет и старше

Ответы респондентов	Отношение к программе поддержки пожилых в целом	Личная заинтересованность в участии в программе поддержки пожилых
Определенно да	17,2	3,6
Скорее да	38,1	8,8
Скорее нет	31,0	20,1
Определенно нет	13,7	62,4
Нет жилья в собственности	–	5,1
Всего	100	100

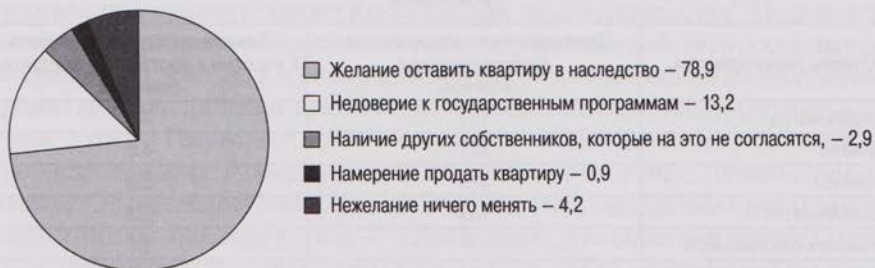
Источник: данные ИДХ–2010.

шенных. Определенно согласились бы получать пожизненную ежемесячную доплату к пенсии в обмен на право собственности на жилье 3,6% от респондентов 45 лет и старше, скорее согласились бы — 8,8%. Стоит отметить, что 5,1% от опрошенной старшей возрастной группы не имеет жилья в собственности, поэтому не может стать потенциальным участником программы. Таким образом, если сузить целевую группу анализа только до тех, кто имеет жилье в собственности, можно сказать, что в разной степени готовы принять участие в программе поддержки пожилых 13% респондентов от данной группы.

Помимо личной заинтересованности, в программу обследования были включены вопросы о возможном размере ежемесячной выплаты и причинах незаинтересованности в программе «Обратная ипотека». Результаты ответов на данные вопросы позволили сформировать группу потенциальных участников:

1. Из числа тех, кто лично заинтересован в программе, были исключены респонденты, ожидающие от обратной ипотеки ежемесячную денежную выплату в размере, превышающим двукратный размер среднедушевого дохода в обследуемом городе, что однозначно превышает возможности выплаты в рамках обратной ипотеки при средних размерах и качестве занимаемого жилья. Случаи, когда граждане обладают дорогостоящим жильем, не попадают в число клиентов данной программы, так как ориентированы, в случае необходимости, на механизмы купли-продажи. Применение процедуры повышения надежности данных сократило численность заинтересованных до 11% от числа опрошенных респондентов в возрасте 45 лет и старше, и их мы считаем основной группой потенциальных участников программы.
2. Ряд респондентов, не высказавших заинтересованности в тестируемой программе, когда речь зашла о размере компенсации, согласились на получение приемлемой ежемесячной выплаты. Таковых оказалось 9%, и они были отнесены к резервной группе потенциальных участников.
3. Еще одна резервная категория потенциальных участников была выявлена при анализе причин отказа от участия в обратной ипотеке. Основная причина нежелания участвовать в программе заключается в намерении передать жилье в наследство (рис. 3). Еще одной важной причиной является низкий уровень доверия к государственным программам в целом — около 13,2% от числа мотивированных противников рассматриваемого ипотечного продукта или 10% от респондентов в возрасте 45 лет и старше. И если в первом случае мы, скорее всего, имеем дело с теми, кто вряд ли пересмотрит свои

Рисунок 3. Причины несогласия на участие в программе «Обратная ипотека», в % от численности тех, кто не согласен

Источник: данные ИДХ-2010.

взгляды на решение относительно находящегося в собственности жилья, то во втором случае уровень доверия к программе может быть повышен посредством социальной рекламы, примеров позитивного опыта участия других жителей города и других приемов продвижения продукта на рынке.

Для того чтобы оценить востребованность обратной ипотеки у разных категорий респондентов и описать социально-демографический портрет ее потенциальных участников, будем рассматривать три целевые группы: 1) вышеописанная основная группа потенциальных участников; 2) резервная группа потенциальных участников, включающая в себя две вышеописанные резервные группы; 3) респонденты в возрасте 45 лет и старше, не относящиеся к потенциальным участникам программы.

Данные обследования свидетельствуют в пользу того, что респонденты, на момент опроса являющиеся пенсионерами, высказывают большую заинтересованность в участии в программе. Так, среди домохозяйств, где респондент 45 лет и старше является пенсионером, доля потенциальных участников из основной группы в 2 раза выше, чем в домохозяйствах, где респондент пока не вышел на пенсию (табл. 9). Аналогично уровень заинтересованности в обратной ипотеке на 10 п. п. выше среди незанятых респондентов, чем среди занятых. Что касается резервной группы потенциальных участников, то ее доля, напротив, несколько выше среди непенсионеров и среди занятых респондентов. Видимо, закончившие трудовую деятельность и получающие пенсию, которая, как правило, является основным источником доходов, уже столкнулись с проблемой поддержания прежнего уровня жизни и высказывают большую готовность принять участие в программе. Те же респонденты, которые на момент опроса имели трудовые доходы, пока рассчитывают на собственные силы и зачастую, если и являются потенциальными участниками программы, относятся к резервной группе.

Не менее важную роль играет социально-демографический тип семьи. Наличие детей в домохозяйстве значительно сокращает вероятность принятия участия в обратной ипотеке: из домохозяйств с детьми ни одно не вошло в состав основной группы потенциальных участников (табл. 9). Как уже упоминалось выше, главная причина отказа от участия в программе заключается в желании передать жилье в наследство. На фоне этого наличие детей в домохозяйстве, а также других родственников выглядит вполне логично как фактор неучастия. Напротив, наиболее способствующей участию является ситуация, когда респондент проживает один: около 18% таких респондентов были отнесены к основной группе потенциальных участников.

Таблица 9. Востребованность программы «Обратная ипотека» в различных социально-демографических группах, в %

Характеристика респондента	Потенциальные участники		Не являющиеся потенциальными участниками	Все
	основная группа	резервная группа		
Доля среди респондентов 45 лет и старше	11,0	19,0	70,0	100
<i>Респондент – пенсионер или нет</i>				
Не пенсионер	6,6	22,8	70,6	100
Пенсионер	12,1	18,2	69,7	100
<i>Респондент – занят или нет</i>				
Не занят	14,8	17,0	68,2	100
Занят	3,8	23,3	72,9	100
<i>Социально-демографический тип</i>				
Респондент один	18,5	19,6	62,0	100
Респондент, дети и кто-то еще	0,0	14,0	86,0	100
Респондент, нет детей, кто-то еще	5,1	20,2	74,7	100
<i>Доходные группы</i>				
Бедные, ниже 1 ПМ	5,1	20,2	74,7	100
2–3 ПМ	10,6	19,0	70,4	100
Свыше 3 ПМ	14,0	17,2	68,8	100
<i>Жилье в собственности</i>				
Только респондента	15,8	20,1	64,1	100
Только респондента и супруги/супруга	4,5	25,5	70,0	100
<i>Наличие сбережений</i>				
Нет сбережений	6,9	18,3	74,9	100
Сбережений хватит не более чем на три месяца	19,5	17,1	63,4	100
Сбережений хватит на полгода и более	13,0	24,4	62,6	100

Источник: данные ИДХ–2010.

Еще одним важным критерием участия в программе является единоличное право собственности на жилье. В случаях, когда жилье принадлежит только респонденту, он в 3 раза чаще позитивно высказывался об участии в программе, чем в тех случаях, когда оно принадлежит респонденту и его/ее супруге/супругу. В последнем случае большая доля потенциальных участников была отнесена не к основной, а к резервной группе.

Востребованность обратной ипотеки оказалась максимальной в домохозяйствах со среднедушевыми доходами свыше трех прожиточных минимумов (ПМ) (по сравнению с бедными домохозяйствами и домохозяйствами, где доход находится в пределах 2–3 ПМ). В дополнение к этому доля потенциальных участников из основной группы выше среди домохозяйств, имеющих сбережения по сравнению с теми, где сбережения отсутствуют. Данные результаты свидетельствуют в пользу того, что программа обратной ипотеки должна быть нацелена не только и не столько на бедные домохозяйства, но и на домохозяйства с более высоким уровнем дохода, который не всегда удается сохранить после завершения трудовой деятельности.

Социально-демографический портрет потенциальных участников программы во многом отражает те же тенденции: преимущественно незанятые пенсионеры, проживающие одни, жилье находится только в их собственности, доходы выше прожиточного минимума и есть сбережения, которых хватит по крайней мере на три месяца (табл. 10). В резервной группе потенциальных участников чаще, чем в основной группе, оказываются занятые респонденты из более сложных семей, имеющие жилье в совместной собственности с кем-то еще, а также из групп с более низкими доходами и не имеющие сбережений.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что со стороны потенциальных потребителей обратной ипотеки существует ряд экономических, социокультурных и институциональных факторов, препятствующих их участию в программе.

Таблица 10. Социально-демографические характеристики потенциальных участников программы «Обратная ипотека», в %

Характеристика респондентов	Потенциальные участники		Не являющиеся потенциальными участниками	Все
	основная группа*	резервная группа		
<i>Респондент — пенсионер или нет</i>				
Не пенсионер	14,3	27,5	23,7	23,4
Пенсионер	85,7	72,5	76,3	76,6
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Респондент — занят или нет</i>				
Не занят	87,3	56,0	62,3	63,9
Занят	12,7	44,0	37,7	36,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Социально-демографический тип</i>				
Респондент один	79,4	45,9	41,8	46,6
Респондент, дети и кто-то еще	0,0	7,3	12,0	9,8
Респондент, нет детей, кто-то еще	20,6	46,8	46,2	43,5
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Доходные группы</i>				
Бедные, ниже 1 ПМ	6,3	11,1	7,9	8,3
2–3 ПМ	73,0	75,0	76,1	75,6
Свыше 3 ПМ	20,6	13,9	16,0	16,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Жилье в собственности</i>				
Только респондента	65,1	46,4	40,9	44,6
Только супруги/супруга респондента	0,0	0,9	2,7	2,1
Только респондента и супруги/супруга	7,9	25,0	19,0	18,9
<i>Наличие сбережений</i>				
Нет сбережений	36,5	54,1	61,8	57,6
Сбережений хватит не более чем на три месяца	38,1	19,3	19,1	21,2
Сбережений хватит на полгода и более	25,4	26,6	19,1	21,2
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Источник: данные ИДХ-2010.

1. Экономические:
    - низкий размер пожизненной ежемесячной доплаты к пенсии;
    - наличие альтернативных экономических стратегий — продать жилье, поменять жилье на более простое и т. д.
  2. Социокультурные:
    - желание оставить квартиру в наследство;
    - нежелание ничего менять как стратегия поведения;
    - непринятие, особенно со стороны старшего поколения, финансовых нововведений.
  3. Институциональные:
    - низкий уровень доверия к государственным программам;
    - невысокое знание и понимание финансовых инструментов, особенно новых (учитывая, что потенциальными участниками являются лица старшей возрастной группы, этого можно ожидать).
  4. Юридические:
    - совместное право собственности на жилье у нескольких лиц.
- Даже при обозначенных ограничениях порядка 30% респондентов в возрасте 45 лет и старше можно рассматривать как потенциальных участников программы обратной ипотеки. В крупных городах и столичных центрах следует ожидать еще большую склонность населения в участие в такого рода программах, поскольку мотивированные на участие в программе одиноко проживающие пенсионеры с относительно высокими доходами здесь представлены более широко. Единственный вопрос, который возникает в данном случае, заинтересует ли данная программа работающих пенсионеров.

Подводя итог рассмотрению возможностей и ограничений для расширения линейки ипотечных продуктов как драйверов модернизационного развития, отметим, что есть объективные предпосылки для открытия дополнительных входов в традиционную ипотеку за счет снижения кредитных издержек и внедрения страховых механизмов на период безработицы, рождения детей и распада семьи. Наиболее перспективно внедрение новых специализированных продуктов, способствующих содействию трудовой миграции и расширению для пожилых возможностей по трансформации накопленных материальных активов в ресурсы для текущего потребления. Обсуждения требует вопрос о специальном ипотечном продукте для привлечения квалифицированных кадров в систему образования и здравоохранения. Кризис обострил проблему невозвратных ипотечных и жилищных кредитов, потенциал которых сформировался еще на этапе экономического роста, но за счет увеличения пенсий, семейной солидарности, поиска новой и дополнительной работы, а также реструктуризации кредитов проблема не стала критичной.

ЛИТЕРАТУРА

Боноли Дж. Время имеет значение. Постиндустриализация, новые социальные риски и адаптация государства всеобщего благосостояния в развитых промышленных демократиях // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 11 (Осень-зима). С. 7–28.

Бурдяк А. Я. Ипотечное кредитование в России — портрет заемщика // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 11 (Осень-зима). С. 61–76.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Гл. 33 «Рента и пожизненное содержание с иждивением».

Григорьев Л. М. Модернизация через коалиции / Л. М. Григорьев, В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 59–70.

Кувшинова О., Стеркин Ф. 5 млн. пропавших // Ведомости. 2010. 11 октября.

Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальный контекст модернизации // «Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: Сб. статей и материалов. Вып. 1 и 2 / Под ред. В. Л. Инземцева. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. С. 5–98.

Мальгинов Г., Стерник Г. Российский рынок жилья в 2009 г.: от кризисного падения к стагнации // Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. — М.: ИЭПП, 2010. Гл. 5.7.2.

Модернизация экономики и общественное развитие / Отв. ред. *Е. Г. Ясин*; ГУ–Высшая школа экономики, — М.: изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007.

Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. — М.: РОССПЭН, 2006.

Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. *Т. М. Малевой; Н. В. Зубаревич, Д. Х. Ибрагимова и др.*; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — 432 с.

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. *Т. М. Малевой, О. В. Сиявской*; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.

Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23.

Используемые Интернет-ресурсы

<http://www.ahml.ru/> Официальный сайт ОАО «Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов» и ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию».

<http://www.gks.ru/> Официальный сайт Росстата.

<http://reverse.org/> Обратная ипотека.

<http://www.roskazna.ru/> Сайт Федерального казначейства.

СРЕДНИЙ КЛАСС В РЕНТООРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПОЧЕМУ МОСКВА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ РОССИЕЙ?

Белановский С. А., директор по социальным и экономическим исследованиям Фонда «Центр стратегических разработок»

Дмитриев М. Э., д.э.н., президент Фонда «Центр стратегических разработок»

Мисихина С. Г., к.э.н., директор Центра социальной политики Института прикладных экономических исследований Академии народного хозяйства при Правительстве РФ

Авторы статьи утверждают, что незадолго до экономического кризиса конца 2008 г. в Москве сформировалась массовая прослойка населения, по уровню доходов близкая к западноевропейскому среднему классу, но существенно отличающаяся от него по структуре капитальных активов. Рассматривая структуру доходов населения, они приходят к выводу о том, что доходы от недвижимости являются самым крупным источником совокупных доходов москвичей, что и позволяет им говорить о рентоориентированной экономике в отдельно взятом субъекте РФ. Специфика доминирующего источника доходов формирует ряд особенностей экономической и социальной мотивации московского среднего класса, в их числе высокая экономическая автономность и особые взаимоотношения с властью; запрос на правовое государство, как средство защиты их активов; снижение ценности человеческого капитала и инвестиций в него; большой ресурс свободного времени и рост протестных настроений.

В заключение в поисках ответа на вопрос: «Сблизится ли Москва с Россией после кризиса?» — авторы предлагают три возможных сценария развития ситуации.

НАШ ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ СРЕДНЕГО КЛАССА

В последние годы в России было сломано немало копий по вопросу о том, как определять принадлежность к среднему классу и измерять его долю в населении страны [Аврамова и др., 2003; Березин, 2010; Городской средний класс..., 2006; Григорьев, Салмина, 2010; Российские средние классы накануне..., 2008; Специальное обозрение..., 2002]. Нам кажется, что споры о точности измерений незаслуженно отвлекают внимание исследователей от поистине тектонических сдвигов в социальной структуре и экономической мотивации населения Москвы, которые уже успели самым серьезным образом отразиться на социально-политической обстановке. По нашему мнению, масштабы происходящих социальных изменений и их последствия настолько значительны, что точность измерений уже мало влияет на оценку вероятных последствий.

Чтобы сосредоточиться на сути рассматриваемых социальных процессов, которые тесно связаны с особенностями экономической мотивации людей, пополняющих ряды среднего класса, в данной статье мы осознанно

отказываемся от полемики по поводу критериев и определений. Для измерения среднего класса мы используем упрощенный подход, основанный на легкодоступной информации и фокусирующийся на ключевых экономических мотивах, которые сегодня отличают растущий средний класс от менее обеспеченных слоев населения. Мы понимаем, что в строгом смысле предлагаемый нами подход не является доказательным для выделения среднего класса как социальной группы. Но он эффективен для постановки гипотез и иллюстрации исключительно важных тенденций, которые проявляются уже сегодня, но в полной мере смогут реализоваться лишь в перспективе предстоящего десятилетия.

В развитых странах для выделения среднего класса часто используется порог доходов наряду с характеристиками социально-профессионального статуса [Thompson, Hickey, 2005; Gilbert, 2002; Beegley, 2004]. Но в России профессионально-образовательный критерий работает недостаточно эффективно в силу нерыночных искажений в оплате труда работников бюджетного сектора и его завышенной доли в численности занятых. Это ведет к недооценке стоимости человеческого капитала и вытеснению части высокообразованного населения за пределы среднего класса. Мы считаем, что в качестве своеобразного аналитического водораздела между средним классом и малообеспеченными слоями в России удобнее всего использовать возможность приобретения жилья. В отличие от человеческого капитала, этот актив в России в гораздо меньшей степени подвержен нерыночным искажениям и представляет собой наиболее распространенное средство капитализации доходов и социального статуса. Как мы убедились при сопоставлении разнообразных источников социально-экономической информации, для такого подхода к оценке среднего класса в Москве есть весомые основания.

Предположение о значимости критерия обладания жильем при определении принадлежности к среднему классу получило подтверждение в ходе фокус-групп, проведенных нами в декабре 2009 г. В состав фокус-групп входили жители Москвы со средним уровнем доходов (операциональный критерий — в семье имеется автомобиль с текущей стоимостью не менее 400 тыс. руб.) и жители Москвы, имеющие высшее образование, возраст респондентов 30–50 лет. По мнению респондентов, единственным надежным активом в России является недвижимость, под которой практически всегда понимаются городские квартиры (не обязательно в Москве). Причина состоит в том, что городские квартиры можно сдавать в аренду, т. е. они позволяют получать ренту. Прочие виды недвижимости, включая дачи и загородные дома, не воспринимаются как вложение, способное создавать ренту. Таким образом, жилье выступает в качестве доминирующего инвестиционного мотива и ключевого инструмента для капитализации доходов.

Важными аналитическими преимуществами этого критерия являются сравнительная простота измерения и доступность необходимой информации. Институтом экономики города на квартальной основе рассчитывается индекс возможности приобретения жилья с кредитом, который показывает соотношение доходов среднестатистического домохозяйства с доходами, которые необходимо иметь для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита, выдаваемого на стандартных условиях. Во II квартале

2010 г. значение индекса возможности приобретения жилья с кредитом составило 75%, что означает, что средняя семья имеет 75% дохода, необходимого для приобретения квартиры с помощью ипотечного кредита. Средний душевой доход во II квартале 2010 г. составил 18 448 руб. в мес. Следовательно, доход, достаточный для оплаты ипотеки составляет 24 598 руб. в мес. Данные Росстата по распределению населения по размеру среднедушевых денежных доходов показывают, что в целом по Российской Федерации около 20,1% населения имеет доход, достаточный для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита. Еще около 10% населения с более низким уровнем доходов в качестве второго жилья имеет квартиру или комнату в квартире, которые являются значительным ликвидным капитальным активом, способным приносить доход. Это меняет социально-имущественное положение таких домохозяйств и позволяет основную их часть отнести к среднему классу, хотя и с оговорками, касающимися прежде всего рыночной стоимости располагаемого жилья.

Согласно используемым в мировой социологии подходам обычно верхние 1–5% населения относятся к богатым. В российской официальной статистике наблюдение высоких доходов в принципе отсутствует, поэтому мы руководствуемся условными предположениями и с учетом международной практики относим к богатым 1% населения с наиболее высокими доходами.

Следовательно, нижняя оценка среднего класса в Российской Федерации составляет 29,1% (20,1% имеющих доход, достаточный для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита, плюс 10% с более низким уровнем доходов, но имеющих в качестве второго жилья квартиру или комнату в квартире, и минус 1% имеющих наиболее высокие доходы).

Этот показатель превышает оценки, сделанные с применением более сложных критериев. Но в российских условиях он хорошо улавливает ключевую мотивационную специфику среднего класса как обладателя значительных рыночных капитальных активов. По нашему мнению, эта мотивация оказывает существенное влияние на тенденции социального и политического развития последних лет.

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В МОСКВЕ: ЭКОНОМИКА РАНТЬЕ

В 2006 г. среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности (ППП) 27 странах Евросоюза составил 23 600 евро. По нашим оценкам, среднедушевой ВВП по ППП в Москве составил около 29 400 евро, т. е. был на четверть больше, чем в среднем по ЕС, и сравним с ВВП на душу населения в Бельгии. В России в целом среднедушевой ВВП по ППП находился на уровне относительно бедных восточноевропейских членов ЕС — примерно на 15% ниже уровня Польши, но почти на 40% выше, чем в Румынии¹.

По приблизительным оценкам, среднедушевые доходы населения Москвы по ППП приближаются к 50% среднедушевых доходов населения Нью-Йорка, что примерно соответствовало средним доходам жителей Нью-Йорка в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Интересно, что квинтильный коэффициент доходов домохозяйств в 2006 г. в Москве равнялся 21 (без корректировки на экономию

¹ Расчет по данным Росстата, Евростата, МВФ и Всемирного банка.

от масштабов и разницу в потреблении) и мало отличался от аналогичного показателя Нью-Йорка — 22,9 по данным 1998 г. Таким образом, уровень неравенства доходов в Москве, скорее всего, не является чем-то из ряда вон выходящим и вполне типичен для крупного мегаполиса с высоким среднедушевым уровнем дохода.

Чтобы оценить возможности капитализации доходов населения Москвы в жилищные активы, воспользуемся показателем «индекс возможности приобретения жилья с кредитом»² (табл. 1). Значение этого показателя стремительно росло вплоть до 2005 г., вплотную приблизившись к 100%. Это означает, что впервые в истории практически все москвичи с доходами выше среднего (по нашим оценкам, около 35% населения города) получили потенциальную возможность приобрести жилье в кредит на экономически приемлемых условиях. При этом владение жильем в Москве приобрело массовый характер. В 2008 г. доля собственников жилья в структуре городского жилого фонда составила 69,2%³. В результате, с учетом москвичей с доходами ниже среднего, но имеющих второе городское жилье, до 40% населения города могло быть отнесено к категории среднего класса, по нашим критериям. Быстрое старение коренного населения Москвы, скорее всего, усиливает концентрацию владения недвижимостью и повышает долю собственников второго и третьего жилья, по мере того как собственность на жилье переходит от умерших москвичей к их наследникам.

При том что текущие доходы населения Москвы сопоставимы с уровнем доходов многих западноевропейских стран, обеспеченность жильем оказывается существенно ниже — 20,3 м² на душу населения в 2009 г., в то время как в большинстве стран Западной Европы этот показатель колеблется в районе 40 м². Это означает, что в Москве существует огромный нереализованный потенциал роста инвестиций в жилищные активы. Реализация этого потенциала сдерживалась ограниченным предложением на фоне перегрева рынка.

По расчетам Центра макроэкономических исследований Сбербанка России [Рынок жилья: выход из кризиса, 2010. С. 11], в 2002–2010 гг. Москва оказалась регионом с наивысшими темпами удорожания жилья (почти в 3 раза против 2,3 раза в среднем по России) и наименьшими темпами роста заработной платы (в 1,7 раза в против 2,6 раза в среднем по России). Можно указать как минимум три основные причины такого развития событий.

Во-первых, на московский рынок жилой недвижимости выплеснулась значительная часть энергосырьевой ренты, поступившей в экономику страны в период нефтяного бума.

Во-вторых, рост спроса на жилую недвижимость не подкреплялся соответствующим приростом предложения и способствовал ускоренному росту цен на искусственно монополизированном рынке. В Москве были созданы беспрецедентные не только по российским, но и по международным меркам барьеры входа на строительный рынок. По данным регионального обследования Всемирного банка «Doing Business—2009», Москва находилась на последнем месте среди 10 обследованных российских регионов по слож-

² Данные предоставлены Институтом экономики города.

³ Постановление Московской городской думы от 24.12.2008 № 355 «О докладе Московской городской думы «О состоянии законодательства города Москвы».

Таблица 1. Индекс возможности приобретения жилья с кредитом

Регион	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	10	17	27	33	40	54	60	76	70	66	66	68
Москва	17	23	46	51	60	76	82	97	77	66	59	64
Московская область	11	14	19	26	32	42	52	67	67	69	71	68
Санкт-Петербург	6	13	22	29	37	54	56	77	74	61	49	48

Источник: данные Института экономики города.

Таблица 2. Темпы прироста ввода в действие общей площади жилых домов и общежитий, в %

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	4,3	-5,4	4,6	6,7	7,7	12,6	6,1	16,1	21,1	4,6	-6,5
Московская область	4,4	-4,3	8,3	20,6	20,5	39,0	-7,4	22,4	20,4	1,0	7,2
Москва	-1,9	9,5	10,4	15,8	4,0	3,1	1,5	2,8	0,9	-32,4	-17,2
Санкт-Петербург	26,3	0,8	3,4	8,5	44,8	15,6	11,9	4,5	11,0	21,8	-18,9

Источник: данные Росстата.

ности получения разрешений на строительство и имела наибольшее в мире количество процедур для получения этих разрешений. Кроме того, Москва превосходила все другие российские города по стоимости подключения к инженерным сетям [Всемирный банк, 2009]. Как видно из *таблицы 2*, начало перегрева рынка жилья в Москве совпало с резким замедлением темпов прироста ввода жилья. Несмотря на низкую обеспеченность жильем и высокие темпы миграционного прироста населения, темпы прироста ввода жилья в Москве оказались в 2–6 раз ниже среднероссийских и в 5–20 раз ниже, чем в Московской области.

В-третьих, перегрев на рынке московской недвижимости усиливался благодаря притоку мигрантов, который создавал дополнительный не обеспеченный предложением спрос на рынке жилой недвижимости. Кроме того, приток мигрантов способствовал росту предложения на московском рынке труда и соответствующему замедлению роста заработных плат.

Но, как хорошо видно из *таблиц 3–6*, для собственников жилья в Москве замедленный рост их заработной платы с лихвой компенсировался ростом капитализации их недвижимых активов и ростом доходов от аренды и продажи жилья. Совокупность вышеназванных факторов предопределила доминирующую роль жилой недвижимости как с точки зрения вклада в прирост текущих доходов, так и с точки зрения ее вклада в прирост стоимости совокупных активов домохозяйств.

Таблица 3. Доля доходов от собственности,
в % от общего объема денежных доходов населения

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	7,3	7,1	5,8	5,2	7,8	8,3	10,3	10,3	8,9	6,2
Москва	16,1	14,5	11,7	8,6	13,1	15,6	24,7	24,7	20	16
Московская область	3,1	2,9	2	7,5	10,7	9,8	10	10	12,6	5,9
Санкт-Петербург	9,9	9,9	9	8,4	12,3	10,8	8,3	8,3	8,6	7,3

Источник: данные Росстата.

Таблица 4. Доля оплаты труда, в % от общего объема денежных доходов населения

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	35,3	38,1	38,7	41	39,5	40,5	40	39,5	41,4	44,7
Московская область	38,8	46,3	44	48,6	44,5	42,8	43,1	39,1	40,4	39,9
Москва	17,2	18,4	20,8	23,6	25,1	25,6	30	32	36,2	50,3
Санкт-Петербург	40	42,7	46,3	51,9	41,4	41,4	38,2	43	49,1	60,6

Источник: данные Росстата.

Таблица 5. Доля доходов от предпринимательской деятельности,
в % от общего объема денежных доходов населения

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	12,6	15,9	12,4	11,9	12	11,7	11,6	11,1	10	10,2
Москва	12,2	17,1	11,6	11	9,5	8,6	8,8	8,7	7,2	8,4
Московская область	12,4	11,7	8,2	7,6	10	10,2	10	9	6,7	6
Санкт-Петербург	7	11,1	9,1	7,5	6	4,9	4,1	3,6	3	3,2

Источник: данные Росстата.

Таблица 6. Доля социальных трансфертов,
в % от общего объема денежных доходов населения

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	13,4	14,4	15,3	15,3	14,1	12,9	12,8	12	11,6	13,2
Москва	7,7	13	14,3	13,8	10,4	8,5	7,2	6,8	6,2	9,7
Московская область	14,8	17,4	23,6	20,6	18,4	16,7	15,7	11,9	10,7	10,7
Санкт-Петербург	11,7	11,7	12,9	13,3	13,3	11,1	10,6	11,1	11,7	14,8

Источник: данные Росстата.

Доходы от собственности стали самым быстрорастущим элементом доходов населения Москвы. Их доля в доходах населения с 2002 по 2006 г. выросла в 2,9 раза. В 2005–2006 гг. она составляла почти 25% против 10% в среднем по Российской Федерации. По своей значимости они вплотную приблизились к основному компоненту доходов — заработной плате. С учетом же того, что доходы от недвижимости в российской статистике занижаются, а заработная плата, напротив, завышается, реальные доходы от недвижимости в этот период, скорее всего, превратились в самый крупный источник совокупных доходов населения Москвы. Для России это явление, по-видимому, не имеет исторических аналогов. Для сравнения, в целом по России в тот же период доля доходов от недвижимости составляла немногим более четверти от доли заработной платы в доходах населения. В Московской области и Санкт-Петербурге это отставание было еще более значительным. Недвижимость стала для москвичей настолько значимым и в то же время привычным источником доходов, что в обследованиях бюджетов домохозяйств заметно возросла готовность респондентов сообщать интервьюерам о наличии имущества и доходов от него.

Зеркальным отражением указанных структурных сдвигов в доходах москвичей стало стремительное падение доли социальных трансфертов и доли доходов от предпринимательской деятельности. Эти два компонента совокупных доходов — единственные, доля которых к 2007 г. сократилась более чем в 2 раза по сравнению с началом десятилетия. Если в 2001 г. вклад социальных трансфертов в благосостояние москвичей был на 1/5 выше, чем вклад доходов от собственности, то в 2006 г. их вклад оказался в 3,6 раза меньше, чем вклад доходов от собственности. Падение роли социальных трансфертов удивления не вызывает: доходы от аренды стандартной двухкомнатной квартиры эконом-класса в Москве на пике перегрева рынка жилья как минимум в 3 раза превышали среднюю пенсию, а доходы от продажи такой квартиры были эквивалентны пенсионным выплатам за срок не менее чем 50 лет. Напротив, в целом по России доля социальных трансфертов в доходах за этот период снизилась незначительно и в 2006 г. на 1/5 превышала долю доходов от собственности.

Доля доходов от предпринимательской деятельности в 2001 г. практически совпадала с долей доходов от недвижимости, а в 2007 г. она оказалась в 2,8 раза ниже. Даже в совокупности с социальными трансфертами доходы от предпринимательской деятельности были более чем в 1,5 раза ниже доходов от собственности. В 2000 г. значимость доходов от предпринимательской деятельности в бюджетах домохозяйств в Москве превысила среднероссийские показатели, а в 2006 г. доля этих доходов оказалась на 1/5 ниже, чем в целом по России.

Таким образом, незадолго до начала мирового финансово-экономического кризиса в Москве сформировалась массовая прослойка населения, близкая по уровню доходов к западноевропейскому среднему классу, но существенно отличающаяся от него по структуре капитальных активов. При относительно небольшом вкладе нематериальных активов (человеческого капитала), доходов от бизнеса и финансовых активов повышение благосостояния московского среднего класса опиралось преимущественно на стремительно растущую капитализацию перегретого рынка жилья. Центральная роль городской недвижимости как источника формирования доходов и активов

московского среднего класса существенно отличают его не только среднего класса европейских стран, но, как будет показано ниже, и от большей части населения других регионов России, включая представителей регионального среднего класса.

Повышенное значение доходов от собственности было обусловлено не только их возросшей долей в доходах, но и тем, что на какое-то время они превратились в крупнейший фактор прироста как совокупных доходов, так и активов домохозяйств. В свою очередь, основной причиной роста этого источника служило вторичное перераспределение энергосырьевой ренты через московский рынок недвижимости. Фактически возникло специфическое сообщество рантье, для характеристики которого можно провести некоторую параллель с Объединенными Арабскими Эмиратами. Москва, подобно эмирату Дубай, не имеет собственных нефтяных скважин. Но жители Дубая через рынок недвижимости долгое время пожинали плоды нефтяного бума в соседнем Абу-Даби, являющемся главным экспортером углеводородов из ОАЭ. Подобно Абу-Даби, Ханты-Мансийск и другие столицы нефтедобывающих провинций не имели возможности сформировать емкие рынки городской недвижимости, которые смогли бы привлечь заметную часть энергосырьевой ренты, создаваемой в этих регионах. Московской недвижимости по вполне понятным причинам отдавали предпочтение даже жители нефтяных регионов.

Специфика доминирующего источника доходов формирует особенности экономической и социальной мотивации. В связи с этим можно сформулировать несколько предположений, многие из которых подтверждаются имеющимся в нашем распоряжении социологическим материалом.

Во-первых, рыночная природа доходов от недвижимости, индивидуализация процесса их получения и их высокая автономность заметно снизили зависимость московского среднего класса как от властей, так и от работодателей. Рост экономической независимости и самостоятельности достигался и за счет стремительного падения доли социальных трансфертов в бюджетах домохозяйств.

Во-вторых, обладание значительными рыночными активами усилило спрос на эффективное правовое государство как основное средство защиты рыночных активов и их стоимости.

В-третьих, в период экономического подъема жилье являлось сравнительно предсказуемым и не слишком волатильным активом. Несмотря на очевидные риски, связанные с защитой прав собственности и локальными факторами, способными отрицательно влиять на рыночную цену активов, сдача жилья в аренду и другие операции на рынке жилья могли обеспечивать высокую и сравнительно устойчивую доходность. Тем самым жилищные активы выполняли роль номинального якоря в семейном бюджете. Дополнительным преимуществом этого рынка по сравнению с другими рынками капитальных активов был низкий фактический уровень налогообложения благодаря хорошо отработанным схемам уклонения от налогов. Как показали результаты проводившихся нами фокус-групп и опросов, высокая уверенность в надежности жилищных активов предопределила то, что подавляющее большинство респондентов указало их в качестве наиболее предпочтительной формы сбережений на старость и иные долгосрочные нужды семьи.

В-четвертых, получение высоких доходов от недвижимости на растущем рынке жилья не требует высокой предпринимательской активности и навыков ведения бизнеса. Не требует оно высокой образовательной подготовки и развития профессиональных компетенций. Таким образом, наиболее значимый источник доходов московского среднего класса на пике экономического бума слабо коррелировал с развитием предпринимательства и человеческого капитала. Инвестиции в человеческий капитал отходят на второй план, а экономика знаний и инновации смещаются на периферию экономических интересов московского среднего класса.

В-пятых, получение рентных доходов требует сравнительно скромных затрат времени, что оставляет московскому среднему классу большой ресурс свободного времени. Отсюда — высокий спрос на отдых и развлечения, но не только на это. Наличие свободного времени и сил, которые больше не поглощаются, как в 1990-х гг., борьбой за выживание, заметно повышают готовность к протестным действиям в случаях, когда действия властей затрагивают ключевые интересы респондентов.

Ниже мы проиллюстрируем, как некоторые из перечисленных особенностей московского среднего класса проявились в его взаимоотношениях с властью.

КЛАСС РАНТЬЕ И ВЛАСТЬ

Приоритеты социально-экономической политики московской городской администрации сложились еще в 1990-е гг., когда численность малообеспеченного населения была высока, социальные трансферты играли значительную роль в поддержании материального благополучия и патерналистские настроения в отношении властей заметно преобладали над спросом на правовое государство. За годы правления Ю. Лужкова эта политика приобрела инерционность, была институционализована и без особых изменений продолжилась в 2000-х гг. В последние годы политика, обеспечившая властям широкую поддержку москвичей в 1990-е гг., стала все более расходиться с интересами растущего среднего класса. Масштабы этих расхождений отчетливо видны при анализе структуры московского городского бюджета (табл. 7).

За 2001–2007 гг. доля расходов по разделу «Социальная политика» в общих расходах бюджета г. Москвы выросла почти на 1/3. Одной из главных статей экономии для наращивания социальных трансфертов стали инвестиции

Таблица 7. Доля расходов по разделу «Социальная политика» и расходов территориального дорожного фонда, в % от общих расходов бюджета субъекта Федерации

Регион	Расходы бюджета по разделу «Социальная политика»		Расходы территориального дорожного фонда	
	2001	2007	2001	2007
Москва	8,1	10,6	13,7	6,8
Санкт-Петербург	12,0	9,6	—	—

Источник: расчеты авторов по законам о бюджете на соответствующий год.

в дорожную инфраструктуру. За тот же период расходы территориального дорожного фонда Москвы сократились более чем в 2 раза — с 13,7% до 6,8% общих расходов бюджета города. Это происходило как раз в те годы, когда для большинства населения Москвы социальные трансферты стремительно утрачивали свое значение, а транспортная и связанная с ней экологическая обстановка вошла в число наиболее острых проблем.

Отметим, что даже в Санкт-Петербурге, где роль социальных трансфертов в доходах населения сохранялась на относительно стабильном уровне, доля социальных расходов в городском бюджете упала на 1/5. Кроме того, транспортные и экологические проблемы Москвы, помимо их непосредственной значимости, все более чувствительно затрагивали интересы москвичей как владельцев недвижимости, поскольку обострение этих проблем на конкретных участках городской территории вело к потерям рыночной стоимости жилищных активов и доходов от их аренды.

В 1990-е гг. с точки зрения электоральной поддержки упомянутые структурные сдвиги в столичном бюджете выглядели бы рационально. Но их развертывание в 2000-х гг. на фоне прямо противоположных изменений в предпочтениях электората свидетельствует о том, что, устранение политической конкуренции на региональном уровне, включая отмену выборности мэра Москвы, ослабили чувствительность властей к запросам избирателей.

Еще одна проблема, непосредственно связанная с дефицитом политической конкуренции и фактическим отсутствием разделения властей, — системный дефицит правового государства. На необходимость обеспечить неукоснительное соблюдение законов как на первостепенный приоритет указали практически все участники фокус-групп, проводившихся нами в Москве в декабре 2009 г. Характерно, что политическая конкуренция в этой области, не работающая внутри страны, все более перемещается за пределы национальной юрисдикции Российской Федерации. За инвестиции в недвижимость московского среднего класса Москва вынуждена конкурировать с иностранными юрисдикциями, практически все из которых обеспечивают более высокий уровень правовой защиты иностранным гражданам, чем Россия собственным жителям. Как показали проведенные нами фокус-группы, дефицит правового государства в России в условиях отсутствия очевидных перспектив улучшения ситуации значительная часть наших московских респондентов уже сейчас готова восполнить путем приобретения недвижимости за рубежом (преимущественно в Европе и Турции), а иногда и просто путем переезда в Европу на постоянное место жительства. Высокая мобильность московского среднего класса, включая частные поездки за границу и свободное владение Интернетом, облегчает получение информации, необходимой для вложений за рубежом. Уместно смикшировать два крылатых выражения: «...если природу не пустить через дверь, она войдет через окно... прорубленное Россией в Европу».

Несмотря на возросшую конкуренцию со стороны иностранных юрисдикций, легендарная способность Правительства Москвы выигрывать в московских судах иски против граждан, в том числе и по спорам относительно объектов недвижимости, заметно упрочилась с отменой выборов главы городской администрации и фактическим устранением конкуренции на выборах в законодательные органы. Без развития внутривластной конку-

ренции возможности для улучшения защиты прав собственности граждан ограничены.

Отметим попутно, что отчасти мимо цели с точки зрения ключевых интересов московского среднего класса проходит и модернизационная риторика федеральных властей. Разговоры об инновационном развитии в абстрактной форме, может быть, и вызывают некоторое сочувствие со стороны московского среднего класса, но лично для себя в повседневной жизни его представители находят мало практических приложений для инновационной активности. Как было отмечено, фокус экономических интересов этой прослойки смещен в сторону от экономики знаний и развития человеческого капитала. Отсюда — распространенный скепсис относительно возможностей развития инновационной экономики и сравнительно низкая эффективность усилий официальной пропаганды по этому вопросу. Результаты фокус-групп показывают, что представители среднего класса воспринимают модернизационную риторику как очередную пропагандистскую кампанию, мало связанную с действительностью. При этом звучали аналогии с политикой «ускорения» М. Горбачева и даже кукурузной кампанией Н. Хрущева.

Нечувствительность властей к коренным экономическим интересам московского среднего класса толкает его к самостоятельному поиску способов защиты собственных интересов. Поскольку немалая часть этих людей хорошо встроена в федеральную и региональную систему власти, многие проблемы они способны решать неформальным путем, опираясь на личные связи. Такие непубличные механизмы в сложившейся федеральной и московской вертикали власти уже доказали свою эффективность, и московский средний класс, как никто другой, умеет ими пользоваться.

Не менее эффективны и каналы столичных СМИ. Практически повсюду, включая федеральные телеканалы и Интернет, доминируют представители московского среднего класса, которые через них транслируют на всю страну специфические ценности и предпочтения своей социальной группы.

Но эти каналы влияния уже не исчерпывают весь арсенал средств, с помощью которых московский средний класс готов отстаивать свои интересы в отношениях с властями. Как уже было отмечено выше, сочетание сравнительно высокой экономической автономности и наличия ресурса свободного времени снижает для московского среднего класса альтернативные издержки (например, в виде потери дохода) от участия в акциях протеста против политики властей. Даже в условиях слабой системы защиты прав собственности средний класс как владелец недвижимости мало уязвим в отношениях с властями: в российских реалиях изъять жилье в качестве меры пресечения сложно даже у небольшого числа индивидов, но никакими путями — у сколько-нибудь заметной группы населения.

Акции обманутых дольщиков, протесты против точечной застройки, в том числе нарушающей исторический облик города, протесты против транспортных пробок — все эти разновидности протестных акций имеют непосредственную связь либо с защитой прав на недвижимость, либо с защитой ее рыночной стоимости. В этом свете даже протестное движение против прокладки платной автотрассы через Химкинский лес предстает не столько симптомом активизации экологических движений, сколько проявлением готовности посредством акций протеста отстаивать рыноч-

ную привлекательность собственных квартир, расположенных поблизости от трассы.

Взросшие протестные настроения московского среднего класса подтверждаются результатами репрезентативных социологических опросов. Российские социологи неоднократно пытались исследовать взаимосвязь между уровнем дохода и политическими настроениями социальных групп. Результаты обычно оказывались отрицательными в том смысле, что не давали выраженной корреляции между этими признаками. Однако более детальное изучение настроений групп населения позволило выявить определенные зависимости, важные для понимания общественной обстановки в целом.

В качестве индикатора, отражающего политические настроения общества, нами был выбран косвенный вопрос о том, растет ли в обществе недовольство политикой властей. Такой вопрос меньше подвержен искажениям, поскольку ставит респондента в позицию эксперта, которая воспринимается как менее опасная для него. Гипотеза исследования состояла в том, что протестные настроения нижних и верхних слоев общества имеют разную природу, которая должна определенным образом проецироваться на распределение ответов.

Согласно результатам опроса (табл. 8), в России без Москвы (в дальнейшем — в регионах России) 34% населения считают, что недовольство властями усиливается. В группе с низким потребительским статусом такого мнения придерживаются 35% опрошенных, в группе с высоким статусом — 32%. Сальдо оценок составляет (-3%), т. е. близко к величине статистической ошибки. Все же оно может свидетельствовать о слабой отрицательной корреляции между признаками: рост доходов уменьшает число респондентов, считающих, что недовольство властями усиливается.

В Москве наблюдается принципиально иная картина: 46% населения считают, что недовольство властями усиливается. В группе с низким потребительским статусом такого мнения придерживаются 44% опрошенных,

Таблица 8. Доля респондентов, считающих, что недовольство политикой российских властей в обществе усиливается, в % к численности соответствующей социальной группы

Характеристика респондента	Россия без Москвы			Москва		
	всего	низкий статус	высокий статус	всего	низкий статус	высокий статус
Мужчины — всего	36	37	32	46	40	55
18–34 лет	32	33	31	45	34	58
35–55 лет	39	41	34	44	39	50
55+	38	38	33	50	47	56
Женщины — всего	38	39	33	47	49	42
18–34 лет	37	37	35	49	54	41
35–55 лет	41	41	35	55	56	52
55+	36	37	24	38	40	12

Источник: расчеты авторов по первичным социологическим данным.

в группе с высоким статусом — 49%. Сальдо оценок между низшим и средним классом составляет (+4%). Таким образом, видны сразу две тенденции.

Во-первых, мнение о росте недовольства властями среди москвичей выражается заметно чаще, чем в остальной России (46% против 34%). Этот результат хорошо согласуется с заметным падением популярности Ю. Лужкова в период, предшествовавший его отставке.

Во-вторых, в Москве рост дохода увеличивает долю респондентов, считающих, что недовольство властями усиливается. Это небольшое, но значимое различие станет еще более значимым, если учесть, что в регионах России сальдо таких оценок находится в отрицательной области. Хотя суммирование векторов в данном случае не вполне корректно, можно говорить о противоположной тенденции, суммарно составляющей 7%, что, безусловно, является статистически значимой величиной.

Эти выводы хорошо согласуются с представленными выше аргументами о том, что в течение последнего десятилетия экономические интересы значительной части населения Москвы и московского среднего класса особенно стали все более расходиться с политикой московских и — в плане развития институтов защиты прав собственности — федеральных властей.

Дальнейшая детализация данного показателя по социальным группам приводит к еще более значимым результатам. Существенным признаком, влияющим на различие оценок улучшения/ухудшения отношения к властям, оказался гендер. В регионах России этот фактор практически не влияет на оценку динамики недовольства: по мере роста дохода эта оценка снижается и в гендерных, и возрастных группах. Наиболее сильно данная тенденция выражена в возрастной группе 35–54 года. Отсюда можно сделать вывод о том, что доходы населения (особенно трудоспособного) в регионах России очень зависят от близости респондентов к властям, что и обеспечивает их большую лояльность, выраженную через данный показатель.

В Москве ситуация принципиально иная. Женское население Москвы не демонстрирует аномалии в сравнении с остальной Россией. С ростом дохода доля тех, кто считает, что недовольство властями усиливается, заметно снижается: с 49% до 42%, сальдо (–7%), причем эта тенденция наблюдается во всех возрастных группах. В мужской же части населения Москвы тенденции совсем иные. С ростом дохода доля тех, кто считает, что недовольство властями усиливается, заметно возрастает: с 40% до 55%, сальдо (+15%). Наиболее сильно эта тенденция выражена в младшей возрастной группе от 18 до 34 лет: сальдо (+24%) — для социологических опросов это очень большая величина. Полученные данные свидетельствуют о том, что недовольство властями в низшем и среднем социальных классах в Москве оказалось скоррелировано с гендерным признаком: у женщин более выражена протестность низкодходных, а у мужчин — высокодходных групп.

В качестве объяснения можно предположить, что женщины, относящиеся к московскому среднему классу, социально защищены своими мужьями. Последние чаще, чем их жены, занимают более высокое социальное положение и получают более высокие заработки и доходы от предпринимательской деятельности. Основная нагрузка и ответственность падает в таких семьях на мужчин, которые по-своему оценивают обстановку в стране и свои личные перспективы в ней. Предположительно в таких оценках преобладают мнения о состоянии делового климата и перспективах его улучшения.

В менее благополучных социальных слоях основная ответственность падает на женщин, в том числе и потому, что социальные трансферты в таких семьях играют более важную роль. Женщины являются получателями большей части социальных трансфертов, включая порядка 2/3 всех пенсионных выплат и основную часть выплат в связи с материнством и воспитанием детей. Женщины в малообеспеченных семьях оценивают политику властей по своим, в основном социальным, критериям. При сложившемся высоком уровне дифференциации доходов в Москве кажущаяся щедрость московских властей на социальные выплаты не обеспечивает ощутимого сокращения разрыва в уровне жизни малообеспеченного населения и среднего класса, который задает стандарты потребления в городе. Этот разрыв, несмотря на усилия городских властей, воспринимается малообеспеченными получателями социальных трансфертов как признак исключенности и дискриминации.

Необходимо отметить, что выявленные закономерности имеют статистический характер. Это означает, что в Москве есть женщины, относящиеся к среднему классу и демонстрирующие мужской тип оценок динамики недовольства властями, и наоборот.

Также и в регионах России существуют представители среднего класса, демонстрирующие московский тип оценок. Однако группой, лидирующей в формировании недовольства политикой властей со стороны элиты, являются мужчины — представители среднего класса Москвы, в том числе значительная часть деловой и управленческой элиты страны.

Полученные нами результаты позволяют предположить, что накануне экономического кризиса московский средний класс в целом вполне созрел для демократизации политической системы в масштабах Москвы как региона и, в отсутствие должной обратной связи со стороны московских властей, будет усиливать протестную активность. Но было бы преувеличением полагать, что демократизация политической системы в целом на федеральном уровне также отвечает его непосредственным экономическим интересам среднего класса. В наших социологических материалах эта тема не получила развития. Думаем, что это тоже неслучайно.

Объективные политические интересы московского среднего класса, вытекающие из его экономических интересов, по-прежнему во многом совпадают с интересами российской политической элиты. Прежде всего они выражаются в объективной незаинтересованности в усилении политической конкуренции в масштабах всей страны и заинтересованности в сохранении роли Москвы как центра присвоения энергосырьевой ренты. Основным приоритетом московского среднего класса является растущая капитализация городской недвижимости. Для этого нужны макроэкономическая стабильность, ответственная бюджетная политика и поддержание притока энергосырьевой ренты на рынок московской недвижимости. Средний класс Москвы интересуется государственными инвестициями в городскую инфраструктуру, и в гораздо меньшей степени — бюджетные субсидии экономике, зарплата бюджетникам и социальные трансферты.

Экономические интересы общероссийского электорального большинства на данном этапе отличаются от интересов московского среднего класса. Как было показано выше, большинство населения России в гораздо большей

степени, чем московский средний класс, заинтересовано в активизации перераспределительной политики через бюджет расширенного правительства, даже ценой потери макроэкономической устойчивости. Свыше половины совокупных доходов населения России в целом приходится на социальные трансферты и заработную плату (значительная часть которой финансируется из бюджета либо в виде зарплаты бюджетников, либо опосредованно, через субсидии, государственный заказ и государственные инвестиции). В Москве накануне кризиса средняя доля этих источников была на треть ниже. Усиление влияния электорального большинства на формирование экономической политики может привести к усилению перераспределительной роли бюджетной системы и, как следствие, к замедлению экономического роста и макроэкономической нестабильности. Именно это наблюдалось в России на протяжении 1990-х гг. и на Украине после победы «оранжевой революции». Экономические потери московского среднего класса от такого развития событий намного превысят потенциальные выгоды: макроэкономическая дестабилизация приведет к обесцениванию недвижимых активов, которое невозможно будет компенсировать за счет бюджетных трансфертов. Не очевидно и то, что подобные изменения приведут к усилению защиты прав собственности, поскольку спрос на правовое государство за пределами Москвы по-прежнему остается невысоким.

Таким образом, уникальность московского среднего класса и исключительность его экономических интересов даже по сравнению со средним классом других регионов, не говоря уже о малообеспеченных слоях населения России, делает его на данном этапе пассивным сторонником политического статус-кво в федеральном масштабе. Хотя он и составляет почти большинство избирателей в Москве и потому заинтересован в демократизации на уровне города, его доля в населении России незначительна и его экономические интересы существенно отличаются от интересов большинства избирателей страны. Московский средний класс гораздо больше выигрывает от близости к федеральной власти и возможности влиять на нее по неформальным каналам, чем от влияния на федеральную власть через процедуру конкурентных выборов. Напротив, для населения большинства других регионов приоритетом является не капитализация рынка недвижимости, а увеличение зарплат и социальных трансфертов, в том числе путем перераспределения энергосырьевой ренты через федеральный и региональные бюджеты, даже ценой потери макроэкономической и бюджетной устойчивости.

Вместе с тем результаты социологического опроса показывают, что внутри московского среднего класса сформировался особый сегмент, представленный в основном успешными в деловом отношении мужчинами. Эти люди чаще всего считают, что недовольство властями в их социальном окружении растет, и сами они, очевидно, являются носителями такого недовольства. Численность этой группы в масштабах Москвы не очень велика, но значительна в абсолютном выражении (около 500 тыс. чел.). Данная группа является носителем настроений, которые можно назвать недовольством элиты, принципиально отличающимся от недовольства малообеспеченных слоев. Этот социальный слой тоже выигрывает от близости к федеральной власти. Однако, обладая высокой квалификацией, он хорошо понимает неустойчи-

вость своего положения и испытывает тревогу как за собственное будущее, так и, вероятно, за будущее всей страны. Пессимизм, свойственный представителями этого слоя, является источником ставшего уже довольно массовым стремления приобретать недвижимость за границей, а впоследствии и самим уехать вслед за этой недвижимостью.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: МОСКОВСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС ПОСЛЕ КРИЗИСА — СБЛИЗИТСЯ ЛИ МОСКВА С РОССИЕЙ?

Тенденции, о которых шла речь, в предыдущих разделах, переломились после 2006 г., еще до наступления кризиса. В 2008 г. индекс возможности приобретения жилья с кредитом упал в Москве до показателей начала десятилетия. Значение этого показателя, равно как и показателей структуры доходов населения Москвы, сблизилось со среднероссийской. Быстрое падение популярности Ю. Лужкова неслучайно пришлось на кризисный период: доходы от собственности сократились, и это усилило социальное недовольство. Рост социальных трансфертов не мог компенсировать падение капитализации рынка жилья.

Пока эти структурные сдвиги еще не привели к существенному изменению экономической мотивации. Большинство социологических данных, на которые мы ссылаемся, были получены уже в разгаре кризиса. Однако кризис наглядно показал, насколько неустойчиво положение московского среднего класса в его существующем виде. Вероятность сохранения статус-кво напрямую зависит от интенсивности притока энергосырьевой ренты на московский рынок недвижимости. На какое-то время этот поток практически иссяк. Его дальнейшее усиление всецело зависит от мировой конъюнктуры и при сложившемся за последние два года сравнительно узком коридоре нефтяных цен не слишком вероятно. До тех пор пока сохраняются сложившиеся ценовые тенденции, доля энергосырьевой ренты в российском ВВП будет снижаться.

С высокой степенью упрощения можно предложить как минимум три сценария дальнейшего развития московского среднего класса.

Первый, катастрофический, сценарий, при котором падение энергосырьевых доходов возобновится и приведет к долгосрочному обесцениванию московской недвижимости. В этом случае может произойти частичное сближение московского среднего класса с малообеспеченными слоями, что в социальном плане могло бы быть равносильно возврату к началу истекшего десятилетия. Этот сценарий мы рассматриваем как маловероятный.

Второй сценарий предполагает возобновление энергосырьевого бума и ускоренного роста рыночной стоимости московского жилья. Несмотря на то что такой сценарий может поддерживаться лишь ограниченное время, он приведет к консервации докризисного положения среднего класса Москвы и даже к пополнению его рядов. Вероятность этого сценария, по-нашему мнению, тоже сравнительно невысока.

Третий сценарий, представляется наиболее вероятным, хотя скорость его реализации может быть различной. Этот сценарий предполагает постепенное падение роли энергосырьевой ренты в экономике Москвы и России в целом. Рано или поздно это повлечет эволюцию московской экономики в сторону

сближения с крупными постиндустриальными агломерациями развитых стран, которые специализируются на оказании финансовых и других бизнес-услуг с высокой добавленной стоимостью, а также на инновациях и экономике знаний. За этим последует и неизбежная эволюция московского среднего класса в направлении конвергенции со средними слоями жителей агломераций развитых стран. Прежде всего это будет выражаться в структурных сдвигах по источникам доходов и составу активов. В доходах снизится вклад доходов от недвижимости, но возрастет доля доходов от предпринимательской деятельности и финансовых активов. В структуре активов уменьшится доля недвижимости, возрастет роль финансовых активов, включая пенсионные накопления, и увеличится рыночная стоимость человеческого капитала. В этом сценарии с большей вероятностью возможна конвергенция московского и регионального среднего класса и сближение их экономических и политических интересов.

По нашим оценкам, к концу следующего десятилетия доля среднего класса в населении России при среднегодовых темпах экономического роста около 4% в год может возрасти по меньшей мере до 40% населения и приблизится к электоральному большинству. Возрастет и численность квалифицированной части среднего класса. Диверсификация экономики и политической жизни в регионах предоставит этому социальному слою больше экономической свободы, а также сделает его менее зависимым от региональных и местных властей. Хотя в абсолютном выражении число людей, входящих в этот социальный слой, будет не очень велико, именно они смогут стать двигателем экономической модернизации, вовлекая в свой состав другие слои населения (в первую очередь образованную молодежь). При реализации этого сценария со стороны среднего класса возрастет спрос на политические реформы, обеспечивающие демократизацию политической системы и возрастание политической конкуренции.

Похожие тенденции наблюдались в течение последних двух десятилетий в Латинской Америке, где первоначально малочисленный средний класс часто выступал в поддержку авторитарных режимов. Напротив, левые партии, представлявшие интересы тех или иных слоев малоимущего большинства, подобно российским коммунистам сегодня, напротив были сторонниками демократизации. В новом тысячелетии стороны поменялись местами. Левые партии, представляющие малоимущее меньшинство, все чаще поддерживают недемократические режимы, в то время как право- и левоцентристские партии, опирающиеся на все более многочисленный средний класс, обычно являются сторонниками демократизации.

Независимо от сценария предкризисное состояние среднего класса Москвы носит переходный характер и предполагает его глубокую структурную трансформацию в будущем. Эти изменения могут занять немало времени, а их влияние на общую социально-политическую ситуацию в стране может происходить со значительными лагами.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е. М. и др. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. М. Малевой; Московский центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003.

Березин И. Новый стиль жизни среднего класса // Эксперт. 2010. 1 февраля. № 4 (690).
Ведение бизнеса в России в 2009 году. — Всемирный банк, 2009. С. 10–14.

Городской средний класс в современной России: Аналитический доклад Института социологии РАН. — 2006.

Григорьев Л. М., Салмина А. А. Средний класс в России: повестка дня для структурированного анализа // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 12.

Постановление Московской городской думы от 24.12.2008 N 355 «О докладе Московской городской думы «О состоянии законодательства города Москвы».

Рынок жилья: выход из кризиса. Обзор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России. Сентябрь 2010.

Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М.: Экон-Информ, 2008.

Специальное обозрение — стиль жизни среднего класса // Эксперт. 2002. № 25 (331). 1–8 июля.

Beegley L. Structure of Social Stratification in the United States. — 4th Edition, 2004.

Gilbert D. The American Class Structure in an Age of Growing Inequality, 2002.

Thompson W., Hickey J. Society in Focus. — Boston, MA: Pearson, 2005.

ЭЛИТЫ И СРЕДНИЙ КЛАСС

Григорьев Л. М., к. э. н., профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ)

В статье подчеркивается важность рассмотрения правящих элит в контексте социальной структуры общества. В XX–XXI в. развитие демократии и среднего класса предполагает уход от отдельного изучения проблем демократии и элит. По мнению автора, нужен поиск аналитического подхода к роли и месту элит в более широком контексте. Предлагается построение системы переходов между элитами и гипо- и контрэлитами. Отдельно рассматриваются взаимоотношения элит и средних классов в российском обществе.

To carry out major initiatives and perpetuate their holds on power, elites need non-elite support.

*J. Higley, M. Burton.
Elite Foundations of Liberal Democracy*

Политологи согласны в том, что элиты играют важнейшую роль как в повседневной жизни общества и государства, так и особенно в условиях социально-экономических и политических кризисов. Различия лежат скорее в области оценки веса решений элит, договоренностей конфликтующих элит между собой или в борьбе против движений народных масс. Традиционным для исследований элит остается деление всего социума на элиту и остальное общество. Классическое марксистское определение, что в масштабном социальном кризисе «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому»¹, которое в скрытом виде присутствует во многих дискуссиях, относится к тому же подходу. Меняются эпохи и общественная организация общества, но мы продолжаем мыслить категориями «элита и народ».

На практике большая часть литературы содержит анализ элиты без привязки к другим слоям общества, а литература о демократии обычно стеснительно не учитывает фактор правящей элиты. В классическом виде это 90 лет назад было определено В. Парето: «...1) низшая страта, т. е. класс, не являющийся элитой... 2) высшая страта, класс избранных, т. е. элита,

¹ В. И. Ленин [Ленин. С. 67–70].

состоящая, в свою очередь, из двух частей: правящей элиты и неправящей» [Парето, 2008]. Представляется, что в период «старого классического капитализма» и тем более в предшествующие века (и тысячелетия) слабость среднего класса естественным образом делала роль элит столь выдающейся, что вопрос о связи элит с остальным обществом решался либо в очень общих понятиях, либо в как бы индивидуальном плане: рекрутинг в элиту, в том числе из иных классов, для обеспечения стабильности элиты [Higley, Burton, 2006].

В продолжающейся дискуссии об элитах и их отношениях с обществом мы видим отражение реалий жизни разных стран в различные эпохи [Elites, crises, and the origins of regimes, 1998]. В то же время политологический набор «случаев» достаточно ограничен и охватывает совершенно различные эпохи в социально-экономическом развитии стран мира — от Glorious Revolution в Великобритании (1688–1689 гг.) до распада СССР и социалистического лагеря. В этих событиях и процессах роль элит всегда принципиально важна. Но элиты противостоят совершенно разным типам общества под ними — от позднего феодализма и промышленного капитализма до социализма и постиндустриального общества. Элиты сохраняют свою роль и функции, но их цели и методы защиты своего положения, разумеется, меняются. Новые общественные силы все более наполняют ту сцену, на которой, по словам Р. Милья, «элита показывает публике творимую ею историческую драму» [Милья, 1989]. И все же различие между артистами на сцене и режиссерами и авторами пьес сохраняется, кроме тех потрясающих случаев исторических революций, когда артисты сами пишут для себя пьесу, часто интерактивно, иногда не слишком удачно. Но период трансформаций заканчивается и функциональное распределение в «общественном театре» восстанавливается.

За последний век произошли огромные социальные изменения: образование и экономическое положение масс, их информированность о происходящих общественных событиях, готовность в них участвовать, нормы и принципы, ожидания и требования стали принципиально иными. До Второй мировой войны элиты противостояли массам при резком ослаблении среднего класса после Первой мировой (и революций) и Великой депрессии. В этих условиях правящие элиты искали пути прямого контроля над обществом (вплоть до фашизма) и стремились к целям, которые трудно было бы демократически провести через референдумы и парламенты. Пожалуй, единственное яркое исключение составили США, где радикализм удалось удержать в рамках демократии. Постепенное усиление демократических институтов в послевоенный период вынуждает элиты адаптировать свое поведение при решении насущных проблем. Контроль элит над американским обществом Р. Милья описывал в 1950-х гг. в условиях действия вполне демократических институтов. Политология и социология по крайней мере столетие спокойно взирают на вполне откровенное противоречие: свободный выбор индивидуумов («оптимум») и роль правящей элиты, которая «более равна, чем другие». Обычно это не вопрос понимания общественной жизни, а скорее вопрос системного представления — никто не отрицает специальной роли элиты.

Данная статья опирается на ряд глубоких работ западных политологов последнего десятилетия (М. Догана, Дж. Хигли и др.) в части структуры и роли

элит в современном обществе. Одновременно она является продолжением работ автора как по проблеме элит, так и по среднему классу [Григорьев, Малева, 2001; Григорьев, 2008; Григорьев, Салмина, 2009; Grigoriev, 2011]. Перед нами встает несколько вопросов, которые во многом носят междисциплинарный характер. Это интересы элит в экономической политике, сложность внутренней и внешней легитимизации элит (особенно новых) и взаимодействие с другими слоями общества. Целями исследования являются установление соответствия между структурой элит и средних классов и поиск возможных путей дальнейшего анализа интересов социальных групп, их устойчивости и способности к социальным компромиссам и коалициям. Эти задачи нельзя решить в одной статье — можно только наметить пути решения и дальнейшего анализа.

ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Тема элит настолько богата, что, хотя их типология, внутренняя логика поведения и роль кризисов в смене элит стали основой многих интересных работ, последние не исчерпали не только саму проблему, но и, по нашему мнению, даже актуальную тематику для исследований. Мы полагаем, что многие аспекты теории элит остаются в тени и не раскрыты именно в условиях современного общества: происхождение, легитимизация элит после серьезных изменений общества (не просто смены режимов); отношения между частями элит. Наконец, речь идет о взаимоотношении элит с образованной частью общества, которая предъявляет спрос на демократию и в состоянии адекватно оценивать ситуацию в обществе, а не просто фигурировать в качестве народа. В простейшей формулировке стартовый тезис этой работы: в современную эпоху *средние классы* имеют значение для *элит* — Middle Classes Matter for Elites.

Для экономиста элиты — очень интересный объект анализа. Но с точки зрения рационального экономического анализа зачастую действия элит выглядят иррациональными. Однако мы полагаем, что действия элит всегда преследуют две цели: поддержание своего положения и некоторую практическую цель, — так что смещение рациональности неизбежно. В экономической политике мы постоянно сталкиваемся с невозможностью принятия математически рациональных решений, поскольку они затрагивают чьи-то интересы. Обычно фактор интересов возникает в *налоговой политике, переговорах по ВТО, выборе региональных приоритетов, предвыборной политике поддержки своих избирателей* и т. д. Но там, где кончается рациональный экономический анализ, пока нет достаточно удобных мостов к политическим ограничениям на принятие решений. Попытка выйти на более или менее полную классификацию групп интересов привела к появлению примерно 44 таких групп [Григорьев, Плаксин, Салихов, 2008]. И тут же возникла следующая проблема, как идентифицировать интересы этих групп по ключевым проблемам национальной экономической политики. Пример курса рубля и его девальвации в начале 2009 г. вместо макроэкономически предпочтительного октября 2008 г. (а также проблема плоского личного подоходного налога) хорошо демон-

стрирует трудности такого анализа [Григорьев, Плаксин, 2009; Григорьев, Курдин, 2010].

Политологический анализ базируется на ряде собственных оснований, которые имеют большое прикладное (инструментальное) значение в реальном политическом процессе, в частности при манипулировании избирателем (в лозунгах, а не только в реальных проблемах). Логика поведения элит (особенно новых и неустойчивых) поддается пониманию только при совместном анализе их попыток выполнять две сложные и, видимо, временами противоречивые функции: укрепления и легитимизации собственных позиций и лидирования в стране и обществе. В обоих случаях они опираются на современное состояние общества и то, что они усвоили, в чистом виде или переформатировав, от интересов страны.

Следующая проблема — увязка существования элиты и демократии — длительное время оставалась как бы в тени общего противопоставления «элита и массы». В современную эпоху элита большинства стран (и демократических, и авторитарных) поддерживает, по крайней мере формально, общую норму о демократических принципах управления странами. Голосующий средний класс является опорой этой идеологической нормы как объективно, так и в силу веры в эту норму, а тем самым и опорой демократического процесса. Тем не менее в политологии прекрасно уживаются вера в демократию с равенством прав граждан и признание существования и доминирования «более равных» элит.

Традиционно в литературе элиты как бы прячут над обществом, стараясь совместить две цели: поддержать свой контроль и реализовать актуальные задачи. Но мы в данной работе не имеем возможности затронуть такие важные для прикладного анализа проблемы, как единство и тип правящей элиты, а также методы поддержания ее положения [Higley, Burton, 2006]. Для нас важно подчеркнуть, что цели элит должны формулироваться на языке общественных интересов — как интересы страны и нации. Практически это означает, что интересы элиты в современную эпоху не могут просто декларироваться или быть навязаны народу — неэлитной его части, а должны стать частью общественного сознания как собственные цели. Мы оказываемся перед проблемами интегрированности элит в общество, определения их места в социальной структуре, а не вне общества и не над ним.

Мы хотели бы найти источники устойчивого воспроизводства (рекрутинга) элит как системного явления, а не просто интеграции отдельных индивидов из контрэлит для собственной стабильности. Особенно это важно в процессе формирования новой структуры общества, новой элиты и устойчивых отношений «элита — общество» в ходе трансформации. В этом отношении приходится начинать с методологической проблемы: элита формально не соответствует средним классам.

Средние классы — это общее название для разнородных отрядов, которые по своему материальному положению, образованию, характеру деятельности выделяются таким образом, что стоят выше низших или бедных и неустойчивых слоев общества. Но в то же время они явно опираются на трудовые доходы и тем самым оказываются вне высшего класса — получателей прибыли, ренты и дивидендов по преимуществу. Так что средние классы как понятие и ста-

тистически выделяемая категория располагаются между нижним и высшим классами, а финансовая элита должна находиться внутри верхнего высшего класса собственников.

Мы можем исходить из некоторых достаточно точных положений. Среди представителей высших собственников — высшей страты (Upper Upper Class), безусловно, скрыта (или видна) финансовая элита. Мы также знаем, что средний класс (или классы в зависимости от определений) неоднороден и в российских условиях может рассматриваться по крайней мере в 15 группах: пять отрядов и три уровня [Григорьев, Салмина, 2010]. Верхний уровень среднего класса любой страны вполне способен критически анализировать события в мире и стране, включая положение, действия и интересы элит [Григорьев, Макаренко, Салмина и др., 2010].

В XXI в. элиты вынуждены предлагать обществу теорию (легенду) о существовании меритократии, справедливости на пути продвижения в правящий класс, закономерном успехе в создании и развитии бизнеса, сочетании таланта и удачи в науке и культуре. Эти вопросы обсуждались и ранее [Feibleman, 1938]. Правящая элита, — по определению Р. Миллса, политическая власть на базе капитала — в современных условиях должна показывать возможность достижения успеха (победу меритократии). Речь идет об открытии пути наверх для контрэлит при условии соблюдения ими правил игры, для национальных меньшинств и политических диссидентов, остающихся внутри конституционных основ — внутри системных элементов политического класса. Заметим, чем дольше период поддержания демократии и устойчивее правила игры, тем больше вера конкурирующих социальных групп в возможность решения своих проблем в рамках демократического процесса, а для лидеров движений — инкорпорирование в политическую элиту.

Никто не может обещать вход в финансовую или интеллектуальную элиту — там свои законы, часто более жестокие и трудно регулируемые. В науке, литературе и искусстве интеллектуальная элита выдерживает огромные нагрузки по дороге на Олимп (за малым исключением). Общество, видимо, не до конца решило проблему механизма признания «настоящей» интеллектуальной элиты. Признание отдельных представителей элиты чаще всего связывают с личными талантами, исключительным успехом, реальными способностями и общественно ценными достижениями. Случаи успешной работы системы выявления и признания индивидов как элиты довольно редки и соседствуют (особенно в России) с бесконечными историями о признании после смерти, использовании изобретений третьими лицами и другими сложностями с индивидуальными правами интеллектуальной собственности. Осложняют ситуацию конфликты системы воспроизводства элиты в своей среде с талантливыми амбициозными индивидами, выдвигающими новые идеи и претендующими на высокую социальную позицию (перешагивая обычные ступени) извне элиты. Разумеется, возможны и конфликты в среде (между кланами и фракциями) элиты в отношении целей и проектов, основных идей и формулировки интересов, методов действия при реализации целей или поддержания своего контроля. Часто правящие элиты пытаются вмешаться в своих интересах в процесс выделения элит в интеллектуальных областях, особенно общественных науках.

Финансовая элита численно (не по капиталам) является весьма малой долей в составе высшего класса (который много шире элиты). В отношении других составных частей элиты мы должны оперировать средними слоями как основой гражданского общества, для которого политическая и интеллектуальная элита — важный анализируемый объект, источник норм, основа (явная или предполагаемая) политического режима. Представители средних слоев, в частности высшего уровня средних классов, занимают высокие позиции в бюрократии, общественных и политических организациях, бизнесе, интеллектуальных и любых профессиональных организациях. Для полноты картины отметим, что жизненный цикл включает в себя движение вверх по ступеням социальной стратификации. Это естественная часть жизненного цикла любого успешного индивида, это нормальный аспект жизни огромной массы государственных и частных служащих, деятелей культуры и науки.

Тут можно ответить на наивный по форме (но важный) вопрос: может ли быть представитель элиты частью не высшего, а среднего класса. Ответ, разумеется, положительный. Вероятнее всего, значительная часть, например, интеллектуальной элиты по формальным признакам — это обычный средний класс. И с Нобелевской премией в высший класс не попадешь — скорее в высший средний. А носителей высоких идей с их духовной миссией в большей части исторических эпох ждала скорее Голгофа, чем рента. Но для полноценного анализа социальной структуры еще предстоит определить пути совмещения сегментов элиты и соответствующих им элементов гражданского общества.

ЭЛИТЫ И ГИПОЭЛИТЫ

Для целей дальнейшего анализа проблемы элиты общества (нации, страны) полезно взглянуть на элиту не как на загадочный источник важных решений, а как на конгломерат лиц, в каждый определенный период истории (скажем, поколение) обладающих возможностью принимать критически важные решения в своей области. Для того чтобы точнее определить положение элит в структуре общества, мы пойдем сверху вниз по общественным ступеням власти и влияния. Некоторые предварительные замечания необходимы (независимо от их оригинальности) для ясности нашей позиции. Во-первых, структура элиты специфична стране и ее истории [Dogan, 2003]. Если страна имеет долгую военную историю или доминирующую религию, то, вероятно, военная или церковная элита будут важными компонентами ее элиты, но это справедливо не для всех стран. Ситуация аналогична специфичности структуры среднего класса, в котором, скажем, фермерство характерно для США и Польши, но не для Украины или Бразилии. Так что структура элит будет, видимо, различаться от страны к стране в зависимости от того, какие группы традиционно доминировали (земельная аристократия или обладатели финансового капитала и т. п.). Правящая политическая элита, надо думать, есть всегда, хотя и весьма различного типа.

Во-вторых, политическая элита, конечно же, не совпадает с правительством или тремя ветвями власти и не занимается повседневным управлени-

ем, хотя ее члены могут занимать достаточно высокие посты. Фактически многие влиятельные представители политической элиты индивидуально могут занимать вполне неформальные позиции в обществе, но выступать проводниками своих финансовых, религиозных, национальных групп, влиятельных семей. Мы можем представить себе скрытые правящие политические элиты как компендиум «политических департаментов» своих баз влияния, вырабатывающих нормы, которые они затем своими средствами и влиянием приводят в исполнение². Мы исходим из того, что реальная правящая элита в демократическом обществе сохраняет свое влияние, но менее явно, стремясь избегать видимого контроля.

В-третьих, правящая элита в современную эпоху, естественно, базируется на власти и капитале, но сочетание этих двух факторов и основы, конечно, различается по типам стран. Культурные и политические традиции англосаксонских, европейских континентальных и азиатских различны. Страны с традиционным доминированием государства и чиновничества порождают тенденцию к более высокой роли политической (часто бюрократической) элиты.

В-четвертых, важно различать функциональную (политическую или иную) элиту — тех, кто фактически обладает публичной властью трех ветвей, и элиту нормативную — ту, которая дает обществу нормы и признана как настоящая элита³. В своей предыдущей работе на тему элит мы определяли функциональную элиту (особенно в духовной сфере) как аспирантуру в нормативную элиту [Grigoriev, 2011]. Для правящей элиты различия лежат в дальновидности и способности найти пути достижения национальных интересов, преодолевая внутренние конфликты и ограничивая свои интересы. Современный политик и философ подчеркивает важность качества элит: «Элиты с ничтожными и корыстными целями не только погибают сами, но и, как правило, губят свои страны» [Выдрин, 2010]. В этом проявляется осознание интеллектуальными слоями общества важности качества элит при становлении общества для будущего процветания страны.

Традиция каждой страны и длительность воспроизводства политической элиты обусловлены историей государства. Также огромную роль играют история отношений государственной власти и бизнеса и длительность поддержания демократии. В частности, они влияют на соотношение роли государственной традиции и частного бизнеса в формировании правящей элиты: власть и капитал или капитал и власть. Особенно большое значение это имеет при формировании новых элит при тяжелых кризисах, ведущих к смене элит. Вечный и сложный вопрос: специфика страны в конечном итоге формирует свою элиту или же новая элита в состоянии трансформироваться самостоятельно и изменить судьбу страны?

Правящая элита (политическая и финансовая) занимает самый верхний этаж (обычно не вполне прозрачный) соответственно политического и выс-

² У журналистов и историков элит имеется огромное количество материалов по тому, как этот скрытый контроль осуществляется — от простых сговоров и исторических альянсов до масонского контроля.

³ В российской научной и популярной литературе вопрос о «настоящей элите» появляется часто, но критерии качества элит обычно размыты, смешаны с индивидуальными качествами конкретных современников, частными провалами представителей элиты в бизнесе, экономической или социальной политике.

шего класса, по разным определениям. И та и другая неоднородны, ни та ни другая не могут функционировать без пополнения, а также без демонстрации возможности пополнения элит для всего демократического общества. Наличие той или иной специфической элиты предполагает существование общественных групп той же специфики на более низких общественных уровнях.

Здесь мы считаем необходимым ввести новое понятие — гипозэлиты, которое понадобится нам в дальнейшем. Гипозэлита играет двоякую роль: составляет опору и непосредственный резерв элиты, окружает ее и выступает как проводник ее политики; это более многочисленный и уже более видимый слой. Гипозэлита представляет собой мост между элитой с ее скрытностью и неформальными решениями и открытыми процессами политической, экономической, интеллектуальной жизни, формально обладая уже признаками верхнего среднего класса (и выше). Высший деловой класс, верха политического класса, широкие интеллектуальные слои, составляющие гипозэлиту, резко отличаются от элиты по масштабам власти и капитала, признания и известности, но так близки к ней, что посторонним часто трудно определить границу между ними.

Мы полагаем, что рекрутинг политической элиты как в демократическом, так и в авторитарном обществе идет из гипозэлиты, помимо собственного воспроизводства, конечно. Властная элита формирует систему отбора и продвижения потенциальных кандидатов во власть, но это одновременно и путь в элиту, хотя при намного более узком сечении. Фактически мы до конца не знаем, кто именно наиболее влиятелен за кулисами политического театра, хотя понимаем, что талантливый политик может пройти путь от эксперта при политиках до члена элиты, равно как и продвигнуться по политической лестнице. В самом узком и таинственном смысле политическая элита меняется по своим законам и кооптирует новых членов по законам не карьеры, а политической или финансовой мощи — последний шаг в элиту происходит либо почти невидимо, либо уже «на площади», т.е. в кризис. В этом смысле гораздо легче анализировать продвижение в финансовую элиту. Но и тут мы можем найти не самых богатых, но исключительно влиятельных персон (в том числе министров финансов и центральных банкиров), равно как и богатых аутсайдеров.

Мы предлагаем (см. таблицу) упорядоченное представление уровней приближения к элите, структурных ролей на этом пути. В данном случае обсуждается не появление элит, особенно правящей элиты, а модель ее воспроизводства и взаимодействия с теми общественными силами, которые смотрят на нее в поисках нормы и которые конкурируют с ней за положение. По существу, это взгляд со стороны элиты (сверху вниз) на процесс вертикальной конкуренции. Последняя коренится в устремлениях и амбициях индивидов, но структурирована формальными и неформальными институтами сложившегося общества. Здесь важно, что в вертикальных «шахтах» мы видим как «лифты» наверх, так и «фильтры». В профессиональной сфере все просто: наверх должны идти способные и общественно полезные, а отсекаются шарлатаны и бунтари, пока они не докажут свою способность интегрироваться. Но в спокойные периоды развития общества эти системы могут быть неактивными.

Таблица. Общественная лестница сверху вниз: элиты, гипозлиты, гражданское общество и средний класс

Общественные уровни — корни элит, путь в элиты, фильтры элит	Правящая — политика (1, 3)	Правящая — финансы (1)	Идеология, общественные науки и СМИ (2, 4)	Естественные науки (2)	Культура и искусство (2)
Элиты А — у власти или контроля — функциональные (не обязательно нормативные)	Властная	Доминирующие: англосаксонская; континентальная; азиатская (5)	Религиозные и философские нормы и лидеры	Верха университетов и научных центров («академия»)	Артисты и литераторы «властители душ»
Контрэлиты Б — внутрисистемная (6)	Оппозиция, принявшая правила игры правящей элиты, региональные компоненты	Иностранный капитал, конкуренция ФПГ за доминирование (отраслевые и региональные интересы)	Различия идеологий, национальной базы и культур	Возрастная конкуренция	Эволюция культуры, вкусов, моды и поколений
Контрэлиты В	Внесистемная или «под подозрением», региональные и националистические компоненты	Конкуренция со стороны МСБ, иностранного капитала, частный — государственный	Альтернативные идеологии (левые — правые, националисты, религиозные)	Борьба парадигм	Контркультура или «иностранный»
Гипозлита А — «аспирантура функциональной элиты». Высший класс и верхний средний класс (7)	Аппарат в трех ветвях; политический класс	Крупный бизнес и менеджеры (7) ФПГ — связи с государством и общественностью, фонды	Университеты, средства массовой информации, «фабрики мысли»	Профессура вне командных должностей	Конкуренция, СМИ — критика, профессура, спонсоры
Общество «под» элитами, «лифты и фильтры» (8)					
Гражданское общество — профессиональные организации (средний класс) — «лифты»	Низовые органы власти, партий, молодежные организации	Характер налогообложения и структура и цели расходов	Правила поведения в зависимости от типа общества	Дискуссия и продвижение талантов — университеты	Выбор и оценка зрителя и читателя
Системы предохранения стабильности общества от правящей и функциональных элит — «фильтры»	Фильтры на «дороге наверх для аутсайдеров»	Эффект размера капитала, лоббизм, захват государства	Цензура — правила и разрешения и борьба за норму	Квалификационный отбор	Раскрутка СМИ

1. Правящая элита
2. Интеллектуальная (профессиональная) элита.
3. Включая армию и силы безопасности.
4. Включая ведущую церковь или организацию ведущей религии.
5. Системы организации финансовой элиты — три доминирующих типа бизнеса.
6. Включенность оппозиции (внутрисистемной контрэлиты) в единую элиту определяется спецификой страны.
7. Верхние слои общества, по социальной структуре, непосредственный резерв для вертикальной мобильности к элите.
8. Массовый образованный слой.

Пояснение к таблице

Мы предлагаем таблицу — матрицу для ориентации в социально-политическом динамическом пространстве. Мы пытаемся показать достаточно универсальную картину: как идет продвижение вверх, какие «фильтры» существуют на этом пути, как средние по своему социальному статусу слои постоянно предлагают кадры элите. Таблица охватывает многие взаимосвязи по вертикали, которые мы не затрагиваем в данной работе, но она очень важна для понимания нашего подхода. Во-первых, это взгляд не снизу — от общества на элиту, а от элиты на те социальные силы, которые с интересом (вплоть до алчности) смотрят на нее снизу (или элиты извне страны). Во-вторых, в каждой сфере деятельности по вертикали прослеживается специфика отношений и механизмов. «Шахты» с «лифтами» и «фильтрами» по внутреннему устройству весьма разные и при детальной разработке могут иметь много ярусов. В-третьих, матрица при желании исследователя и наблюдателя может быть растянута вверх или в ширину, вводя более дробные категории элит или ступенек от элиты вниз. При анализе можно идти от больших элитных групп по сферам общественной жизни к более дробным и анализировать их специфику. В-четвертых, таблица указывает (хотя не раскрывает — это потребовало бы многомерной матрицы) на внутренние взаимоотношения элит по горизонтали. Элиты не просто располагаются рядом, они взаимозависимы, причем правящая элита доминирует. И в-пятых, надо еще раз подчеркнуть различия между аналитическим восприятием положения элит в стране в статусе на определенный срез времени и в динамике — по кадровому пополнению, возрасту, неоднородности происхождения. Механизм «фильтров», создаваемый элитами или при их активном участии, служит для обеспечения устойчивости элит в обоих смыслах: включение и абсорбция активных элементов (идей) для устойчивости элиты (страны) в целом, но на собственных условиях элиты — для стабильности ее элементов, защиты ими своего положения.

В предреволюционные и революционные периоды слово становится силой, и духовные лидеры (что мы видим на примере ученых, писателей и духовенства) начинают претендовать на роль элиты не только интеллектуальной, но и властной. Они могут стать даже формирующим элементом контрэлиты, причем необязательно внутрисистемной. А в политике и бизнесе «лифты и фильтры» и в обычное время имеют намного более серьезный и даже жесткий характер. История полна примеров подавления, а не интеграции контрэлит. Не надо забывать, что, в отличие от массовых движений и организаций в средней среде, элиты, в принципе, намного малочисленнее. Специфика элит в том, что члены элит знают друг друга в лицо, по характеру и темпераменту, по прошлому поведению, ошибкам, конфликтам и удачам. Как сказал дон Корлеоне, «весь бизнес персонален!» Выигрыши и продвижения одних элементов элит могут нарушать или создавать угрозу гомеостазу внутри элиты. Появление внутренних конфликтов ведет к двум угрозам: потере консенсуса по задачам элиты в стране и мире и угрозе положению элиты визи визави внутренних конкурентов.

В политической части таблицы картина, пожалуй, более разработана в политологии и выглядит, скорее, конвенциональной. Гипоэлита одновременно служит частью системы власти и управления и источником воспроизводства правящей элиты, которая могла бы адекватно воспринимать окружающий мир и реагировать на вызовы для страны и для устойчивости самой элиты. Гипоэлита дает систему сигналов для карьерного роста, контрэлиты создают конкуренцию. В авторитарных режимах контрэлита Б (внутрисистемная) может быть служебной частью правящей элиты или, скорее, гипоэлиты. В демократическом обществе контрэлита важна для выработки долгосрочной политики. Наиболее развитые и устойчивые элиты базируются на устойчивых договоренностях или соглашениях при репрезентативной демократии

либо на авторитарной базе [Higley, Burton, 2006]. История знает много примеров интеграции контрэлит, в том числе путем превращения (имитации) потенциальных контрэлит в правящую элиту или в гипозэлиту. Реальное или хотя бы видимое соучастие верхов среднего класса в управлении имеет долгую историю. Вряд ли необходимо доказывать, что институт народных трибунов в Риме был (на языке *таблицы*) формой интеграции контрэлиты Б в правящую элиту. В Венеции аристократия сумела найти способ обеспечения внутренней стабильности Серениссимы на базе интеграции в политические институты значительной части гражданского общества (он же средний класс по социальному положению) [Lane, 1973]. В имперской России местный нобилитет интегрировался по мере расширения — остзейские бароны и грузинские князья.

И все же в *таблице* необходимо оставить место для социальной иерархии для контрэлиты В — внесистемной. Бунтующие элементы могут сформировать свою элиту на том или ином принципе (религиозном, национальном, социальном) и повести борьбу за свои интересы (социальную или освободительную), успешную или неуспешную. В случае успеха они могут интегрироваться в элиту, как это произошло с бунтарями Германии и Франции 1960-х гг., а также лидерами многих освободительных движений. Мы должны учитывать огромный соблазн для контрэлит найти путь в правящую элиту или выделения в самостоятельную элиту малой страны при отделении от метрополии. Можно отдельно рассматривать внешнюю (внестрановую) конкуренцию — это достаточно очевидно в двух областях: бизнес и культура (импортная массовая «попса» вместо национальной традиции). Межстрановая конкуренция элит за признание, престиж, доходы и за развитие своих сфер существует и в науке, и в искусстве (и в спорте). Выигрыши в этой сфере определяют не только положение индивидуумов внутри мировой элиты, но и престиж правящей элиты, возможности развития целых сфер экономики и устойчивость среднего класса [Григорьев, 2010]. В отношении внешней конкуренции в сфере политики очень много написано по вмешательству (невмешательству) во внутренние дела страны. Но на языке данной работы это — вмешательство внешних элит в дела правящей элиты страны (внешняя внесистемная элита). Такое воздействие может идти в порядке компромисса или побуждения, иногда принуждения (суды, санкции ООН). В условиях социальных революций и трансформаций трансграничное взаимодействие гипо- и контрэлит может приобретать критически важное значение.

Гипо- и контрэлиты (в том числе в борьбе между собой) участвуют в сложном двустороннем процессе подачи сигналов. Дело в том, что гипозэлиты, по логике вещей, состоят из слоев и индивидуумов, которые видят свой путь наверх и даже на самый верх — в элиту — внутри существующего политического режима, в рамках данного инвестиционного климата, системы продвижения в профессиональных организациях, университетах, армии и церкви.

Процесс движения наверх — это всегда конкуренция не только внутри самой гипозэлиты, но и с элитой, которая (или ее элементы) может не слишком позитивно воспринимать любую конкуренцию, угрожающую позиции

данного представителя или клана. Понятно, что в острых случаях элита сплачивается перед угрозой коренным общим интересам, если только внутренние распри не перевешают инстинкт самосохранения.

Можно говорить о том, что в нормальном режиме гиперэлиты выполняют многие функции управления, включая участие в демократических процессах, могут даже быть частью функциональной элиты, скрывая за собой элиту правящую. В явной форме — это анализ положения страны, в скрытой — обращение к элите о необходимости взвесить возможные решения и компромиссы, а также заявка на вход в более высокие уровни. Вниз от элиты идут решения или делегирование права принятия решений политикам, иногда даже кооптирование политика в элиту. Элита всегда находится в подвижном состоянии, поскольку желание консолидировать интересы и позиции, ограничить свое размывание пребывает в конфликте с необходимостью получения новых идей, инкорпорацией элементов, обеспечивающих устойчивость.

Средний класс, особенно его высший уровень, в крупных компаниях и бюрократии составляет естественный кадровый резерв политиков. Политическая активность среднего класса определяет роль гражданского общества, дает жизнь или продвижение тем или иным инициативам элиты и выбору решений или определению подходов и принципов решений. Мы полагаем, что высшие (даже средние) уровни среднего класса по широкой шкале профессиональной деятельности и общественной жизни образуют основу гражданского общества. Последнее в большей или меньшей степени может развивать и реализовывать потребности и интересы граждан. В зависимости от типа режима и зрелости элиты (демократии в целом) оно подпитывается своими тревогами и мнениями гипозэлиты или же сдвигается в оппозиционные настроения. Неадекватность демократического процесса, замедление и остановка социальных «лифтов» (речь, разумеется, не об эффективности рынка труда и вертикальной мобильности занятых), нарастание и накопление общественных проблем выталкивают те или иные элементы гражданского общества из резерва правящей элиты (пусть с эфемерными шансами на подъем наверх) в поддержку контрэлит.

Данная иерархия и конкуренция вдоль вертикальных «шахт» схематически представлена в *таблице*, в которой сделана попытка снять таинственность с места элит в обществе и их связей с общественными слоями относительно сферы деятельности элит и корреспондирующих слоев. Политическая иерархия дает свою удобную шкалу, в то время как социальная структура предлагает удобную шкалу в деловой сфере. В прочих профессиональных сферах, в армии, церкви, культуре и идеологии взаимоотношения имеют свою специфику. В то же время в одной *таблице* трудно показать роль правящей элиты, которая инкорпорирует определенные элементы иных элит. Это происходит не из альтруизма или почтения к научным талантам или духовным вождям (чего нельзя исключать на индивидуальном уровне), но из рациональной логики общего контроля за обществом в целях обеспечения собственной устойчивости. Впрочем, чем ближе общие нормы и цели элит к их основе в обществе, проблемам и интересам гражданского общества и бизнеса, тем естественнее интеграция части интеллектуальной элиты в правящую элиту. Это придает авторитет правящей элите и обе-

спечивает интеграцию общества вокруг целей и программ, выдвигаемых такой элитой⁴.

Важным элементом системы «лифтов» наверх из мира бизнеса или политического класса в ряды финансовых и политических магнатов является сфера государственного бизнеса. Достаточно много политиков в мире нашли способ конвертировать политическое влияние в финансовые активы. В эпоху приватизаций мы получаем массу состояний, построенных на движении из политической в финансовую элиту, а не наоборот, как это свойственно более устоявшимся обществам.

В интеллектуальной сфере достижение уровня элиты в разных аспектах одновременно и сложнее, и проще. На первый взгляд талант доказывает свое преимущество легче, чем политик, а конкуренция протекает среди приятных и образованных людей. Большинство представителей науки и культуры улыбнутся такой вере посторонних. Пробриться талантам исторически было чрезвычайно трудно именно в науке и искусстве. В науке есть даже теория борьбы парадигм Т. Куна и И. Лакатоса [Кун, 2001; Лакатос, 2001]. Практически решение об аллокации ресурсов обычно принимают администраторы и эксперты, озабоченные текущими проблемами, а не исследователи и учителя, которые смотрят вперед и видят будущее в своей сфере. Тем не менее кое-что довольно ясно: структура профессиональных областей обычно имеет свою функциональную элиту, активно претендующую на роль нормативной. Контрэлиты существуют всегда, иногда интегрируются. В духовной сфере, в отличие от финансовой, намного сложнее наследовать положение в обществе, хотя желание достичь этого не менее постоянно. Надо отдать должное, что в условиях острой конкуренции в политике и бизнесе правящая элита может играть позитивную роль в продвижении контрэлит вверх, хотя редко это происходит вовремя и без конфликтов.

Мы сознаем трудность выстраивания иерархии в системе элит, контри и гипозелит по всей широте спектра общественной жизни. Но рафинирование такой системы, как исследовательского инструмента, было бы важно для анализа функционирования общества и понимания гражданским обществом тех движущих пружин, которые в каждую эпоху определяют жизнь страны. В этом плане самое простое — нижний уровень *таблицы* — «фильтры», конкуренция, система отбора кадров и квалификации, которые выстроены в обществе для формирования карьеры по заслугам. Пополнение элит и верхов через меритократию — мечта, которая имеет больше шансов на реальность в демократиях. Конечно, деньги, статус и все элитные исходные преимущества демократия не отменяет, скорее делает их менее заметными, мягкими и совместимыми с личными достоинствами.

В данном случае у нас нет возможности полностью охватить проблему жизненного цикла, роли прямого воспроизводства элит, динамики, скорости и интенсивности обмена элит с гипо- и контрэлитами, но по этому вопросу собрана огромная фактологическая литература: таинственность и закрытость элит частично уравнивается сенсационностью и неистребимым коммерческим интересом к раскрытию тайн мадридского двора. Все же стоит отметить, что правящая элита — тот ее реальный состав, который принима-

⁴ Правда, не надо забывать, что отношения «поэт и царь» или «король и архиепископ Кентерберийский» плохо кончались для выдающихся интеллектуалов.

ет решения, — не склонна к прозрачности. Это в равной степени касается ее состава, иерархии, процедур принятия решений и четкого публичного формулирования специфических целей. В реальности принятие решений всегда связано с появлением проигравших, компромиссами и жертвами интересов достаточно влиятельных общественных групп. Так что внезапность решений снижает сопротивление потенциальных проигравших, а новые компромиссы и альянсы часто предполагают мотивировки, которые трудно было бы защитить в рамках демократических норм или провести с помощью массовой поддержки населения. Связано это, по нашему мнению, с несколькими факторами. Приведем здесь только четыре очевидных. Речь идет о трудности достижения компромисса между составными группами элиты и необходимостью жертв, возможным конфликтом между целями правящих элит и настроениями общества, т. е. целью самосохранения; возможным конфликтом с внешними элитами (государствами) и, наконец, фактором времени, поскольку процессы могут быть настолько динамичными, что публичность приведет к потере критического момента для принятия решений и реализации той или иной стратегии.

В заключение отметим, что структура общества, степень равномерности его структуры — значимость среднего класса, его верхних уровней — влияют на положение гражданского общества. Многие демократические тенденции формировались в условиях усиления среднего класса и большего равенства, достигнутого в развитых странах (в частности в США) в период 1960-х гг., хотя с 1970-х гг. уже начался перелом в сторону большего неравенства [Gilbert, 2008]. Изменение тенденций двояко по последствиям. Во-первых, оно усиливает тревогу западного среднего класса за свое положение и активизирует его на защитные действия, что очень характерно для стран ЕС в условиях глобального кризиса 2008–2009 гг. и его последствий. Во-вторых, растет тревога самих элит на Западе за материальную (финансовую) устойчивость среднего класса, которая отчасти является критерием успеха и успешности элит в выработке решений по стратегическим вопросам развития стран. Устойчивость положения элит и либеральной демократии, как показал XX в., предполагает и устойчивость среднего класса, и его веру в адекватность политических институтов и рыночных механизмов.

ЭЛИТЫ И СРЕДНИЕ КЛАССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ⁵

В России достаточно много работ посвящено элитологии, прежде всего отметим исследования О. Гаман-Голутвиной, И. Бунина, Б. Макаренко, Ю. Левады, М. Афанасьева и др. [Гаман-Голутвина, 2000–2001, 2006] Есть работы, посвященные среднему классу (классам), — Т. Малевой, Н. Тихоновой и др. [Авраамова, Григорьев, Малева, 2000; Средние классы в России..., 2003]⁶.

⁵ Это раздел частично основан на параграфе из работы *Grigoriev L. Russian Elites: The Choice for Modernization // Russia: the Challenges of Transformation / P. Dutkiewicz, D. Trenin (Eds.). — Lehman et al., 2011.*

⁶ См. обзор литературы в: *Григорьев Л., Салмина А. Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. — М.: ИНСОР, Экон-Информ, 2009.*

Но во всех этих исследованиях либо средний класс, либо элиты остаются в тени. Они сосуществуют в реальном российском обществе, взаимодействуют, но в теории стыкуются весьма редко. В основном представители средних классов сомневаются в своих элитах, а отдельные представители элиты критикуют ее цели или действия [Юргенс, 2010]. В свою очередь представители элиты жалуются на недостатки доставшегося им народа. Действия правящей элиты через государство (политика налогов, субсидий, пенсий — социальная политика) направлены на поддержание определенного взаимодействия со средними классами, равно как и на получение поддержки следующих социальных страт по социальной лестнице. Группы среднего класса имеют более широкие запросы в сфере демократии к политической элите и свои представления о действиях правящей элиты [Григорьев, Макаренко, Салмина и др., 2010].

Как мы указывали выше, элиты и средний класс специфичны для каждой страны. Это относится и к истории (политической, экономической, этнографической, истории религий) стран, а в XXI в. во многом определяется характером бизнеса в широком смысле слова. Деловая элита малой страны будет привязана к двум-трем крупным компаниям, порту и министерству внешней торговли. В большой стране история, наверное, несет более сложное послание для граждан всех слоев, а «элитные» носители истории сопротивляются быстрым трансформациям. Исторический статус элит страны (в данном случае России) крайне важен. Он обеспечивает лучшие условия существования, защиту собственности и реализации своих интересов, но требует постоянного фактического подтверждения обоснованности претензий.

При больших трансформациях журналисты, наблюдатели и даже научная литература уделяли больше внимание персональному составу новых элит, интригам вокруг их происхождения и борьбы со старыми элитами, а также трудностям в формировании среднего класса. Отметим, что изменение географических границ, структуры конкурентоспособных ресурсов и характер формирующегося рынка должны определять одновременно многое и в экономике, и в социальной структуре, и в специфике элиты. Характер занятости, тип рабочих мест, возможности бизнеса и государства задают пределы возможностей среднего класса. Гибель целых отраслей промышленности при открытии экономики, сжатие государственных расходов на полтора десятилетия в России (1990–2005 гг.) во многом сформировали структуру как деловой элиты, так и среднего класса. Прежде мы не раз отмечали, что российский опыт трансформации не привел структуру общества в континентальную Европу, социальное неравенство по доходам оказалось ближе к англосаксонским, а неравенство по богатству — к латиноамериканским странам [Григорьев, Малева, 2001].

Интеллектуальная элита советского периода не смогла сформироваться в масштабное движение, по сути она оставалась внутрисистемной контрэлитой с базой в протосредних слоях. На первом этапе трансформации в России роль интеллектуальной элиты была заметной, но, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, эта роль была не такой важной, влияние ее было недолгим, а сама элита была намного менее устойчива. Правда, скептическое отношение общества и среднего класса к 1990-х гг. и его действиям существенно затруднило закрепление в политической элите выходцев

из интеллектуальных слоев. В условиях тяжелого кризиса и недовольства обедневшего населения вторые-третьи эшелоны советской бюрократии нашли путь вверх. Крупный бизнес был пополнен из директоров, «комсомольцев», андеграунда и из интеллигенции. Специфика приватизации дала слишком пеструю картину новой деловой элиты: пока она не осознала необходимость единства во имя общих долгосрочных интересов, пока ее интересует больше максимизация приватизационного выигрыша и удержание активов в качестве ликвидного портфеля.

В процессе трансформации в постсоветском пространстве важнейшей проблемой, конечно, было решение «теоремы А. Шопенгауэра при быстрых исторических изменениях»: «На свете существует три аристократии: 1) аристократия рождения и ранга; 2) денежная аристократия; 3) аристократия ума и таланта. Последняя и есть собственно самая занятая и именитая» [цит. по: Ортега-и-Гассет, 1984]. Новая элита во всех областях должна мгновенно начать функционировать как в интересах страны, так и по своему укоренению, автоматически стремясь стать нормативной. Кто становится новой элитой, как они легитимизируются (внутри страны или во вне) — от этого много зависит в положении страны и в ее отношениях с другими странами, точнее, новой элиты России с элитами других стран [Grigoriev, 2011].

Для России эта проблема очевидна: достаточно большая группа представителей национальной элиты (во всяком случае интеллектуальной) и ряд внешних (зарубежных) элит рассматривают распад страны в 1991 г. как основание для снижения статуса и претензий новой правящей элиты. В мире (реже — в России) есть голоса, которые считают процесс распада страны незавершенным (хотя правящая элита абсолютно категорично это отрицает). Новая элита по мере укрепления своего положения предъявила статусные запросы в соответствии с прошлым величием страны (и ее элиты), объективно находясь в поиске максимально высокого статуса при фактическом уровне ресурсов страны и международной конфигурации вокруг нее. Мы не рассматриваем в этой статье происхождение и персональный состав правящей элиты. Достаточно отметить несколько важных соображений. В отличие от новых элит Центральной и Восточной Европы (в большинстве вышедших из интеллектуальной контрэлиты коммунистического периода), российская правящая элита не была быстро и безоговорочно признана внешними элитами. Тяжелейший трансформационный кризис осложнил внутреннюю легитимизацию политической элиты, которая испытывает значительные изменения уже на протяжении двух десятилетий. Ее пополнение идет из достаточно ограниченных источников или гипозэлит — «второй столицы», «силовиков» и т. д., что довольно подробно описано в массовой литературе.

Процессы распада СССР, миграции, транзитивный экономический кризис привели к резкому изменению сфер деятельности населения. Соответственно, произошло существенное смещение важности ряда направлений и функций в обществе и в элитах. Политическая элита формировалась из контрэлиты провинциальной, небольшой части интеллектуалов и бизнесменов и массы директоров и бюрократов. Усилилась и роль региональных элит, которые пока играют важную самостоятельную роль, хотя по мере усиления централистских тенденций их оттесняют в позицию гипозэлиты,

пресекая попытки превратиться в контрэлиту (даже в группе), даже внутри-системную⁷.

В бизнесе старую советскую элиту ВПК сначала потеснили банкиры и мастера приватизации. Однако в дальнейшем конфликт финансового сектора и политической элиты вызвал к жизни сложные процессы с поиском политической элитой опоры в энергетике (вплоть до частичной национализации), а также в сохранившихся кадровых ресурсах оборонного комплекса. В политику пришли новые силы, но на протяжении 20 лет шла адаптация структуры общества, гражданского общества под новый спрос, в том числе со стороны новой правящей элиты, которая в последние годы все больше консолидируется, во всяком случае вокруг некоторых идей.

Стремление новой правящей элиты к созданию адекватной ситуации гипозлиты и всей системы «лифтов и фильтров» заметно. Удержание своего контроля как одна из двух важнейших функций элиты явно прослеживается и широко обсуждается в стране и вне ее. Для нас важно, что идет тяжелая подстройка социальной структуры по видам занятости к реалиям низкого финансирования образования, культуры, науки. Потенциальная возможность консолидации правящей элиты при снизившейся роли интеллектуальной элиты (по существу, а не по лозунгам) начинает отличать новую формирующуюся ситуацию по факту жизни, возможно, против субъективных намерений политической элиты. Это связано именно с незаконченным укоренением новой правящей элиты, борьбой в ней за контроль над финансовой сферой. Ослабление интеллектуальной элиты ослабляет страну и понижает ее перспективы на постиндустриальное развитие.

Блестящая интеллектуальная элита важна для страны, ее существование льстит самолюбию правящей элиты. Но интеллектуальная элита обычно стремится к независимости, что очень неудобно. Правящая элита, по всей видимости, хотела бы опираться на развитый средний класс и «комфортную» гипозэлиту. Но транзитивный кризис 1990-х гг. сильно затруднил закрепление старой элиты в интеллектуальной сфере вплоть до 20-летней эмиграции потенциальной гипозэлиты. Закономерности существования и тем более трансформации этих элит не совпадают: в политике и финансах сначала устанавливается контроль («захват баронами»), а затем правящая элита мучительно пытается найти или создать систему институтов гражданского общества, которая играла бы свою роль, «как на Западе», но не представляла бы угрозы положению правящей элиты на неустойчивой и конфликтной фазе ее развития.

Обеспечение развития полноценной интеллектуальной элиты невозможно без создания масштабной гипозэлиты, всей «шахтовой» системы. Иначе рано или поздно отсутствие перспективы получения хороших рабочих мест, возможности пройти в состав высших слоев из среднего класса приведут не столько к социально-политической напряженности, сколько к эмиграции, перемещению в другие слои и сферы занятий. Без полноценной жизни гипозэлиты в своей стране по ясным правилам интеллектуальная элита постепенно сойдет на нет, растворяясь в мировой элите. Еще опаснее попытки имитации функциональной элитой нормативной роли на основе

⁷ Только в условиях кризиса советской системы контрэлиты вызвала «джинна» региональных контрэлит с грандиозными по силе и значимости последствиями для будущего страны.

клановых позиций или приобретенного в период трансформации богатства. В этом случае функциональная интеллектуальная элита страны со временем может стать «имитацией для домашнего потребления» без признания в мире (что не так важно), но и без инноваций для своей страны.

Отряды среднего класса (интеллигенция и бюрократия, средний бизнес и менеджеры, малый бизнес) корреспондируют с соответствующими элитами и являются источниками пополнения и воспроизводства элит. Политическая элита должна базировать свое превосходство на отражении интересов других элит и всех отрядов среднего класса (и бедных) — она функционально служит нации, хотя часто нация должна принять ценности элиты и ее нормативные установки (во многом еще не устоявшиеся). При сформировавшейся правящей элите (власти и капитала) в прикладном плане у нее есть свой резерв — бюрократия. Происхождение российской бюрократии от старого советского общества наложило отпечаток на ее представителей, несмотря на сдвиг поколений. Специфические условия трансформации страны во многом осложнили формирование бюрократии западного типа, так что можно отметить ее «восточные мотивы»: сервильность, лень, спорный уровень компетенции и коррупцию.

Обсуждать проблемы параллельного формирования элит и гипозэлит, контрэлит во власти и бизнесе придется еще долго, несмотря на то, что на эту тему достаточно много сказано (хотя часто под другими именами). Нам важно показать, что изолированного существования элит без воспроизводства и конкуренции внутри гипозэлит быть не может. Само собой очевидно, что без конкуренции внутри элит и с контрэлитами элиты могут потерять ориентировку в современном мире, сосредоточившись на своем выживании и контроле в ущерб стране и — тем самым — своему статусу в мире в долгосрочном плане. Актуальность темы интеллектуальной элиты в западной политической социологии в значительной степени мотивирована научной повесткой дня, например продолжающимся взаимопроникновением социальной истории и политологии.

Интеллектуальная элита в период трансформации оказалась под воздействием двух факторов — смены идеологии и типа государства и экономического кризиса. Важно учесть самостоятельную роль последнего, который вытолкнул часть нормативной элиты и следующих эшелонов своего потенциального пополнения вплоть до молодежи за рубеж. Эмигрирующих представителей элиты и среднего класса трудно обвинять в отсутствии патриотизма: кризис был слишком тяжелым и длинным! В течение более 10 лет талантливые люди были поставлены перед тяжелым выбором — благосостояние семьи и возможность поддерживать свой профессиональный уровень или патриотизм. В этих условиях для многих сограждан вопрос о конкуренции за вход в элиту своей страны как цели жизненной конкуренции на два десятилетия был заслонен вопросом о выживании семьи и даже о возможностях продолжения творческой деятельности. Результатом стала эмиграция гипозэлит, особенно в интеллектуальной сфере.

Трансформационный период в 20 лет в России при открытых для информации и передвижения границах привел к эмиграции среднего класса, элементов гипозэлиты. Часть нашей элиты растворилась в западном среднем классе. Так что электорат российских демократических партий на самом деле нигде не голосует, а тихо живет в полудюжине развитых стран. Присвоение

двум нестарым российским физикам Нобелевской премии — большая честь, но они живут в Великобритании. Так что в воспроизводстве научной творческой элиты произошел сбой⁸. И мир получил значительный по численности «российский мировой средний» класс, не голосующий ни на каких выборах.

Для полноты картины отметим, что русскоязычные группы населения в бывшем СССР в основном оторваны от политической деятельности. Часть русских на Украине и в Казахстане остаются в рамках рабочего класса, но в целом по бывшему СССР русские (и ряд других меньшинств) стали средним классом. Этот тип класса на языке данной работы не допускается национальными правительствами (в страхе ирредентизма) до формирования своей контрэлиты, вытесняется постепенно (после резкого выталкивания в начале 1990-х гг.) из гипозэлиты. Так что «потолок» русских (в массе — не индивидуально) в этом пространстве — это средний средний деловой и интеллектуальный уровень. В общем, у них нет больших шансов попасть в какую бы то ни было элиту — меритократия, скорее всего, там работать не будет. Российский пореформенный средний класс стал отчасти мировым явлением. Но с учетом интересов разделенных семей можно говорить и о значительной интеграции нашего общества в мировое сообщество, особенно в интеллектуальной сфере. Предыдущие эмиграции начала 1900-х гг., послереволюционные, послевоенные, 1970-х гг. — это потерянные таланты и потенциальные элементы элиты России. В перспективе — растворение в мировом сообществе. Для России возможное отношение к мировому российскому среднему классу — выровнять условия демократии и развития и дать им шансы стать элитой в России при этой жизни, а не повторять всю лестницу в шесть этажей уже в новых странах обитания.

Интеллектуальная элита, традиционная в западном социологическом языке, нуждается в привязке к реалиям, конкретизации и раскрытии. В реальной жизни большой и исторически интеллектуально богатой страны неизбежно выделяется функциональная интеллектуальная элита. Поскольку мы полагаем структуру фракций элит специфической для страны, то и в российском случае речь могла бы идти о трех подразделениях (реально существующих) в интеллектуальной элите: естественные науки, общественные науки (особенно экономика), литература и искусство. В принципе стоило бы анализировать их по отдельности, причем в *таблице* заложена идея дробления в случае необходимости. Однако серьезной проблемой при длительном кризисе становится исход из страны элиты, старой гипозэлиты, талантливой молодежи и подрыв воспроизводственного процесса во многих областях знаний. В связи с этим возникает вопрос: а в состоянии ли новая интеллектуальная элита конкурировать на мировой арене?

Можно допустить вероятность принятия российским обществом представителей мировых интеллектуальных элит как гуру, наверное, в ряде областей это было бы совсем неплохо. В ходе кризиса и эмиграции части элиты возникла угроза полного исчезновения российской (нормативной)

⁸ По опыту автора в ряде социально-экономических наук сейчас приходится строить исследовательскую работу с опорой на молодых сотрудников 25–30 лет, т. е. закрывать разрыв примерно в 35 лет. Большая часть способных (для науки) людей возраста 30–45 лет ушла в бизнес или эмигрировала.

элиты как мирового явления — могли остаться одни воспоминания об ученых и поэтах. Но идет явно суживающееся воспроизводство, усугубленное экономической эмиграцией, несопоставимым уровнем жизни и отъездом молодежи.

В России в самых разных областях мы наблюдаем вполне предсказуемый симбиоз старой функциональной элиты (в общем, и нормативной по старым стандартам) с новыми группами. Старая функциональная элита упруго (без излишней поспешности) уступает новым агрессивным элементам свои позиции, предлагая компромисс: максимальное сохранение своих командных позиций в обмен на признание представителей новой политической элиты, абсорбция их в свои ряды как способ относительно легкого признания интеллектуальной элитой. Переход элементов политической элиты в ряды функциональной интеллектуальной не делает их нормативной, признанной и почитаемой элитой, но это понятно далеко не всем. «Новые буржуа» в истории обычно не могут отличить мишуру от гения в течение одного-двух поколений (пока их дети не начнут вступать в интеллектуальную конкуренцию). Широкое определение «интеллектуальной элиты», используемое рядом российских исследователей, может быть изложено так: к интеллектуальной элите относятся группы, задающие рациональную парадигму деятельности интеллектуальных сообществ. Эти социальные группы предлагают эффективные системы подходов к решению современных проблем науки и искусства, конкурентные в мировом масштабе (легитимизация элиты через границу). Эти группы определяют самосознание представителей естественно-научной, социально-экономической и политической культуры.

Борьба старой и новой интеллектуальных элит идет одновременно с трансформацией финансовой и политической элит, которые стремятся к получению полного контроля в стране с помощью взаимопризнания с интеллектуальной элитой. Понятное желание элиты стать признанной имеет практическое значение для каждой из них для закрепления в системе фракций элит. Взаимодействие важно и для обеспечения своей безопасности как функционально эффективной элиты при решении общих задач элиты (интересы страны и собственное выживание как элиты). Одновременно идет индивидуальная и групповая борьба за ресурсы и материальные выгоды, связанные с доминирующим положением групп на том или ином интеллектуальном рынке. Две тенденции конкурируют — естественный отбор талантов и активных элементов в гражданском обществе снизу и попытки элиты сформировать свою гипозэлиту (снизить свои риски), повлиять на формирование гражданского общества сверху. В этой связи возникает тенденция к ускоренной «имитации элиты» через СМИ, к подмене интеллектуальной элиты «функциональной» популярностью и таблоидами. Политической элите трудно устоять перед соблазном внедрения сверху новой гипозэлиты как функциональной интеллектуальной эрзац-элиты. Это позволило бы избежать внешнего раскола элит, конфликта с гражданским обществом (средним классом) по поводу качества новой элиты.

Для групп и индивидов трудность немедленного или постепенного признания нормативной элитой делает этап их включения в функциональную элиту как бы «исторической аспирантурой» (из начальства в гении). Вне функциональной стадии путь в нормативную элиту из недр среднего интел-

лектуального класса был и остается крайне трудным и медленным — «негарантированным». Разумеется, какая-то часть творческой элиты находит свой путь на Олимп, но часто поздно и с большими потерями; там ее встречают «номенклатурные олимпийцы». Правда, включение в функциональную элиту создает только иллюзию принадлежности к нормативной элите, хотя и не столь спорно, как это было при советской власти (за исключением, возможно, естественных наук). Самоидентификация той или иной группы (или индивида) как элемента «интеллектуальной элиты» требует проверки на реалистичность претензий. Другие фракции элиты могут принять эту претензию в контексте своей устойчивости, но эффективность группы постоянно подвергается проверке контрэлитами, средним классом, внешними вызовами. Остаться в составе нормативной элиты сложно, даже если это функционально закреплено.

В сложившемся обществе интеллектуальная элита сохраняет определенную дистанцию от политики для поддержания своей независимости. Финансовая элита и бюрократия сильно влияют через фондирование и спонсорство исследований и культурных проектов. В условиях социальной трансформации интеллектуальная элита оказывается важным, но временным источником кадров для новой политической элиты благодаря своему общественному положению и некоторой независимости от прежней политической элиты.

Средний класс является тем якорем, который обеспечивает социальную стабильность, что де-факто включает признание элит и их исключительной роли в формулировке целей и управлении страной и ее основными общественными институтами и активами. Современная демократия в мире и посттрансформационных странах вносит свои ограничения, но позиции новых элит она не подорвала. Традиционные элиты, ставшие давно признанными (нормативными) и успешными, заинтересованы в поддержании открытых «шлюзов» для обмена генофондом со средним классом: не слишком широких, но и не слишком узких. Вертикальная миграция в нормально функционирующем обществе важна не только вниз (от бедных в средний класс и выше по его уровням), но и выше — вплоть до возможности вхождения в элиту по активности и достоинствам. Закрытие таких «шлюзов», окостенение кланов и каст повышало бы угрозу социальных потрясений и блокировало бы индивидуальную мотивацию к инновациям и модернизации в целом.

В российской традиции сложилась привычка подчеркивать роль интеллигенции, но эмиграция и тяжелое финансовое положение в 1990–2000-х гг. ослабили ее роль и положение в обществе, которое казалось активным и обещающим в конце 1980–начале 1990-х гг. Можно было бы ожидать усиления роли бизнеса в ущерб интеллектуалам на ранних стадиях трансформации. Но в последние годы мы видим скорее усиление чиновничества, часто противостоящего бизнесу и служащего опорой политической элите. Принципиально важно, что в России в отличие от стран Центральной и Восточной Европы и ОЭСР в целом слабость российского среднего класса и гражданского общества усиливает роль элит и личностей в стабилизации положения в стране и выбора пути развития.

Российское общество только выходит из трансформационного кризиса. Мы пока вынуждены констатировать, что перестройки структуры элиты

и среднего класса идут с огромным трудом и большими потерями. В политической элите консолидация, видимо, еще не завершена. В финансовой элите идет сложная конкуренция, реформируются финансово-промышленные группы, резко усиливается государственный бизнес, как в энергетике, так и в финансовом секторе. Интеллектуальная элита вошла в очередной раунд обсуждения судьбы страны и правильного подхода к модернизации — консервативного или либерального, европейского или евразийского. Формирование гипозлит идет под жестким воздействием процессов на верхнем этаже — в элитах. Средние классы, гражданское общество взирают на эти процессы с определенным скептицизмом, унаследованным от советских времен, но существенно усиленным наблюдаемой коррупцией, ошибками в экономической политике и сомнениями относительно намерений элит (помимо сохранения собственных позиций). Российский случай формирования элит после трансформации одновременно остается самым интересным и недостаточно изученным, особенно попытки элиты сформировать общественную жизнь в своих интересах, включая гражданское общество, гипозлиты и даже контрэлиты.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Рассмотрение проблемы элит в XXI в., на наш взгляд, требует более ясной проработки проблемы взаимоотношений элиты и общества. Амартья Сен еще 40 лет назад указал на несовместимость либерализма и реализации критерия по Парето, если имеется больше двух альтернатив [Amartya Sen, 1970]. Мы полагаем, что в конечном итоге теории традиционно работают с элитой и народом, но в политической практике, деловой и общественной жизни мы редко имеем дело со сколько-нибудь однородными элементами, осуществляющими свободный выбор. Скорее, мы видим сложную социальную структуру, которая снизу находится под давлением проблем реальной жизни, а сверху во многом зависит не только от собственно взглядов и интересов правящей элиты, но и от общественных механизмов, «лифтов и фильтров», обустроенных для элиты и одобренных и поддерживаемых элитой в авторитарных или (предпочтительнее) в демократических обществах. Даже вопрос об оптимуме по Парето может быть рассмотрен в контексте социальной иерархии: что есть оптимум для элит, что для средних слоев, а что для низших классов. Далеко не во всех вопросах индивидуумы делают свой выбор независимо от своего положения. Проблемы функционирования элит в современном мире, особенно формирования элит после трансформационного периода, представляют огромный теоретический и прикладной интерес, но их очень сложно исследовать — это не спокойный исторический материал, а предмет повседневной борьбы и конкуренции внутри страны и в мире. Но мы предлагаем систему подходов, которые могли бы помочь упорядочить и организовать усилия исследователей. Практически речь идет о необходимости понимать структуру, характер, цели элит не только России, но и ведущих мировых держав, особенно соседей Российской Федерации. В национальной политике собственные цели и приоритеты правящей элиты могут существенно переопределять рациональность тех или иных социально-экономических решений. В международных отношениях и при решении

глобальных проблем позиция национальных элит тоже имеет самостоятельное значение: нет чистой внеэлитной рациональности в мировой экономике и политике. Наш методологический вывод: в XXI в. необходимо исследовать не изолированные элиты и их взаимоотношения, а элиты с их сложной структурой и вместе со следующим социальными слоями, вплоть до гражданского общества (и средними классами). Это позволит лучше понять состояние и поведение мирового сообщества, российского общества и важных для нас стран, точнее — элит. В этом есть некоторая надежда на постепенное формирование элит, достойных нашей страны, ведь как у Джеймса Бонда: «Tomorrow never dies».

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е., Григорьев Л., Малева Т.* (руководитель). Средний класс в России: количественные и качественные оценки. — БЭА, ТЭИС, 2000.
- Выдрин Д.* О политике упорно // Большая Ялта News. 2010. С. 25.
- Гаман-Голутвина О. В.* Группы интересов: ретроспектива // Полития. 2000–2001. Т. 4. № 18. С. 38–49.
- Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. — М.: РОСПЭН, 2006.
- Григорьев Л.* Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // Дискуссия о среднем классе. — М.: ИНСОП, Научная книга, 2008. С. 27–32.
- Григорьев Л.* Интересы и проблемы во время мирового кризиса: ответственность элит, понимание среднего класса и терпение бедняков // Экономика переходных процессов. Т. 2. Гл. 3.11. С. 254–306.
- Григорьев Л.* Цели и интересы групп на старте кризиса: как сохранить позиции и дожить до модернизации // Экономика переходных процессов. — М.: МУМ, 2010. Т. 1. С. 281–333.
- Григорьев Л., Курдин А.* Интересы и подходы к реформированию подоходного налогообложения: Доклад на Конференции ГУ-ВШЭ. — Москва. Апрель 2010 [в печати].
- Григорьев Л., Макаренко Б., Салмина А. и др.* Российский средний класс после кризиса: экспресс анализ взглядов на политику и экономику. — М.: БЭА, 2010.
- Григорьев Л., Малева Т.* Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 45–61.
- Григорьев Л., Плаксин С.* Учет интересов групп в антикризисной политике // Экономика и право / Под ред. А. П. Заостровцева. Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». — СПб.: Наука, 2009.
- Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М.* Послекризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. 2008. № 4.
- Григорьев Л., Салмина А.* Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. — М.: ИНСОП, Экон-Информ, 2009. С. 5–100.
- Григорьев Л., Салмина А.* Структура среднего класса в России: предварительный анализ для будущих исследований // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 12.
- Кун Т.* Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.
- Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001. Приложение.
- Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. С. 69–70.

Миль Р. Правящая элита. — М., 1989. С. 25.

Парето В. Компендиум по общей социологии. — М.: ГУ—ВШЭ, 2008. Параграф 793. С. 309.

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.

Юргенс И. Модернизация возможна, если элита почувствует себя гражданами России // Коммерсант. 2010. 21 октября. № 196.

Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configuration and Clusters of Power // Elite Configurations at the Apex of Power. — Leiden — Boston: Brill, 2003.

Elites, crises, and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (Eds.). — Rowman & Littlefield publishers inc., Lanham etc., 1998.

Feibleman J. Democracy and the Middle-Class rule of Reason // Ethics. — The Chicago Un. Press. 1938. Vol. 48. P. 536—542.

Gilbert D. The American Class Structure in the Age of Growing Inequality. — Pine Forge Press, LA, 2008.

Grigoriev L. Elites: The Choice for Modernization // Russia: the Challenges of Transformation / P. Dutkiewicz, D. Trenin (Eds.). — Lehman etc., 2011. Ch. 7.

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. — 2006. P. 18—19, 25—26.

Lane Fr. C. Aristocratic Polity // Venice. A Maritime Republic. — Baltimore: the John Hopkins University Press, 1973. Chs. 8—9.

Sen A. The Impossibility of Paretian Liberal // The Journal of Political Economy. 1970. Vol. 78. № 1 (Jan.—Feb.). P. 152—157.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Иванов С. Ф., Отдел народонаселения Организации Объединенных Наций¹

Традиционно воздействию изменений климата на население уделяется много больше внимания, чем демографическим факторам изменения климата. Однако рост населения и множество других демографических показателей, таких как плотность населения, территориальное распределение и перераспределение, урбанизация, возрастная структура — в той или иной степени оказывают влияние на эмиссию углекислого и других парниковых газов, то есть служат факторами изменения климата. Главной причиной игнорирования демографического фактора климатических сдвигов, по мнению автора, является традиция политизировать вопрос о последствиях быстрого роста населения на любом территориальном или геополитическом уровне. Стабилизация атмосферной концентрации парниковых газов в обязательном порядке требует участия развивающихся стран, которые в ближайшие десятилетия превратятся в основной источник эмиссии. Роль катализатора в процессе осознания проблемы, как считает автор, должна принадлежать международным организациям.

Первоначально взаимное влияние населения и окружающей среды рассматривалось в контексте концепции экономико-демографических взаимосвязей. Со временем в эколого-демографической проблематике выделилась более частная, но наиболее известная сфера взаимодействий населения (т. е. общества в формулировках других дисциплин) и изменений климата. При этом воздействию изменений климата на население уделяется много больше внимания, чем демографическим факторам изменения климата. В результате многогранная проблема антропогенного воздействия на климат оказывается существенно урезанной.

Между тем очевидно, что рост населения является фактором изменения климата. Чем нас больше, тем больше мы производим (или потребляем, здесь первичность курицы или яйца неважна); чем больше производим, тем больший объем углекислого газа генерируем. При данной технологии эмиссия антропогенного происхождения прямо пропорциональна численности населения, причем коэффициент пропорциональности задается душевым уровнем производства. То, что эффект демографического роста опосредуется производством, не отрицает его значения. След является полезным образом для изображения трехсторонней взаимосвязи факторов, определяющих

¹ Высказанные в данной статье взгляды принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения Организации Объединенных Наций.

антропогенную эмиссию углекислого газа, так же как и других парниковых газов. Экологический след индивида в виде промышленных и транспортных выбросов углекислого газа в богатых странах намного глубже, чем в бедных, в то время как численность населения бедных стран впятеро больше «золотого миллиарда». Рост душевого потребления (производства) ведет к углублению следа, что может быть компенсировано технологическим прогрессом. Замедление роста населения тормозит увеличение числа следов — источников эмиссии. Кроме того, более быстрый рост населения в регионах с меньшей удельной (в расчете на душу населения) эмиссией уменьшает глобальную удельную эмиссию.

С 1970 г. глобальные выбросы двуокиси углерода в расчете на душу населения были почти постоянными, колеблясь в диапазоне 1,1–1,2 тонн/год, в то время как ВВП на душу населения увеличился в несколько раз. Во многих развитых странах технологический прогресс полностью компенсировал рост ВВП на душу населения и рост населения остался единственной причиной увеличения общего объема эмиссии. Одновременно доля развивающихся стран в мировом населении возросла с 73% в 1970 г. до 82% в 2010-м, что способствовало стабилизации глобальной эмиссии в расчете на душу населения. В развивающихся странах рост ВВП происходил с гораздо меньшим привлечением «чистых» технологий, в результате чего экономический рост сопровождался углублением следа, а общая эмиссия возростала еще и вследствие быстрого роста числа следов.

При этом в развивающихся странах, в отличие от развитых, значение роста населения в динамике эмиссии обратно пропорционально уровню экономического развития, поскольку экономическое развитие сопровождается снижением рождаемости, вследствие чего темп роста населения падает.

Простейшая модель декомпозиции показывает, что в течение нашего столетия рост населения будет детерминировать более трети роста эмиссии углекислого газа во всем мире и половину роста эмиссии в развивающихся регионах, причем замедление роста населения к концу столетия вдвое сократит его вклад в рост эмиссии [Bongaarts, 2002]. Это согласуется с наблюдением, что в течение 20 лет каждый процент роста населения в 93 странах был связан с 1,3% роста объема эмиссии углекислого газа [Shi, 2000].

Долгосрочные прогнозы эмиссии, разрабатываемые Межправительственной группой экспертов по изменению климата, включают рост населения. Специальный доклад МГЭИК по сценариям эмиссий [IPPC, 2007] построен на десятках демографических прогнозов. Главный вывод этих моделей состоит в том, что стабилизация атмосферной концентрации парниковых газов требует участия развивающихся стран, которые в ближайшие десятилетия превратятся в основной источник эмиссии, потому что продолжающийся (хотя и затихающий) рост населения будет множить углубляющиеся следы.

Поскольку рождаемость является главным фактором динамики населения, предположения о ее траектории в будущем особенно важны в долгосрочном прогнозировании эмиссии. Диапазон демографических прогнозов МГЭИК смещен в сторону высоких темпов роста населения, поскольку основан на предположениях о менее быстром снижении рождаемости, чем это следует из полученных в последнее время оценок прошлых тенденций и ны-

нешних уровней. В результате недооценивается потенциал быстрого снижения рождаемости как фактора, сдерживающего эмиссию. В этой связи стоит отметить, что почти повсеместное прекращение роста населения развитых стран сыграло хоть и меньшую, но все же значительную роль в сдерживании роста эмиссии.

Несомненно, связь между ростом населения и эмиссией парниковых газов представляется простой только при допущении, что динамика эмиссии в расчете на душу населения не зависит от темпа роста населения. Вместе с тем широко известно, что замедление роста населения способствует экономическому росту, что, в свою очередь, углубляет след [Carpenter et al., 2005; Riahi, Grübler Nakicenovic, 2006; Van Vuuren et al., 2007]. Но все же эта зависимость оказывает существенно более слабое воздействие на общую эмиссию, чем простой мультипликативный эффект роста населения.

Рост населения — не единственный релевантный демографический процесс. Плотность, территориальное распределение и перераспределение населения, урбанизация (в том числе рост сверхкрупных городов) оказывают воздействие на потребительский спрос, энергопотребление, использование углеводородов. Возрастная структура населения тоже имеет значение из-за различий в потреблении возрастных групп. Отсюда и значение универсального процесса старения населения. По сравнению с ростом населения взаимосвязи других демографических процессов с антропогенной эмиссией парниковых газов существенно сложнее. Во-первых, цепочки детерминации длиннее. Например, рост пенсионных и медицинских расходов вследствие старения населения может приводить к такой нагрузке на государственный бюджет, что придется жертвовать природоохранными программами. Во-вторых, один и тот же демографический процесс может одновременно способствовать эмиссии и ее ограничивать. Так, урбанизация связана с автомобилизацией и многоэтажным строительством, т. е. при прочих равных условиях увеличивает эмиссию. Вместе с тем существует мнение, что концентрация производства и жизнедеятельности на малых пространствах эффективна (опять-таки при прочих равных условиях) для ограничения эмиссии. В-третьих, градиенты воздействий зависят от национальной специфики, подчас неустойчивы и плохо поддаются надежному измерению. Как правило, все эти демографические факторы игнорируются в обсуждениях изменений климата.

Некоторые долгосрочные прогнозы изменений климата все же включают множество демографических параметров. Так, недавние (2009) прогнозы МГЭИК содержат демографический блок, который состоит из многих показателей, комбинированных в два индекса. «Демографический» индекс включает численность населения, рождаемость поколения, младенческую смертность и предстоящую продолжительность жизни в годовалом возрасте. Индекс «характеристик населения» состоит из плотности населения, уровня урбанизации, уровня грамотности и продолжительности жизни в грамотном состоянии.

Итак, рост населения всегда, а другие демографические параметры иногда рассматриваются экспертами как значительный компонент изменений климата. Между тем они игнорируются в политическом дискурсе. Официальные международные документы не отрицают роли роста населения в негативных

изменениях окружающей среды. Консенсус по умолчанию порождал также формулировки, открыто, но в самой общей форме признающие эту связь. В контекстах этих документов соответствующие утверждения выглядят скорее уступкой логике, которой следует отдать дань, прежде чем вернуться к серьезным вопросам. Итоговые документы Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) и Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994) содержат положение о том, что демографические факторы в сочетании с социальными условиями и экономическими тенденциями вызывают или усугубляют деградацию окружающей среды и истощение ресурсов. Но этим вопросам уделено гораздо меньшее внимание, чем они заслуживают. Характерно, что из 387 пунктов Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию только два кратких пункта относятся к этой теме. Основные направления деятельности по дальнейшему осуществлению этой программы действий, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1999 г. Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 1999), вообще ее не упоминают.

Неудивительно, что осторожное, с оговорками, признание, что растущее население увеличивает нагрузку на окружающую среду, не послужило основой целенаправленных действий в этой области. В частности, демографическая проблематика начисто отсутствует в официальном дискурсе по изменению климата. Демографические факторы изменения климата совершенно не учтены в Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (1992), Киотском протоколе (1997), посткиотских переговорах и Конференции Объединенных Наций по изменению климата (Копенгаген, 2009), равно как и в предшествовавшей ей научной конференции «Изменение климата: глобальные риски, вызовы и решения» (Копенгаген, 2009).

Главной причиной игнорирования демографического фактора климатических сдвигов является традиция политизировать вопрос о последствиях быстрого роста населения на любом территориальном или геополитическом уровне. Кроме того, в отличие от истощения ресурсов и деградации ландшафтов, проявляющихся, как правило, на субнациональном, национальном или региональном уровнях, изменение климата является глобальной проблемой и, следовательно, предполагает глобальные обобщения и глобальную ответственность. Традиция умолчания охватывает не только отрицательные экологические последствия роста населения, она распространяется на все последствия, в особенности экономические.

Идеологизованность вопроса о последствиях быстрого роста населения в развивающихся странах, приведшая к его замалчиванию, имеет длительную историю. С начала 1970-х гг. Движение неприсоединения (а затем и «Группа 77») объединило свои силы с коммунистическими государствами в борьбе с «мальтузианскими» утверждениями о негативном характере этих последствий. Эти утверждения характеризовались как инструмент империализма, неокOLONиализма и гегемонии Запада. Индия, с начала 1950-х гг. проводившая политику сдерживания роста населения в стране, на международной арене проявляла солидарность с господствовавшей идеологией «Группы 77». Европейские правительства избегали полемики, не желая антагонизировать развивающиеся страны по вопросу, который они считали одновременно маргинальным и не поддающимся решению.

Соединенные Штаты Америки были наиболее последовательными и влиятельными сторонниками концепции, в соответствии с которой быстрый рост населения тормозит экономическое развитие и дестабилизирует развивающиеся страны. Американское правительство не только пропагандировало этот подход, но и осуществляло значительную финансовую и техническую поддержку программ планирования семьи именно с целью торможения роста населения. Внутриполитические причины привели к резкому развороту этой позиции в 1984 г.: отныне официальная позиция США утверждала нейтральность роста населения по отношению к развитию, помощь в области планирования семьи была уменьшена, а ряду стран и международных организаций полностью прекращена. В условиях, когда абсолютное большинство других государств предпочитали вообще уклоняться от обсуждения последствий быстрого роста населения, обоснование демографической политики почти повсеместно (за очень весомым исключением Китая) свелось к репродуктивному здоровью, а другие методы снижения рождаемости (образование в этой области, пропаганда в средствах массовой информации и т. п.) были вытеснены на дальнюю периферию.

Другой и, вероятно, основной причиной является нежелание признать за развивающимися странами специфический именно для них вклад быстрого роста населения в увеличение эмиссии парниковых газов. Позиция «Группы 77» сводится к трем простым аргументам:

- развитые страны — основные эмитенты парниковых газов;
- накопленное загрязнение парниковыми газами — дело рук развитых стран;
- контроль над эмиссией в развивающихся странах будет сдерживать их экономический рост.

Демографическая аргументация воспринимается как ослабляющая эту позицию и потому не используется. Поскольку развитые страны договорились разделить между собой все бремя предотвращения изменений климата, демографическая динамика вообще не рассматривалась в Киото. Естественно, что, если можно обойтись без роста населения, было бы странным обсуждать другие демографические факторы.

Между тем есть по меньшей мере две причины, почему необходима интеграция динамики населения в формулы, обосновывающие обязательства стран в области ограничения изменений климата. Во-первых, более нельзя обходиться без участия развивающихся стран в международных обязательствах по предотвращению изменений климата, как в силу их совокупных географических размеров, так и численности населения. Экономический рост начинается даже в еще недавно казавшихся безнадежными африканских странах, а в ряде развивающихся стран, в том числе в многонаселенных Китае, Индии, Индонезии, Бразилии, среднегодовой темп роста ВВП измеряется двузначными цифрами или близко подходит к такому уровню. Вряд ли эти страны, как и любые другие, добровольно придержат свой экономический рост из экологических соображений. Ресурсосберегающие и чистые технологии дороги; при наличии более расточительных, грязных, но более дешевых альтернатив неконкурентоспособны, а их продвижение

нерыночными средствами тоже будет препятствовать экономическому росту.

В этих условиях замедление роста населения может рассматриваться как приемлемая основа (или один из аргументов в пользу) включения развивающихся стран в межгосударственные соглашения по климату. Такое замедление может внести значительный вклад в сдерживание роста эмиссии, причем демографический переход не нужно специально для этого затевать. Это и так универсальный процесс. Получается что сам по себе полезнейший процесс, способствующий развитию общества и человека, можно «поставить в зачет» при определении обязательств государств по ограничению эмиссии. Ускорение демографического перехода также возможно, и в этой области накоплен большой опыт. Главным препятствием остается традиционное отождествление численности населения с геополитическим весом, быстрого роста населения — со «здоровым развитием», а политики, направленной на торможение роста населения Юга, — с империалистическими императивами Запада.

Как в экономическом, так и в экологическом контексте особое значение имеет опыт демографической политики в Китае. Система мероприятий, направленных на скорейший переход от многодетной к одно-двухдетной семье, включала весьма жесткое ограничение индивидуальных свобод. Но общество перенаселенного Китая в целом выиграло от ускоренного демографического перехода, позволившего избежать 200 млн рождений. При этом если наряду с экономическими и социальными выигрышами от стремительного снижения рождаемости можно говорить и о его цене (быстрое старение населения, начинающийся кое-где дефицит рабочей силы), то экологические последствия этого фундаментального сдвига однозначно позитивны. Замедление роста населения, а в двадцатилетней перспективе — начало депопуляции можно интерпретировать как фактор, хотя и не компенсирующий, но существенно ограничивающий рост эмиссии углекислого газа вследствие бурного промышленного роста в Китае. Замедление роста населения путем сокращения рождаемости дает выигрыш любой развивающейся стране, причем имитировать китайское ограничение индивидуальных свобод совершенно не обязательно, ибо наработан богатый опыт других эффективных подходов.

Включение демографической динамики в разработку всемирных соглашений по сдерживанию эмиссии парниковых газов было бы разумно не только в отношении развивающихся стран. Подход должен быть универсальным, и дело тут не только в справедливости, но и в эффективности. Различия темпов роста населения между развитыми странами имеют существенное значение для сравнительной динамики эмиссий. Между тем в Киотском протоколе это не учитывается. В результате чем быстрее растет население страны, тем в менее выгодном положении она оказывается. Так, к 2025 г. население США увеличится на 40% по сравнению с 1990 г., в то время как численность населения Европы не изменится. Абстрагируясь от экономического роста, отметим, что большинство европейских стран может предотвратить рост эмиссии, сохраняя глубину углеродного следа, в то время как для достижения этой цели в США придется уменьшить ее на треть.

Интеграция демографии в политический дискурс по изменению климата будет способствовать выработке обязательных к исполнению международных соглашений. При сохранении основных принципов Киотского протокола это будет выгодно большинству стран. Это позволит разрешить парадокс, когда динамика населения стала обязательным компонентом моделей, с помощью которых разрабатываются политические решения, но этот вопрос на политическом уровне наталкивается на старые табу. Однако эти табу постепенно размываются благодаря тому, что ширится политическое признание негативных экономических последствий быстрого роста населения и, наоборот, серьезных экономических дивидендов демографического перехода. Опыт многих развивающихся стран продемонстрировал, что ускоряющие демографический переход программы могут быть экономичными, эффективными и приносить другие позитивные результаты. Осмысление этих двух явлений подталкивает правительства к формулированию трезвых оценок и выработке адекватных решений. Организация Объединенных Наций проводит регулярные обзоры мнений правительств по вопросам политики народонаселения, включая оценку демографической динамики и ее последствий [United Nations, 2010]. Это самая полная база данных по соответствующим вопросам, содержащая динамические ряды показателей. К сожалению, она не включает ни экологическую проблематику, ни отношение к наднациональным процессам. Однако она позволяет оценить, как за последние 35 лет менялась оценка правительствами развивающихся стран темпов роста населения.

В наименее развитых странах население растет особенно быстро, а темп роста снижается медленно. Доля правительств этих стран, оценивающих рост населения как слишком быстрый, увеличилась с 1/3 в середине 1970-х гг. до 3/4 в настоящее время. Среди правительств других развивающихся стран эта доля возросла с 15% до 32%, хотя это и не обязательно означает удвоение, так как число охваченных обзорами стран за этот период увеличилось на треть. Еще два показателя полезны для понимания динамики официальных оценок. Во-первых, в 22 развивающихся странах (включая Вьетнам, Египет, Индию, Индонезию, Иран и Нигерию) правительства продолжают считать, что население растет слишком быстро, хотя его рост значительно замедлился по сравнению с серединой 1970-х гг. Во-вторых, в 11 странах официальная позиция, признававшая темп роста населения удовлетворительным, трансформировалась в озабоченность чрезмерно быстрым ростом населения. С другой стороны, в 24 странах, прошедших большую часть демографического перехода, озабоченность быстрым ростом населения сменилась удовлетворенностью темпом роста. Хотя имеющиеся данные не позволяют доказать причинно-следственную зависимость, она более вероятна, чем предположение о встречных идеологических сдвигах.

Таким образом, несомненно происходит крупный сдвиг от идеологизированного отрицания к прагматическому признанию негативных последствий быстрого роста населения в самих развивающихся странах. Однако это пока не привело к готовности обсуждать этот круг вопросов в официальном международном формате. Вероятно, необходимый импульс такому «превращению количества в качество» могли бы дать международные организации, для чего их секретариатам следует сформулировать новаторские предложения для стран-участниц.

ЛИТЕРАТУРА

Bongaarts J. Population growth and global warming // *Population and Development Review*. 2002. Vol. 18. № 2. P. 299–319.

Carpenter S. R., Pingali P. L., Bennet E. M. et al. (Eds.). Ecosystems and Human Well-being: Scenarios. Vol. II. Millennium Ecosystem Assessment (MA). —Chicago: Island Press, 2005. — 561 p.

IPCC, 2007. Summary for Policymakers // *Climate Change 2007: Impacts, Adaption and Vulnerability*. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / M. L. Parry, O. F. Canziani, J. P. Palutikof et al. (Eds.). — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. P. 7–22.

Riahi K., Grübler A., Nakicenovic N. Scenarios of long-term socio-economic and environmental development under climate stabilization // *Technological Forecasting and Social Change*. Special Issue. 2006. Vol. 74. № 8–9.

Shi A. The Impact of Population Growth on Global Carbon Dioxide Emissions. 1975–1996: Kyoto Revisited. — The World Bank, 2000.

Van Vuuren D. P., den Elzen M. G. J., Lucas P. L. et al. Stabilizing greenhouse gas concentrations at low levels: an assessment of reduction strategies and costs // *Climatic Change*. 2007. Vol. 81. № 2. P. 119–159.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs. World Population Policies 2009. United Nations, New York, POP/DB/WPP/2009

ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Дробижева Л. М., д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН

Неравенство в полиэтнических обществах имеет свои этносоциальные измерения. В статье рассматривается, как этническая принадлежность влияет на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества. Почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как дискриминация, каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти и представления о них в этнических группах. Насколько оправданны представления об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России.

Несмотря на то что в 2000-е гг. не было опасности массовых национальных движений, проблемы в этносоциальной сфере в России остаются. Правда, за короткое историческое время они существенно изменили свое содержание. С точки зрения социального развития страны на первый план выходят, несомненно, две. Первая проблема связана с ролью культурных факторов в процессе модернизации страны, в том числе готовности работников разной национальности к современным видам деятельности, определением наиболее эффективных путей их взаимодействия при передаче управленческой и производственной культуры, нахождением способов преодоления негативного традиционализма, тормозящего прогресс.

К культурным факторам относят «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества» [Культура имеет значение, 2002. С. 11]. Наиболее известные в мире исследования в этом направлении выполнены А. Инкелесом, Дж. Хофстедом, Л. Харрисоном при участии С. Хантингтона [Inkeles, Smith, 1982; Inkeles, 1978; Hofstede, 1980]. В России исследования такого рода только начинаются [Шкаратан, Карачаровский, 2002; Наумов, 1996; Шершнева, Фельдхофф, 1999; Данилова, Тарарухина, 2003]¹.

Вторая проблема — место этничности в стратификационной иерархии современного российского общества. На протяжении 1990–2000-х гг. мы имели возможность наблюдать, как фокус интересов национальностей смещался из символической, культурной и психологической сферы (принятие деклараций о суверенитете в республиках, провозглашение в них национальных языков государственными вместе с русским, сохранение ценностей культуры, группо-

¹ Кроме того, какие-то аспекты этих проблем ранее затрагивались в работах Ю. В. Арутюняна, В. В. Коротеевой, Л. Перепелкина

вой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем преимущественно социально-экономическую, связанную с собственностью, доходами, престижем, властным и интеллектуальным ресурсом этнических групп.

Предметом нашего анализа является реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это несколько иной ракурс исследования по сравнению с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде. Особенностью этносоциологии после ее утверждения в нашей стране в 1960—1970-е гг. было *внимание к изучению социальной структуры этнических общностей* (прежде всего наций союзных республик), но акцент делался на *сравнительном анализе народов с точки зрения их развития*. Объективная причина этого — сам характер полиэтничности, многокультурности в СССР и сейчас в России.

В США, Канаде, Англии социальные проблемы этничности изучались главным образом в связи с взаимодействием групп мигрантов или с группами мигрантов. Для США основной социальной проблемой были взаимоотношения не между аборигенным населением и колонистами из Европы, а между отдельными группами колонистов. Поляки, греки, итальянцы — белое неанглосаксонское население — боролись здесь за свои права с теми, кто называл себя WASP. Во Франции и Германии проблемы регулирования межгрупповых этнических отношений с 1960—1970-х гг. тоже преимущественно были связаны с мигрантами.

В России, так же как раньше в Советском Союзе, этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории), — так сложилось наше государство как полиэтничное.

В Советском Союзе нерусские составляли практически половину населения страны. И это, естественно, стало неким объективным основанием для того, чтобы изучение фокусировалось на адекватности социальных структур самих народов социальной структуре общества в целом, а не на месте меньшинств в структуре общества, и прежде всего, конечно, внимание уделялось наиболее крупным народам и имеющим свою государственность, пусть скорее символическую, чем реальную. Хотя, разумеется, само сравнительное сопоставление давало повод для дискуссий о равенстве.

В современной России мы живем в других условиях. Появились новые сферы деятельности, социальные слои, формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация. Существенно обострилась социальная конкуренция, особенно в больших городах. Люди знают, что если они смогут хорошо зарабатывать, то будут иметь комфортное жилье, машины и любые другие потребительские блага.

И в то же время в социальной политике нового государства этнический принцип не присутствует. В ней едва просматривается задача защиты обездоленных, главным образом неадаптировавшихся мигрантов. Так же как и в других государствах, подобный подход в социальной политике не снимает конкуренции между другими этническими группами, особенно компактно проживающими и претендующими на участие в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов (пример басков и каталонцев в Испании, шотландцев и североирландцев в Англии).

Вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопреде-

ляют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Актуальным становится не просто социальная конфигурация, а изучение неравенства этнических групп как социальная проблема. Исследователями признается, что для любого общества неравенство доступа к ресурсам и вознаграждениям является «фундаментальным фактом» [Радаев, 1994. С. 85].

Нас интересовали статусные позиции, приписываемые общественным сознанием этническим общностям, а также социальная стратификация внутри этих общностей, так как сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице.

Исходным являлся анализ социально-профессиональной стратификации этнической группы как базовой. Она фиксировалась через выделение слоев по содержанию и условиям труда с учетом квалификационных требований. Эта стратификационная система была важна для нас не только потому, что позволяла провести динамические сравнения, поскольку в прежних исследованиях социальной структуры народов использовались в основном эти показатели. Она важна и потому, что после какого-то периода в нашей недавней истории, когда формальная аттестация с помощью дипломов и аттестатов потеряла значение, теперь образование и квалификация, подтвержденные соответствующими сертификатами (как объективный показатель), снова открывают путь к престижным рабочим местам.

Конечно, теперь при выделении социальных страт мы более жестко следуем принципам их дифференциации по размерам доходов, материальному благосостоянию, накоплениям, наличию собственности, в том числе производственного капитала, образованию, квалификации, должностному положению, властным полномочиям. Практически все эти показатели в той или иной степени поддаются объективному, количественному измерению.

Но есть один дифференцирующий показатель, который практически не поддается объективной операционализации, особенно с учетом этнокультурного разнообразия, — это престиж. Данный показатель не только относительный, но и субъективный. По опыту работы в предыдущих проектах в российских республиках мы, например, можем сказать, что в период хаотической трансформации в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете.

Именно из этих самооценок и приписываний, которыми они наделяют других, индивиды и группы исходят в своих представлениях, ориентациях и поступках. Репутационный метод относится к субъективным, но представления людей зависят от объективного состояния общества. Социальные различия между этническими группами могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда (культурное разделение труда, по М. Хехтеру) и объясняется неравенство. И при этом не важно, насколько сложившиеся конструкты имеют реальное основание. Важно иное: люди строят отношения с другими, согласуясь со своими представлениями. Поэтому нами была запрограммирована комбинация показателей, традиционно использовавшихся для изучения социальной стратификации (доход, имущественные характеристики, уровень

образования, квалификации, должность, позиция во властной структуре), и субъективный показатель — престиж. В качестве дополнительных критериев использовались оценки респондентами своего материального и социального положения, социального самочувствия, удовлетворенности жизнью.

Таким образом, как и другие исследователи (Т. И. Заславская, З. Т. Голенкова, М. К. Горшков, Л. А. Беляева, Т. М. Марева, В. В. Радаев, Н. А. Тихонова, Л. А. Хахулина и др.), мы изучали субъективное восприятие человеком своего положения в иерархии общественной структуры, т. е. самоотнесение к высшему, среднему или низшему классу.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных (дающих название республикам) национальностей в республиках.

Исследуя неравенство в восприятии людей, мы ставили перед собой задачу выяснить, насколько они сами ассоциируют свой статус в обществе и возможности продвижения с этнической принадлежностью. Затем эти представления мы соотносили с реальной мобильностью респондентов, исходя из их ответов об изменении карьеры, и сопоставляли этничность с другими факторами, способными, по мнению самого респондента, влиять на социальное продвижение. Материалом для анализа послужили результаты проекта «Российская идентичность» в Москве и регионах в 2008–2009 гг. и данные переписей. В 2002 г. нами был завершен проект, начатый еще в 1999 г., — «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации»².

ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования были не только изменения в социальной конфигурации контактирующих этнических групп, но и факторы, конструирующие границы между этническими общностями и социальными слоями.

Механизмом, с помощью которого конструируются границы (как их понимал Ф. Барт), являются представления. Известно, что далеко не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Как правило, в основе противоречий лежат интерпретации социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованные в соответствующих мифологемах.

Мифологемы как разделяемые большинством представления об отдельных компонентах социальной реальности являются, естественно, не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают репутации³, задаваемые лидерами, нередко неформальными. Таким

² Проект осуществлен московскими исследователями Л. М. Дробижевой (руководитель), В. В. Коротеевой, И. М. Кузнецовым (ученый секретарь), Л. В. Остапенко, С. В. Рыжовой, Г. У. Солдатовой и исследователями из республик и областей В. В. Амелиным, Д. В. Брагиной, Р. М. Валиахметовым, Э. М. Виноградовой, Р. А. Кузьминой, Р. Н. Мусиной, Л. В. Сагитовой, Т. А. Титовой, Э. Я. Яковлевой. Кроме упомянутых исследователей в проекте принимали также участие А. Д. Бравин, А. Д. Коростелев, Г. А. Исаев, В. Е. Козлов, И. А. Снежкова, И. Г. Спиридонова и другие наши коллеги из республик и областей РФ. Всем им мы признательны за содействие в реализации исследования.

³ В эффективности метода определения репутаций после работ У. Ллойда Уорнера и Пола Ланта мало кто сомневается [Warner, Lunt, 1947].

образом, мифологема — это групповая интерпретация текущей реальности, озвученная лидером и освященная его авторитетом.

Выяснение *представлений* о неравенстве (в том числе закрепленных в мифологемах) входило в *предмет нашего изучения* не случайно. Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам. Мы солидаризируемся с известной «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Thomas, Znaniecki, 1918. P. 79]. Мы можем лишь добавить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта.

Место этнокультурных факторов, особенностей норм, ценностей, идеалов в социальной иерархии тесно связано с проблемой приспособления этнических групп к современному рынку труда, информационным ресурсам, технологиям.

Кроме материалов массовых опросов привлекаются материалы переписей и некоторые данные глубинных интервью, которые были взяты автором (90 интервью).

Для исследования были отобраны культуры, сложившиеся исторически под влиянием разных религий: русские с православным вероисповеданием, но практически потерянной для большинства традиционной культурой, испытавшей влияние христианства; татары и башкиры с сохранившимся влиянием ислама в повседневной жизни и саха-якуты, частично обращенные в православие, но со значительной, в какой-то мере протестной, приверженностью к шаманизму.

Это позволяло нам не только посмотреть, как входят в трансформационные процессы этнические группы с разными традициями, но и как влияют (и влияют ли) особенности культуры на социальные иерархии.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных национальностей в республиках.

Наши исследования не были посвящены специально качественным характеристикам рабочей силы, но ряд измерений (образование, ориентация на тот или иной тип оплаты труда, предприимчивость, достижительность, ценность труда, самостоятельность, ответственность, коллективизм) мы фиксировали для изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство.

В исследовании ставились *задачи*:

- на основе анализа статистики и результатов репрезентативных опросов выявить факторы социальной стратификации и мобильности в этнических группах, различающихся по уровню модернизации и культурному наследию;
- понять, как соотносится реальное неравенство этнических групп с представлениями об этом неравенстве у русских и титульных национальностей в республиках, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями;

- определить, какие этнокультурные и этнополитические факторы присутствуют среди объяснительных моделей движения к социальному успеху, какие из них действительно содействуют продвижению;
- установить, как влияют этнические факторы на достигательные ориентации, предприимчивость групп и обостряет ли это конкурентные отношения между ним;
- выяснить, как распространены в группах с разной этнокультурной составляющей инновационные, разделяемые всеми ценности и установки и как влияет сходство или различие в этом отношении на интеграционные процессы в обществе.

Объектом изучения были *этнические группы*. Это понятие используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу саморасчленения с ней на основе тех или иных признаков. Естественно, в таком значении этническая группа не представляет общности с жесткими социальными связями. Они могут различаться не только по силе и сферам деятельности людей, но и просто номинально. Какая-то часть людей, вошедших в категорию «этническая группа», могла вообще быть не включенной в этнические связи⁴ и не испытывать в этом потребности или не осознавать ее.

Конкретными объектами исследования были татары и русские в Татарстане, саха и русские в Саха (Якутии) — республиках, в которых мы работали в предыдущих проектах, русские и татары в Оренбургской области, где по ряду сопоставимых признаков проводилось исследование и в 1996—1998 гг., а также русские и татары в Башкортостане.

Выборка опроса была спланирована таким образом, чтобы иметь возможность сравнить положение и мнения русских, живущих в республиках — в иноэтнической среде и в области — преимущественно в своей среде. Так же и в отношении татар, мы имеем возможность сравнить их статус, положение и самочувствие в своей республике, в области с доминирующим русским населением и в республике, где они не являются национальностью, дающей название территории. Выборка нашего опроса позволяет делать сравнительные оценки положения той или иной национальности. Например, чтобы представить положение и самочувствие русских в республиках, очень важно посмотреть на оценки их социального, экономического положения в соседней, сходной по ресурсам Оренбургской области. Чтобы понять, насколько влияет уровень самостоятельности республики на положение татарского населения в Татарстане, важно посмотреть на данные о положении татар и их самооценках в соседнем Башкортостане и Оренбуржье.

Именно такие сравнения позволяют сделать более адекватные выводы о роли статуса республики для жизни населения и конкретных национальностей, понять, за счет чего проигрывают в уровне жизни и социальном положении этнические общности — за счет статуса областей в сравнении с республиками или недостаточно эффективной деятельности областной власти. Сравнительный анализ по республикам и области позволяет выявить широкий набор факторов, влияющих на социальное неравенство этнических групп и избежать нередко мифических приписываний.

⁴ Подробнее о «номинальной» и «действительной» идентичности см. [Jenkins, 1997, Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

Параметры репрезентативной выборки для основных национальностей республик и области были разработаны М. С. Косолаповым (по Татарстану, Саха (Якутии), Оренбургской области) и Е. В. Козеренко (по Башкортостану). В исследованиях 2000–2002 гг. в Саха (Якутии) были опрошены 1050 человек, Татарстане — 1000, Башкортостане — 1317, Оренбургской области — 1160. В исследовании 2007–2008 гг. было опрошено 1328 человек. Выборка разработана М. Ф. Чернышом.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕРАВЕНСТВА ОТ ПРОШЛОГО

В советское время народы делили на тех, которых «догоняют» и «остававших в прошлом». Успехи в сближении уровня экономического и культурного развития народов считали достижением в политике государства. В новой России ни государство, ни партии не декларируют подобной «национальной политики», а социальная политика не включает этнического компонента. Приверженность демократии обязывает государство обеспечить *правовое равенство* всех граждан независимо от национальности перед законом.

Радикальные системные преобразования в нашей стране, совпавшие со втягиванием ее в глобальные процессы в мире, меняют наш взгляд на этносоциальное пространство. К тому же социальная практика дает нам уроки «узнаваемо-неузнаваемой актуальности». Эстонцы, сходные с русскими по социальному потенциалу (уровню образования, доли квалифицированного труда), быстрее почувствовали преимущества от вхождения в рыночную экономику и демократическое пространство и преуспели в трансформационных процессах. Народы, квалифицировавшиеся ранее как «остававшие», живут самостоятельной жизнью. Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется, заставляя уходить от однозначных оценок.

Один из главных выводов после проведенного исследования состоял в том, что мы чаще всего фиксируем малосравнимые социальные практики на фоне единых процессов. Вот только один пример. По важному критерию модернизации — уровню образования (доле специалистов с высшим образованием) якуты в Саха (Якутии) в городских условиях уже более десятилетия обгоняли русских. Но у якутов большая часть народа живет не в городе, а в сельской местности, где включенность жителей, тем более в условиях высокой дисперсии по территории, в современные виды деятельности очень невысокая.

В Татарстане иное. Здесь русские и татары по уровню образования были очень сходны, и, что особенно важно, уже с конца 1980-х гг. они мало отличались по отраслевой занятости работников, в том числе по доле производственной, художественно-творческой интеллигенции, в то время как в Саха (Якутии) или Башкортостане доли производственной интеллигенции у русских и титульных национальностей различались более чем в 4 раза. Процесс шел общий — модернизации, но вариации его в количественных выражениях, а тем более в качественных характеристиках чрезвычайно разнообразны.

Поэтому для российских условий очень важны выводы ученых, изучавших процессы глобализации, прежде всего о «глокализации», понимаемой как процесс адаптации глобальных хозяйственных практик к местным условиям и как понятие для описания реструктуризации социального пространства [Robertson, 1995. P. 28–29; Luke, 1995].

Время, настоящее и прошлое, давнее и недавнее, по-разному воспринимается социальными акторами и целыми группами в процессе самоидентификации. Из глубинных интервью с людьми одной и той же национальности и даже близкого статуса видно, что одни в традициях культуры, подчас даже архаических, видят способ защитить общество от стандартизированной масскультуры, нравственного опустошения и поддержать деятельностную позицию работников. Другие считают, что как можно быстрее надо уйти от прошлого, оно сковывает, сдерживает. Приведу выдержки из интервью директора Департамента по реализации в правительстве Саха (Якутии) Егора Павловича Журкова: *«Как жить? Есть две крайности... Свести все к самодостаточности, сохранить нетронутой самобытность народа. Или выбрать путь открытого миросуществования, вписывания в новые отношения. Этот путь, как мне кажется, больше отвечает новому времени».*

А Николай Алексеевич Лугинов, директор Литературного музея (г. Якутск), рассуждает о том, что время сейчас иное, как раньше, жить нельзя, но что-то в прошлом было рациональным: *«В жизни каждого народа есть та сфера производства, которая составляет исконное занятие народа. И подрыв этой сферы деятельности подрезает все национальные корни. И после этого происходят необратимые процессы... Чтобы менять внутренний склад жизни, нужно время. Нельзя сказать, что народ сломался, он, наоборот, при новых условиях жизни становится другим... У нас есть глубоко порочный подход ко всему — единообразный. Пытаются сравнивать многомиллионные города и Якутию, а она вся — это миллион с небольшим жителей... Народы осваивают такую громадную территорию, на них держатся редчайшие сферы деятельности... Эти люди даже фактом своего существования, обитая на громадных территориях, несут дополнительную положительную силу».*

Понятие исторического времени для сравнения и понимания своего места в настоящем меняется, и осмысление этого людьми имеет существенное значение для представлений о равенстве-неравенстве народов, этнических групп.

В нашей интерпретации итогов исследования мы не используем понятия «выравнивание уровней развития», «догоняют», «опережают». Речь идет о своеобразии этнических групп, их позиций, статусов, о явлениях, формирующих представления о равенстве-неравенстве.

Для восприятия статуса группы, унаследованного из прошлого, важна доля высококвалифицированного умственного и, затем, физического труда. Л. В. Остапенко, которая работала по статистическим материалам Всесоюзных переписей 1959, 1979 и 1989 гг., установила, что народы, дававшие название республикам в России, более всего различались именно по этим показателям (коэффициент вариации в 1989 г. по доли работников высококвалифицированного умственного труда среди занятого городского населения республик составлял 33%, по рабочим высшей квалификации — 21%, а мало- и неквалифицированным рабочим — 18%) [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

Дифференциация национальностей по доле квалифицированного умственного труда была значимой как среди городских, так и среди сельских жителей. У якутов, бурят доля работников этих категорий составляла 40% в городе и 30% на селе, а у карел, марийцев, удмуртов, чеченцев соответственно — 20% и 12–13% [Там же]. Но люди этих национальностей не так часто контактировали, и наиболее значимыми были сравнения с русскими, живущими в республиках. К началу трансформационных процессов наиболее сходным

был социально-профессиональный состав у русских и титульных национальностей в Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Коми АССР⁵.

Уже с 1960-х гг. были республики, где титульные национальности в городах имели долю специалистов высшего звена бóльшую, чем русские, — Якутская и Бурятская (по этому показателю превосходили вдвое местных русских). А в тенденции быстро сближающимися были показатели по доле высококвалифицированного (умственного и физического) у татар и русских в Татарской АССР. В большинстве других республик дистанция по этому показателю между русскими и титульными национальностями была в 1,4–1,7 раза.

Но для ощущения равенства или неравенства национальностей имеет значение не только доля престижного труда в составе самой этнической общности, но и их представительство в самой престижной группе. Например, якуты в своем составе имели бóльшую долю специалистов высшего звена (в городах), чем русские, но в составе руководителей высшего звена в республике якутов было 19%, а русских — 61%, среди специалистов высшей квалификации было 9,0% якутов, а русских — 68%; правда, сами якуты в республике составляли 31%, а в городах их было еще меньше.

В Татарстане же, где татары и русские проживали практически в равных пропорциях, среди руководителей высшего звена в городах было 44% татар и 49% русских, а среди специалистов этой категории — соответственно 38% и 54%. И в отраслях промышленного производства татары и русские были в Татарстане представлены более равномерно. Статусный диссонанс в Якутии, естественно, ощущался острее. Будучи шире представленными в науке (больше гуманитарной), просвещении, культуре (среди русских, как и в других республиках, здесь больше специалистов, занятых в промышленном производстве), якуты глубже и разносторонне, чем многие другие национальности, осмысливали свои запросы, что нашло отражение в требованиях контроля над ресурсами в начале 1990-х гг.

В Саха (Якутии) в прошлом и теперь наиболее заметны различия в отраслевой занятости национальностей. Даже работая в индустриальном производстве, русские чаще заняты в добывающей промышленности и, так же как и в других республиках, в машиностроении и металлообработке, а титульные национальности шире представлены в строительстве, на транспорте, в легкой и пищевой промышленности.

Работники предприятий первой группы, которые в большинстве своем являются крупными организациями, имели более высокие заработки, были лучше обеспечены жильем, имели лучшие условия труда и отдыха. И эти неравенства в материальном обеспечении, условиях жизни проецировались на национальности.

Наиболее сильно на социальное неравенство народов влияла доля сельского населения. Например, сельские якуты, буряты, горноалтайцы были сравнительно более образованными в сопоставлении с сельскими жителями других народов, но они же существенно отставали от своих городских соплеменников, прежде всего из-за языковой компетенции при социальном перемещении, ведь вузы в городе работали на русском языке.

Разная доля горожан и специалистов создавала неравные стартовые возможности для вхождения в рыночную экономику, участия в приватизации и формировании новых социальных групп.

⁵ Расчеты по Всесоюзной переписи 1989 г. были проведены Л. В. Остапенко.

Для включения в трансформационные процессы имела значение отраслевая занятость национальностей⁶. Наиболее крупные индустриальные кадры имели татары, удмурты, башкиры, карелы, хакасы, чуваша. В городах республик их доля достигала 55–60% занятого населения этих национальностей. Меньшая занятость в индустриальном производстве характерна для алтайцев, калмыков, якутов, национальностей Дагестана, что отражалось на вхождении в рыночные отношения.

Этносоциальной проблемой, доставшейся в наследство еще от советских времен, была проблема социального взаимодействия русского и нерусского населения республик. В целом с российскими народами у русских в республиках прослеживаются два типа взаимодействия. Один — его условно можно назвать *сегрегационным* (не в буквальном смысле, конечно) — когда в отраслевых занятиях национальностей довольно четко прослеживаются несовпадения⁷.

Другая модель межэтнического взаимодействия — *конкурирующая*, когда у титульных народов республик и русских более-менее сходная структура занятых. Например, в Татарстане, за исключением преобладания специалистов в сельскохозяйственном производстве у татар, в других сферах деятельности наблюдается сходство с русскими. В 1989 г. среди специалистов и руководителей производства в составе интеллигенции у татар было 45%, а местных русских — 50%. В машиностроении, нефтепереработке были заняты и русские, и татары. В составе работников партийно-государственного управления было 47,6% татар и 47% русских, среди учителей и врачей — 43% татар и 49% русских, художественно-творческой интеллигенции — 44% татар и 47% русских. Тогда русские преобладали (53% против 38% у татар) в среде работников хозяйственного управления. По нашим опросам 1999 г.⁸ и материалам переписи 2002 г., и в этой среде татары представлены практически вровень с русскими.

С одной стороны, при сегрегационной модели этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии. С другой стороны, различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условиях трудовой деятельности, получении пособий, материальных благ и в престиже, доступе к власти, и в этом отношении социальная дистанция между этническими группами увеличивается. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной.

Отраслевая занятость и образовательный потенциал народов существенно влияли на социальную и экономическую ситуацию в условиях

⁶ Расчеты Л. В. Остапенко по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

⁷ Например, в Саха (Якутии) якуты в наибольшей мере были представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую среди управленцев. В какой-то мере это связано с территориальным размещением. Русские прибывали в Саха (Якутию) для работы на приисках. Якуты городские сосредоточены преимущественно в столице, где осуществляется управление, работают вузы, расположен современный медицинский центр. Кроме того, сельское население рассредоточено на больших расстояниях, и там везде нужны были управленцы, знающие язык местного населения.

Со своим своеобразием, но все же несовпадением отраслевой занятости народов, прослеживается взаимодействие этнических групп в Туве, Дагестане, Карачаево-Черкессии.

⁸ Данные за 1989 г. приводятся по расчетам Л. В. Остапенко; за 1999 г. — по результатам опросов по названному выше Проекту «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России»

трансформации⁹. Особенно тяжелая ситуация была на предприятии ВПК, где традиционно работали преимущественно русские. И это создавало трудности межэтнического характера¹⁰.

Выигрывали республики с экспортной направленностью в экономике, имеющие добывающие предприятия, — Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Хакасия. Уровень зарплаты здесь был намного выше, чем в других отраслях (например, в 3–5 раз выше, чем в машиностроении и металлопереработке)¹¹. В результате новых «выигрышей» и «проигрышей» различия между народами и республиками в доходах оставались значительными. Например, доля малоимущих в Туве в конце 1990-х гг. составляла 75%, в Саха (Якутии) — 32%, в Башкортостане — 28%, в Татарстане — 20% [Социальное неравенство этнических групп..., 2002. С. 331–332].

Русские в республиках оценивали свое материальное положение хуже, чем титульные национальности. Они чаще давали оценку своему положению «Денег хватает только на еду». Русские везде острее чувствовали ухудшение своего положения.

Однако результаты проведенных нами исследований в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области (сопоставимой с двумя последними республиками) показали, что за 10 лет русские не понизили своего реального социально-профессионального статуса в республиках больше, чем в областях. Доля перешедших из руководителей и специалистов высшего звена в низшие страты в республиках в 1999 г. была 20–23% (среди горожан), в областях — 25%. В Татарстане, например, у татар эта доля была не меньше 28% (у русских в республике — 20%). В соседней республике, у башкир, понизивших статус, было меньше (8%), что могло быть связано с тем, что башкиры только завоевывали место в высокостатусных образованных слоях и больше боялись поменять вид деятельности, который еще недавно казался столь престижным, а теперь стал еще менее оплачиваемым.

Одновременно у башкир, татар, якутов (так же как у большинства других нерусских народов) доля повысивших статус по сравнению со своими отцами (межпоколенная мобильность) была выше. Практически половина нынешних специалистов высшей квалификации — татар и башкир и чуть меньше Саха в городах, где в основном они контактируют с русскими, — вышли из семей менее квалифицированных работников¹².

⁹ Как известно, в 1990-е гг. более всего пострадала промышленность. В Удмуртии, Туве, Карелии, Марий-Эл, Калмыкии, Дагестане, Кабардино-Балкарии численность работников промышленности упала вдвое, в Северной Осетии — Алании — еще больше.

¹⁰ Например, в Татарстане принимали специальные меры по поддержанию оплаты труда работников в этой сфере, имея в виду возможность «перемещения» недовольства в межнациональные отношения.

¹¹ Популярной деятельностью в условиях транзита стала сфера торговли и обслуживания. Народы, которые издавна имели традиции в этих видах деятельности, например Северного Кавказа, выиграли больше от развития этих отраслей [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

¹² 30 лет назад среди башкир и в Саха 40% трудящихся были работниками мало- и неквалифицированного труда, среди татар эта цифра составляла более 30%, в то время как у русских эта категория работников в городах республик уже тогда не превышала 20%. А сейчас по доле работников физического труда низшей и средней квалификации этнических различий почти нет. Естественно, что у титульных национальностей республик это вызывает чувство удовлетворения, гордости, а русские далеко не везде и не всегда готовы воспринимать их равными партнерами.

Таким образом, даже на примере якутов видно, насколько неадекватны могут быть наши оценки, если мы сравниваем равенство-неравенство национальностей по какому-то одному, пусть и очень значимому, статистическому критерию, и даже в достаточно стабильной обстановке.

К тому же и тогда, и теперь у людей разных национальностей сохраняются различия в профессиональных ориентациях, ценностях тех или иных видов труда, социальных устоях, и поэтому их собственные оценки своего статуса, положения далеко не всегда совпадают со стигматизацией другими. Конечно, можно говорить о положении народов по модернизационной шкале, но важнее понять и «неповторимые рисунки» социальной фрагментации этносоциального пространства. Социальные изменения трансформационного перехода еще больше убеждают в необходимости такого подхода.

Исследования, проведенные нами вместе с коллегами из Саха (Якутии)¹³ в 2007–2008 гг. показали, что в социальном положении якутов и русских произошли заметные изменения в сравнении с 1990 гг. В составе городского населения выросли и сблизились доли специалистов и ИТР этих групп (соответственно 13% и 15,6% в сравнении с 5,7–10,5% в 1999 г.), доля предпринимателей (в 1999 г. у якутов она составляла 1,9%, у русских — 4,4%, а в 2008 г. — соответственно 4,2–5,4%), руководителей предприятий (теперь среди якутов — 1,5%, среди русских — 1,2%, а было соответственно — 2,8–1,2%). Доля людей с высшим образованием у якутов и русских стала практически одинаковой. Но, как и прежде, у якутов выше доля занятых в государственном аппарате (3,6% против 2,3% у русских). Среди русских выше доля рабочих.

Статусно в производственных сферах деятельности русские удерживают свои позиции. Они практически так же, как и якуты, оценивают себя и по шкале богатства, даже выше (к средней группе причисляют себя 76%, а у якутов — 63%). Но среди них больше тех, кто помещает себя на низшие ступени шкалы власти (30% русских и 17% якутов), и меньше тех, кто видит себя на средней ступени (69% против 82% якутов).

Свыше 30% якутов и 40% русских полагают, что национальность влияет на возможность трудоустройства, и половина русских убеждены, что национальность влияет на возможность занять высокий пост в органах власти.

В целом русские сейчас оценивают ситуацию межэтнического общения лучше, чем в конце 1990-х, а титульные национальности не намного, но хуже. Но это уже специальная тема, требующая изучения.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

На исходе последнего десятилетия XX в. мы наблюдали, как начатые экономические реформы и доступ к демократическим свободам до неузнаваемости изменили привычные картины жизни в республиках и областях России. Возрастающее разнообразие и фрагментация социального пространства — доминирующая тенденция при достаточно выраженной новой социальной дифференциации.

¹³ Инициаторами и координаторами исследования в республике были А. Д. Бравин и Э. Я. Яковлева. Исследовательская группа Института социологии РАН — Л. М. Дробичева, С. В. Рыжова, М. Ф. Черныш.

Былые преимущества нередко обращались ущемом. Вставали крупные государственные предприятия, в том числе машиностроительные и предприятия ВПК. На большинстве из них в республиках работали русские. Затем началась приватизация, закрывались прииски. Русские не только теряли работу, но и часто принимали решение об отъезде. Представление о вытеснении по национальному признаку неадекватно отражало реальность. Доля русских, выехавших из Магаданской области, была даже выше, чем из Саха (Якутии). Дистанцирующая роль отраслевой специализации выросла. Работники, занятые в легкой и мелкой промышленности, быстрее переходили к рыночной экономике, а там доля представителей титульных национальностей была выше.

Судя по материалам исследования 1999–2002 гг., татары, башкиры, якуты — люди разных культур не реже, чем русские, а иногда даже активнее принимали деятельностные установки (*табл.*).

Из данных, приведенных в *таблице*, видно, что готовность к разным видам активной жизненной стратегии у национальностей несколько отличается. Якуты более, чем другие национальности, были ориентированы на повышение квалификации и использование резерва «связей с нужными людьми» (из глубинных интервью мы знаем, что прежде всего речь идет о земляческих и родственных связях).

На повышение квалификации были ориентированы и более половины башкир и татар Оренбуржья, у которых образовательный потенциал был ниже, чем у их соплеменников в Татарстане и Башкортостане. А готовность сменить работу по сравнению с русскими была выше у титульных национальностей, которые, видимо, чувствовали себя более уверенно в эффективности таких поисков. У русских в Оренбуржье готовность к такой активности была выше, чем в республиках, и практически такой же, как у татар, башкир, якутов.

Несколько выше у титульных национальностей республик по сравнению с русскими была готовность пойти на риск и открыть свое дело. [Причем это отмечалось не только в республиках. В Оренбургской области активных в этом отношении русских было не меньше, чем в Башкортостане или Саха (Якутии).]

Установки на деятельностную позицию, в том числе на готовность к предпринимательству, в современных условиях существенно социально-психологически дифференцируют людей. Но, естественно, установки не всегда реализуются. Среди башкир и якутов четверть опрошенных заявляли

Таблица. Жизненные стратегии по улучшению своего положения городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области, в % от ответивших

Чтобы улучшить свое положение готовы...	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	татары	русские	башкиры	русские	татары	якуты	русские	русские	татары
повысить квалификацию	40	39	56	41	43	64	50	46	57
сменить профессию	25	20	32	25	22	31	28	19	18
сменить работу	46	35	46	39	37	49	44	47	45
открыть свое дело	14	11	29	19	24	25	20	17	19
наладить связи с нужными людьми	38	34	38	34	39	54	45	46	49

о готовности открыть свое дело, но реально осуществили свое намерение немногие: предпринимателей было в 8–10 раз меньше, 60% башкир и около 80% якутов, судя по результатам опросов, остались работать на государственных предприятиях. Среди же татар и русских (в Татарстане), которые были более осторожны в своей готовности «открыть свое дело», реально на госпредприятиях осталось работать меньше — 49–55%. И надо сказать, что в Татарстане и у русских, и у татар намерения в данной сфере деловой активности практически соотносились с их оценкой возможности успеха. Готовность «открыть свое дело» и у татар, и у русских была практически одинаковой — 11–14% (при возможной ошибке выборки в 5% это равный показатель), а оценка возможности людьми каждой национальности сделать этот шаг соответственно проявлялась у 13% татар и у 7% русских, т. е. была практически реальной. Однако оценка такой возможности для татар русскими была выше — 25%.

Якуты же выше оценивали возможности русских открыть свое дело, чем сами русские (среди якутов 30% считали, что у русских больше возможностей в этой сфере активности, а среди русских так ответили 12% респондентов).

В. В. Коротеева, анализирующая экономические и политические возможности этнических групп в оценке жителей исследуемых регионов, сделала вывод, что «люди склонны преувеличивать ущербленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии» [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

В опросном листе для изучения представлений о равенстве-неравенстве задавался вопрос о возможностях людей разных национальностей добиться успеха в деловой и политической сфере. Анализ данных по всем массивам опрошенных показал, что именно в отношении бизнеса, деловой сферы представители всех этнических групп считают, что национальность влияет в этой сфере меньше, чем в политике. У большинства респондентов не вызывает сомнения, что представители национальностей, дающих название республикам, имеют в них больше возможностей «занять высокий пост в органах власти», так же как русские имеют больше возможностей в областях.

Возможности татар, башкир, якутов получить хорошо оплачиваемую работу русские тоже оценивают выше, и это в той или иной мере согласуется с мнением самих татар и башкир. Якуты видят большие возможности у русских и в отношении лучше оплачиваемой работы, и в отношении частного предпринимательства. Скорее всего, эти представления складываются у них за счет демографического превалирования русских и занятости их в выше оплачиваемых отраслях производства.

В Татарстане в демографическом соотношении и с точки зрения социального состава, а также профессиональной квалификации татары и русские очень близки, и поэтому возможности их должны бы быть одинаковыми, тем не менее согласованные оценки говорят о преимуществах татар.

Отметим еще одну важную закономерность: среди татар и русских значимая доля респондентов считали, что возможности в деловой сфере не зависят от национальности или затруднялись ответить на этот вопрос (свыше 50%) и чаще всего (более 60% и у татар, и у русских) имели такое мнение в отношении «открытия собственного дела». Та же тенденция наблюдалась в Саха (Якутии), Башкортостане и Оренбургской области [Там же].

Предпринимательская сфера в условиях рыночной экономики менее связана с этничностью (что не исключает культурной специфики в организации

самого дела) по сравнению с успехами в политической сфере. В представлении о неравенстве шансов «занять высокий пост в органах власти» солидарны титульные национальности и русские.

Эти выводы коррелируют с данными исследования о том, что во всех этнических группах люди, ориентированные на достижительность (предпочли выбрать работу, где «можно много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск), реже актуализируют этничность. Ответы «я редко задумываюсь о том, кто я по национальности» превалируют в этой группе по сравнению с выбором ответа «никогда не забываю, что я татарин... башкир... якут». И. М. Кузнецов, изучавший эти взаимосвязи, утверждает: «Условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность (или привычку) в этнической категоризации социальных ситуаций» [Там же].

Таким образом, в условиях рыночной экономики мы имеем два противоречивых процесса. С одной стороны, в глобализирующемся обществе все индивидуализируется, теряют значение солидарности [Покровский, 2002. С. 51], в том числе этнические. С другой стороны, возрастает конкуренция, и в ней этничность нередко становится дополнительным социальным ресурсом.

Данные исследований показали, что в рассматриваемых регионах русские нигде сколько-нибудь значимо не потеряли в статусе (у татар в городах группа имобильных даже чуть больше), но группы, повысивших свой статус, у титульных национальностей были больше [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

В отношении русских и национальностей изучавшихся российских республик не фиксировалось «расколотого рынка», когда люди разных национальностей за одну и ту же работу получают разную оплату. Но в отношении мигрантов из Северокавказских республик РФ, так же как из Средней Азии или Закавказья, такая практика, как показывают исследования по Москве, имеет место.

В жизни этнических групп совмещаются старые и новые неравенства. Новые неравенства меньше связаны с политикой государства, но больше диктуются рыночной конкуренцией, при которой социальная дифференциация определяется для каждой национальности, будь то русские или башкиры, татары, якуты или другие народы, прежде всего культурой. Речь идет о ценностях, установках, ориентациях, убеждениях, воздействующих на социальное развитие.

В одинаковых условиях города или деревни в одном субъекте Федерации русские и национальности, дающие название республикам, так же как и в областях, например русские и татары в Оренбуржье, *отличаются по своим формальным социальным параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве, доступе к власти, престиже титульные этнические общности выделяются преимуществами в глазах респондентов.*

Эти преимущества осознаются практически всеми этническими группами как результат изменения их политического положения в результате демократизации и статуса республик.

Титульными национальностями доминирование в республиканских органах власти интерпретируется как возмещение их недопредставленности в федеральных органах власти, где в результате мажоритарной избирательной системы они никогда не смогут в силу своей численности иметь представи-

тельство, достаточное для влияния на законодательную практику или правительственные решения.

В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Политическая сфера — поле, где и русские в республиках, и титульные национальности в Федерации ощущают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для титульных национальностей — старое в новом варианте, это связано с тем, что в Федерации ситуация не меняется, а в республиках изменилась.

При правовом этническом равенстве в постсоветской России *русские* в 1990-е гг. ощущали себя в ситуации *относительного психологического неравенства*. Как и другие российские национальности, русские пережили распад Союза, но при этом они потеряли статус «старшего брата», державу с первенствующим геополитическим положением, убежденность, что страна, в которой они живут, имеет преимущество в социальном строе. О том, что это психологическое неравенство *ситуативно*, и о том, что оно преодолевается, свидетельствовали тенденции улучшения социального самочувствия русских в 2000-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003. № 3.
- Культура имеет значение. — М., 2002.
- Наумов А. Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.
- Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анония, глобализация // Глобализация. Постсоветское общество. — М., 2000.
- Радаев В. В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л. М. Дробижевой. — М.: Academia, 2002.
- Шершинева Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований. — СПб., 1999.
- Шкартан О. И., Карачаровский В. В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. — L.: Sage, Beverly Hills, 1980.
- Inkeles A. National Difference in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. — JAL Press, Inc., 1978.
- Inkeles A., Smith D. M. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Jenkins R. Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations. — L., 1997.
- Luke T. New World-Order and Neo-World Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glolities // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. — L.: Sage, 1995. P. 91–107.
- Robertson R. Glocalizations: Time-Space and Homogeneity — Heterogeneity // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. — L.: Sage, 1995. Thomas W. L., Znaniecki F. The Polish Heasant in Europe and America. — NY: Knopf. Vol. 1. 1918.
- Warner W. L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. — New Haven, 1947.

МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Тюрюканова Е. В., к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, директор Центра миграционных исследований

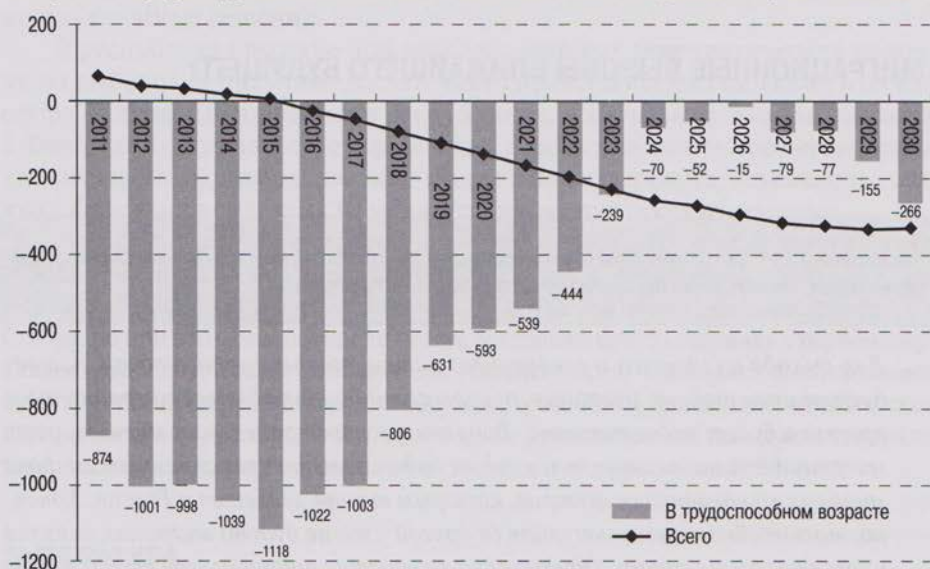
Для выхода из кризиса и следующего витка экономического роста потребуются масштабная миграция, причем сегодняшних объемов миграционного притока будет недостаточно. Вопреки распространенному мнению, рост миграции вполне возможен и вряд ли будет чем-то чрезвычайным на фоне мировых принимающих центров, которым теперь является и Россия. Конечно, масштабная инокультурная (а другой уже не будет) миграция связана с серьезными вызовами. Однако вряд ли удастся найти другой выход, кроме как научиться на них отвечать. Если правительство не решится на либерализацию миграционного режима, Россию ждет новый перегрев рынка труда и рост нелегальной миграции.

Споры о том, нужны ли России мигранты, остались в прошлом. Признание необходимости миграции является одним из итогов десятилетия экономического роста, и сегодня, несмотря на кризис, оно стало частью официальной риторики на эту тему. Этому способствует ожидание нового периода роста и демографическая ситуация в стране. Убыль населения в трудоспособном возрасте, по последнему прогнозу Росстата (средний вариант), в среднем за 2011–2015 гг. составит более 1 млн человек в год (рис. 1).

Хотя существуют и другие способы компенсировать убывание трудовых ресурсов (увеличение пенсионного возраста, повышение производительности труда, активизация внутренней мобильности), иммиграция остается наиболее дешевым и быстрым решением. Сегодня эксперты и политики, признавая необходимость миграции, спорят о том, сколько и каких мигрантов нужно привлечь в Россию, чтобы это оптимально отвечало поставленным задачам и интересам страны.

Из нижеприведенных данных (табл. 1, рис. 2) следует, что уже через два-три года сегодняшних масштабов миграционного притока, по крайней мере официального, будет недостаточно для покрытия убыли как всего населения, так и его трудоспособной части. Естественная убыль населения в 2009 г. составила 248,9 тыс. человек, а миграционный прирост — 259,4 тыс. человек, таким образом, естественные потери полностью замещены. Однако положительный прирост населения продлится еще максимум несколько лет. Средний вариант прогноза Росстата дает сокращение населения до 139,4 млн к 2030 г. А заложенный в этот вариант прогноза миграционный прирост (в среднем 348,3 тыс. человек в год) еще надо реализовать.

Рисунок 1. Прирост/убыль численности населения России до 2030 г., тыс. человек

Источник: здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по среднему варианту прогноза численности населения Росстата.

Таблица 1. Компоненты прогноза численности населения до 2030 г., тыс. человек

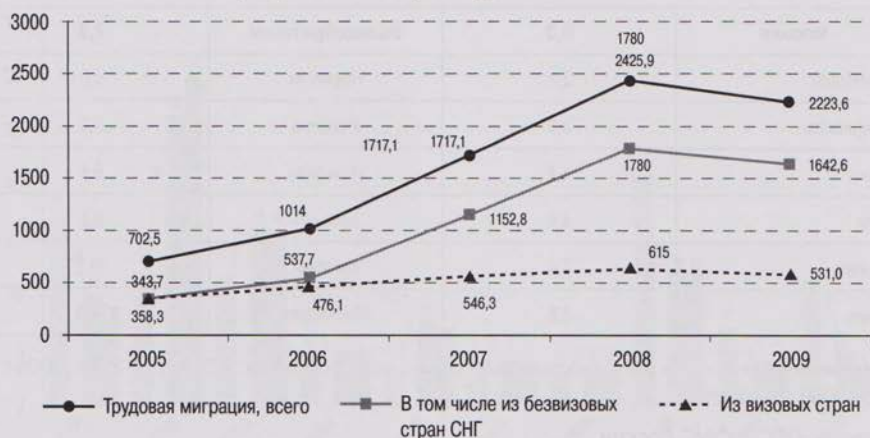
Годы	Общий прирост населения	Естественная убыль населения	Миграционный прирост
2011	66,9	-205,0	271,9
2016	7,7	-309,0	316,7
2020	-137,3	-489,0	351,7
2025	-272,8	-652,6	379,8
2030	-330,0	-724,6	394,6

В перспективе до 2030 г. естественная убыль населения будет постоянно возрастать и, согласно среднему варианту прогноза Росстата, за 2011–2020 гг. составит 3,4 млн человек. Население в трудоспособном возрасте уменьшится за это десятилетие более чем на 9 млн. Таким образом, чтобы компенсировать естественные потери, масштабы приема постоянных мигрантов в течение ближайшего десятилетия должны достигать в среднем 340 тыс. человек в год. А масштабы приема временных трудовых мигрантов, если рассчитывать только на этот ресурс покрытия убыли трудового потенциала, должны ежегодно нарастать более чем на 900 тыс. человек в год¹, т.е. к концу периода увеличиться более чем в 5 раз по сравнению с сегодняшним уровнем. Конечно, это оценочные данные. В реальности

¹ Если предположить, что разрешение на работу выдается на 1 год и все мигранты по истечении этого срока выезжают из страны.

Рисунок 2. Численность иностранных работников в России, получивших временное разрешение на работу, тыс. человек

Источник: ФМС России.

такой рост временной трудовой миграции вряд ли произойдет. Однако надо быть готовыми к тому, что даже если будут использованы иные ресурсы восполнения трудового потенциала, без увеличения миграции вряд ли удастся обойтись.

Относительные данные показывают, что такой рост вполне возможен и не будет чем-то чрезвычайным на фоне других принимающих стран. Если, согласно официальным данным, доля иностранных работников в 2009 г. составляла 3,1% от общей численности занятых в России, то реальная доля, учитывая нерегулируемую или нелегальную составляющую миграции, которая оценивается в 5–6 млн [Население России—2007..., 2009], составляет 7–9%. Этот показатель близок к соответствующей пропорции во многих принимающих странах Европы, таких как Италия, Великобритания или Германия (табл. 2).

Объективная экономическая необходимость увеличения миграции является серьезным вызовом для политики ближайшего будущего, причем этот вызов сохраняется при различных вариантах развития событий. Во-первых, весьма велика вероятность того, что задача сколько-нибудь значительного увеличения легальной миграции не будет решена в ближайшие годы. Для этого в настоящее время нет политической воли, и появление ее пока не предвидится, поскольку политики ориентируются на позицию избирателя, а большинство населения не поддерживает промиграционную политику². При возрастающей потребности в работниках это повлечет за собой перегрев рынка труда, рост нерегулируемой миграции и теневой занятости мигрантов, что крайне негативно отразится на экономике и социальной сфере, а также спровоцирует новый виток антимигрантских настроений.

Во-вторых, если правительство все же поддержит курс на рост миграции и обеспечит достаточное расширение официальных каналов постоянной и

² По данным мониторинга Левада-Центра, в ноябре 2009 г. 51% россиян выступали за политику, ограничивающую приток мигрантов в Россию. Источник: <http://www.polit.ru/research/2009/12/07/immigration.html>

Таблица 2. Доля иностранных работников в общей численности занятых в принимающих странах, в %

Япония	0,3	Великобритания	7,2
Финляндия	2,4	Норвегия	8,6
Нидерланды	3,6	Испания	9,0
Дания	4,4	Германия	9,4
Чехия	4,6	Бельгия	9,5
Франция	5,4	Австрия	13,1
Италия	6,6	Швейцария	21,3

Примечание: для России доля иностранных работников составляет: в 2007 г. — 2,4%, 2008 г. — 3,3%, 2009 г. — 3,1%.

Источник: OECD, ФМС России.

временной миграции, это вызовет обострение ряда проблем, проявившихся в последние годы. Это в первую очередь проблема роста инкультурной миграции и увеличения культурной дистанции между мигрантами и местным населением. Именно на этом культурном основании зиждется так называемая «новая» ксенофобия по отношению к выходцам из стран Центральной Азии, в отличие, например, от «старой» ксенофобии в отношении лиц кавказской национальности и евреев, замешанной на деньгах, неравенстве и коррупционных связях.

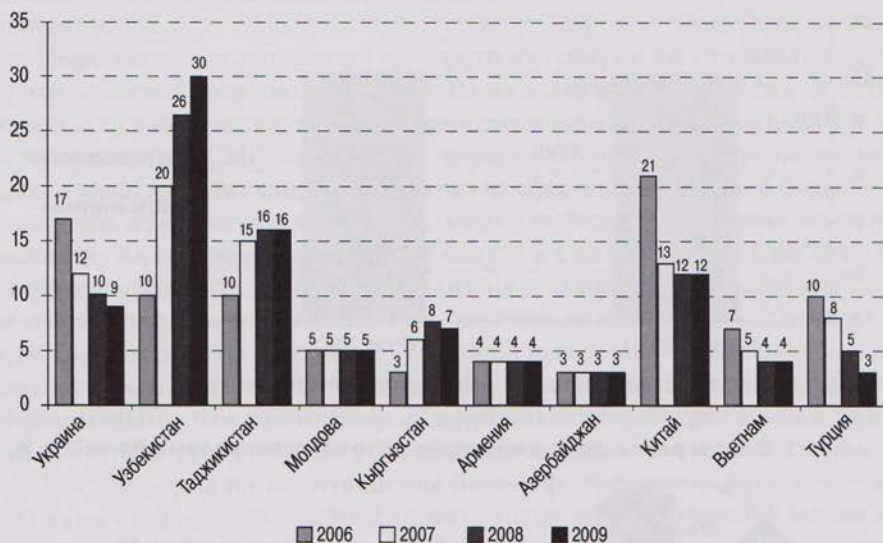
Анализ структуры трудовой миграции в Россию по странам исхода говорит о росте миграции из стран Азии: если в середине 2000-х гг. совокупная доля трех стран Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана) составляла около 1/3, то к 2010 г. она превысила половину всего трудового потока (рис. 3).

Мигранты из стран СНГ все хуже знают русский язык. По данным выборочных опросов мигрантов³, примерно 15–20% трудовых мигрантов, работающих в России, практически не знают русский и общаются исключительно на своем языке, что, естественно, затрудняет интеграцию.

Указанные сдвиги в структуре миграции требуют изменения приоритетов миграционной политики. На первый план выходит политика интеграции мигрантов, которая в России только начинает формироваться. Справедливо подчеркивается, что интеграция — это процесс двусторонний [Миграция без милиции, 2010]: изменяются не только мигранты, адаптируя свою культуру и свое поведение к нормам принимающего общества, но и само общество, которое уже никогда не будет прежним. В определенном смысле это, если не потеря культуры, то ее существенная модификация. Готов ли индустриально развитый мир к таким метаморфозам? Вряд ли

³ В статье используются данные выборочного опроса трудовых мигрантов из стран СНГ, работающих в России, проведенного Центром миграционных исследований в 2008 и 2009 гг. в шести регионах России (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Воронежская и Астраханская области, Татарстан). Объем выборки — 1575 респондентов.

Рисунок 3. Доля основных стран исхода мигрантов в структуре трудовой миграции в Россию, в %

Источник: ФМС России, 2006–2009.

удастся получить много положительных ответов на этот глобальный вопрос? Мир пока не нашел приемлемого решения этой проблемы. Возможно, что его не существует [Гуриев, 2010]. Однако поиски приемлемой модели интеграции в мире идут, и Россия должна в ближайшее время к ним присоединиться.

Не следует думать, что жесткие меры по ограничению инокультурной миграции могут решить проблему. Уже давно доказано, что жесткие ограничения и запреты вообще не являются приемлемым решением. Особенно верно это для России, где в условиях безвизового въезда все запреты приводили лишь к росту числа нелегальных или теневых мигрантов, наименее адаптивных и наименее стремящихся к интеграции. Наоборот, эффект снятия запретов, как показал опыт российской миграционной реформы 2007 г., очень значителен (рис. 4).

В результате миграционной реформы 2007 г. доля регулируемой составляющей миграции выросла в 3–4 раза и выше. И хотя в период кризиса управленцы благополучно вернули многие дореформенные ограничения, реформа все же показала эффективность более либерального подхода к миграционной политике по сравнению с политикой запретов и ограничений.

Но хотя нелегальная миграция снизилась, она остается недопустимо большой, превышая регулируемую составляющую в 2,5–3 раза. Основными факторами роста нелегальной миграции являются запреты миграционного законодательства и теневая экономика, которая притягивает неквалифицированных иностранных работников, создавая анклавы низкооплачиваемого, так называемого 3D-труда (Dirty, Dangerous, Demeaning) и мигрантские ниши занятости (рис. 5).

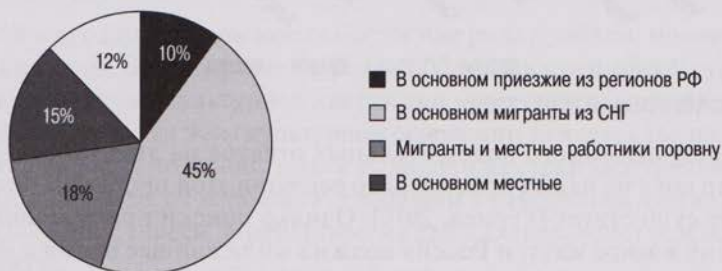
Процесс формирования таких ниш только начался и еще не так заметен на национальном уровне. Но в крупных городах, особенно в Москве, приграничных регионах и на некоторых других территориях эти ниши уже при-

Рисунок 4. Экспертная оценка соотношения регулируемой и нерегулируемой частей трудовой миграции до и после реформы 2007 г., в %

Источник: экспертная оценка Центра миграционных исследований.

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Кто работает рядом с Вами?», в %

Источник: выборочный опрос мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

обрели заметные очертания. Как правило, они представлены не на уровне отрасли (кроме, строительной), а на уровне отдельных занятий и видов работ, например, в Москве это уборка улиц и помещений, дорожные работы, водители общественного транспорта, агенты по продажам (недвижимости и пр.), продажа и обработка овощей и т.д. Со временем эти ниши будут углубляться и расширяться.

Примерно 2/3 трудовых мигрантов работают в теневых условиях. По данным выборочных опросов трудовых мигрантов, проведенных Центром миграционных исследований, немногим более 50% мигрантов имели разрешение на работу, т.е. работали легально, и только чуть более 1/3 получали «белую» зарплату (по ведомости с личной подписью или на карточку).

Теневая экономика — это не миграционный, а общий или системный вызов дальнейшему развитию России. В теневом пространстве не работают те нормы и законы, которые должны работать в нормальной экономике. В приложении к миграции это, например, давно доказанные российскими и зарубежными учеными тезисы, что миграция практически не оказывает понижающего влияния на уровень зарплат и занятость среди местных работников, что мигранты скорее создают, чем отбирают рабочие места у местных работников, что невысокая зарплата мигрантов создает благоприятные условия для развития бизнеса и сдерживает рост цен на товары и услуги [Доклад о развитии человека..., 2009; Dustmann, Frattini, Preston, 2008].

В теневом секторе все это, может быть, и не так. Соответственно ответом на этот вызов должны быть меры общеэкономической, а не миграционной политики.

Неформальные отношения трудового мигранта и работодателя сегодня выгодны обеим сторонам не только из-за экономии на налогах. Жесткая «привязка» работника-мигранта к работодателю, отмененная в 2007 г. для выходцев из стран СНГ, но введенная вновь с 2009-го как антикризисная мера, практически выводит мигрантский труд из сферы конкурентной борьбы. Работодатель в этом случае не может свободно выбирать работников на рынке, поскольку он ограничен заявленной квотой и с каждым новым работником вынужден проходить процедуру легализации. Иностранец также не может поменять работодателя без получения нового разрешения на работу. Создается ситуация, когда неформальные отношения, основанные на конкурентном выборе работника и работодателя, становятся гораздо более эффективными, чем официальные, запрещающие конкуренцию мигрантов как с местными работниками, так и между собой.

Если неформальные отношения более эффективны, институциональных стимулов к легализации для мигрантов и работодателей почти нет. Практически отсутствуют и экономические стимулы. По данным опросов, зарплата мигрантов, работающих нелегально (не имеющих разрешения на работу), всего на 5% ниже, чем тех, кто работает легально, что почти полностью нивелируется различиями в отраслевой и квалификационной структуре. Условия труда тоже почти одинаковые. Конечно, теневые отношения повышают риски для обеих сторон, однако легализация и выход из тени при нынешнем положении вещей не гарантируют соблюдение прав ни мигранту, ни работодателю.

Деньги, заработанные легальными и нелегальными мигрантами практически одинаково распределяются между российской экономикой и экономикой страны происхождения, как правило, в пользу первой. До кризиса средний мигрант отправлял на родину \$220, а тратил в России \$450, а в период кризиса — соответственно \$200 и \$315 (табл. 3).

Доходы мигрантов в кризис снизились в среднем на 150 долл., или на 22%, если считать в долларах, и на 6%, если считать в рублях. Если до кризиса среднему мигранту на проживание в России после оплаты жилья и пересылки денег на родину оставалось чуть менее \$300, то в середине 2009 г. — уже только \$200.

Бросается в глаза не очень сильный разрыв между зарплатой мигрантов и средней зарплатой работников в России. Однако необходимо учитывать, что рабочая неделя мигрантов за эти деньги составляет в среднем 60 ч, т.е. в 1,5–2 раза больше, чем у российских работников. Почасовая зарплата мигранта в среднем на 42% ниже, чем у российского работника (табл. 4).

Это, конечно, очень грубые оценки, поскольку на уровень зарплаты влияет отраслевая и квалификационная структуры занятости, которые различны у российских работников и у мигрантов.

Серьезный вызов, который опять же носит системный характер, — это коррупция, пронизавшая все отношения в сфере миграции, начиная с заявок работодателей на квоту и заканчивая проверками документов на улице. Криминальный рынок фальшивых документов позволяет мигранту в любой

Таблица 3. Доходы и основные расходы мигрантов из стран СНГ, работающих в России

Показатель	Период	Денежный эквивалент
Зарплата мигрантов в среднем в месяц	сентябрь 2008 г.	16 970 руб. = \$670*
	июнь 2009 г.	15 980 руб. = \$515**
Плата за жилье в среднем в месяц	октябрь 2008 г.	3995 руб. = \$160
	июнь 2009 г.	3470 руб. = \$112
Трансферты на родину в среднем в месяц (более 70% мигрантов отправляют деньги)	октябрь 2008 г.	\$220
	июнь 2009 г.	\$200

Примечания: * — при средней зарплате по России \$702, ** — при средней зарплате по России \$620.

Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

Таблица 4. Разница в почасовой оплате труда между мигрантами и российскими работниками

Показатель	Мигранты	Российские работники
Среднемесячная заработная плата в расчете на одного работника, руб.	16 970	17 290
Среднее количество отработанных часов в расчете на одного работника в месяц	240	141,4
Среднечасовая заработная плата в расчете на одного работника, руб.	70,7	122,3

Источник: для мигрантов — выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, сентябрь 2008; для российских работников — данные Росстата.

момент купить новую миграционную карту или регистрацию. Надо сказать, что само наличие этих документов мало что дает мигранту, кроме оправдательной бумажки на случай милицейской проверки.

Характерная черта сегодняшней миграции — широкое развитие неформальных социальных сетей. Почти все свои социальные транзакции, от устройства на работу и поиска жилья до организации лечения или родов⁴, мигранты осуществляют с помощью таких сетей. Использование ресурса таких сетей позволяет мигрантам компенсировать недостаток официальной социальной и иной инфраструктуры либо ограниченность доступа к ней. Чаще всего такие сети действуют достаточно эффективно, однако риски при обращении к ним все же довольно высоки. Например, поиск работы через такие сети, как правило, приводит мигранта на неформальный рынок труда.

⁴ Отношение к мигрантам как к дешевой рабочей силе и гендерные штампы породили стереотипный образ мигранта как здорового молодого мужчины, согласного на тяжелый труд за небольшие деньги. В то же время, согласно официальной статистике, 15% трудовых мигрантов — женщины (данные ФМС России), а эксперты оценивают долю женщин среди трудовых мигрантов в среднем в 25–30%. Источник: Оценка нужд и потребностей женщин — трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия. — ЮНИФЕМ. МОТ, 2009. С. 23.

Ограниченный доступ мигрантов к официальным сервисам, например, к банковским кредитам, порождает теневой рынок этих услуг, зачастую приводящий к криминальным долгovým схемам типа средневековой долговой кабалы.

Неформальные мигрантские сети снижают возможности управления миграцией. Даже в случае появления новых ограничений в официальной политике, миграция через сети будет продолжаться.

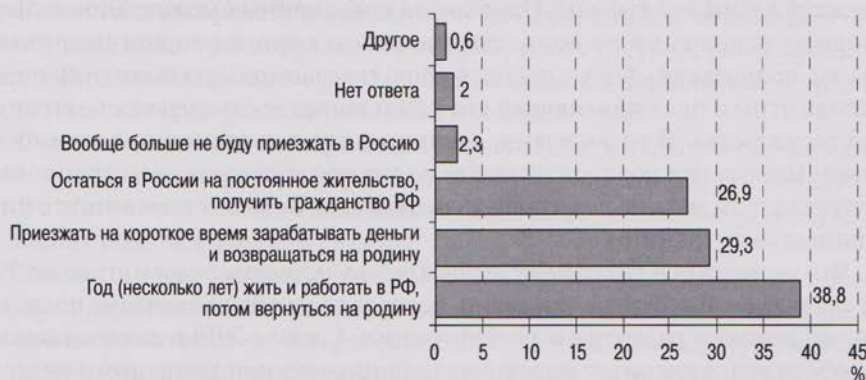
Основным направлением сегодняшней российской иммиграционной политики являются селективный подход и дифференциация миграционных режимов для различных категорий мигрантов. Обсуждается несколько основных осей расстановки приоритетов, таких как *постоянная/временная миграция* или *квалифицированная/неквалифицированная*.

С начала 1990-х гг. в России сложилось отношение к миграции как к временному проекту, а к мигрантам (сначала к беженцам, а потом и к трудовым мигрантам), соответственно, как к временным жителям страны. Сегодня очевидно, что Россия стала принимающей страной прочно и надолго, и временной миграцией дело не ограничивается. Значительная часть мигрантов, которых мы считаем временными гастарбайтерами, на самом деле уже многие годы живут и работают в России. Многие перевезли сюда семьи или создали их уже здесь, выезжают на родину лишь в отпуск или в гости, рассматривают Россию как страну постоянного проживания и с радостью получили бы статус резидента или российское гражданство. Такие мигранты составляют примерно 1/4 всего потока (рис. 6).

В России пока нет программ постоянной миграции для отдельных контингентов мигрантов, в том числе и для тех, для кого миграция началась как временная, но постепенно приобрела постоянный характер. Учитывая демографическую ситуацию, такие программы с прозрачными правилами отбора и приема мигрантов необходимы.

Большинство мигрантов все же придерживается временных стратегий миграции, включая краткосрочные (проектные, сезонные и т.д.) и долгосрочные (на 9–12 месяцев и более) перемещения, которые в основном носят циркулярный характер. По данным выборочных опросов трудовых мигрантов

Рисунок 6. Планы трудовых мигрантов, работающих в России, в %

Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

Таблица 5. Продолжительность миграции: стратегии трудовых мигрантов, в %

Варианты ответов респондентов	Доля ответов
Приезжаю на короткий срок, немного зарабатываю и уезжаю	5
Приезжаю на определенную работу, когда она заканчивается, уезжаю	11
Приезжаю работать на сезон (до 6 месяцев)	14
Большую часть года провожу в России, домой уезжаю на 1–3 месяца	40
Практически постоянно живу в России, на родину почти не езжу	25
Нет ответа	5

Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009.

большинство респондентов (40%) придерживается тактики долгосрочных (на 9–12 месяцев) циркулярных поездок на заработки. Тактики краткосрочных поездок и выездов на конкретную работу (проектные поездки) придерживается менее 1/3 респондентов (табл. 5).

Выбирая стратегию циркулярных поездок на заработки в Россию, мигранты извлекают специфическую ренту из своего трансграничного положения, используя то, что разница в зарплате между страной происхождения и Россией в несколько раз выше, чем разница в ценах на товары и услуги. Зарабатывая деньги в России и тратя их в стране происхождения, они максимизируют свою выгоду от миграции.

Очевидно, что в ближайшей перспективе на территории России и стран СНГ будет сохраняться так называемое общее население, представленное трудовыми мигрантами, часть времени проводящими на работе в России, а остальную часть — в своей стране. Это серьезный вызов для стран — участниц этого процесса, поскольку им придется отлаживать гораздо более тесные и тонкие механизмы взаимодействия, которых сегодня не существует, чтобы обеспечивать правовое поле для этого общего населения, например, в части налогообложения, пенсионного обеспечения и т.д. Очевидно, что такое взаимодействие, в принципе, возможно на основе *win-win* модели, когда обе стороны, принимающая и посылающая, согласовывают свои решения и добиваются взаимной выгоды. Однако для современных межстрановых переговорных отношений по вопросам миграции характерно доминирование страны-получателя, формирующей свою миграционную политику и свои правила игры и представляющей это в большинстве случаев как внутреннее дело государства. В то же время, очевидно, что в современном взаимосвязанном мире такой порядок не может долго продолжаться — миграционная политика стран должна перешагнуть национальные амбиции и вместе с ними национальные границы.

Что касается оси *квалифицированная/неквалифицированная* миграция, Россия сделала свой выбор не так давно, после того как была заявлена политика инновационного развития и модернизации. С июля 2010 г. законодательно был обозначен приоритет высококвалифицированной миграции в виде облегченного режима приема таких мигрантов и нахождения их на территории России (прием вне квот, разрешение на работу выдается на длительный срок

с возможностью неограниченного продления, вид на жительство, в том числе для членов семьи и др.). Однако новый порядок охватывает довольно узкий круг специалистов топ-уровня из-за высокой «пропускной планки» по доходу (2 млн рублей годового дохода, подтвержденные трудовым договором). Вряд ли такие меры позволят России в скором времени включиться в глобальную конкуренцию за умы и таланты. Эта цель будет решена не только миграционными законами. Скорее можно было бы рассчитывать на то, что России удастся привлечь специалистов-профессионалов среднего звена из государств СНГ и стран Азии с высшим или средним профессиональным образованием и высокой (но не топ-уровневой) квалификацией, которые менее включены в глобальный рынок и поэтому чаще перемещаются в пределах региона. Ослабление миграционного режима для этой категории работников могло бы помочь привлечь их на российский рынок труда. Однако таких специалистов, в которых явно нуждается экономика страны, по действующему законодательству Россия принимает на тех же условиях, что и неквалифицированных работников. И, как это ни парадоксально, в России эти мигранты с профессиональным образованием часто заняты неквалифицированным трудом. В России средняя зарплата мигрантов из стран СНГ, имеющих среднее профессиональное образование, всего на 7% выше, чем у тех, кто имеет среднее общее образование.

В любом случае вряд ли России удастся привлечь столько и таких мигрантов, сколько ей нужно. Только подсчет потребности в труде и налаживание селективных схем приема мигрантов не дадут нужного количества квалифицированных иностранных кадров. И здесь вряд ли помогут организованные формы привлечения трудовых мигрантов, на которые возлагает надежды наш миграционно-политический истеблишмент. Помочь может налаженная система профессионального образования, включая пере- и подготовку, доступная и для местных граждан, и для мигрантов.

***

Сегодня России надо понять и принять тот факт, что масштабы миграции, которые мы имеем сегодня, будут недостаточны в ближайшей перспективе, и соответственно этому выстраивать свою политику.

Увеличение масштабов миграции и ее нарастающая отдаленность от российской культурной традиции потребуют от государства и общества действий, направленных на формирование национальной интеграционной концепции, которые раньше не стояли на повестке дня.

Сегодня основным барьером на пути легализации мигрантов являются ограничения миграционного режима и теневая занятость, поскольку она лишает мигрантов стимула получать необходимые разрешения, не нужные в условиях работы в теневом секторе.

Наконец, надо осознать, что миграция это не краткосрочный проект. Россия принимает миллионы мигрантов, которые неминуемо станут значительной по масштабам частью российского общества. Та институциональная среда, которая создается сегодня для мигрантов, не должна ограждать их стеной грубости и неуважения, а должна быть инструментом консолидации и включения мигрантов в общество.

ЛИТЕРАТУРА

Гуриев С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. С. 250.

Доклад о развитии человека—2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. — ПРООН, Изд-во «Весь мир», 2009. С. 84–85.

Миграция без милиции. Константин Ромодановский: Проблема не в том, что их много, а в том, что нас мало // Российская газета. Федеральный выпуск № 5298 (219). 2010 г. 29 сентября.

Население России—2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. редактор А.Г. Вишневский, ГУ-ВШЭ. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 226, 234.

Dustmann C., Frattini T., Preston I. The Effect of Immigration Along the Distribution of Wages. Discussion Paper No. 0803. — L.: Centre for Research and Analysis of Migration, 2008.

ЭКОНОМИКА ПЕНСИЙ^{1,2}

Барр Н., Лондонская школа экономики,
Даймонд П.³, Массачусетский технологический институт

Эта статья посвящена экономическому анализу пенсионного обеспечения. После вводного обсуждения рассматриваются воздействия различных форм пенсионного обеспечения на рынки труда, национальные сбережения и рост, а также на распределение бремени и выгод. Эти вопросы противоречивы и политически ангажированы. Наряду с изложением нашей позиции, основная задача статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать ход наших рассуждений, что позволит читателям сделать собственные выводы по обсуждаемым вопросам.

1. ВВЕДЕНИЕ

У этой статьи две задачи. Во-первых, это экономический анализ пенсионного обеспечения без обсуждения разнообразия реальных пенсионных систем и вне контекста какого-либо конкретного государства, чтобы создать у читателя системное представление об изучаемом предмете. Также статья вносит свою лепту в продолжающуюся дискуссию о пенсиях, в которой, по нашему мнению, некоторые аргументы некорректны либо неоднозначны, а другие корректны только при соблюдении определенных условий. В частности, мы утверждаем, что большая часть аналитики по вопросам пенсионных систем неполна и чрезмерно упрощает картину: акцент делается на достижении лишь одной из целей пенсионного обеспечения, а прочие упускаются из виду; принимается нереалистичное допущение о полной информированности агентов и отсутствии искажений, таких как налоги и неразвитость рынков; сравниваются несколько устойчивых состояний, тогда как по факту имеет место переход от одного устойчивого состояния к другому либо игнорируются распределительные эффекты.

¹ Эта статья является сокращенной версией главы 2 из книги [Barr, Diamond, 2008], написанной по результатам нашего участия в панельном обследовании по вопросам пенсионного обеспечения в Китае. Мы благодарны членам нашей исследовательской группы и комментаторам нашего первоначального отчета по этому проекту; за ценные комментарии настоящей статьи выражаем благодарность Кристоферу Блисссу, Роберту Ханке, Дитеру Хельму, Дэвиду Хендри, Стивену Никеллу и членам редакционного совета *Oxford Review*.

² Печатается по изданию: Barr N., Diamond P. The Economics of Pensions // *Oxford Review of Economic Policy*. 2006. Vol. 22. № 1. Перевод Е. Б. Головляничиной под науч. ред. О. В. Снявской. Перевод и публикация осуществлены с любезного разрешения авторов издателя.

³ Петер Даймонд — лауреат Нобелевской премии по экономике 2010 г. — *Прим. ред.*

Вводный раздел проясняет основные понятия: цели пенсионной системы, типы пенсионных схем и экономику пенсий. В разделах 2—4 обсуждаются соответственно связь пенсий с рынком труда (преимущественно на микроэкономическом уровне), финансированием и фондированием⁴ (на макроэкономическом уровне), а также вопросы распределения.

1.1. Задачи пенсионной системы

Для обеспечения гарантированного дохода индивидов в старости требуются инструменты двух видов: механизм сглаживания колебаний в уровне потребления и механизм страхования.

Сглаживание колебаний в потреблении

Люди стремятся максимизировать благополучие не в конкретный момент, а на протяжении всей жизни. Человек делает сбережения не потому, что дополнительное потребление сегодня для него не имеет ценности, а потому, что дополнительное потребление в будущем он ценит больше, чем возможность потратить больше сегодня. Подросток, откладывая деньги на покупку авиабилета, предполагает получить больше удовольствия от путешествия, чем от немедленной траты этих денег. Кроме того, большинство людей предполагает прожить достаточно долго, чтобы иметь возможность выйти на пенсию. Поэтому главной задачей трудовых пенсий является сглаживание колебаний в уровне потребления — процесс, позволяющий человеку перенести потребление из периода наибольшей трудоспособности в средних возрастах на период пребывания на пенсии, выбирая предпочтительное для него соотношение уровня потребления во время работы и на пенсии⁵.

Страхование

В условиях полной определенности индивиды делали бы сбережения в период занятости, чтобы обеспечить себя на время, когда перестанут работать. Применительно к пенсиям важно, что люди сталкиваются с целым рядом неопределенностей, включая продолжительность их жизни, поэтому пенсия, основанная на личных сбережениях, ставит ее владельца перед риском прожить дольше, чем он предполагал, и оказаться без средств к существованию или из опасения такого исхода потреблять слишком мало. Но если каждый отдельный человек не знает, сколько он проживет, то ожидаемая продолжительность жизни крупных групп населения гораздо более предсказуема. Поэтому всем членам такой группы имеет смысл договориться о создании фонда своих пенсионных сбережений, с тем чтобы каждый получал пенсию, основанную на: а) ожидаемой средней продолжительности жизни в группе; б) величине его взносов в фонд. Кроме того, члены группы могут перераспределять часть средств, чтобы покрыть риск прожить дольше, чем в среднем.

⁴ Фондирование [funding] — финансирование пенсий из средств заранее образованного фонда (резерва), в котором на протяжении некоторого времени накапливались пенсионные отчисления. Пенсионное обеспечение, в котором применяется принцип фондирования, называется накопительным. — *Прим. ред.*

⁵ Более формализованное объяснение этого процесса предложено в простой модели Фишера. См., например: [Ваг, 2001. С. 2].

В этом и заключается суть аннуитетов⁶: индивид обменивает сумму своих накоплений к моменту выхода на пенсию на возможность получать регулярные выплаты на протяжении оставшейся жизни, защищаясь от риска сберечь меньше, чем потребует фактическая продолжительность жизни. Пенсионная система также может защищать супругов и малолетних детей в случае потери основного кормильца и страховать от случаев наступления инвалидности.

Достаточно ли одних добровольных взносов? В простейшем случае индивид формирует собственную пенсию посредством добровольных накоплений, позволяющих достичь оптимального распределения потребления между периодами занятости и пенсии, и посредством покупки аннуитета, защищающего (плательщика и его супруга) от риска долголетия. Будь все так просто, пенсии оставались бы уделом добровольных решений и частного страхования, не требуя вмешательства государства. Существуют два обстоятельства, делающие этот способ формирования пенсий недостаточным. Во-первых, эта простая модель подразумевает полную информированность агентов (начиная со знания даты смерти) и отсутствие прочих искажений. Эти допущения полезны при разработке простой концепции, но не годятся в качестве основы для разработки политики в условиях несовершенной информации, неразвитых рынков, рисков и неопределенности, а также искажений, связанных с прогрессивным налогообложением. Более того, есть веские основания сомневаться в способности индивидов извлекать всю выгоду из предоставляемых рынком возможностей. Простые модели, подразумевающие единственное правильное, «первое наилучшее», решение [first-best analysis], игнорируют существование провалов рынка и поэтому не замечают потребности во вмешательстве государства для устранения возникающих проблем. Напротив, аналитика в духе «приемлемого компромисса» [«второго наилучшего» — second-best analysis] предполагает поиск оптимальной политики в условиях всех перечисленных искажений.

Вторая причина, обуславливающая вмешательство государства, состоит в необходимости сконструировать политику так, чтобы решались не только задачи сглаживания уровня потребления и страхования, но и задачи поддержки бедных и перераспределения.

Помощь бедным

Помощь бедным предполагает передачу ресурсов людям, находящимся в состоянии бедности на протяжении всей жизни и поэтому неспособным накопить достаточно средств. На практике меры поддержки бедных используются и в отношении краткосрочной бедности. Такие программы могут быть ориентированы на поддержку всего пожилого населения либо только на тех, кто делал взносы в пенсионную систему.

Перераспределение

Пенсионные системы могут перераспределять доходы, получаемые на всех стадиях жизненного цикла, дополняя прогрессивное налогообложение го-

⁶ Аннуитет — регулярные платежи равными суммами через равные промежутки времени. В данном случае речь идет о регулярных пенсионных выплатах индивиду от момента оформления пенсии до смерти. — *Прим. ред.*

дового дохода. Такого перераспределения можно достичь, выплачивая лицам с низкими доходами пенсию, составляющую большую долю от их предшествующего заработка (т. е. с большим коэффициентом замещения), субсидируя сглаживание колебаний в потреблении у лиц с более низкими доходами. Поскольку величину доходов на протяжении жизни индивида оценить сложно, подобная система боится от низких заработков. Также доходы могут перераспределяться между семьями, например, супружеская пара может получать пенсию выше, чем один человек, даже при одинаковой величине взносов обеих семей в пенсионную систему.

Прочие задачи

Помимо основных задач, политика в пенсионной сфере призвана решать ряд второстепенных, в том числе стимулирование экономического развития в более широком смысле и экономического роста в частности. Неграмотно сконструированные пенсии могут создавать стимулы, искажающие функционирование рынка труда. Слишком высокие расходы на выплату государственных пенсий увеличивают налоговое бремя и ставят под угрозу перспективы роста. Напротив, удачно сконструированные пенсионные системы содействуют развитию рынков труда и капитала и стимулируют накопление сбережений. Соотношение основной задачи обеспечения доходов пожилых и этих побочных задач является предметом дебатов.

1.2. Типы пенсий

Пенсионное обеспечение может быть организовано по-разному, в зависимости от: а) способов финансирования пенсий и б) связи между взносами и выплатами.

Полностью накопительная и распределительная пенсии

Полностью накопительное пенсионное обеспечение [fully funded scheme]⁷ предполагает, что пенсии выплачиваются из средств фонда, создаваемого в течение некоторого времени на основании взносов его участников. Напротив, в распределительном пенсионном обеспечении [Pay-As-You-Go scheme, PAYG] пенсии выплачиваются из текущих доходов работающего населения. Помимо этих крайних случаев существует множество схем с частичным накоплением.

Полностью накопительное пенсионное обеспечение основано на сбережениях: взносы инвестируются в финансовые (или, возможно, физические) активы, получаемый доход направляется в фонд пенсионных накоплений. Таким образом, фондирование — это метод накопления финансовых активов, которые впоследствии обмениваются на блага. Хотя на практике полностью накопительные пенсионные схемы разнообразны, для них принципиальна необходимость иметь резервы, достаточные для выполнения всех пенсионных

⁷ В переводе этой статьи слова «пенсионное обеспечение» и «пенсионная схема» — синонимы, соответствующие английскому термину «pension scheme». Их следует отличать от понятия «пенсионная система», которая может включать определенное сочетание различных пенсионных схем. — *Прим. ред.*

обязательств (или, что то же самое, объем обязательств определяется объемом накопленных средств).

В отсутствие межпоколенного перераспределения размер пенсий каждого поколения ограничен величиной прошлых сбережений его членов: по такой схеме каждый человек получит не более того, что внес⁸. Если к тому же отсутствует перераспределение между индивидами, то пенсионные накопления каждого человека будут включать только его прошлые взносы и доходы от их инвестирования. Из этой суммы будет финансироваться потребление пенсионера (посредством аннуитета или иным способом).

Распределительное пенсионное обеспечение обычно реализует государство. Такие схемы носят договорной характер, поскольку государство может, хотя и не обязано, накапливать активы для выплаты пенсий в будущем, но при этом облагает работающее население налогом, с которого выплачиваются пенсии нынешнему поколению пенсионеров. Большинство государственных пенсий распределительные⁹.

Экономический анализ распределительного пенсионного обеспечения возможен в нескольких плоскостях. С точки зрения индивида, делающего взносы, притязание работника на получение пенсии основано на обязательстве государства выплачивать ему пенсию в будущем при условии совершения взносов в данный момент. Детали обязательств государства четко фиксируются в законодательстве о социальной защите населения (хотя законодатели могут вносить в него изменения)¹⁰. На макроуровне государство просто облагает налогом одну группу населения и передает вырученные средства другой группе в пределах отдельного года или всей жизни. В макроэкономическом плане государственные распределительные схемы очень похожи на прочие доходные трансферты, но при этом значительно отличаются от них в определении доноров и реципиентов и по характеру создаваемых стимулов.

Главное преимущество распределительной системы состоит в том, что она позволяет обойти ограничение, когда выплаты каждому поколению не могут превышать сделанные им взносы. Как показал П. Самуэльсон, теоретически, если реальная заработная плата устойчиво растет быстрее ставки процента, по условиям распределительной схемы каждое поколение может получать больше выплат, чем сделало взносов [Samuelson, 1958]; это достигается за счет технологического прогресса и (или) устойчивого роста численности населения и избыточного накопления капитала [см. Aaron, 1966]. Поскольку

⁸ На самом деле ситуация сложнее: в реальности норма прибыли на вложенный капитал и, как следствие, величина будущих вложений изменяются случайным образом [см., например: Burtless, 2002]; также случайным образом меняется объем будущих обязательств, особенно если продолжительность жизни не определена. Поэтому анализ в терминах простых стабильных показателей, хотя и полезен для понимания сути, не может служить основанием для политики.

⁹ Распределительные схемы раньше использовались частными фирмами. Как государственная распределительная схема зависит от налоговой базы, так и корпоративная распределительная схема зависит от наличия у корпорации в будущем средств для выплаты пенсий. Из-за риска невыплат такие схемы признаны неудовлетворительными и запрещены во многих странах.

¹⁰ Природа такого обязательства может быть сложной: в условиях неполной спецификации всех обстоятельств, которые возможны в будущем, итоговый характер обязательств государства зависит от его будущих действий. Полагающийся на такое обещание работник может понимать или не понимать зависимость результатов от будущих действий государства и от характера будущих изменений, которые коснутся и его самого. В полностью накопительных схемах возможны законодательные изменения в части налогообложения активов, нормы прибыли и порядка выплат.

имеются свидетельства того, что в долгосрочной перспективе эти условия не соблюдаются, фактическая роль распределительных схем сводится к перераспределению доходов и рисков между поколениями.

Полемика. Сравнительные преимущества распределительной и накопительной схем стали предметом постоянных споров¹¹. Обсуждаются следующие вопросы:

- правильная экономическая модель — например, как смоделировать поведение человека;
- эмпирическое значение параметров — например, насколько эластично предложение труда, какой будет ожидаемая продолжительность жизни в 2050 г.;
- возможности институциональной структуры страны [extent of a country's institutional capacity];
- политическая экономия реформы — например, какие пенсии граждане считают более надежными: основанные на государственных обязательствах или на личном владении капиталом;
- идеология — например, какая роль отводится государству и каким целям пенсионной системы отдавать приоритет (поддержке малообеспеченных или сглаживанию потребления).

Связь между взносами и выплатами

Отдельный от способа финансирования пенсий вопрос связан с тем, насколько тесно пенсионные выплаты увязаны с предшествующими взносами работника. Наиболее распространены три подхода.

Пенсионное обеспечение с установленным размером взносов. В схеме с установленным размером взносов [defined-contribution scheme, DC], еще известной как система персональных накопительных пенсионных счетов, каждый участник отчисляет на личный счет установленную часть своего заработка. Сумма взносов используется для приобретения активов, которые вместе с доходом от них накапливаются на личном счете. При выходе на пенсию средства с пенсионного счета направляются на обеспечение потребления пенсионера в форме аннуитета или иным образом. В чистой схеме с установленными взносами (т. е. при отсутствии перераспределения средств между именными счетами) уровень потребления на пенсии при заданной ожидаемой продолжительности жизни и процентной ставке будет определяться размером личных пенсионных накоплений, т. е. теми же бюджетными ограничениями, что и на протяжении предыдущих периодов¹².

Несмотря на то что аннуитеты защищают индивида от риска долголетия, чистая схема с установленными взносами не устраняет многие другие риски, связанные с колебаниями реальной доходности пенсионных активов, с неопределенностью будущих заработков и размера будущей пенсии. Условия чистой схемы можно изменить, чтобы покрыть часть этих рисков — например, установить гарантированный минимум выплат, консолидировать часть

¹¹ См. [Barr, 2000; Diamond, 2004; Diamond, Orszag, 2005]; альтернативную позицию см. в работах [Feldstein, 2005; Holzmann, Hinz, 2005]. Обзор ключевых вопросов дискуссий см. в: [Barr, Rutkowski, 2005].

¹² Система персональных накопительных счетов может, в принципе, перераспределять средства между счетами работников или общий доход от размещения этих средств на личные счета.

взносов, законодательно закрепить изменения в пенсионном обеспечении в зависимости от состояния финансового рынка. Особенности накопления активов, выбор принципа перераспределения между счетами и формы выплат влияют на структуру мотиваций на рынке труда.

Пенсионное обеспечение с установленным размером выплат. В схеме с установленным размером выплат [defined-benefit scheme, DB] размер пенсии работника зависит не от суммы накоплений, а от истории его заработной платы и, возможно, от трудового стажа. Дизайн пенсий определяется прежде всего тем, каким образом в расчете размера пенсионных выплат участвует заработная плата. При расчете пропорционально конечному уровню заработной платы принимается во внимание размер заработной платы за последний год или за последние несколько лет работы. Другой способ расчета учитывает размер реальной или относительной заработной платы за более продолжительное время, в том числе на протяжении всего периода занятости. В обоих случаях размер пенсионных выплат зависит от уровня заработной платы до момента выхода на пенсию. Взносы работника обычно составляют некоторую часть его заработной платы, поэтому при подведении финансового баланса такой схемы вклад плательщика считается эндогенным параметром. Схемы с установленными выплатами могут предполагать консолидацию всех активов в едином фонде.

Такие схемы могут создаваться и государством, и работодателями. Если государственные пенсии финансируются за счет взносов, риск неблагоприятных результатов несут лица, платящие взносы в данный момент; если же пенсии субсидируются из налоговых поступлений, риски несут налогоплательщики. На практике в случае несбалансированности доходов и расходов правительство корректирует размер выплат и взносов. Поправки могут производиться автоматически (индексация) или быть результатом специальных изменений законодательства.

Когда пенсию выплачивает работодатель, именно он несет риски колебаний доходности пенсионных активов, перекладывая часть рисков на нынешних работников предприятия (за счет изменения заработной платы), акционеров и налогоплательщиков (за счет изменения прибыли), клиентов предприятия (за счет изменения цен) и (или) на тех, кто работал или будет работать на предприятии, если компания направляет дополнительные средства, вырученные в один период, на увеличение пенсий в другой период или пересматривает способ расчета пенсий в соответствии с прогнозами своего состояния. Таким образом, в чистой схеме с установленными выплатами пенсионеры непосредственно не несут никаких рисков. На практике, однако, корпоративные схемы с установленными выплатами могут корректировать размер текущих и (или) будущих пенсий в зависимости от финансового положения фирмы. Принципиальное различие между этими двумя типами схем заключается в характере распределения рисков.

Условно-накопительные счета¹³. Появившиеся относительно недавно схемы условно-накопительных счетов [notional defined-contribution scheme, NDC] похожи на чистые схемы с установленными взносами в том, что касается распределения рисков: все изменения касаются только выплат, но отличаются от них по характеру финансирования. Эти схемы не предполагают полного фондирова-

¹³ В российской практике близким аналогом системы условно-накопительных счетов выступает так называемая страховая часть трудовой пенсии. — *Прим. ред.*

ния и могут быть распределительными. Сходство схем условно-накопительных счетов и схем с установленными взносами состоит в следующем:

- взносы каждого работника в размере $x\%$ от его заработной платы заносятся на условный именной счет, т. е. государство имитирует накопление финансовых активов от имени этого работника;
- накопленная на счете сумма увеличивается на условную норму доходности, устанавливаемую государством и используемую для оценки размера будущей пенсии;
- при выходе на пенсию сумма условных накоплений преобразуется в аннуитет (с имитацией применения актуарных принципов) исходя из того, что сумма выплат (при уровне смертности, рассчитанном для данной возрастной когорты и возраста данного работника) равна сумме условных накоплений на именном счете, дисконтированной на условную норму доходности;
- счет ведется только для отчетности, поскольку средства на нем не размещаются в финансовых активах. Это объясняет использование термина «условный»¹⁴.

Таким образом, схема условно-накопительных счетов совпадает с накопительной схемой с установленными взносами в том, что предполагает выплату пенсий в течение ожидаемой продолжительности жизни человека из расчета суммы его накоплений на момент выхода на пенсию, однако норму доходности задает государство, а не рынок. Так же, как и в случае со схемами с установленными взносами, существует множество способов как в этой схеме можно организовать перераспределение, включая установление гарантированного минимума пенсионных выплат или субсидирование взносов лиц, не имеющих заработков, поскольку они ухаживают за маленькими детьми или являются безработными. Более подробное обсуждение см. в работе [Palmer, 2006].

На первый взгляд условно-накопительные схемы, где размер выплат зависит от истории взносов, решающим образом отличаются от стандартных схем с установленными выплатами, где размер выплат определяется уровнем заработной платы. Однако это различие исчезает, если ставка взносов постоянна, и условно-накопительная схема трансформируется в схему с установленными выплатами, в которой заложен механизм автоматической корректировки к изменению демографических и экономических условий. Условно-накопительные схемы весьма похожи на некоторые схемы с установленными выплатами, так что различие между ними не следует переоценивать. В более общем смысле выбор терминов может иметь политическое значение для реализации пенсионной реформы.

1.3. Экономика пенсий

Простая экономика

В дальнейшем анализе мы будем опираться на три постулата: первостепенное значение имеет объем производства; как правило, информация в распоряжении потребителей неполна, а выбор несовершенен; пенсионное обеспечение

¹⁴ Эти схемы также получили название нефинансовых схем с установленными взносами (это название сохраняет английскую аббревиатуру — non-financial defined contribution scheme, NDC).

сталкивается со значительными и мало предсказуемыми рисками. Четвертый важный момент связан с существованием, иногда значительных, издержек администрирования пенсионных схем.

Объем производства — вот что важно. Есть два, и только два, способа обеспечить благополучие лиц старших возрастов. Первый заключается в хранении части продукции для использования в будущем. Однако, за исключением жилья, большинство потребительских нужд таким образом удовлетворить нельзя: это дорого, не учитывается фактор неопределенности (и возможность изменения вкусов индивида) и неприменимо к услугам, оказание которых требует высокой квалификации, в первую очередь к медицинским услугам.

Альтернативный способ состоит в обмене производимой сейчас продукции на обещание получать продукцию в будущем, в более старшем возрасте. Этого можно достичь двумя основными путями: сберегая часть заработной платы, работник накапливает запас *активов*, и после выхода на пенсию обменивает их на продукцию, произведенную более молодыми работниками; или работник получает *обещание* — от своих детей, работодателя, правительства, что после выхода на пенсию он будет обеспечен товарами, произведенными более молодыми работниками. Два способа финансирования пенсий в целом соответствуют этим двум стратегиям. Накопительные схемы основаны на аккумуляции финансовых активов, а распределительные схемы — на обязательствах.

Цель пенсионного обеспечения состоит в том, чтобы дать людям возможность сохранить прежний уровень потребления после прекращения работы. Пенсионерам важны не деньги, а характеристики потребления: питание, одежда, отопление жилья, медицинские услуги. Потребляемые пенсионерами товары производятся работниками более молодых возрастов. В этом отношении объемы будущего производства имеют принципиальное значение. Распределение и накопление — механизмы, устанавливающие порядок доступа к продукции в будущем. Хотя в макроэкономическом плане между этими схемами есть определенные различия, их глубину не следует переоценивать.

В открытой экономике решающее значение объема производства сохраняется. В принципе, потребление пенсионеров не ограничено благами, производимыми внутри страны, — они могут потреблять и блага иностранного производства, если удастся добиться такого права. Если рабочие Великобритании направят часть своих сбережений на покупку австралийских предприятий, то на пенсии они смогут продавать свою долю выпуска этих предприятий, на полученную валюту покупать австралийские товары, а затем импортировать их в Великобританию. При всей полезности этот подход не решает всех проблем. Политика перестает работать, если все австралийские рабочие выйдут на пенсию, т. е. значение имеет возрастная структура государства, в экономику которого инвестируются сбережения. Далее, если значительная часть пенсионеров Великобритании обменивают австралийские доллары на другую валюту, это может вызвать падение курса австралийской валюты и уменьшение реальной стоимости пенсионных накоплений. Поэтому в идеальном случае пенсионные накопления следует инвестировать в страну с молодым населением, *при этом* производящую блага, которые хотят приобрести пенсионеры, *при этом* политически и финансово стабильную и *также* с достаточно крупной экономикой, способной принять сбережения из других стран со стареющим населением. Среди стран со стареющим населением — все страны ОЭСР и многие другие, в том числе Китай.

Несовершенство информации и потребительского выбора. С точки зрения микроэкономики предпосылкой для реализации преимуществ свободного потребительского выбора выступает информированность потребителя, что применительно к пенсиям — чрезвычайно сильное допущение.

Люди не полностью информированы потому, что, во-первых, будущее не определено (потенциальные пенсионеры обладают неполной информацией, поскольку это не в силах человека). Во-вторых, индивиды не полностью осведомлены о рисках, подробнее рассматриваемых далее.

Третье основание неполноты информации возникает в случае сложных финансовых продуктов, таких как пенсионные схемы с установленными взносами, которые опираются на множество финансовых институтов и привлекают разнообразные финансовые инструменты. Даже в США неосведомленность — обычное явление. П. Орсаг и Д. Стиглиц цитируют высказывание председателя Комиссии по ценным бумагам и биржам США, отметившего, что более половины американцев не знают разницы между акцией и облигацией [Orszag, Stiglitz, 2001. P. 37]. Эта проблема имеет значение как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения эффективности пенсионных систем, поскольку именно среди наименее информированных непропорционально велика доля лиц с наименьшими доходами. Схемы с установленными выплатами также могут оказаться сложными для понимания.

Иногда бывает полезно иметь в виду четвертое ограничение, которое Б. Нью назвал проблемой обработки информации [New, 1999]. Проблему недостатка сведений можно решить, предоставляя потребителю необходимую информацию (например, сведения о характеристиках автомобилей), после чего потребитель может сделать обоснованный выбор. Напротив, проблема обработки информации обозначает ситуацию, когда информация, даже имеющаяся, слишком сложна для восприятия агентами и не помогает им совершить рациональный выбор. Проблема возникает, когда: а) необходимо долгосрочное планирование, как в случае с пенсиями; б) предоставление товара или услуги предполагает сложные вероятностные расчеты — например, учет ожидаемой продолжительности жизни (неспособность обрабатывать вероятностную информацию ведет к неверным решениям); в) информация по сути сложна, как в случае замысловатых пенсионных продуктов; или г) для корректного использования информации требуется сложный анализ.

Часть информационных проблем можно устранить за счет образования населения. Однако некоторые из них такому разрешению не поддаются. Даже финансовых профессионалов априори не следует считать полностью информированными потребителями. Ввиду высокой стоимости ошибочного выбора неполнота информации создает веские основания для жесткого регулирования, защищающего интересы потребителей в сферах, где они недостаточно информированы для принятия рациональных решений. Как показывает практика, это проще и дешевле, чем пытаться изменить поведение потребителей за счет повышения их информированности.

Помимо неполноты информации и недостатка способностей к ее осмыслению существует проблема качества принимаемых решений, затрагивающих самих работников и их семьи. Если работники непоследовательны в своем выборе между сбережениями и выплатами и если в их решениях не уделяется должного внимания будущим нуждам других членов семьи, возникает необходимость вмешательства государства — необходимость, которая была

осознана столетия назад, например, в форме ограничения наследования для защиты вдов.

Пенсионные схемы сопряжены со значительными и мало предсказуемыми рисками.

- Макроэкономические шоки влияют на производство, цены или на то и другое.
- Демографические шоки затрагивают все пенсионные схемы (см. раздел 3.2), так как изменяют рыночные цены, количество производимых благ и притязания на получение пенсии.
- Политические риски затрагивают все пенсионные схемы, поскольку реализация пенсионных схем принципиально, хотя и по-разному, зависит от эффективности правительства.
- Управленческие риски возникают вследствие некомпетентности либо мошенничества — факты, которые не полностью информированные потребители не в состоянии эффективно отследить.
- Инвестиционный риск: частные и государственные пенсионные накопления находятся на фондовом рынке до начала выплаты пенсий и подвержены рыночным колебаниям.
- Риск рынка аннуитетов: для данного пенсионного накопления стоимость аннуитета зависит от ожидаемой продолжительности оставшейся жизни и нормы прибыли, которую страховая компания предполагает получить за эти годы (это тоже форма инвестиционного риска).

Рынки частного страхования могут облегчить индивидам бремя ряда рисков, неизбежных при планировании пенсий. Однако эффективность частного страхования ограничена неблагоприятным отбором, наличием торговых издержек, неспособностью потребителей всегда принимать правильные решения, а также несовершенством рыночных механизмов распределения рисков, особенно между когортами. Социальное страхование, как показано в разделе 4, нацелено на более широкое распределение рисков. Издержки нежелательных исходов могут нести пенсионеры (посредством снижения пенсий), работники (посредством увеличения взносов), налогоплательщики (через субсидирование пенсий из налоговых поступлений) и (или) будущие налогоплательщики и бенефициарии (если пенсии субсидируются за счет государственных займов).

Издержки. Рассмотренные выше факторы действуют даже в условиях идеального мира¹⁵. Но в анализе необходимо принимать во внимание тот факт, что любой способ упорядочивания будущего потребления сопряжен с издержками администрирования. Они включают издержки ведения учета (если производится накопление средств) или трансакционные издержки (если приобретаются потоки выплат). Размер издержек во многом зависит от способа финансирования будущего потребления, что ведет к существенным различиям в объемах будущего потребления. Например, функционирование рынка индивидуальных взаимных фондов [фондов взаимных инвестиций] обходится гораздо дороже, чем рынок институционализированных взаимных фондов.

¹⁵ В данном случае имеется в виду ситуация полного отсутствия трансакционных издержек. — Прим. ред.

Хотя и не настолько простая

В данной статье предлагаются анализ и выводы применительно к трем аспектам проблемы.

Пенсии и рынок труда. Современная экономика неизбежно вносит искажения в функционирование рынка труда. Анализ пенсионной системы должен исходить из необходимости компромисса между, с одной стороны, эффективным функционированием рынка труда и, с другой — реализацией таких целей, как сглаживание потребления, страхование, перераспределение и поддержка малообеспеченных¹⁶. Поэтому задача заключается в том, как найти баланс между снижением искажений на рынке труда и прочими целями, не претендуя на то, что можно реализовать множество целей и не иметь искажений. Следовательно, необходим анализ, ориентирующийся на поиск приемлемого компромисса, когда учитывается влияние всей системы пенсионного обеспечения. Это, в свою очередь, может привести к ошибке, когда одна часть рассматривается изолированно от остальных. Эти вопросы рассматриваются в *разделе 2*.

Пенсии и национальные сбережения. Обязательные пенсионные системы влияют на национальные сбережения. В этой связи важна степень, в которой создание пенсионных накоплений способствует росту национальных сбережений, создавая условия экономического роста. В *разделе 3* представлена концептуальная схема, в рамках которой можно анализировать размеры накопительного компонента — учитывая, что в зависимости от потребности в сбережениях пенсионная система может быть эффективной при любом уровне фондирования, от нулевого до полного.

Распределительные эффекты рассмотрены в *разделе 4*. Хотя распределение рисков осуществляется благодаря рынкам частного страхования и капитала, государственные пенсионные системы могут улучшить распределение рисков средствами, которые не могут быть реализованы в условиях рыночных механизмов. Более того, государственное пенсионное обеспечение способно преодолеть многие из существенных ограничений, с которыми сталкиваются рынки частного страхования. В *разделе 4* показано, как конфигурация пенсионной системы воздействует на распределение доходов в рамках жизненного цикла.

Частые ошибки

Наиболее распространенные аналитические ошибки таковы.

Внимание к реализации только одной из целей пенсионной системы. Пенсионные системы имеют множество целей, но некоторые авторы принимают во внимание только одну из них. Обсуждение значимости разных задач пенсионной системы правомерно, однако анализ политики с учетом лишь одной цели, особенно если это ограничение явно не прописано, приведет к ошибочным выводам.

Некорректное применение аналитики в терминах «единственного оптимума». Некорректен анализ, рассматривающий последствия той или иной конфигурации пенсионной системы только в свете последствий для рынка труда и оставляющий без рассмотрения реализацию прочих целей пенсионной системы, а эти цели невозможно достичь, не внося определенных искажений

¹⁶ Хотя анализ в терминах компромисса между эффективностью рынка труда и достижением прочих целей полезен, стоит понимать, что в условиях неразвитых рынков и несовершенного принятия решений удачное вмешательство может положительно сказаться как на эффективности рынка труда, так и на реализации прочих целей пенсионного обеспечения.

в рынок труда. Далее мы подробнее разбираем некорректность тезиса о том, что выплаты, основанные на актуарных принципах, оптимальны, поскольку позволяют минимизировать искажения. Конечно, искажениями не стоит пренебрегать, равно как не стоит закладывать в пенсионные схемы больших искажений, чем необходимо для достижения целей, однако и минимизация искажений возникает далеко не всегда.

Некорректное применение анализа в терминах устойчивых состояний.

Ошибочно рассматривать только устойчивые состояния пенсионных систем, оставляя без внимания или недооценивая роль переходных этапов, неизбежных при движении от одного устойчивого состояния к другому. Это особенно важно применительно к вопросам фондирования пенсий. Ниже мы разбираем ошибочность утверждения о безусловном преимуществе накопительных схем за счет более высокой доходности финансовых активов перед распределительными схемами, доходность которых зависит от темпов роста заработной платы.

Игнорирование распределительных эффектов. Пенсионные системы могут перераспределять средства между разными возрастными когортами, от увеличения пенсии некоторые из них выиграют, а другие проиграют (из-за необходимости финансировать будущие пенсии). Неверно рассматривать только одну сторону, оставляя без внимания другую.

2. ПЕНСИИ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРУДА

В этом разделе мы рассматриваем воздействие дизайна пенсионных систем на рынок труда — на поведение основной части занятых и работников предпенсионных возрастов.

2.1. Воздействие дизайна выплат во время трудовой жизни

Остановимся на двух темах: проблемы, возникающие при использовании схем, привязывающих размер выплат к последней зарплате, а также сравнительные преимущества и недостатки актуарной связи взносов и выплат.

Недостатки пенсионных схем, основанных на последней зарплате

Для корпораций пенсии — это один из способов привлечь и удержать работников. Ранее во многих схемах предполагалось, что выплата пенсий начинается после достижения стандартного пенсионного возраста, а их размер зависит от стажа на данном предприятии и заработка в конце трудовой деятельности. Такая структура пенсий побуждает работников не менять место работы до назначения пенсии.

Подобные схемы создают проблемы для рынка труда. Молодой работник, понимая, что текущая зарплата не влияет на размер будущей пенсии, не стремится работать сверхурочно или искать более сложную, но высокооплачиваемую работу. Конечно, некоторые стимулы остаются: работник понимает, что усердие и успехи повышают вероятность повышения в должности, что ведет к росту заработной платы и, в конечном счете, к назначению большей пенсии.

По мере приближения к концу трудовой деятельности появляется стимул к противоположному поведению: работники изо всех сил стремятся увеличить число отработанных часов. Крайний случай такой проблемы отмечен среди работников метрополитена Бостона, размер пенсии которых зависел от фактического (а не тарифного) заработка работника в момент выхода на пенсию. Работники старших возрастов, таким образом, часто работали сверхурочно, что вело к росту числа происшествий: проработав дополнительные часы, машинисты засыпали за пультом управления поездом. Однако и без таких угрожающих жизням людей ситуаций очевидно, что подобные пенсионные схемы могут создавать стимулы к нежелательному поведению. В крупных организациях возникают похожие проблемы: работник, пользующийся расположением принимающих кадровые решения менеджеров среднего звена, может получить повышение незадолго до выхода на пенсию, что увеличит размер назначенной ему пенсии. Чем короче период, заработка за который принимаются в расчет при назначении пенсии, тем сильнее стимулы к подобному манипулятивному сотрудничеству.

Третья проблема корпоративных пенсионных схем с выплатами, размер которых устанавливается по последней зарплате, заключается в том, что работник привязан к одному работодателю¹⁷. В прошлом фирмы, предлагая такие пенсионные планы, действительно прежде всего стремились удержать работника. В современной экономике ограничение трудовой мобильности может значительно снизить эффективность.

Четвертая проблема связана с распределением пенсионных доходов: в выигрыше остаются работники, заработки которых росли быстрее, особенно в конце карьеры. Поскольку опережающий рост заработков, как правило, наблюдается у высокооплачиваемых работников, система фактически премирует и без того самых преуспевающих. В этом можно усмотреть несправедливость.

С учетом всего сказанного можно заключить, что размер пенсий в корпоративных и отраслевых пенсионных схемах должен определяться на основе размера заработков на протяжении всей или большей части карьеры.

Реализация государственных схем сопряжена с такими же проблемами, вызываемыми теми же причинами. На уровне фирм можно ослабить эти негативные эффекты, используя дополнительные способы воздействия на работника, а также за счет привязки пенсий к тарифной ставке, а не к размеру фактических заработков. Правительство, действуя на национальном уровне, не в состоянии воздействовать подобным образом на всех занятых в экономике. Поэтому для государственной пенсионной системы важно рассчитывать размер выплат с учетом заработков за все время оплачиваемой занятости либо ее большую часть, если это позволяют административные возможности системы социального обеспечения.

Недостатки полного следования актуарным принципам

Часто утверждают, что оптимальный способ соотношения выплат и взносов — полное следование актуарным принципам¹⁸: «Накопительные схемы с установленными взносами наиболее близки к актуарно справедливой си-

¹⁷ Простой пример см. в: [Barr, 2001. P. 153].

¹⁸ Под актуарным характером организации пенсионного обеспечения понимают принцип эквивалентности выплат и взносов: человек не должен получить из системы больше, чем он заплатил в нее. В российском пенсионном дискурсе актуарные принципы часто именуют страховыми. Технически легче всего такое соответствие взносов и выплат осуществляется в рамках схем с установленными взносами. — *Прим. ред.*

стеме, тем самым уменьшается масштаб искажений рынка труда» [Holzmann, Hinz, 2005. P. 50]. В этом утверждении использованы три довода в пользу применения актуарных принципов при расчете выплат: выплаты, основанные на актуарных принципах, минимизируют искажения на стороне предложения рабочей силы, обеспечивают более тесную связь со взносами, а также поощряют более поздний выход на пенсию.

Если исходить из существования единственного оптимума, то ситуация выглядит так: каждый человек совершает выбор — потреблять в молодости или в более старшем возрасте. На практике, однако, разработчикам пенсионной политики приходится считаться по меньшей мере с тремя последствиями несовершенства рыночных механизмов. Люди могут мыслить в категориях краткосрочного периода и (или) быть не полностью информированы, что вынуждает устанавливать обязательные пенсионные взносы. Эта нетривиальная проблема показывает, что простое допущение о рациональном максимизирующем поведении может оказаться некорректным, особенно принимая во внимание сказанное ранее об основных проблемах восприятия и обработки информации¹⁹. Вторая трудность заключается в неразвитости рынков. Например, слабо развит рынок индексных контрактов. В условиях асимметрии информации страхования требует принятия решений, искажающих функционирование рынка труда²⁰. Третье отклонение от единственного оптимума связано с прогрессивным налогообложением. Как утверждает П. Даймонд, ни схемы с установленными выплатами, ни схемы с установленными взносами «не имеют однозначного преимущества при наличии прочих искажений рынка труда» [Diamond, 2002. P. 7]. Если сформулировать эту проблему как задачу поиска оптимального принципа налогообложения, станет ясно, что в условиях «допустимого компромисса» полностью актуарная схема, как правило, не эффективна.

Тогда как же быть с тремя особыми преимуществами актуарных выплат? Использование актуарных принципов не минимизирует искажения рынка труда, если имеются прочие искажения. Более того, помимо сглаживания потребления назначение пенсионных выплат преследует и ряд других целей (поддержка малообеспеченных), и, как уже отмечалось, необходимые для достижения этих целей меры (такие как налогообложение), неизбежно вносят искажения в рынок труда. В-третьих, страхование на случай нежелательных исходов на рынке труда, особенно на заключительном этапе трудовой деятельности, требует отказа от принципов актуарного страхования для более эффективной защиты работника, поскольку страхователю неизвестно, чем вызвана слабая связь человека с рынком труда: потому ли, что таковы его предпочтения (выбор в пользу досуга), или же из-за ограничений (низкая оплата труда или отсутствие вакансий). Таким образом, а) актуарные выплаты не способны минимизировать искажения рынка труда и б) минимизация искажений рынка труда не всегда актуальна — насущная задача социальной политики состоит в нахождении баланса между мерами по обеспечению эффективного функционирования рынка труда и реализацией целей пенсионной системы.

¹⁹ Добровольные пенсионные накопления также воздействуют на предложение труда. Но работники могут не соотносить должным образом работу сегодня и получение пенсионных выплат в будущем (так же, как могут не видеть преимуществ, которые дает накопление достаточных пенсионных сбережений).

²⁰ Тезис на самом деле таков: отсутствие искажений рынка труда в условиях асимметрии информации свидетельствует об отклонении от оптимального предоставления страхования.

Актuarные принципы определения размера выплат позволяют усилить их связь с размером взносов в тех случаях, когда индивиды хорошо информированы и не испытывают ограничений ликвидности (т. е. могут прибегать к заемным средствам по рыночной или близкой к рыночной процентной ставке). На деле возможно, что люди не знают о взаимосвязи сегодняшних взносов и будущей пенсии, мыслят только в краткосрочной перспективе, имея ограниченный доступ к заемным средствам, предпочитают текущее потребление будущему. С учетом всех этих причин основной проблемой в странах, где пенсионные выплаты по большей части основаны на актуарных принципах (например, Чили), оказывается слабое соответствие взносов и выплат; этот вопрос подробно рассмотрен в работе [Agenas, Mesa-Lago, 2006].

Утверждается, что актуарные выплаты создают достаточные стимулы к более позднему выходу на пенсию, поскольку это позволяет работнику рассчитывать на существенно более высокую пенсию, не облагаемую неявным налогом²¹. Как и в рассмотренной выше ситуации, для достижения таких целей, как поддержка малообеспеченных и страхование, установление нулевой ставки неявного налога не всегда оптимально. Более того, пенсионная система с установленными выплатами способна создавать стимулы (основанные на актуарных принципах) к продолжению трудовой деятельности по достижении минимального пенсионного возраста даже в случае, когда начальный размер выплат при наступлении пенсионного возраста устанавливается без привлечения актуарных расчетов. Этот вопрос подробно рассмотрен ниже.

Применительно ко всем трем задачам (минимизация искажений, усиление связи взносов и выплат, поощрение отложенного выхода на пенсию), простые решения возможны только в мире единственного оптимума. Это не означает, что взаимосвязь взносов и выплат не важна. Напротив, удачно сконструированная политика должна избегать очевидных и существенных искажений соотношения взносов и выплат. Однако строгое следование актуарным принципам в целом не оптимально.

2.2. Определение размера пенсионных выплат

Совокупность условий, действующих в пенсионной системе в момент выхода человека на пенсию, может существенным образом воздействовать на рынок труда. В данном разделе рассматриваются: соотношение между пенсионным возрастом и уровнем безработицы; вопросы, возникающие в связи с установлением возраста, когда работник впервые приобретает право получения пенсии; установление размера выплат при более позднем выходе на пенсию и коррекция пенсионных схем в условиях растущей продолжительности жизни.

Пенсионный возраст и безработица

Общепринятое мнение о том, что низкий пенсионный возраст снижает безработицу, в целом неверно. За продолжительное время существования пенсионных систем в развитых странах средний [фактический] пенсионный возраст значительно снизился, тогда как тенденции к сокращению уровня

²¹ Здесь не учитывается неизменная стоимость аннуитетов для работников с различной ожидаемой продолжительностью жизни, что неизбежно.

безработицы не отмечено. Данные по ряду стран за 10-летний период не позволяют говорить о том, что в странах с более низким пенсионным возрастом ниже уровень безработицы. Действительно, сравнивая две какие-нибудь страны, мы можем наблюдать ситуацию, когда высокий уровень безработицы в течение длительного периода отмечается то в одной стране, то в другой, при отсутствии существенных изменений пенсионного возраста в обеих странах.

Мыслить в терминах поддержания заданного числа рабочих мест неверно по ряду причин. Во-первых, приход новых работников способствует снижению заработной платы и облегчает работодателю поиск подходящего кандидата, что ведет к созданию новых рабочих мест. Поэтому число рабочих мест является переменной величиной, зависящей от численности работников. Во-вторых, ранний выход на пенсию зачастую не означает ухода работника с рынка труда, поскольку часть пенсионеров продолжают работать. В-третьих, в развивающихся экономиках уровень безработицы в городах зависит как от наличия вакансий, так и от интенсивности миграции. Попытка сокращения городской безработицы за счет снижения пенсионного возраста не увенчается успехом при наличии миграционного притока.

Поэтому неверно было бы рекомендовать либо навязывать снижение пенсионного возраста (с присущими ему долгосрочными эффектами) в качестве средства борьбы с безработицей, которая, как правило, краткосрочна. Для решения проблемы безработицы меры, стимулирующие долгосрочный экономический рост, принесут бóльшую пользу, чем искажающее функционирование рынка труда снижение пенсионного возраста. Аналогично назначение пособий по инвалидности должно преследовать цель поддержки инвалидов, а не борьбы с безработицей.

Принудительный выход на пенсию

Практика принудительного вывода работника с рынка труда не способна привести к ощутимому улучшению ситуации лиц, ищущих работу. Поэтому на национальном уровне не имеет смысла устанавливать возраст обязательного выхода на пенсию²². Работники старших возрастов существенно различаются по состоянию здоровья, заинтересованности в продолжении работы, трудоспособности и возможностям трудоустройства. Работодатели значительно различаются по возможности нанимать работников старших возрастов и потребности в таких работниках. Гибкость на заключительном этапе трудовых отношений является важным элементом эффективного в долгосрочном периоде использования трудовых ресурсов. В США, за некоторыми исключениями, установление предельного возраста трудовой деятельности запрещено *на уровне фирм*, и ЕС движется в том же направлении. Но и помимо столь строгих ограничений очевидно, что фирмам и работникам необходимо предоставлять известную свободу в установлении возраста выхода на пенсию. На уровне страны обязательный выход на пенсию по достижении предельного возраста не является ни необходимым, ни желательным.

²² Следует отметить, что авторы имеют в виду возраст обязательного выхода с рынка труда на пенсию, т. е. полного прекращения трудовой деятельности; retirement age дословно означает возраст отставки. — *Прим. ред.*

Выбор границ пенсионного возраста

Как показали Д. Бэнкс и С. Смит [Bancs, Smith, 2006], выход на пенсию как явление имеет множество аспектов. Из них два особенно важны применительно к проблеме установления возраста выхода на пенсию в рамках пенсионной системы. В корпоративных схемах обычно задан единый пенсионный возраст, иногда с указанием, что при более раннем выходе на пенсию ее размер сокращается, а при более позднем — увеличивается. Здесь мы рассматриваем тот возраст, прекращение работы в котором ведет к получению пенсии в полном объеме. На национальном уровне может оказаться более полезным использовать следующие понятия: *а)* минимальный возраст, в котором работник получает право на пенсионные выплаты (минимальный пенсионный возраст, earliest eligibility age)²³; и *б)* увеличение пенсионных выплат, если работник откладывает начало пенсионных выплат на более поздний срок. В разных странах установлен различный минимальный пенсионный возраст. В США наряду с минимальным пенсионным возрастом (62 года) существует возраст, начиная с которого пенсия выплачивается в полном объеме (65 лет, в настоящий момент планируется повышение до 67 лет). В Великобритании эти два возраста совпадают.

От каких факторов зависит выбор минимального пенсионного возраста? Установление более высоких границ не улучшит долгосрочного финансового положения пенсионной системы, если выплаты пересчитываются по актуарным принципам с учетом повышения возраста назначения пенсии. Повышение минимального пенсионного возраста может снизить издержки лишь в том случае, если одновременно снижается размер пенсионных выплат работникам всех возрастов.

Часть работников выигрывает от повышения минимального пенсионного возраста, а часть проигрывает. При установлении порога следует уравновесить эти выигрыши и проигрыши. Повышение минимального пенсионного возраста с 65 до 66 лет имеет следующие последствия:

- проигрывают работники, которые хотели бы прекратить работу по достижении 65 лет, но не имеют достаточных сбережений, чтобы прожить в отсутствие заработка и пенсии;
- выигрывают работники, которым приходится ждать достижения 66 лет для выхода на пенсию, но для которых размер пенсии, полученной при прекращении работы в возрасте 65 лет, мог бы оказаться недостаточным позднее (для самого пенсионера и, возможно, его супруга/и);
- выигрывают работники, которые прекращают работу в 65 лет и в состоянии, живя на сбережения, дождаться начала пенсионных выплат с 66 лет, что позволяет им получать более высокую пенсию и, следовательно, лучше защищает от рисков.

Оптимальным является тот минимальный пенсионный возраст, который позволяет уравновесить выгоды одних работников и проигрыши других; на его основе устанавливаются целесообразные возраста выхода на пенсию

²³ В тех странах, где действует несколько границ пенсионного возраста, выход на пенсию в минимальном пенсионном возрасте, как правило, наказывается «штрафом»: выплачиваемая пенсия ниже, чем могла бы быть в случае выхода на пенсию в общеустановленном возрасте. Минимальный пенсионный возраст распространяется на всех работников и поэтому его не следует путать с возрастом досрочного назначения пенсии по старости, существующим в России. В используемой в статье терминологии минимальный и общеустановленный пенсионные возраста в России совпадают. — *Прим. ред.*

для различных работников. Каким бы ни был минимальный пенсионный возраст, пенсионная система должна допускать гибкость в принятии пенсионных решений.

Уровень выплат и отложенный выход на пенсию

Разновидности пенсионного возраста. В традиционной корпоративной пенсионной схеме размер пенсии в установленном пенсионном возрасте, дающем право на получение «полных выплат», рассчитывается как функция от: а) числа лет пенсионного стажа и б) заработка за период, учитываемый в формуле расчета пенсионных выплат. Однако в одних случаях фирме выгодно, чтобы работник продолжал трудиться и после достижения такого пенсионного возраста, хотя бы и на условиях частичной занятости; а в других случаях, напротив, и работник, и работодатель заинтересованы в выходе работника на пенсию в более молодом возрасте. Актуарии могут подсчитать, какое снижение пенсионных выплат при более раннем выходе на пенсию позволит фирме покрыть расходы по предоставлению такого права работникам.

Однако интересы фирмы не всегда заключаются в следовании актуарным принципам при предоставлении пенсионных выплат. Работодатель может устанавливать размер пенсии выше или ниже уровня безубыточности, если требуется стимулировать или, напротив, предотвратить ранний выход работника на пенсию. Определение размера пенсии для таких альтернативных вариантов представляет собой еще один инструмент, регулирующий возраст выхода на пенсию, наряду с правилами расчета пенсии в возрасте, дающем право на ее получение в полном размере. Кроме того, фирма может установить возраст, в котором работник приобретает право досрочного выхода на пенсию, и предложить эту возможность только части работников.

Если работодатель хочет удержать некоторых работников после достижения ими возраста, дающего право на получение пенсии в полном размере, он может предложить им увеличение пенсии в случае более позднего прекращения работы. Или фирма может совместить выплату пенсии, полностью или частично, и сохранение трудовых отношений с работником — например, наняв его в качестве консультанта после формального выхода на пенсию. Работодатель принимает во внимание нежелательность выхода всех работников на пенсию в одном и том же возрасте, в силу различий в должностных требованиях и в способностях работников.

Похожие проблемы возникают в национальной пенсионной системе. Какими бы не были общие правила назначения пенсии, есть веские причины — и для экономики, и для общества, — для того, чтобы для разных категорий работников действовал различный пенсионный возраст. Некоторые работники довольны своей занятостью и хотят продолжать работать. Другие уже не удовлетворены работой (если и были когда-то) и хотят перестать работать сразу же после того, как получают возможность достойно жить в отсутствие заработка. Хорошая пенсионная система не будет создавать избыточное противодействие желанию первых работать в возрасте, в котором вторые уже выйдут на пенсию.

Пенсионные права и право продолжать работу в различных возрастах. Как правило, условием начала получения пенсии является прекращение трудовых отношений с фирмой. Однако это не означает прекращения всех

форм трудовой деятельности. Многие работники по достижению пенсионного возраста уходят из фирмы, получая право на корпоративную пенсию, и начинают работать у другого работодателя; некоторые фирмы разрешают уволившимся на пенсию работникам продолжать работать на условиях частичной занятости, с правом получения пенсии полностью или частично²⁴. Как показано выше, такая гибкость полезна.

Национальная пенсионная система может накладывать разные условия на продолжение работы в связи с получением пенсии. Работник может получить право на пенсионные выплаты по достижению определенного возраста либо только при полном прекращении работы (или снижении зарплаты), либо на иных условиях, когда правила меняются в зависимости от возраста: в пределах некоторого возрастного интервала пенсия выплачивается только при условии прекращения работы, а после выхода из этой возрастной группы работник получает право на пенсию вне зависимости от того, продолжает ли он трудиться²⁵. Кроме того, работник, которому назначена пенсия, вправе отложить начало получения выплат, что позволит в дальнейшем получить прибавку к пенсии²⁶.

В целом применительно к соотношению возраста начала получения пенсии и размера выплат необходимо упомянуть два аспекта:

- чем старше работник, тем больше должна быть его пенсия; это необходимо, чтобы сохранить стимулы к продолжению работы по достижении минимального пенсионного возраста;
- выплата пенсии должна начинаться в определенном возрасте без условия прекращения занятости; в противном случае необходимо предусмотреть значительное увеличение пенсии, если работник переносит начало ее получения на более поздний срок.

Изменение пенсионного обеспечения в условиях роста продолжительности жизни

Каким образом следует изменять параметры пенсионной системы с учетом различий между когортами? В частности, какими должны быть взносы и выплаты и каким должен быть минимальный пенсионный возраст и условия досрочного выхода на пенсию?

Хотя снижение смертности, скорее всего, продолжится и в дальнейшем, его темпы остаются предметом обсуждения. Как показывает опыт, конечный результат будет значительно отличаться от сегодняшних прогнозов, даже если в долгосрочном периоде они в среднем корректны. В 1981 г. Правительственный актуарий Великобритании обнародовал прогноз, согласно которому продолжительность жизни мужчин в возрасте 65 лет в 2004 г. должна была составить 14,8 лет; в действительности она достигла 19 лет, т. е. ошибка

²⁴ Начиная с апреля 2006 г., согласно законодательству Великобритании, работник вправе получать профессиональную пенсию и одновременно продолжать работать у того же работодателя.

²⁵ В США работники в возрасте от 62 лет до «стандартного» пенсионного возраста (т. е. возраста получения пенсии в полном объеме), который вскоре будет повышен с 65 до 67 лет, получают пенсию только на условиях проверки совокупных доходов [превышение определенного порога доходов ведет к снижению размера выплачиваемой пенсии. — *Ред.*]. После достижения «нормального» пенсионного возраста проверка заработков не требуется.

²⁶ В Великобритании по достижении государственного пенсионного возраста проверка заработков не производится, но отложив начало получения пенсии, работник впоследствии получает ее в большем размере.

составила 28%. Поэтому во втором докладе Комиссии по пенсиям Великобритании [UK Pensions Commission, 2005. P. 90] отмечено:

«В генеральном прогнозе 2003 г. [Government's Actuary Department, 2003] продолжительность оставшейся жизни мужчин в возрасте 65 лет в 2050 г. установлена на уровне 21,7 лет при наличии значительной и асимметричной области неопределенности (допустимой ошибки) — от 20,0 до 29,0 лет; вероятность еще больших отклонений невелика... поэтому необходимо при разработке государственной пенсионной политики и системы профессиональных пенсий (в государственном и частном секторах) предусматривать запас прочности, позволяющий им устойчиво функционировать не только в условиях растущей продолжительности жизни, но и при неопределенности темпов этого роста».

Таким образом, прогнозы сокращения смертности сопряжены с нарастающей неопределенностью будущих результатов. Если размер поправочных коэффициентов будет заранее задан в действующем законодательстве, то к моменту их применения они, скорее всего, не будут соответствовать фактическому уровню смертности. Конечно, величину коэффициентов всегда можно изменить. Однако внесение поправок в законодательство может оказаться затруднительным и занять продолжительное время. Поэтому существенную пользу принесла бы разработка механизма, позволяющего хотя бы частично автоматизировать реакцию пенсионной системы на заранее неизвестные изменения демографических показателей. Например, в Швеции предусмотрена автоматическая индексация размера условно-накопительной части пенсии по достижении минимального пенсионного возраста, а также индексация прибавки к пенсии при более позднем начале ее получения; собственно минимальный пенсионный возраст автоматически не меняется²⁷.

Теоретически любое нежелательное последствие роста продолжительности жизни для финансирования пенсионной системы преодолевается за счет удлинения периода занятости (люди могли бы использовать часть увеличившейся продолжительности жизни для продолжения работы). На практике этого не происходит по двум причинам. Во-первых, по мере роста продолжительности жизни возраст выхода на пенсию в целом повысился. Прекращение работы в связи с выходом на пенсию является нормальным благом (т. е. спрос на него растет при росте доходов населения), поэтому повышение спроса на «выход на пенсию», по меньшей мере отчасти, ослабило воздействие улучшения здоровья и снижения смертности. Во-вторых, как было показано выше, даже если работники решат продлить трудовую деятельность, это не приведет к заметному снижению издержек в хотя бы приблизительно актуарно справедливой пенсионной системе.

Автоматический пересмотр размера выплат по мере изменения уровня смертности должен опираться на следующие три принципа:

- как точку отсчета следует использовать не дату выхода на пенсию, а дату рождения; в противном случае каждому очередному снижению размера выплат будет предшествовать волна массового выхода

²⁷ В этом случае эндогенной переменной является не минимальный пенсионный возраст, а размер пенсии. В условиях совершенной рациональности это бы не было проблемой. Однако человек, чья персональная ставка дисконтирования превышает ставку актуарной корректировки пенсии, будет стремиться выйти на пенсию как можно раньше, невзирая на риск впоследствии оказаться в числе бедных. Отсюда видно, что наряду с корректировкой размера выплат может потребоваться изменение минимального пенсионного возраста.

на пенсию. Создание подобной мотивации снижает эффективность системы;

- изменения необходимо вносить ежегодно, чтобы избежать существенных различий в размере пенсионных выплат у соседних возрастных когорт. Резкие изменения несправедливы и их сложнее реализовать политически, поскольку в итоге может оказаться, что люди, фактическая разница между датами рождения которых составляет всего несколько дней, получают очень разную по размеру пенсию. Значительное изменение объема выплат в сочетании с правилами пересмотра на основе даты выхода на пенсию способны усугубить и без того неэффективные стимулы к досрочному выходу на пенсию;
- правила пересмотра размера выплат должны быть сформулированы в явном виде, нежелательно внесение изменений «по ситуации». Если автоматический пересмотр производится по заданным правилам, система становится более предсказуемой и политическое сопротивление изменениям уменьшается. Далее, автоматический пересмотр размера выплат будет более эффективным и политически приемлемым, если он производится на основе фактических, а не прогнозных, оценок уровня смертности. В любом случае у законодателей остается возможность в любой момент изменить размер пенсионных выплат, получаемый на основе правил автоматического пересмотра.

Иллюстрацией к трем названным принципам может служить законодательное повышение пенсионного возраста женщин в Великобритании²⁸.

Одним из способов приспособления пенсионной системы к ситуации роста продолжительности жизни является сокращение среднего уровня пенсий. Этот подход был применен в Швеции, используется по умолчанию во всех полностью накопительных пенсионных системах с установленными взносами (таких как в Чили); комиссия, назначенная президентом Д. Бушем, рекомендовала использовать этот метод в США. Другой способ, заключающийся в сочетании сокращения выплат и увеличения взносов, предложили использовать в США П. Даймонд и П. Орсаг [Diamond, Orszag, 2004, 2005].

Помимо изменения взносов и (или) выплат, можно прибегнуть к повышению минимального пенсионного возраста; такова одна из рекомендаций Комиссии по пенсиям Великобритании [UK Pensions Commission, 2005], рассмотренная в работе Д. Хиллса [Hills, 2006]. Поскольку государственный пенсионный возраст является одновременно и минимальным пенсионным возрастом, и возрастом, начиная с которого пенсия выплачивается в полном объеме, подобное повышение возрастного порога означает сокращение выплат вне зависимости от возраста, в котором человек начинает их получать, и повышение наименьшего возраста, в котором работник вправе обратиться за назначением пенсии. Как показано выше, последнее может вызвать определенные затруднения, поскольку соотношение выигрывающих и проигрывающих от такого изменения работников нестабильно и изменяется в зависимости от динамики

²⁸ О предстоящей реформе было объявлено в 1991 г. Точкой отсчета стало 6 апреля 1950 г. Государственный пенсионный возраст для женщин, родившихся раньше, сохранится на уровне 60 лет. Для женщин, родившихся 6 мая 1950 г. (т. е. на месяц позже точки отсчета), пенсионный возраст составит 60 лет и 1 месяц; для женщин, родившихся 6 июня 1950 г. — 60 лет и 2 месяца и т. д. Для женщин, родившихся 6 апреля 1955 г. или позднее, пенсионный возраст составит 65 лет.

продолжительности жизни и уровня заработной платы. У простой процедуры установления минимального пенсионного возраста (пропорционально продолжительности жизни) есть преимущество — большая прозрачность, однако в теоретическом плане эта процедура может не быть оптимальной: растущая продолжительность жизни увеличивает затраты пенсионной системы, но этот негативный эффект ослабляется за счет того, что финансовое положение населения улучшается, и люди в состоянии нести более высокие затраты по пенсионному обеспечению. В условиях отсутствия четких правил, устанавливающих соотношение оптимального пенсионного возраста и продолжительности жизни, периодический пересмотр минимального пенсионного возраста (возможно, с использованием рекомендаций периодически создаваемой межпартийной комиссии²⁹) будет эффективнее механизма автоматического пересмотра.

3. ФИНАНСИРОВАНИЕ И ФОНДИРОВАНИЕ

Как сказано выше (см. литературу в сноске 11), в сферах финансирования и фондирования³⁰ существует множество острых противоречий. В этом разделе рассматриваются три ключевые аспекта данной проблемы: неявный и явный пенсионный долг; взаимосвязи между фондированием, сбережениями и экономическим ростом; надлежащий способ сравнения доходности распределительных и накопительных пенсионных схем.

3.1. Неявный и явный пенсионный долг

Понятие неявного пенсионного долга широко используется в международных дискуссиях о принципах пенсионного обеспечения, однако, к сожалению, не имеет единого определения, что создает путаницу. Базовый тезис, вполне правильный, состоит в том, что обязательства государства по выплате пенсий предполагают затраты в будущем. Однако для оценки долгосрочного финансового положения пенсионной системы используются различные индикаторы. Существует три самостоятельных ракурса оценки будущего состояния пенсионной системы, которая полностью финансируется за счет выделенной доли текущих доходов³¹.

Для оценки финансовой устойчивости пенсионной системы в долгосрочном периоде можно воспользоваться показателем приведенной стоимости обязательств (будущих расходов) за вычетом доходов. В этом случае важной проблемой становится выбор подходящего горизонта прогноза. Традиционно в США использовался 75-летний горизонт. Такой период дает достаточно времени для корректировки системы, если прогноз свидетельствует о ее финансовой несбалансированности. В последнее время получают распространение расчеты

²⁹ Подразумевается структура, действующая в Великобритании и контролирующая принимаемые поправки на отсутствие политической ангажированности и преемственность относительно общего плана развития пенсионной системы. — *Прим. пер.*

³⁰ Мы используем термин «финансирование» применительно к текущим средствам, ежегодно направляемым на выплату пенсий, и термин «фондирование» применительно к финансовым активам, накопленным в пенсионной системе.

³¹ Существуют более сложные версии схемы, где в финансировании используется весь объем доходов пенсионной системы.

с бесконечным горизонтом прогноза. Один из доводов в пользу этого метода таков: к концу 75-летнего периода и за его пределами несбалансированность ежегодных потоков приведет к тому, что последующие расчеты будут показывать диспропорции даже там, где текущий прогноз положителен. С другой стороны, планирование на срок более 75 лет сопряжено со столь высокой неопределенностью, что едва ли годится для разработки текущей политики. Удобный и широко применяемый компромисс предполагает сохранение 75-летнего горизонта прогноза, но добавляет условие, согласно которому прогнозируемое финансовое состояние не должно ухудшаться к концу периода планирования (это состояние обозначается как устойчивая платежеспособность).

Для оценки обязательств перед будущими поколениями в дополнение к годовым расчетам в пределах 75 лет используются расчеты для каждой из когорт, уже участвующих в пенсионной системе. Расчет для всех (фактических и будущих) участников пенсионной системы называется методом открытой группы, а расчет только для фактических участников — методом закрытой группы. Эти методы позволяют судить о распределении, однако для более конкретных оценок необходимо привлекать данные об уровне заработной платы и продолжительности жизни в каждой из когорт.

Наконец, третья задача состоит в оценке стоимости всей пенсионной системы в отношении ко всей экономике. Даже если текущее финансирование обеспечивает устойчивость пенсионной системы, в масштабе всей экономики может оказаться, что объем пенсионных обязательств слишком мал или слишком велик. Оценивая должный размер пенсионной системы, необходимо принимать во внимание нужды выходящих на пенсию (в плане их заработков в предшествующие периоды и положения более молодых когорт работников) и возможности альтернативного использования ресурсов, привлекаемых для финансирования пенсий.

При анализе в каждом из трех ракурсов возможны три способа измерения пенсионных расходов — в денежных единицах, в процентах от фонда заработной платы (или его налогооблагаемой части) и в процентах от ВВП. Мы полагаем, что непосредственное измерение в денежных единицах не очень подходит для обсуждения различных пенсионных схем: очень крупные суммы трудно сопоставлять. Другие две меры более удобны для изучения различных аспектов финансирования пенсионной системы и ее роли в экономике.

Поскольку пенсионная система должна вызывать доверие у работников, изменения законодательства следует производить реже и отводить достаточное время на их подготовку. Это обусловлено необходимостью доводить до сведения общественности, что, несмотря на то что в ближайшем будущем пенсионная система профицитна, демографические прогнозы и оценки говорят о необходимости определенных изменений. Поэтому оценка финансовой несбалансированности пенсионной системы очень важна.

Можно поспорить о том, стоит ли обозначать это состояние как неявный пенсионный долг. Этот термин полезен тем, что напоминает нам: бремя будущих поколений не исчерпывается явным долгом. Однако некоторые аналитики на этом основании начали рассматривать неявный долг как полный эквивалент (или близкий аналог) явного долга. В частности, как полагает ряд авторов, симпатизирующих системе именных счетов, правительству следовало бы выпустить новые долговые обязательства в размере неявного долга и разместить эти активы на именных счетах; при этом издержки по созданию

счетов не учитываются. Однако этот довод не вполне верен. Важно понимать, что у такой меры будут реальные экономические последствия. Правительство может предпринять шаги по сокращению неявного пенсионного долга в ходе пенсионной реформы, что и было сделано во многих странах. Но меры по сокращению неявного пенсионного долга, переведенного в форму явных долговых обязательств (такие как отказ от уплаты долга или повышение инфляции), уже неизбежно затронут значительно более широкий круг лиц. Более того, срок такого долга необходимо постоянно продлевать за счет выпуска новых долговых обязательств, что делает систему уязвимой к рискам рынка облигаций; единственное исключение составляет выпуск долговых обязательств в виде консолей³², однако рыночные перспективы подобных ценных бумаг туманны. Учитывая особый статус государственных долговых обязательств, неудивительно, что рынки, скорее всего, воспримут явный долг как нечто отличное от неявного и, следовательно, негативно отреагируют на значительный и быстрый рост предложения государственных облигаций, что приведет к росту процентных ставок для государственных заимствований³³. Короче говоря, неявный и явный долг не эквивалентны.

Оценивая подобные меры, следует иметь в виду отсутствие необходимости в полном фондировании неявного пенсионного долга, равно как и, например, в полной выплате явного внешнего долга. Применительно к явному долгу ключевое требование состоит в том, чтобы отношение долга к ВВП не превышало того уровня, за которым следует резкое увеличение процентной ставки, ведущее к неспособности выплачивать проценты. Аналогично, применительно к неявному долгу ключевое требование следующее: размер будущих взносов не должен превышать того уровня, когда участие в пенсионной системе снижается настолько, что система теряет устойчивость. Передача части пенсионных активов в фонд доверительного управления может оказаться полезной, однако при разработке пенсионной политики не следует стремиться к полному покрытию неявного долга.

Масштабы затрат на пенсионное обеспечение могут быть очень разными. Чрезмерные затраты снижают уровень инвестиций и создают существенные искажения, затрудняющие экономический рост. Это обуславливает необходимость в оценке затрат на пенсионное обеспечение в будущем, но такие оценки нуждаются в корректной интерпретации. Понятие неявного долга полезно, но ему не следует придавать решающего значения.

3.2. Фондирование, сбережения и экономический рост

В пользу накопительных пенсий обычно приводят два стратегических довода: фондирование способствует экономическому росту (макроэкономический довод); люди склонны рассматривать права собственности как более защищенные в том случае, если они основаны на владении финансовыми активами (политико-экономический довод). Для краткости в этом разделе мы рассмотрим только экономические доводы.

³² Государственных облигаций, не имеющих конечного срока погашения.

³³ Еще один нюанс возникает, если мы переходим к более сложной модели без допущения полной достоверности. Значительный прирост суммы долга (в результате конвертации неявного долга в явный) намного повысит неопределенность будущих состояний рынка облигаций.

В принципе, фондирование способствует росту в том случае, если увеличивает национальные сбережения и (или) повышает эффективность рынков капитала. Ниже также рассматривается тезис о том, что фондирование облегчает корректировку пенсионной системы в условиях демографических изменений.

Фондирование и сбережения на национальном уровне

Воздействие на сбережения. Для роста национальных сбережений необходимо сократить потребление: увеличение размера взноса либо уменьшение размера пенсии приведет соответственно к снижению потребления сегодняшних работников либо пенсионеров и создаст условия для сокращения взносов или увеличения пенсий в будущем. В этом случае бремя нынешних поколений увеличивается в целях сокращения бремени будущих поколений, по аналогии с бюджетным решением увеличить налоги либо сократить государственные расходы для снижения государственного долга.

Создание фонда [пенсионных накоплений] может как значительно сказаться на уровне национальных сбережений, так и не затронуть его. В этой связи возникают два вопроса: ведет ли накопление к росту сбережений и если да, то улучшается ли в результате положение населения. Во-первых, увеличение фондирования может или сократить, или существенно увеличить национальные сбережения — это зависит от реакции частных сберегателей и от воздействия на прочие статьи государственного бюджета. Если сделать взносы на накопительные счета обязательными, работники в ответ могут сократить размер своих добровольных сбережений; тогда введение обязательного накопительного элемента не повлияет на уровень национальных сбережений. Если после перевода накоплений из общего фонда на именные счета работники станут сберегать меньше (поскольку индивидуальные счета ассоциируются с добровольными сбережениями), это приведет к сокращению национальных сбережений. В то же время если работники продолжают делать добровольные сбережения в прежнем объеме, национальные сбережения увеличатся. У работников, несберегающих и имеющих ограниченный доступ к заемным средствам, уровень частных сбережений останется прежним (нулевым) даже в условиях введения именных пенсионных счетов с обязательными дополнительными взносами. Конечный результат будет зависеть от соотношения перечисленных стратегий частных сберегателей.

В дополнение к индивидуальным реакциям, необходимо учитывать изменения в бюджетной политике государства, сопряженные с введением накопительных пенсионных счетов — изменение уровня налогообложения или финансирования в иных сферах, помимо пенсий. Приток прибылей от именных счетов может побудить правительство к увеличению расходов в других сферах, в результате прирост национальных сбережений окажется незначительным или нулевым³⁴. Перевод прибылей из консолидированного фонда на индивидуальные счета может быть профинансирован за счет до-

³⁴ Национальные сбережения могут даже уменьшиться, если работники начнут меньше сберегать, чтобы сбалансировать потребление в условиях обязательных взносов на накопительные счета, а правительство одновременно будет активно прибегать к более доступным средствам фондов и тем сокращать государственные сбережения.

полнительных государственных заимствований, что ограничит прирост сбережений. Утверждается, что перевод прибылей из консолидированного фонда на индивидуальные счета сократит расходы и в других сферах, поскольку повлияет на меры по сокращению заявленного дефицита. Но если об индивидуальных изменениях сберегательной активности в зависимости от устройства пенсионного обеспечения многое известно, то гораздо сложнее оценить последствия изменений в остальной части государственного бюджета; более того, эти последствия будут существенно различаться в зависимости от доступа правительства к дополнительным заемным средствам.

Если фондирование все же увеличивает национальные сбережения, ведет ли это к благоприятным социальным последствиям? В частности, есть ли экономическая выгода в том, чтобы увеличивать взносы или уменьшать пенсии сегодня, чтобы снизить взносы или увеличить пенсии в будущем? Увеличение накоплений за счет снижения пенсий или повышения взносов с необходимостью предполагает перераспределение между поколениями. Поэтому не может быть универсального ответа на вопрос о том, приведет ли увеличение фондирования к повышению благосостояния. В каждой стране этот вопрос следует решать с учетом местных особенностей и приоритетов, включая текущую норму сбережений и ожидаемое увеличение заработной платы. Если норма сбережений уже высока и продолжает быстро расти, едва ли стоит разрабатывать политику по дальнейшему стимулированию сбережений.

До сих пор мы рассматривали возможности увеличения сбережений за счет увеличения пенсионных накоплений. Правительство может прибегнуть к альтернативному методу — направлять взносы работников на выплату пенсий и одновременно размещать на их счетах стоимость вновь выпущенного государственного долга. Воздействие такой политики на национальные сбережения аналогично эффекту распределительной пенсионной системы. Поэтому важно разграничивать ситуации, когда фондирование проводится для увеличения сбережений (иногда обозначается как *расширительное фондирование*) и когда оно основывается на вновь выпускаемых долговых обязательствах (*ограниченное фондирование*) и не предполагает увеличения сбережений.

Аналитические ошибки. При обсуждении вопросов, относящихся к пенсионным накоплениям, часто возникают ошибки. Нередко анализ ограничивается сравнением устойчивых состояний пенсионной системы с разными уровнями фондирования, и принимается допущение о существовании издержек перехода к состоянию с более высоким уровнем фондирования. Этот подход может привести к неверным выводам. Он оставляет без внимания необходимость компромисса между большим объемом пенсионных накоплений и издержками по их формированию. Сам термин «издержки перехода» подразумевает незначительность затрат, даже если переходный период растягивается на десятилетия (как это было в Чили, где переход продлится еще несколько десятков лет)³⁵. Более информативен представленный выше подход, при котором учитывается, что результатом увеличения доли пенсионных накоплений может стать некоторая комбинация снижения налогов и увеличения выплат в будущем. В такой постановке вопроса акцент делается

³⁵ Обсуждение случая Чили см.: [Arenas, Mesa-Lago, 2006].

не на фондировании *как таковом*, а на определении уровня налогов, размера пенсий и величины долга, что должно лежать в основе любого решения об увеличении фондирования.

Часто встречается неверное утверждение о том, что накопительная система предпочтительна, если процентная ставка (т. е. отдача от пенсионных фондов) превышает темпы роста (т. е. отдачу в условиях распределительной системы). Как показывает анализ с учетом всех аспектов проблемы (*раздел 3.3*), результат фондирования состоит не в индивидуальном выигрыше *как таковом*, а в межпоколенческом перераспределении. Таким образом, сравнение доходности пенсионных систем только на уровне сопоставления процентной ставки и темпов роста по сути является частным случаем такого неполного анализа, при котором рассматриваются только устойчивые состояния без учета затрат на переход к новому устойчивому состоянию.

Другой сомнительный тезис таков: «многоуровневая структура [пенсионной системы. — *Ред.*] позволяет задавать тактический порядок действий, стратегическую группировку [задач], комплексный подход и компенсации и поэтому облегчает преодоление сопротивления реформе» [Holzmann, Hinz, 2005. Р. 42]. Здесь предполагается, что выигрыш каждого достигается за счет комплексного анализа статической эффективности улучшений в пенсионном обеспечении вместе с фондированием. Однако повышения эффективности можно добиться и без формирования пенсионных накоплений, за счет улучшения дизайна распределительной системы; таким образом, данный тезис в целом неверен — за исключением случаев, когда политические ограничения не позволяют обойтись без перехода к накопительной системе. При принятии политических решений в таком объединении [т. е. в одновременном проведении реформирования распределительной системы и введении накопительной компоненты. — *Ред.*] есть смысл, но решающего значения для проведения реформы это не имеет — на самом деле, введение накопительного компонента может затруднить проведение пенсионной реформы (см., например, описание случая ФРГ в: [Boersh-Supan, 2006]). В любом случае, политические аргументы отличны от экономических, и их следует рассматривать отдельно.

Наконец, некоторые исследователи исходят из допущения о том, что фондирование всегда требует создания именных счетов. И это тоже неверно. Если политики хотят увеличить объем пенсионных накоплений, этого можно добиться множеством способов. В Швеции в рамках схемы с установленными выплатами на протяжении многих лет существует диверсифицированный консолидированный портфель ценных бумаг; похожие системы начали действовать в Канаде и Швейцарии. В Малайзии и Сингапуре в рамках систем с установленными взносами консолидированный фонд создан на базе провидентных (резервных) фондов [provident fund]. Также возможность фондирования появляется, если работники делают выбор в пользу портфеля активов, предлагаемых частными компаниями; это впервые было реализовано в Чили, затем в других странах Латинской Америки, в Великобритании и, недавно, в Швеции. Таким образом, выбор уровня накопления и степени диверсификации портфеля экономически не связан ни с выбором между системами с установленными взносами и с установленными выплатами, ни с выбором между индивидуальными или более консолидированными накоплениями.

Фондирование и развитие рынка капитала

Помимо воздействия на сбережения, фондирование способствует экономическому росту, если повышает эффективность инвестирования пенсионных накоплений.

Можно утверждать, что в двух крайних случаях этот тезис с очевидностью неверен. В развитых странах финансовые рынки и так достаточно эффективны, так что введение обязательных пенсионных сбережений не принесет заметных улучшений³⁶. В противоположном случае, в странах с очень ограниченными институциональными возможностями и слабой финансовой инфраструктурой переход к системе обязательных накопительных именных счетов создает для множества работников риск остаться без пенсий.

В интервале между этим полюсами находятся страны, где имеется и потенциал совершенствования рынка капитала, и риск того, что без должного улучшения этого рынка работники не получат достаточной прибыли со своих взносов или что правительству придется нести издержки по спасению пенсионной системы. Суть риска проста для понимания: недостаточно развитый рынок капитала может принести слишком низкие прибыли. Кроме того, издержки на таких рынках могут быть выше, что особенно важно для небольших счетов. Создание рынков уровня, соответствующего задачам обеспечения пенсионной системы, требует значительного государственного регулирования. Утверждается, что рынки капитала в США превосходят прочие в эффективности потому, что их регулирование наиболее совершенно. Задача облегчается, если рынок капитала велик, так как опирается на ресурсы крупной экономики. Как мы кратко показали, недостаточно развитые рынки не только ухудшают положение пенсионеров, но и хуже справляются с инвестированием пенсионных накоплений по сравнению с менее формализованными способами инвестирования. С другой стороны, возможные выгоды также очевидны: более эффективная работа рынков капитала повысит эффективность экономики и, следовательно, будет способствовать экономическому росту. Критическое значение для успеха имеет непрерывность усилий по улучшению регулирования рынков и совершенствованию работы экономики в целом; в свою очередь, успешное инвестирование средств работников повышает их лояльность и расширяет возможности политиков.

Альтернативный способ состоит в поощрении добровольных пенсионных накоплений, что также стимулирует развитие рынков, особенно если экономика достаточно велика и допускает возникновение эффекта экономии от масштаба.

Рассматривая этот вопрос в деталях, можно назвать четыре способа инвестирования накоплений:

- 1) рыночные транзакции — покупка вновь выпущенных облигаций и акций (в отличие от покупки уже обращающихся на рынке ценных бумаг);
- 2) обращение к финансовым посредникам — размещение вкладов в банках и других посреднических финансовых организациях, которые затем ссужаются инвесторам;

³⁶ Если такое фондирование увеличивает число инвесторов, извлекающих прибыль на рынках капитала, это может привести к более равномерному и, следовательно, более эффективному распределению рисков.

- 3) прямые парные займы: инвестиции в малый бизнес на средства друзей и семьи предпринимателя, коммерческий кредит;
- 4) сбережения для финансирования личных инвестиций.

В стране со слабой структурой рынков и неэффективной банковской системой применение вариантов (1) и (2) не даст результата. Именные счета изымают денежные средства у работников, что сокращает масштаб парных займов и личных инвестиций, а слабость финансовых рынков не позволяет пенсионным фондам получить на аккумулированные средства существенную отдачу в краткосрочном периоде.

Вторая группа суждений о роли пенсионных фондов в повышении эффективности рынков капитала связана с вопросом о повышении качества корпоративного управления, которое, предположительно, может произойти в результате перевода акций приватизированных, ранее государственных предприятий в фонд социального обеспечения (как это было сделано в некоторых постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы); улучшение корпоративного управления имеет принципиальное значение для повышения эффективности и создания условий для роста в рыночных экономиках³⁷.

Для повышения качества корпоративного управления необходимы соответствующее законодательство, эффективный контроль со стороны регулирующих структур, а также эффективная реализация права голоса и контроль его осуществления со стороны акционеров. В развитых странах, создание консолидированных пенсионных фондов (например, в системе с установленными выплатами или провидентные фонды) может вовлечь в корпоративное управление новых участников, последствия чего могут быть как благоприятными, так и негативными³⁸.

Фондирование и демографические изменения

Время от времени встречается уже давно опровергнутый³⁹ тезис о том, что фондирование облегчает перестройку пенсионной системы в условиях демографических изменений. Этот довод нужно рассматривать в контексте одновременного сокращения рождаемости и смертности в старших возрастах.

Предположим, что на смену многочисленному поколению работников приходит малочисленное поколение. В чистой распределительной схеме это приведет к сокращению притока средств при текущем уровне взносов в систему социального обеспечения, что потребует либо повысить уровень взносов, либо уменьшить выплаты, либо и то, и другое. Эта проблема хорошо известна и не содержит неясностей.

Утверждается, что фондирование позволяет снять остроту проблемы: сначала каждый работник создает пенсионные накопления; выплата пенсии по схеме с установленным размером взносов полностью финансируется за счет этих накоплений; если такие работники преобладают, то проблемы дефицита не возникает, поскольку в среднем на счету работника накаплива-

³⁷ См. материалы симпозиума по проблемам корпоративного управления [Oxford Review of Economic Policy. 2005. Vol. 21. No. 2].

³⁸ Например, пенсионный фонд California Public Employees' Retirement System (CalPERS), на счетах которого находится около 150 млрд долл., выступает активным игроком в сфере корпоративного управления, см.: [Boersch-Supan, Winter, 2001].

³⁹ [Barr, 1979]; более актуальную версию см.: [Barr, 2001. IIА].

ется достаточно средств для обеспечения выплаты пенсии. Накопительная система действительно способна разрешить проблему *текущего финансирования* пенсий, однако не решает вопрос обеспечения ожидаемого *уровня потребления* пенсионеров в пожилом возрасте. В распределительной системе недостаток средств возникает из-за сокращения взносов по социальному обеспечению. В накопительной системе механизм возникновения дефицита более опосредованный, но причина та же: уменьшение численности занятых ведет к сокращению выпуска, а с падением выпуска сокращается потребление и (или) инвестиции. В условиях падения нормы прибыли или роста цен уровень потребления пенсионеров оказывается ниже ожидаемого, либо затраты на обязательные пенсионные накопления сокращают потребление работников вопреки их предпочтениям, либо средства направляются на поддержку и увеличение совокупного потребления работающих и пенсионеров в ущерб инвестициям, что создает угрозу замедления экономического роста в будущем. Как отмечено ранее, и распределительная, и накопительная системы располагают собственными схемами создания притязаний на будущий выпуск, поскольку в результате современных демографических изменений объем выпуска, как правило, снижается, проблемы возникают у любой пенсионной системы, независимо от ее организации.

Сходство между распределительной и накопительной системами становится еще заметнее, если мы рассмотрим ситуацию, когда рождаемость не изменяется, а продолжительность жизни пенсионеров растет. Увеличивается число пенсионеров, приходящееся на одного работника. В чистой распределительной системе сохранение баланса системы потребует повысить взносы либо сократить выплаты. В накопительной системе, если продолжительность получения пенсии растет при прежней процентной ставке, то уровень ежемесячных пенсионных выплат, который способна профинансировать пенсионная система, также сокращается. Если процентная ставка выше отдачи от распределительной системы (т. е. темпов роста), то конкретный результат может отличаться, однако характер проблемы одинаков в обоих случаях.

Принципиальное значение имеет объем выпуска, а не накопление финансовых активов. Если выпуск растет, расширяются возможности удовлетворения потребностей и работников, и пенсионеров. Решение проблем, возникающих в связи со старением населения, лежит не во введении накопительной системы *как таковой*, а в мерах по увеличению выпуска.

Промежуточные выводы

Соотношение фондирования и экономического роста сложно и неоднозначно.

Ведет ли фондирование к росту сбережений? Как обсуждалось выше, этого может не произойти, если увеличение обязательных пенсионных накоплений сопровождается сокращением уровня добровольных сбережений или увеличением бюджетных расходов по другим статьям. Поэтому невозможно однозначно сказать, увеличатся ли сбережения — ведь связь прироста национальных сбережений и увеличения фондирования сложна и нелинейна.

Насколько прирост выпуска увеличит сбережения? Простейшим ответом будет следующий: введение накопительного компонента *а)* ведет к увеличению сбережений, что *б)* способствует притоку инвестиций и *в)* увеличивает

выпуск за счет предельного продукта капитала. Эти связки сохраняются во многих условиях, но воспроизводятся не всегда и не с необходимостью; соотношение этапов также не является однозначным.

- Переход к накопительной системе не всегда ведет к увеличению сбережений.
- Связь между увеличением сбережений и ростом инвестиций является комплексной: прирост некоторых видов сбережений скажется лишь в росте цен на существующие активы. В 1970-х гг. стало известно, что один из профсоюзов Великобритании вложил значительную часть своего пенсионного фонда не в постройку новых предприятий и разработку нового оборудования, а в приобретение ценных произведений живописи. Увеличение сбережений может привести к росту цены на активы, предложение которых ограничено, такие как земельные участки в городах.
- За увеличением инвестиций не обязательно следует заметный рост выпуска. Неэффективность рынков капитала снижает предельный продукт инвестирования; такова ситуация в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы и на территории бывшего СССР, где уровень инвестиций по западным стандартам исключительно высок, однако экономический рост происходит медленно, а некоторые страны переживают спад производства. Далее, оценка отдачи от финансовых активов должна включать поправку на несение риска. Поэтому неверно оценивать общественную полезность системы одной лишь отдачей от финансовых активов, без поправки на риск, и соответственно неправильно рассматривать прибыли от ценных бумаг как выигрыш от увеличения фондирования.

Оптимальна ли такая политика? Тот факт, что увеличение фондирования может увеличивать выпуск, еще не означает, что политика с неизбежностью улучшит благосостояние населения. Распределение выигрышей будет зависеть от особенностей конкретной страны.

- Находятся ли сбережения в данной стране ниже оптимального уровня и (или) может ли создание пенсионных фондов улучшить механизмы инвестирования сбережений или качество корпоративного управления?
- Вопросы межпоколенческого перераспределения являются другим аспектом предыдущего пункта. Увеличение инвестиций путем увеличения фондирования предполагает сокращение текущего потребления. Поэтому фондирование с целью стимулирования экономического роста имеет смысл лишь в том случае, когда поддержание текущего потребления менее важно, чем увеличение потребления в будущем.

Реализуема ли такая политика на практике? Ответ зависит отчасти от наличия в стране необходимых институтов. Способны ли эти институты обеспечить размещение средств пенсионных фондов, управлять пенсионными счетами и регулировать финансовые рынки?

Общий вывод таков: дело не в том, что фондирование — плохая политика или что оно не может помочь в разрешении проблем, связанных со старением населения, дело в том, что полезность фондирования — переменная величина, зависящая от возможности его благотворного воздействия на экономический рост

и от специфики каждой отдельной страны. Фондирование может иметь важное значение для экономического роста, но решение о его введении должно приниматься не автоматически, а с учетом ситуации в каждой отдельной стране.

3.3. Сравнение доходности распределительной и накопительной пенсионных систем

Некоторые аналитики прибегают к сопоставлению долгосрочной доходности финансовых активов с темпами экономического роста (которые соответствуют долгосрочной доходности распределительной пенсионной системы).

«В отличие от равновесной доходности государственной пенсионной системы в размере 2,6%, реальная доходность нефинансового корпоративного капитала до налогообложения составила в среднем 9,3% за тот же период. [В результате] принуждение индивидов к использованию нефондированной [распределительной. — *Ред.*] системы значительно повышает их издержки по обеспечению доходов после прекращения работы» [Feldstein, 1996. Р. 3].

Поскольку в долгосрочном периоде норма прибыли финансовых активов оказывается выше темпов роста, разница в виде превышения доходности финансовых активов иногда рассматривается как чистый выигрыш. Это неверно, потому что здесь сравниваются явления разного рода. Более полный анализ включает учет *а)* издержек перехода от распределительной к накопительной пенсионных системах, *б)* относительные риски и *в)* масштаб административных издержек в каждой из систем.

Некорректность сравнения устойчивых состояний

Если должным образом учесть все издержки перехода от распределительной к полностью накопительной системе, то окажется, что норма доходности обеих систем примерно одинакова⁴⁰.

Чтобы лучше разобраться в ошибочности тезиса о том, что накопительная система выгоднее для пенсионера, если рыночная доходность финансовых активов выше темпа роста реальной заработной платы, рассмотрим ситуацию создания пенсионной системы «с нуля». В этом случае в накопительной системе, в отличие от распределительной, первое поколение пенсионеров не получит никакой пенсии, поэтому выигрыш пенсионеров последующих поколений не является оптимумом, по Парето. Однако чаще приходится иметь дело с ситуацией перехода от уже существующей распределительной системы к накопительной. В этом случае, принимая в расчет издержки перехода к новому состоянию, мы получим ту же картину: некоторые выигрывают, а некоторые проигрывают. Центральный вопрос заключается в том, при каких условиях возможно снижение этих издержек.

Случай 1: правила назначения и расчета пенсий одинаковы для всех поколений, издержки перехода покрываются за счет государственного займа.

В соответствии с *табл. 1*, каждое поколение платит взнос в размере 1 долл. в молодости и затем получает выплату в размере 1 долл. в старшем возрасте.

⁴⁰ Тезис высказан в работе [Orszag, 1999], основанной на обобщении результатов работы [Breyer, 1989]; применительно к США рассматривается в: [Geanakoplos, Mitchell, Zeldes, 1999] и [Belan, Pestieau, 1999].

Таблица 1. Упрощенная схема распределительной пенсионной системы

Период	Поколение			
	А	Б	В	Г
Первый	+1 долл.	-1 долл.		
Второй		+1 долл.	-1 долл.	
Третий			+1 долл.	-1 долл.
Четвертый				+1 долл.

В первый период 1 долл. пенсии старшему поколению А выплачивается за счет средств более молодого поколения Б. Во второй период, когда поколение Б состарилось, пенсия его представителей финансируется за счет взносов молодого поколения В. Теперь предположим, что реальная норма доходности финансовых активов I составляет 10%, и представим, что поколение В — это мы. В условиях распределительной схемы мы платим 1 долл. взносов во втором периоде и получаем 1 долл. пенсии в третьем; реальная норма доходности равна нулю. Напротив, в условиях системы именных счетов мы сберегаем 1 долл. во втором периоде и получаем назад 1,1 долл. в третьем; реальная норма доходности здесь, по всей видимости, составляет 10%.

Ошибка в этом рассуждении заключается в том, что если поколение В делает взносы на свои именные счета, то пенсии поколения Б должны финансироваться из каких-то других источников. Если таким источником является государственный займ, то поколение В, получив пенсию в размере 1,1 долл., заплатит с нее 10 центов процентов по займу, за счет которого профинансированы пенсии поколения Б. И тогда реальная доходность, как и в случае распределительной системы, окажется равной нулю. Более низкая доходность распределительной системы — не результат ее несовершенства, а следствие того, что она «дарит» пенсию поколению А. Формально (см. [Breyer, 1989; Belan, Pestieau, 1999]), если издержки перехода к накопительной системе принимаются во внимание, рассматриваемые схемы оказываются эквивалентными в плане доходности. Таким образом, поколение В на самом деле ничего не выигрывает от перехода к системе именных счетов. «Меньшая ценность средств в этой модели обусловлена не старением поколения беби-бумеров, не ростом продолжительности жизни и не выраженной неэффективностью администрирования, а всего лишь арифметикой, лежащей в основе распределительной пенсионной системы» [Geanakoplos, Mitchell, Zeldes, 1999. P. 86, курсив в оригинале].

Случай 2: правила назначения и расчета пенсий одинаковы для всех поколений, издержки перехода покрываются за счет налоговых поступлений.

Предположим, что поколение В — это мы: тогда во второй период мы вносим 1 долл. на наш именной счет, поколение Б получает пенсию в размере 1 долл., отчасти за счет налоговых поступлений от нашего поколения В. Наша пенсия составит 1,1 долл. Но при этом поколение В потратило дополнительные средства на выплату налога, пошедшего на финансирование пенсий поколения Б, и у него осталось меньше средств для финансирования собственных пенсий. Реальная доходность активов составляет 10%, но доход поколения, обязанного делать взносы на именные пенсионные счета и одновременно платить налог на пенсии поколению Б, окажется ниже 10%.

Случай 3: поколение, чей пенсионный возраст приходится на переходный период, вообще не получает права на пенсию.

Другой способ финансирования перехода состоит в том, чтобы вообще не платить пенсию поколению Б. Тогда поколение В и последующие получают 10% реального дохода, но этот выигрыш произойдет за счет поколения Б, которое несет все издержки смены пенсионной системы. В таком случае, наш «подарок» поколению А нейтрализуется изъятием у поколения Б.

Принципиально важно понимать, что взаимодействие первого и последующих поколений представляет собой игру с нулевой суммой. Издержки «дара» первому поколению полностью несет либо поколение пенсионеров переходного периода (Б), которого лишают права на распределительную пенсию, либо поколение работников переходного периода (В), платящее налоги на финансирование пенсий поколения Б, либо эти издержки могут быть перенесены на будущие поколения с помощью механизма государственного займа. Способ покрытия издержек можно изменить, но их размер остается неизменным. И опять мы видим, что выходом из этого тупика может стать только ускорение экономического роста в результате перехода к накопительной системе — что, как было показано ранее, далеко не очевидно⁴¹.

Приспособление к различным рискам

Оценка издержек перехода — лишь один из этапов сравнения распределительной и накопительной пенсионных систем. Вторым элементом является риск; ключевое правило состоит в том, что доходность обеих пенсионных систем должна быть пересчитана с учетом рисков. В простейшем случае для этого достаточно предположить, что нормы доходности облигаций и акций совпадают, хотя при этом занижается ценность систем, не имеющих «внешних» финансовых активов.

Риски в пенсионных системах обоих типов рыночные в то же время являются и политическими рисками. Неэффективные действия государства могут вести к нарастанию рисков. Тем не менее коррективы, вносимые правительством в функционирование пенсионной системы, способны снять по меньшей мере часть рисков индивида. Формализованный анализ таких политических рисков и того, как они различаются в зависимости от типа пенсионной системы, пока не получил достаточного развития.

Контроль уровня административных издержек

Как показывают имеющиеся данные, административные издержки именных счетов выше, и зачастую значительно выше, чем в распределительной системе⁴². Не стоит недооценивать значимость административных издержек. Оценка на основе правдоподобных допущений показывает, что административные издержки в размере 1% от суммы пенсионных накоплений работника в год в итоге сократят общую сумму его пенсионных накоплений примерно на 20%⁴³.

⁴¹ В тексте рассмотрен один из простейших случаев: в частности, не учитываются налоги на прибыль с капитала. Введение таких налогов в модель усложняет анализ, но не отменяет необходимости помнить о наличии выигравших и проигравших при любой пенсионной реформе.

⁴² Данные по Великобритании см. в: [UK Pensions Commission, 2004. Таблица 6.9 и обсуждение в тексте].

⁴³ Подробнее см. главу 3 в: [Barr, Diamond, 2008].

Промежуточные выводы

Оценивая предложения по проведению пенсионной реформы, аналитик прежде всего должен четко указать на существо разбираемого вопроса. Например, в работе [Feldstein, 2005] говорится, что в США система социального страхования сокращает сбережения. Анализ заключается в сравнении двух устойчивых состояний — текущей экономической ситуации в США и гипотетического состояния экономики США в случае, если бы существовала накопительная пенсионная система. Поэтому на самом деле в этой работе обсуждается вопрос о том, как благосостояние в устойчивом состоянии А отличается от благосостояния в устойчивом состоянии Б. В настоящей статье вопрос ставится иначе: как изменится благосостояние при переходе от устойчивого состояния А к устойчивому состоянию Б? Обе постановки вопроса (и оба варианта ответов) правомерны, однако подменять ответ на один из них ответом на другой будет ошибкой.

Вывод состоит не в том, что политика перехода к накопительной системе всегда неправильна, а в том, что желательность такого перехода невозможно оценить на основе одного лишь простого сопоставления нормы прибыли прежней и новой пенсионных систем.

- Принимая решение о переходе от распределительной к накопительной системе, необходимо надлежащим образом учитывать издержки (их масштаб и распределение) перехода от одного устойчивого состояния к другому, различия в уровне и характере рисков, а также различия в масштабе административных издержек.
- Необходимость всех перечисленных поправок сохраняется и в гипотетическом случае создания пенсионной системы «с нуля», когда вместо проблемы издержек перехода возникает проблема выбора — гарантировать пенсии людям, уже прекратившим работу, или тем, кто еще продолжает трудиться.

Как отмечает Э. Аткинсон, критики социального государства склонны говорить только о затратах на его поддержание, забывая о предоставляемых им выгодах:

«Склонность экономистов подчеркивать негативные экономические последствия социального государства следует из их теоретических концепций... которые по-прежнему опираются на модель совершенной конкуренции и совершенного равновесия на рынках. [Поэтому] в данной теоретической схеме нет места всем тем искажениям, для сглаживания которых и создается социальное государство... Сама цель создания структур социальной защиты выпадает из данной теоретической модели [Atkinson, 1999. P. 8].»

В нашем случае вывод в точности тот же: выигрыш от перехода к накопительной системе следует соотносить с сопутствующими такому переходу издержками.

4. ВОПРОСЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ**4.1. Разделение рисков**

В вариантах пенсионных схем, рассмотренных в *разделе 1*, по-разному распределяются риски.

В схеме с установленными взносами размер пенсии (при данной продолжительности жизни и т. д.) определяется размером индивидуальных пен-

сионных накоплений. Таким образом, все рассмотренные выше риски несет индивид: риски макроэкономических и демографических шоков, политические и управленческие риски, риски инвестирования и рынка аннуитетов.

В схемах с установленными выплатами риски распределяются шире. *По факту*, пенсия зависит от размера заработной платы до момента выхода на пенсию. Пенсионные взносы наемного работника, как правило, составляют некую часть его заработка. Поэтому риск изменения нормы прибыли пенсионных активов несет работодатель, затем разделяя его с нынешними работниками предприятия (за счет изменения заработной платы), акционерами и налогоплательщиками (за счет изменения прибыли), клиентами предприятия (за счет изменения цен) и (или) с теми, кто работал или будет работать на предприятии, если компания направляет дополнительные средства, вырученные в один период, на увеличение пенсий в другой период.

Социальное страхование еще основательнее распределяет риски. Издержки нежелательных исходов могут нести: пенсионеры — за счет снижения ежемесячных пенсий или сокращения периода их получения, плательщики взносов — за счет их увеличения, либо будущие поколения пенсионеров или плательщиков взносов (если пенсионный фонд может прибегать к заемным средствам).

Если для финансирования пенсий хотя бы отчасти привлекаются средства налоговых поступлений, то риски несут пенсионеры (в случае, если сокращаются ежемесячные пенсии либо продолжительность получения пенсии) или плательщики взносов, или налогоплательщики в настоящий момент либо (посредством государственных заимствований) в будущем.

В двух последних случаях функция распределения рисков в явном виде заложена в институциональной структуре, а не реализуется «по горячим следам».

4.2. Распределение бремени между поколениями

Поскольку потребление и инвестиции в сумме увеличивают национальный доход, политика по повышению национальных сбережений приведет к сокращению потребления. Напротив, политика по предоставлению пенсий прекращающим работу нацелена на увеличение их потребления и, соответственно, сокращает инвестиции при том же объеме совокупного выпуска. Поэтому повышение пенсий подразумевает сокращение сбережений — это закономерный эффект, а не неприятная случайность. Если дополнительные ресурсы, созданные за счет увеличения сбережений, направляются на увеличение будущих выплат или на сокращение будущих взносов, то будущее потребление увеличится. Подобная политика, таким образом, перераспределяет ресурсы между когортами. Чтобы оценить, стоит ли проводить такую политику, необходимо учитывать не только отдачу от дополнительного капитала, но и прирост потребления, который имел бы место в отсутствие мер по увеличению сбережений. Кроме того, необходимо рассмотреть, как между различными когортами распределяется сокращение текущего и прирост будущего потребления.

В частности, рассмотрим следующую ситуацию: размер текущих взносов увеличивается с тем, чтобы снизить его в будущем. Потребление работников, выплачивающих более высокие взносы, сокращается. Потребление работни-

ков будущих поколений, чьи взносы ниже, увеличивается. Как нам оценить это перераспределение от нынешнего к будущим поколениям занятых? Тут есть три возможности для сравнений.

- Насколько для каждого работника значимы изменения в уровне потребления? При снижающейся предельной полезности чем выше уровень потребления, тем ниже ценность каждого последующего повышения. Таким образом, в условиях быстрого роста перенос потребления в будущее окажется менее ценным, чем в условиях более медленного роста. Аналогично в стране с высокой нормой сбережений уровень потребления в отношении к доходу будет низким. Если в будущем норма сбережений снизится (по мере того, как в стране распространяются более высокие стандарты потребления), то увеличение потребления снова приведет к уменьшению выигрыша от откладывания потребления на будущее.
- Чем выше потребность страны в инвестициях, тем выше будет предельный продукт капитала — в том случае, если рынки достаточно развиты, чтобы принять эти инвестиции. Но в стране с высокой нормой сбережений и, соответственно, инвестирования, инвестиции, скорее всего, уже осуществляются на самых выгодных условиях, так что дополнительное увеличение отдачи от еще более высокой нормы сбережений может оказаться незначительным.
- Наконец, чистое общественное перевзвешивание [ценности потребления. — *Прим. пер.*] различных когорт: обычно дисконтирование производится по когортам, также дисконтируется потребление на протяжении жизни работника.

Таким образом, увеличение национальных сбережений путем повышения взносов либо сокращения пенсий перераспределяет ресурсы в пользу будущих поколений. Эти перераспределительные эффекты необходимо принимать во внимание при экспертной оценке проектов пенсионной реформы.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеемся, что нам удалось убедить читателя в том, что анализ предложений по реформированию пенсионной системы — непростая задача и что чрезмерно упрощенные и неполные сравнения не годятся для понимания ситуации в пенсионной сфере.

Наши основные тезисы следующие.

- Пенсии — многоцелевой инструмент. Вес целей может различаться, однако все они должны приниматься во внимание при разработке пенсионной политики.
- В мире «единственного оптимума» проводить пенсионную политику было бы просто, однако перенос ее в мир, где существуют несовершенства рынка, приведет к нежелательным последствиям. Поэтому в *разделе 2* настоящей статьи мы рассматривали воздействие пенсионной системы на рынок труда в контексте «приемлемого компромисса» между необходимостью реализации противоречивых целей.
- Переход от распределительной к накопительной пенсионной системе может иметь как положительные, так и отрицательные социально-

экономические последствия в зависимости от условий конкретной страны. Изучая каждый из случаев такого преобразования, нам следует учитывать издержки перехода из одного устойчивого состояния в другое, вместо того чтобы просто сравнивать два устойчивых состояния. Также необходимо принимать во внимание различия в рисках и значительные различия в издержках администрирования различных схем пенсионного обеспечения. Кроме того, необходимо учитывать перераспределительные эффекты — внутри поколения и межпоколенческие, включая распределение рисков.

ЛИТЕРАТУРА

- Aaron H. J.* The Social Insurance Paradox // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1966. Vol. 32. № 3. P. 371–374. Reprinted in *Barr N.* (ed.). Economic Theory and the Welfare State // Edward Elgar Library in Critical Writings in Economics. 2001. Vol. II. P. 79–82.
- Arenas de Mesa A., Mesa-Lago C.* The Structural Pension Reform in Chile: Effects, Comparisons with other Latin American Reforms, and Lessons // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 1. P. 149–167.
- Atkinson A. B.* The Economic Consequences of Rolling Back the Welfare State. — Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
- Banks J., Smith S.* Retirement in the UK // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 1. P. 40–56.
- Barr N.* Myths My Grandpa Taught Me // Three Banks Review. 1979. No. 124 (December). P. 27–55. Reprinted in *Barr N.* (ed.). Economic Theory and the Welfare State // Edward Elgar Library in Critical Writings in Economics. 2001. Vol. II. P. 83–111.
- Barr N.* Reforming Pensions: Myths, Truths, and Policy Choices. Working Paper WP/00/139. — Washington, DC: International Monetary Fund, 2000. Available at <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2000/wp00139.pdf>
- Barr N.* The Welfare State as Piggy Bank: Information, Risk, Uncertainty and the Role of the State. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Barr N., Diamond P.* Reforming Pensions: Principles and an Application to China. — Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Barr N., Rutkowski M.* Pensions // *Barr N.* (ed.). Labor Markets and Social Policy: The Accession and Beyond. — Washington DC: The World Bank, 2005. P. 135–170.
- Belan P., Pestieau P.* Privatizing Social Security: A Critical Assessment // The Geneva Papers on Risk and Insurance-Issues and Practice. 1999. Vol. 24. P. 114–130.
- Boersch-Supan A. H.* The German Public Pension System: How it will Become an NDC System Look-alike // *Holzmann R., Palmer E.* (eds). Pension Reform: Issues and Prospects for Non-financial Defined Contribution (NDC) Schemes. — Washington, DC: World Bank, 2006. P. 573–610.
- Boersch-Supan A. H., Winter J. K.* Population Aging, Savings Behavior and Capital Markets // NBER Working Paper No. 8561. 2001. October.
- Breyer F.* On the Intergenerational Pareto Efficiency of Pay-As-You-Go Financed Pension Systems // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1989. Vol. 145 (December). P. 643–658.
- Burtless G.* Social Security Privatization and Financial Market Risk // *Ihori T., Tachibanaki T.* (eds). Social Security Reform in Advanced Countries. — London: Routledge, 2002.
- Diamond P. A.* Social Security Reform. — Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Diamond P. A.* Social Security // American Economic Review. 2004. Vol. 94. № 1. P. 1–24.

Diamond P. A., Orszag P. R. Saving Social Security: A Balanced Approach. — Washington, DC: The Brookings Institution, 2004.

Diamond P. A., Orszag P. R. Saving Social Security // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. № 2. P. 11–32.

Feldstein M. S. The Missing Piece in Policy Analysis: Social Security Reform // *American Economic Review*. 1996. Vol. 86 (May). P. 1–14.

Feldstein M. S. Rethinking Social Insurance // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. № 1. P. 1–24.

Geanakoplos J., Mitchell O. S., Zeldes S. P. Social Security Money's Worth // *O. S. Mitchell, R. J. Myers, H. Young* (eds). *Prospects for Social Security Reform*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999.

Hills J. A New Pension Settlement for the Twenty-first Century? The UK Pensions Commission's Analysis and Proposals // *Oxford Review of Economic Policy*. 2006. Vol. 22. № 1. P. 113–132.

Holzmann R., Hinz R. Old Age Income Support in the 21st Century: An International Perspective on Pension Systems and Reform. — Washington, DC: The World Bank, 2005.

New B. Paternalism and Public Policy // *Economics and Philosophy*. 1999. Vol. 15. P. 63–83.

Orszag P. Individual Accounts and Social Security: Does Social Security Really Provide a Lower Rate of Return? — Washington, DC: Center on Budget and Policy Priorities, 1999. Available at <http://www.cbpp.org>

Orszag P., Stiglitz J. E. Rethinking Pension Reform: 10 Myths About Social Security Systems // *Holzmann R. et al.* (eds). *New Ideas About Old Age Security: Toward Sustainable Pension Systems in the 21st Century*. — Washington, DC: The World Bank, 2001. P. 17–62.

Palmer E. What is NDC? // *Holzmann R., Palmer E.* (eds). *Pension Reform through NDCs: Issues and Prospects for Non-Financial Defined Contribution Schemes*. — Washington, DC: World Bank, 2006. P. 17–34.

Samuelson P. A. An Exact Consumption — Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money // *Journal of Political Economy*. 1954. Vol. 66. № 6. P. 467–482. Reprinted in *Barr N.* (ed.) *Economic Theory and the Welfare State* // *Edward Elgar Library in Critical Writings in Economics*. 2001. Vol. II. P. 63–78.

UK Pensions Commission. *Pensions: Challenges and Choices: The First Report of the Pensions Commission*. London: TSO, 2004. Available at <http://www.webarchive.org.uk/wayback/archive/20070801230000/http://www.pensionscommission.org.uk/publications/2004/annrep/index.html>

UK Pensions Commission. *A New Pension Settlement for the Twenty-first Century: Second Report of the Pensions Commission*. London: TSO, 2005. Available at <http://www.webarchive.org.uk/wayback/archive/20070801230000/http://www.pensionscommission.org.uk/publications/2005/annrep/annrep-index.html>

РОССИЙСКАЯ ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА: КУДА ИДТИ ДАЛЬШЕ?

Синявская О. В., к. э. н., заместитель директора Независимого института социальной политики (НИСП)

В статье анализируется развитие пенсионного обеспечения в современной России — на уровне законодательства, проектов пенсионной реформы и фактического положения населения в пенсионной сфере. Обсуждаются также будущие вызовы пенсионной системе — демографические и социально-экономические. По мнению автора, главные проблемы российской пенсионной реформы связаны не столько с тем, что ей не удалось построить (обязательные пенсионные накопления), сколько с тем, что ей не удалось изменить — низкий фактический пенсионный возраст, сильный государственный патернализм в пенсионной сфере, пассивность населения. Эти проблемы будут усугублять кризис в пенсиях независимо от того, какими окажутся внешние экономические и демографические условия.

Очевидно, что реформа 2002 г. не задалась: спустя 8 лет после ее начала обязательства по выплате пенсий все больше отрываются от величины страховых поступлений, доходность обязательных пенсионных накоплений в лучшем случае покрывает величину инфляции, не оставляя надежд на рост пенсий у будущих поколений пенсионеров, а нынешние пенсии (даже после невероятных усилий по их увеличению) остаются лишь инструментом преодоления бедности, практически не отражая прежний трудовой вклад их получателей.

Очередной кризис в российской пенсионной системе по времени совпал с мировым финансово-экономическим кризисом и новым витком мировой дискуссии о будущем пенсионных систем¹. Крах финансовых рынков спровоцировал значительные потери в пенсионных накоплениях по всему миру и неизбежно усилил накапливавшееся разочарование в идеях накопительного финансирования пенсий.

С перспективы сегодняшнего дня пенсионные системы, созданные в послевоенный период, кажутся такими стабильными и привлекательными, что возникает соблазн вернуться к старым испытанным рецептам. Однако, как известно, «дважды войти в одну и ту же реку невозможно». Пенсионные системы, действовавшие в развитых странах мира в конце XX столетия, окончательно оформились в период «славного тридцатилетия» — уникального по сочетанию демографических и социально-экономических факторов

¹ См. публикуемые в настоящем выпуске SPERO: теоретическую дискуссию о пенсионных системах в статье Н. Барра и П. Даймонда, а также обсуждение влияния кризиса на практические шаги в пенсионной сфере в различных государствах в обзорной статье А. Бабкина.

периода в развитии стран Европы и США. К числу этих факторов следует отнести молодое и растущее население, относительно низкую дифференциацию доходов, небывало высокие темпы экономического роста, в основе которого лежал рост в промышленности, и практически всеобщую занятость. Большинство этих условий осталось далеко в прошлом, что и заставляет внешне благополучные страны искать новые рецепты обустройства пенсионных систем. Трудности в поиске таких рецептов связаны с высокой зависимостью пенсионных систем от первоначально выбранного пути: изменять их правила оказывается намного труднее, чем создавать с нуля.

Предмет данной статьи — развитие пенсионной системы в современной России. Мы утверждаем, что главные проблемы российской пенсионной реформы связаны не столько с тем, что ей не удалось построить (обязательные пенсионные накопления), сколько с тем, что ей не удалось изменить — низкий фактический пенсионный возраст, сильный государственный патернализм в пенсионной сфере, пассивность населения. Эти проблемы будут усугублять кризис в пенсиях независимо от того, какими окажутся внешние экономические и демографические условия.

Вместе с тем без учета характера внешних и внутренних вызовов российской пенсионной системе попытки отыскать чудодейственные рецепты ее спасения в прошлом — успешных «консервативных» моделях развитых стран — так же обречены на провал, как и попытки заимствовать на первый взгляд удачные пенсионные инновации. В статье показано, что особенностью развития пенсионного обеспечения в России выступает постоянное несоответствие между декларируемыми целями его существования (страховой характер) и реальной динамикой пенсионных выплат (пособия по бедности). Это несоответствие отчасти связано с особенной конфигурацией вызовов, стоящих перед российской пенсионной системой, отчасти — с отсутствием социальной базы поддержки системной пенсионной реформы. Внутренняя противоречивость декларируемых и фактических задач пенсионной системы ведет к внутренней противоречивости ее инструментов. А постоянные колебания курса пенсионной реформы не способствуют выработке доверия работников и работодателей к государственным инициативам в этой сфере.

С КАКИМ ПЕНСИОННЫМ БАГАЖОМ РОССИЯ ВСТУПИЛА В РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ?

Коридор возможностей реформирования российской пенсионной системы был в значительной степени задан нормами пенсионного обеспечения, которые она унаследовала от советской системы. Это справедливо в отношении многих реформ и многих стран, однако странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) расстаться с наследием социализма было проще из-за однозначно негативной интерпретации этого прошлого и мощной общественной поддержки проводимых реформ после обретения независимости. К тому же для многих из них перспективы вхождения в объединенную Европу задавали новый вектор развития. В России эти условия отсутствовали, а пенсионное законодательство, с которым она вошла в 1990-е гг., было разработано еще до начала экономических преобразований и, в целом, сохраняло правила пенсионного обеспечения, действовавшие в СССР.

Советская пенсионная система создавалась в определенной степени по «образу и подобию» немецкой модели Бисмарка — с ее акцентом на социальное страхование работников, связь выплат с заработками, неодинаковые условия пенсионного обеспечения для различных категорий работающего населения. Это позволяло воспроизводить в пенсионном обеспечении неравенство статусов, существовавшее в обществе в целом, в частности пенсионное обеспечение колхозников, появившееся позднее, было скромнее, чем у рабочих и служащих, а лиц, имевших заслуги перед государством, поощряли более высокими персональными пенсиями. Кроме того, некоторые категории занятых имели право на более ранний выход на пенсию. Все это приводило к фрагментарности пенсионной системы, за рамками которой оставались незанятые категории населения и, более того, все не работавшие по найму на государственных предприятиях.

Вместе с тем, в отличие от европейских аналогов модели Бисмарка, в СССР работники совсем не участвовали в финансировании пенсий, а взносы работодателей были небольшими (от 4% до 12% фонда оплаты труда в зависимости от отрасли). В результате к 1980-м гг. доля дотаций из союзного бюджета в бюджете государственного социального страхования достигала уже 60% [Соловьев, 2001. С. 15].

Кроме того, уровень пенсионного обеспечения в СССР оставался низким даже по сравнению с другими социалистическими странами [van Ginneken, 1996. Р. 137]. Размер пенсии устанавливали человеку один раз, и он не менялся, как бы не росла заработная плата или не увеличивалась стоимость жизни. Поэтому, по данным исследований уровня жизни, проведенным в 1980-е гг., до 80% бедных в СССР были пенсионерами, причем старших возрастов [Баскаков, Баскакова, 1998; Из выступления М. А. Жожиной..., 1994]. Социально-приемлемый уровень благосостояния пожилых достигался благодаря тому, что пенсии дополнялись широко развитой системой социальных льгот.

Закон о государственных пенсиях в РСФСР 1990 г., который действовал в России на момент начала экономических преобразований, представлял собой попытку, с одной стороны, усилить принципы социального страхования в пенсиях, а с другой — внедрить в бисмарковскую модель принципы универсальности и всеобщего охвата пенсионным обеспечением. В рамках реализации первой задачи средства пенсионного обеспечения отделялись от средств государственного бюджета, а источником финансирования текущих пенсий становились заметно увеличенные целевые отчисления (страховые взносы) работодателей и — впервые — работников. Кроме того, в формулу расчета пенсий вводились изменения, позволяющие учесть заработок за немного более длительный период и повышающие предельно допустимую дифференциацию пенсий. Наконец, охват пенсионными взносами распространялся на все категории занятых и более широкий перечень доходов.

Универсальность пенсионного обеспечения достигалась, во-первых, за счет введения социальных пенсий для тех, кто не смог заработать на трудовую пенсию. Во-вторых, первоначально в Законе были унифицированы пенсионные права всех категорий занятых, включая работников предприятий разных секторов, различных форм собственности и индивидуальных предпринимателей, священнослужителей и творческих работников. В-третьих, в трудовой стаж были включены так называемые нестраховые периоды, т. е. такие, во время которых человек вынужденно не работал и за него не уплачивались страховые взносы (служба в армии, учеба, нахождение в декретном отпуске и отпуске

по уходу за ребенком, время по уходу за инвалидами I группы, вынужденная незанятость жен военнослужащих или дипломатических работников и т. п.).

Важно, что закон 1990 г. не решал часть уже назревших к тому времени проблем, включая, например, реформирование досрочных пенсий, что впоследствии обернулось расширением их перечня и ростом численности досрочных пенсионеров. Он также не создавал стимулов для более позднего назначения пенсии, поскольку требования к минимальному стажу для назначения полной пенсии и границы общего пенсионного возраста остались неизменными, и одновременно все пенсионеры получили право работать без ограничений доходов. Наконец, участие работников в финансировании своих будущих пенсий оказалось чисто символическим — на уровне 1% от их зарплаток.

Тем более закон 1990 г. оказался не приспособлен для новых экономических условий, в которых страна оказалась начиная с 1992 г. Вся логика приобретения пенсионных прав была выстроена для условий социалистической экономики с ее обязательной и практически всеобщей стандартной занятостью, преимущественно на крупных промышленных предприятиях, находящихся в собственности государства. Расчет трудовых пенсий на основе данных о трудовом стаже и зарплатке, а не уплаченных взносах подразумевал всеобщую готовность платить взносы. Ограничение максимального размера пенсий тремя минимальными базировалось на низкой дифференциации зарплаток в советской экономике. А заложенный в 1990 г. механизм индексации пенсий был предназначен для относительно стабильных экономических условий и низкого уровня инфляции.

ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ «ПЕНСИОННОГО ВОПРОСА»

Проблемы в пенсионной сфере в 1990-е гг. привели, с одной стороны, к изменениям в законодательстве, направленным на решение краткосрочных задач, а с другой — к разработке вариантов долгосрочного реформирования всей системы, завершившихся принятием нового пенсионного законодательства, вступившего в силу с января 2002 г.

Как провести границу между реформой и рутинными поправками в действующее законодательство? В данной статье используется подход, предложенный П. Холлом, согласно которому изменения в политике могут классифицироваться в зависимости от того, затрагивают ли они ее а) базовые принципы и ценности, б) инструменты (методы) и в) точные значения этих инструментов (например, размер страхового тарифа) [Hall, 1993 цит. по Palier, 2006]. Реформы, меняющие лишь значения инструментов, Холл предложил называть инструментальными (1); изменения, вводящие новые методы или инструменты (например, новый порядок индексации пенсий) в экономической литературе часто известны как реформы параметров (2). Наконец, наиболее существенные реформы (3), называемые системными в литературе по пенсиям, или парадигмальными, по Холлу, меняют базовые цели и ценности политики. Холл полагал, что зависимость от ранее выбранного пути (path-dependency) распространяется только на первые два типа реформ. Напротив, по мнению Б. Палье, даже третий, наиболее существенный тип реформ может реализовываться двояко: инновации могут соответствовать логике действующей системы или менять правила игры или даже базовые цели [Palier, 2006].

В рамках данной статьи под пенсионной реформой будет пониматься прежде всего третий — системный, или парадигмальный, тип изменений. Соответственно, в новейшей истории России можно выделить четыре периода развития пенсионной системы²:

- 1) 1991—1994 гг. — пенсионное законодательство остается в рамках пенсионной модели, заданной советским законодательством и законом 1990 г., а его изменения, преимущественно инструментальные, направлены на компенсацию социальных потерь экономической трансформации;
- 2) 1995—2001 гг. — ведется поиск вариантов пенсионной реформы, проводятся первые изменения параметров пенсионного обеспечения;
- 3) 2002—2004 гг. — реализация системной пенсионной реформы 2002 г., выстраивание новых институтов пенсионного обеспечения;
- 4) 2005 — настоящее время — смена приоритетов в пенсионном обеспечении, завершившаяся принятием поправок к пенсионному законодательству в 2008—2010 гг., изменивших ход пенсионной реформы.

Кратко охарактеризуем каждый из периодов и попытаемся затем ответить на вопрос, насколько серьезными оказались изменения в пенсионном законодательстве последних двух лет.

Первая половина 1990-х гг.

В этот период пенсионный вопрос не находился в числе приоритетов правительства, перед которым стояли более насущные проблемы формирования рыночной экономики и финансовой стабилизации. Пенсионная система рассматривалась как инструмент компенсации потерь, сопровождающих радикальную трансформацию российской экономики. Но именно на этом этапе обнажилась уязвимость модели пенсионной системы, основанной на страховых принципах, перед лицом новых нетипичных рисков в экономике и на рынке труда — сокращения числа стабильных стандартных рабочих мест, расширения сегмента экономически неактивного населения, падения реальной заработной платы, выступающей источником страховых доходов Пенсионного фонда России (ПФР).

Ответом на сокращение числа рабочих мест, причем не столько реальное, сколько ожидаемое, стало существенное расширение прав на досрочные пенсии, во многом заложившее предпосылки для будущей несбалансированности финансов пенсионной системы. При этом отсутствие четких, научно обоснованных критериев установления такого рода льгот привело к тому, что до 30% работников, имеющих право на досрочную пенсию в связи с особыми условиями труда, трудится на местах с нормальными условиями³. Фактически, на пенсионную систему неявно возложили функцию компенсировать потери не только пенсионеров, но и определенной части трудоспособного населения (выплата пенсий за выслугу лет, сохранение пенсий работающим пенсионерам, выплата пенсий лицам, досрочно покинувшим рынок труда в связи с ростом открытой безработицы, и пр.).

² Подробнее об истории пенсионной реформы в России см.: [Синявская, 2010; Малева, Синявская, 2005].

³ Оценки ПФР, приведенные в Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации 1995 г.

Попытки балансировать бюджет ПФР за счет ежегодного пересмотра страхового тарифа в условиях роста числа реципиентов пенсионной системы привели к росту этого тарифа. Это не могло не повлиять на расширение теневых отношений в сфере занятости и рост задолженности предприятий по уплате пенсионных взносов. Государство также оказалось должником по исполнению своих обязательств в пенсионной системе. В результате решение задачи борьбы с бедностью пенсионеров в условиях жестко лимитированных ресурсов пенсионной системы привело к отрыву фактических условий назначения пенсий от прописанных в законе. Таким образом, уже на этом этапе обозначился разрыв между декларативно-страховым характером российской пенсионной системы и ее реально собесовским содержанием — пенсий стало много, но почти одинаковых.

Вторая половина 1990-х гг.

На этом этапе пенсионный кризис принял открытую форму — дефицит бюджета ПФР привел к появлению задолженности по выплате пенсий. Как следствие, развитие государственного подхода к регулированию пенсионных вопросов шло в двух плоскостях. С одной стороны, принимались решения, позволяющие быстро улучшить текущую ситуацию в пенсионной сфере. С другой — велся поиск вариантов пенсионной реформы, базовыми принципами которой выступали достижение, во-первых, финансовой сбалансированности бюджета ПФР, а во-вторых, более тесной связи между пенсионными взносами и выплатами.

Ранее взятый курс на решение за счет пенсионной системы проблем рынка труда в определенной степени был продолжен. Так, были существенно расширены права на досрочную пенсию по выслуге лет, в состав которых включили теперь педагогическую деятельность в школах и медицинскую деятельность в сельской местности, причем получатели пенсий за выслугу лет могли сохранять занятость на том же рабочем месте.

Тем не менее следует отметить, что «тушение пожара» в пенсионной сфере во второй половине 1990-х гг. отличалось от действий Правительства в первые годы экономических реформ. Не меняя принципиально действующую парадигму пенсионного обеспечения, государство создавало в ней новые инструменты. В частности, постепенно внедрялась система персонифицированного учета, позволяющая оценивать величину реального вклада человека в пенсионную систему. Эта система, не влиявшая ни на один параметр пенсионного обеспечения, создавала, однако, задел на будущее, позволявший впоследствии переходить к более серьезным изменениям пенсионной формулы.

Одновременно произошел переход на новые правила расчета пенсий, которые были введены параллельно к нормам закона 1990 г. Следует отметить, что введение расчета пенсий на основе использования так называемого индивидуального коэффициента пенсионера по праву можно отнести к изменениям второго порядка, в терминологии Холла. Этот подход был попыткой вернуться к принципам социального страхования в расчете пенсий в условиях низкой ответственности налогоплательщиков и масштабной неформальной занятости. Его целью выступало достижение финансовой сбалансированности ПФР, не нарушающее принципов взаимосвязи между реальным трудовым вкладом и пенсией человека. Поэтому прямые ограничения максимального

размера пенсии заменялись на косвенные, при которых ограничивался предельный размер заработков, учитываемых в расчете пенсий. Из учитываемого стажа убрали нестраховые периоды, в течение которых, очевидно, не происходило уплаты пенсионных взносов. В расчете использовался особый показатель средней заработной платы, устанавливаемый Правительством России, который отражал величину фактической заработной платы, с которой платились пенсионные взносы. Наконец, пенсию, рассчитанную по новым правилам, могли получать только неработающие пенсионеры. Эти правила вызвали немало критики и обращений пенсионеров в суд. Вместе с тем следует признать, что в условиях жестких бюджетных ограничений, в которых действовала пенсионная система во второй половине 1990-х гг., предложенное решение имело больше плюсов, нежели минусов.

В вопросах долгосрочного развития пенсионной системы выбор совершался между рационализацией существовавшей модели социального страхования и переходом к новой «многоуровневой» парадигме пенсионного обеспечения, предполагавшей внедрение накопительных принципов финансирования пенсий. Первый подход к пенсионной реформе был отражен в *Концепции реформы пенсионного обеспечения в Российской Федерации*, утвержденной в 1995 г.⁴ Второй — в его наиболее радикальном варианте, максимально близком к 3-уровневой модели Всемирного банка, — *Концепции пенсионной реформы*, подготовленной в 1997 г. Министерством труда и социального развития России, либо в более смягченном, «европейском», варианте — утвержденной Правительством *Программе пенсионной реформы* 1998 г.

Оба подхода к реформированию пенсионной системы признают проблему низкого фактического пенсионного возраста и предлагают реформировать институт досрочных пенсий путем перевода их в дополнительные профессиональные пенсионные системы, финансируемые за счет отдельных — сверх общего тарифа — взносов работодателей (и, возможно, работников). Более того, в обоих вариантах пенсионной реформы так или иначе признавалась неизбежность повышения общеустановленного пенсионного возраста, хотя и в отдаленной перспективе. Также во всех документах проводится мысль о важности развития дополнительного негосударственного пенсионного обеспечения, которое в будущем могло бы играть роль важного источника доходов пенсионеров наряду с государственными пенсиями.

Основные отличия между двумя моделями пенсионной реформы связаны, во-первых, с тем, как должны финансироваться трудовые пенсии, во-вторых, с порядком расчета выплат и, в-третьих, со степенью перераспределения в пенсионной системе.

В *Концепции 1995 г.* полностью сохраняется действовавший на тот момент принцип финансирования пенсионных выплат на основе текущих поступлений страховых взносов (распределительное финансирование). Кроме того, предлагалось, по крайней мере какое-то время, сохранить и расчет пенсий исходя из данных о заработной плате за 60 месяцев работы и общей продолжительности страхового стажа. Таким образом, ни экономические, ни социальные базовые принципы пенсионного обеспечения не менялись. В экономических терминах система оставалась распределительной, с уста-

⁴ Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации / Одобрена Постановлением Правительства РФ от 07.08.1995 № 790.

новленными взносами, а в социальных — в ней по-прежнему доминировали принципы социального страхования.

В *Программе 1998 г.* вводились две важные новации — смешанное распределительно-накопительное финансирование трудовых пенсий и расчет будущих пенсионных выплат на основе данных о пенсионных отчислениях за весь период страхового стажа (так называемые системы с установленными взносами). Несмотря на то что основу пенсионной системы должны были также составлять трудовые пенсии, заработанные их владельцами прежним участием в пенсионной системе, внедрение накопительных принципов означало отход от модели государственного социального страхования. Это происходило, во-первых, за счет перераспределения ответственности за будущие пенсии от государства к рынку (появление частных финансовых институтов как полноправных участников обязательного пенсионного обеспечения и инвестирование пенсионных накоплений на финансовых рынках). Во-вторых, за счет уменьшения степени внутри- и межпоколенного перераспределения в пенсионной системе.

В *Концепции 1995 г.* внутрипоколенное перераспределение обеспечивалось институтом базовых пенсий, дифференцированных только по степени утраты трудоспособности, а также введением максимального порога заработка для уплаты взносов на уровне 150% средней заработной платы. При этом источником финансирования и базовой, и трудовой пенсии выступали отчисления с заработной платы. Кроме того, для лиц, не сумевших заработать права на трудовую пенсию, сохранялись социальные пенсии, финансируемые из федерального бюджета. *Программа 1998 г.* предусматривала значительно меньшее по масштабам внутрипоколенное перераспределение. На это были нацелены только социальные пенсии неработающим, а также ограничение максимального размера заработка, с которого должны были взиматься пенсионные взносы. Более того, *Программа 1998 г.* предусматривала резкое сокращение гендерного перераспределения в пенсионной системе, за счет того, что в расчете трудовых пенсий должна была учитываться гендерно-специфическая продолжительность жизни мужчин и женщин в момент выхода на пенсию. Межпоколенное перераспределение в пенсионной системе, выстраиваемой согласно предложениям 1998 г., также было меньше, чем в варианте 1995 г., поскольку средства обязательных пенсионных накоплений резервировались за их владельцами и не выплачивались действующим пенсионерам.

Таким образом, модель пенсионной реформы образца 1998 г. означала существенный отход от действовавших правил пенсионного обеспечения. Ее принятие было обусловлено, с одной стороны, крайне неблагоприятными макроэкономическими и бюджетными условиями, в которых находилась страна (структурный экономический кризис, постоянный дефицит ПФР при дефиците федерального бюджета, низкий уровень пенсий и периодически возникающая задолженность по их выплате). С другой стороны, свою роль сыграли политико-экономические факторы: популярность идей либерализма, успех радикальной пенсионной реформы в Чили и распространение накопительных пенсионных моделей в других странах, а также влияние международных финансовых институтов и прежде всего Всемирного банка, которому принадлежит авторство многоуровневой концепции пенсионной системы и от займов которого в то время зависела страна.

Начало пенсионной реформы 2002 г.

Мы так подробно остановились на моделях пенсионной реформы, обсуждавшихся в 1990-е гг., поскольку направления пенсионной реформы в 2000-е гг. во многом были заданы Концепцией 1995 г. и Программой 1998 г. Финансово-экономический кризис 1998 г. отложил запланированный на 1999 г. старт пенсионной реформы. Однако последовавший за ним период восстановления экономики и погашения долгов по выплате заработной платы, пенсий и уплате налогов сделал возможным не только повышение реального размера пенсий, но и формирование резерва в ПФР. Таким образом, макроэкономические и бюджетные условия накануне старта реформы 2002 г. были уже иными.

У реформы 2002 г. было три официальных цели: (1) усилить страховые принципы, т. е. обеспечить более тесную связь между зарплатой и взносами, с одной стороны, и пенсиями — с другой; (2) поднять реальный размер пенсий и (3) обеспечить финансовую устойчивость и сбалансированность пенсионной системы. Однако если в 1998 г. важнее всего было сбалансировать доходы и обязательства пенсионной системы, то к 2002 г. благодаря сформированному резерву эта задача отошла на второй план. В результате необходимость идти на большие политические жертвы ради финансовой стабильности пенсионной системы отпала.

Поэтому хотя новое пенсионное законодательство, принятое в 2002 г., во многом опирается на решения 1998 г., оно сохраняет более сильный элемент перераспределения внутри одного поколения, чем планировалось ранее. Главным образом это перераспределение осуществляется за счет введенных реформой 2002 г. базовых частей трудовой пенсии, размер которых дифференцирован лишь в зависимости от степени утраты трудоспособности, возраста (80 лет и старше) и наличия иждивенцев. Кроме того, более значительный элемент перераспределения появился в частях трудовой пенсии, зависящих от заработка, — страховой и накопительной. Так, условный пенсионный капитал (сумма взносов на страховую часть пенсии плюс индексация) при расчете пенсии делится на зафиксированный в законе период получения пенсии, который после окончания переходного периода (с 2013 г.) составит 19 лет для мужчин и женщин, что, конечно, защищает женщин от резкого снижения уровня жизни на пенсии, но одновременно сохраняет перераспределение пенсионного фонда от мужчин к женщинам. Это усиление перераспределения внутри пенсионной системы отражает необходимость поддерживать уровень жизни существенной части пенсионеров, имевших в прошлом низкие трудовые доходы, и возросший уровень финансовой обеспеченности пенсионной системы.

По-другому оказался организован и накопительный элемент пенсионного обеспечения. В частности, пенсионная реформа 2002 г. предоставила работникам возможность оставаться по умолчанию в государственной управляющей компании, чей портфель был заведомо более консервативным, чем инвестиционные портфели частных управляющих компаний и негосударственных пенсионных фондов (НПФ). К тому же российские пенсионные накопления, так же как и другие средства пенсионной системы, остались в собственности РФ. Таким образом, в отличие от предложений 1998 г. реформа 2002 г. изначально предполагала меньшее перераспределение управления пенсионными средствами от государства к частным структурам.

Особо следует подчеркнуть, что более благоприятные экономические условия начала 2000-х гг. привели к тому, что часть назревших проблем прежней пенсионной системы, которые были в центре внимания предложений как 1995,

так и 1998 г., в реализуемой с 2002 г. реформе решения не нашли. Во-первых, работники оказались полностью отстранены от уплаты пенсионных взносов — так, как это было в СССР; финансирование пенсионной системы было возложено на работодателей и федеральный бюджет. Во-вторых, остается нерешенной проблема избыточных обязательств пенсионной системы. Вопрос о возможном повышении общеустановленного пенсионного возраста был официально закрыт, тогда как реформирование льготных пенсий благодаря лоббистским усилиям работодателей отложено на неопределенную перспективу. При этом в полном объеме осуществляется выплата пенсий работающим пенсионерам. Более того, в течение первых лет реализации реформы 2002 г. вернули районные коэффициенты лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях, на весь период проживания в указанных местностях, расширили перечень категорий, попадающих под действие закона о государственном пенсионном обеспечении. Иными словами, новая пенсионная система оказалась не защищена от тех же проблем роста пенсионных обязательств, что и прежняя.

Кроме того, в момент начала реформы не был четко обозначен механизм покрытия той части пенсионных доходов, которые направляются на накопительные счета будущих пенсионеров и, следовательно, не могут быть использованы для выплаты пенсий в текущем периоде. Все страны, которые, как и Россия, имели большие обязательства по выплате текущих пенсий, предусматривали финансирование издержек по внедрению накопительной компоненты пенсий либо за счет доходов от приватизации, либо путем выделения особой строки в бюджете [Хольцман и др., 2005]. То, что такой источник финансирования не был четко указан в российском законодательстве, вскоре послужило причиной проблем в реализации пенсионной реформы. Прежде всего потеря части налоговых доходов для выплаты текущих пенсий обернулась более низкими коэффициентами индексации пенсий. Поскольку параллельно проводилась налоговая реформа, в результате которой снижался эффективный тариф Единого социального налога (ЕСН) — основного источника доходов пенсионной системы, все вместе это привело к отставанию роста пенсий от роста заработных плат. Покупательная способность пенсий также не росла: средняя пенсия варьировала в районе прожиточного минимума пенсионера (ПМП).

2005–2010 гг. — смена приоритетов?

Развитие российской пенсионной реформы во второй половине «нулевых» оказалось под воздействием следующих крупных факторов: (1) монетизации льгот, начатой в 2005 г.; (2) налоговой реформы начала 2000-х гг.; (3) недочетов в новом пенсионном законодательстве; (4) почти 10-летнего периода экономического роста и (5) финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.

Как уже отмечалось, поступления в пенсионную систему сокращались вследствие расширения числа лиц, уплачивающих взносы на накопительные счета, и снижения эффективного тарифа ЕСН, что уже в первые годы реформы привело к падению соотношения средней пенсии со средней заработной платой. Поэтому когда в 2005 г. Правительство столкнулось с острой негативной реакцией населения, и прежде всего пенсионеров, на программу монетизации льгот, оно было вынуждено в срочном порядке пойти на экстренную индексацию базовой части пенсии, значительно превышающей возможные нормативные пороги ее увеличения по инфляции. В результате пенсионная система оказалась в ситуации текущего дефицита, на покрытие которого были направлены средства федерального бюджета.

Одновременно был создан прецедент изменения пенсионного законодательства в отношении накопительной части пенсии. Из состава ее участников исключили когорту мужчин 1953–1966 и женщин 1957–1966 гг. рождения. Экономический эффект этой меры, как оказалось впоследствии, был крайне незначительным, но население, причем наиболее активная его часть, получило сигнал о возможном произвольном изменении правил игры со стороны государства.

Более медленные темпы роста пенсий по сравнению с заработной платой, с одной стороны, и наличие свободных бюджетных средств в период экономического роста, с другой, способствовали дальнейшему расширению обязательств распределительной пенсионной компоненты. Так, пенсионеры добились права учитывать при расчете пенсии стаж за те периоды работы, когда пенсионные взносы не уплачивались или уплачивались не в полном объеме, что в принципе противоречило страховому характеру пенсионной системы. Одновременно произошло расширение перечня нестраховых периодов, которые могут включаться в расчет пенсии. Пенсионерам, работавшим когда-то в районах Крайнего Севера, было предоставлено право на получение повышенных пенсий в любом регионе РФ.

Наконец, в октябре 2008 г. руководством страны был взят официальный курс на приоритетную поддержку нынешних пенсионеров и тех, кто скоро выйдет на пенсию. Данное решение готовилось еще до начала текущего финансово-экономического кризиса. Но именно в начале кризиса (в октябре 2008 г.) Правительство утвердило Программу совершенствования пенсионной системы. Эта программа содержала несколько инструментов повышения пенсий — уже опробованное опережающее повышение базовой части пенсии (а также страховой — на величину, большую, чем позволяло бы законодательство), а также новый инструмент — переоценку пенсионных прав, заработанных до пенсионной реформы 2002 г. и, особенно, до 1991 г., — так называемую валоризацию.

Валоризация стала наиболее мощным фактором роста пенсий за последние годы. Повышение пенсий коснулось всех граждан, получающих трудовые пенсии по состоянию на 31 декабря 2009 г., у которых при назначении пенсии был учтен общий трудовой стаж до 1 января 2002 г. В результате, средний размер всех пенсий вырос на 942 руб. — с 6177 руб. в декабре 2009 г. до 7119 руб. в январе 2010 г. Вместе с тем анализ законодательства показывает, что, несмотря на резкий рост трудовых пенсий, в том числе по отношению к заработной плате, их дифференциация в результате валоризации, скорее всего, не увеличится. Так же как не усилится и реальная связь пенсий с заработком, поскольку основной упор в переоценке пенсионных прав по-прежнему делается на продолжительность страхового и в еще большей степени — трудового стажа, а не на размер заработной платы.

Кроме того, в 2009–2010 гг. проводилось ускоренное повышение размера социальных пенсий темпами, опережающими индексацию базовой части трудовой пенсии, с целью довести их размер до величины ПМП. Социальные основания такой политики понятны, поскольку семьи с социальными пенсионерами, а часто это семьи с детьми-сиротами, детьми-инвалидами или инвалидами с детства, отличаются высокими рисками бедности. Вместе с тем, поскольку социальная пенсия назначается лицам, не сумевшим заработать права на трудовую пенсию, очевидно, что ускоренное повышение социальных пенсий искажает мотивацию населения в пенсионной системе и создает отрицательные стимулы к формальной занятости. Из текущей ведомственной статистики уже видно, что происходит перемещение пенсионеров из числа получателей трудовых пенсий по инвалидности и потере кормильца в число получателей социальной пенсии.

Наконец, еще одним инструментом борьбы с бедностью пенсионеров стало введение региональных социальных доплат к пенсиям до величины ПМП. В результате с 2010 г. ни один пенсионер в России не получает пенсии на уровне ниже ПМП.

Столь значительный рост пенсий, безусловно, отразился на финансах пенсионной системы: по оценкам самого ПФР, его расходы в 2010 г. должны вырасти до 10% ВВП при том, что в 2007 г. они составляли немногим более 7%. Трансферт из федерального бюджета только на покрытие дефицита ПФР составит почти 3% ВВП.

Финансирование возрастающих расходов ПФР потребовало изменения политики формирования его доходов. С 2010 г. регрессивная шкала ЕСН была заменена плоским тарифом вновь введенных пенсионных взносов. Тариф взносов составил 20% и взимается со всех заработков, чей годовой размер не превышает 415 тыс. рублей. В дальнейшем этот максимальный облагаемый взносами порог заработной платы предполагается индексировать, а саму ставку взносов с 2011 г. поднять до 26% облагаемого фонда заработной платы. Дополнительным источником финансирования дефицита бюджета ПФР остаются средства федерального бюджета.

Таким образом, реализация всех этих мер означает окончательный разворот пенсионной реформы в сторону поддержки нынешних пенсионеров. При этом задача достижения финансовой сбалансированности пенсионной системы — во всяком случае пока — принесена в жертву задаче повышения реального уровня пенсий. Как уже отмечалось, в самом существовании текущего дефицита пенсионной системы в период проведения накопительной реформы, в принципе, нет ничего страшного, если предусмотрены надежные источники его финансирования. Так же как, в целом, понятны социальные аргументы повышения уровня жизни пенсионеров в период кризиса. Вопрос, однако, состоит в том, позволит ли устройство пенсионной системы по мере ослабления фактора накопительной реформы постепенно привести в соответствие ее доходы и обязательства.

Другой вопрос связан с тем, каким окажется уровень жизни будущих поколений пенсионеров. Здесь следует отметить два решения: во-первых, в развитие Послания Президента 2007 г. была введена система софинансирования дополнительных пенсионных накоплений. Суть этой инициативы в том, что работнику предоставляется право в дополнение к тем деньгам, которые платит за него в ПФР работодатель, перечислять на свой именной накопительный счет некоторую сумму денег (не менее 2 тыс. руб. в год). В ответ федеральный бюджет увеличит сумму накоплений на такую же величину (но не более 12 тыс. руб. в год). Кроме того, дополнительный взнос на счет работника может сделать работодатель. Все это направлено на увеличение будущей пенсии. Система начала действовать в октябре 2008 г. и рассчитана на 15 лет — в течение первых 5 лет (до 2013 г.) в нее могут вступать все желающие. Бюджет обязуется перечислять дополнительные средства на счета работников на протяжении 10 лет с момента их вступления в эти отношения. Предусмотрена также более щедрая государственная поддержка тех, кто решил участвовать в формировании дополнительных накоплений, отложив выход на пенсию. Спустя год после запуска этой инициативы число участников программы софинансирования пенсионных накоплений составляло 1,6 млн чел., осенью 2010 г. — 3,5 млн чел. (при общей численности занятых в экономике порядка 71 млн чел.).

Во-вторых, с ноября 2009 г. был изменен портфель для инвестирования средств обязательных пенсионных накоплений, оставшихся в государственной

управляющей компании по умолчанию. Теперь деньги «молчунов» инвестируются в расширенный инвестиционный портфель, включающий, помимо государственных ценных бумаг, облигаций российских эмитентов и средств на счетах в кредитных организациях, также ипотечные ценные бумаги, облигации международных финансовых организаций и депозиты. Тем же, кто ориентирован на максимально консервативную стратегию, необходимо написать заявление о выборе менее рискованного портфеля в этой же государственной управляющей компании. Данная мера, аналогичная реализованной, например, в Швеции, направлена на защиту от обесценения пенсионных накоплений лиц, затрудняющихся сделать выбор в накопительной составляющей.

Тем не менее опыт инвестирования обязательных пенсионных накоплений показал, что эта компонента пенсионной системы, очевидно, нуждается в усовершенствовании. И предпринятых шагов недостаточно для того, чтобы ситуация кардинально улучшилась.

Обобщая обсуждение истории пенсионных преобразований в современной России, можно сказать, что реформа 2002 г. заложила фундамент для формирования новой парадигмы пенсионного обеспечения. Это относится и к расчету пенсий на основе пенсионных взносов за всю трудовую карьеру человека, и к финансированию пенсионных обязательств на основе смешанного распределительно-накопительного финансирования. Вместе с тем движение к новой модели пенсионного обеспечения неизбежно сталкивается с трудностями преодоления инерционности развития в русле старой парадигмы. Наиболее трудно поддается реформированию тенденция необоснованного расширения обязательств пенсионной системы — за счет создания особых условий пенсионного обеспечения (будь то возраст или размеры пенсий) для отдельных категорий занятых.

Пенсионная система и население

Главным объектом и субъектом системы пенсионного обеспечения выступает население. В конечном счете финансовая устойчивость пенсионной системы важна лишь постольку, поскольку она позволяет регулярно исполнять обязательства по выплате пенсий и тем самым решать задачи предотвращения бедности и компенсации утраченного заработка в старости. Одновременно так как доходы трудоспособного населения выступают источником выплаты текущих (в случае распределительного финансирования) или будущих (в накопительном финансировании) пенсий, доверие этой части населения к пенсионной системе — важный фактор успешности ее функционирования. Именно поэтому так важно понимать, к каким последствиям для населения привели описанные выше преобразования в пенсионной сфере. Каково положение пенсионеров относительно других социальных групп? Какие ожидания старости формируются у будущих поколений пенсионеров? И насколько пенсионная система отвечает интересам различных слоев населения?

Уровень пенсионного обеспечения дважды за новейшую историю России переживал драматичное — практически двукратное — падение. Первый раз это произошло в 1992 г., второй раз — в 1998 г. В итоге в 1999 г. реальный размер пенсии едва превышал 30% от уровня 1991 г. Темпы роста пенсий, быстрые после кризиса 1998 г., замедлились с 2002 г. В результате преодолеть рубеж до-реформенного 1991 г. в реальном выражении пенсии смогли только в 2010 г.

Тем не менее, согласно результатам многочисленных исследований, пенсионеры отнюдь не относятся к группам повышенного риска бедности [Россия..., 1999; Синавская, 2006]. И уровень, и глубина бедности по располагаемым ресурсам домохозяйств, соотнесенным с величиной прожиточного минимума, в семьях пенсионеров ниже, чем, например, в семьях с детьми. Внутри группы материальное положение пенсионеров дифференцировано по размеру пенсии, трудовой активности, типу семьи и месту проживания [Бедность..., 1998; Россия..., 1999; Синавская, 2006].

Следует понимать, что низкие показатели бедности домохозяйств с пенсионерами — во многом заслуга рынка труда. По данным обследования НОБУС 2003 г., среди «чистых» домохозяйств пенсионеров бедными по критерию располагаемых ресурсов являлись 9% домохозяйств, а среди тех из них, в состав которых входили работающие пенсионеры, лишь 2,7%. Поскольку и масштабы занятости пенсионеров, и размеры заработной платы росли с 2002 г., в настоящее время связь благополучия семей пенсионеров с рынком труда еще сильнее.

Однако тот факт, что пенсионеры оказались единственной социальной группой, чей уровень жизни вырос в период кризиса, следует отнести исключительно на счет пенсионной системы — политики повышения пенсий в 2008–2010 гг. Моделирование изменения материального положения отдельных типов семей показало, что доходы семьи из двух неработающих пенсионеров увеличились в реальном выражении по сравнению с докризисным августом 2008 г. на 6,9% к августу 2009 г. и на 41,4% к августу 2010 г.

При этом, несмотря на формально страховой характер пенсионной системы, российские пенсии вряд ли можно считать связанными с реальным трудовым или страховым вкладом человека. Их дифференциация остается очень низкой: доля универсальной базовой части трудовой пенсии в 2007–2009 гг. заметно превышала 40% среднего размера трудовой пенсии по старости. А основной вклад в неравенство доходов пенсионеров вносит опять-таки занятость. Исследование Независимого института социальной политики (НИСП), проведенное на основе данных второй волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁵, показывает, что пенсионеры имеют возможность попасть в состав средних классов, только сохранив работу (табл. 1)⁶. Пенсия представителей низшего класса лишь немногим меньше средней по выборке, однако среди них почти нет работающих пенсионеров, что и определяет их положение на социальной лестнице.

О том, что сами пенсии в течение всего 20-летия оставались прежде всего инструментом борьбы с бедностью, свидетельствует и то, что на протяжении большей части 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. средний размер пенсии не мог оторваться от величины ПМП (а в 1998–2000 гг. был заметно меньше этой величины). Даже сейчас, после невероятных усилий по повышению пенсий, они в среднем равны 162–169% ПМП.

⁵ Обследование проведено в 2007 г. Независимым институтом социальной политики при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда народонаселения ООН, Сбербанка России, Детского фонда «Виктория» и Фонда Форда. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп». Выборка составила 11 117 респондентов 18–82 лет. Подробнее об исследовании см.: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

⁶ Описание методологии выделения страт см. в работе [Малева, Овчарова, 2008].

Таблица 1. Основные характеристики пенсионеров в разрезе социальных страт, в %

Характеристики	Средний класс	В том числе		Периферия среднего класса	Класс ниже среднего	Периферия бедности	Низший класс	Всего
		ядро среднего класса	полужадро среднего класса					
Удельный вес пенсионеров в страте	14,2	12,2	14,7	17,5	24,4	40,6	68,7	29,5
<i>Различия в медианных размерах пенсии:</i>								
Медиана	109,7	118,3	108,5	103,2	100,9	103,2	96,3	100,0
<i>Для справки: различия в медианных значениях уровня оплаты труда:</i>								
Медиана	157,9	184,2	144,7	111,8	78,9	65,8	39,5	100,0
Доля работающих среди пенсионеров	89,7	91,8	89,1	69,2	39,3	15,0	0,6	30,2

Примечание: оценка занятости пенсионеров осуществлялась по респондентам-пенсионерам (другие члены домохозяйства в расчет не брались).

Социальная терпимость к низкому уровню государственных пенсий «покупается» не только возможностью работать на пенсии, но и ранним возрастом предоставления пенсий. Из статистики известно, что досрочно на пенсию по старости выходит примерно каждый третий пенсионер. В результате, как показывают данные обследований, фактический возраст назначения пенсии оказывается намного ниже общеустановленного и имеет тенденцию к дальнейшему снижению (табл. 2). Таким образом, данные обследований подтверждают вывод, сделанный нами на основе анализа законодательства: российской пенсионной системе не удалось преодолеть тенденцию расширения числа досрочных пенсионеров, что в конечном итоге ведет к сокращению продолжительности страхового стажа.

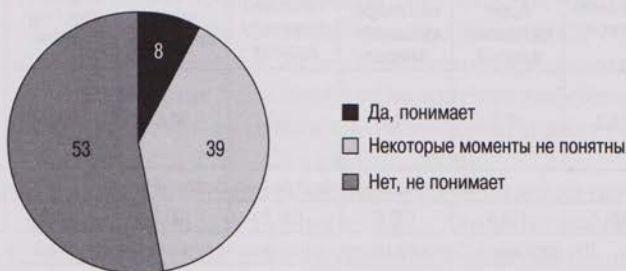
Вместе с тем большинство нынешних работников не верит, что сможет прожить на государственную пенсию. Практически все они собираются дополнять ее какими-то иными источниками доходов. По данным РидМиЖ, основным дополнительным источником доходов в старости, на который рассчитывают лица трудоспособного возраста из низших социальных страт, выступают доходы от трудовой деятельности, и значительно реже — доходы от ЛПХ, собственные сбережения или помощь детей. Представители

Таблица 2. Средний возраст назначения пенсии в зависимости от ее основания, лет

Категория пенсионеров	Средний возраст, лет					
	2004 г.			2007 г.		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Все пенсионеры	53,1	54,5	52,6	52,9	54,0	52,4
Получатели пенсии по старости на общих основаниях	55,4	58,7	54,3	55,5	59,1	54,5
Получатели досрочной пенсии по старости (все основания по закону 173-ФЗ):	50,1	52,4	48,9	48,3	49,1	47,8
Получатели пенсии по инвалидности	44,1	44,8	43,5	46,4	46,9	46,0

Источник: расчеты автора на основе данных первой и второй волн обследования РидМиЖ.

Рисунок 1. Понимает ли респондент, как работает пенсионная система России — приобретаются права на будущую пенсию, происходит назначение и выплата пенсий?

Источник: Данные РидМиЖ-2007.

Примечание: ответы опрошенных 1967 г. рождения и моложе.

Рисунок 2. Каким образом, по мнению респондента, можно улучшить ситуацию в пенсионной сфере?

Условные обозначения: 1 — предложить людям самим делать сбережения на старость; 2 — увеличить пенсионные взносы, в том числе брать их из зарплаты работников; 3 — отменить право выходить на пенсию раньше общепринятого возраста; 4 — повысить пенсионный возраст для пенсии по старости; 5 — выплачивать пенсию только неработающим пенсионерам; 6 — платить всем одинаковую минимальную пенсию, а детей обязать финансово поддерживать родителей; 7 — уменьшить размер пенсии.

Примечание: ответы опрошенных непенсионеров трудоспособного возраста; респондент мог выбрать два варианта ответов, поэтому сумма ответов больше 100%.

Источник: данные РидМиЖ-2007.

средних классов рассчитывают на сочетание большего числа источников доходов в старости. При этом наиболее распространенным по-прежнему остается заработная плата (работать собираются почти все), а также — в значительно большей степени, чем у других страт — собственные сбережения, пенсии от предприятий и индивидуальные частные пенсии (добровольные). Об этом же свидетельствуют и показатели реального охвата разными формами добровольного пенсионного обеспечения: если в средних классах в кор-

поративных или индивидуальных добровольных пенсионных программах участвует около 6–7% работников, то в низших — менее 1%.

Если спроецировать нынешнее развитие государственного и частного пенсионного обеспечения на несколько десятилетий вперед, представив, что государственные пенсии по-прежнему будут исполнять роль прежде всего преодоления бедности, а рынки частных сбережений будут развиваться без каких-либо потрясений, то полученная картинка окажется похожей на ситуацию в странах с либеральной моделью социальной политики. Речь идет об относительно низких и одинаковых государственных пособиях по старости и высоком неравенстве частных доходов пожилых, что в целом ведет к достаточно большим различиям в уровне жизни пенсионеров [Korpi, Palme, 1998].

Однако настоящей проблемой российской пенсионной реформы остается то, что ей не удалось переломить тенденцию пассивного отношения населения к вопросам пенсионного обеспечения. Не наблюдается прогресса ни в расширении охвата работников пенсионным обеспечением, ни в формировании массовой категории ответственного, информированного участника пенсионной системы. Большинство граждан так и не знают, что изменилось в их пенсионных правах и устранились от выбора в пенсионной системе (рис. 1)⁷.

Между тем понимание правил пенсионного обеспечения связано с адекватной оценкой ее проблем и перспектив и признанием необходимости дальнейших преобразований. Опрос трудоспособных непенсионеров в рамках обследования РИДМиЖ–2007 показал, что люди, хорошо разбирающиеся в пенсионной реформе, чаще поддерживают ее усовершенствование, включая такие непопулярные меры, как ограничение занятости пенсионеров или повышение пенсионного возраста (рис. 2). Таким образом, разъяснительная работа в области пенсионного обеспечения, как и повышение финансовой грамотности населения, могут способствовать выработке ответственного отношения не только к собственному пенсионному будущему, но и к преобразованиям в пенсионной сфере.

БУДУЩИЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЕ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ

Анализ нормативных изменений в пенсионном обеспечении и реального положения населения выявил высокую степень зависимости российской пенсионной реформы от первоначально заданной — еще советскими правилами — траектории развития. Зачастую труднее всего реформированию поддаются как раз наименее эффективные институты. Тем не менее до сих пор мы рассматривали только прошлую или нынешнюю траекторию развития и текущие вызовы пенсионной системе, оставляя в стороне вопрос ее будущего. Чтобы ответить на вопрос, насколько адекватна сложившаяся модель пенсионной системы вызовам будущего, рассмотрим, каковы эти вызовы.

Движущими силами пенсионных реформ в развитых странах прежде всего выступают старение населения, которое меняет баланс между поколениями тех, кто производит национальный доход, и тех, кто его потребляет; постиндустриальное развитие, трансформирующее характер занятости и трудовые биографии

⁷ Подробнее о выборе в российской пенсионной системе см. [Снявская, 2008].

населения, а также глобализация и миграция. Как следствие, в большинстве западных стран в прошедшие два десятилетия пенсионное законодательство претерпело заметные изменения. Причем речь идет не просто о достижении финансовой сбалансированности пенсионной системы и, соответственно, сдерживании пенсионных расходов, но, шире, о структурной перестройке пенсионных систем во всем мире [Pierson, 2001; Palier, 2006; Aysan, Beaujot, 2009].

В России внешним фактором, чье негативное влияние на будущее состояние пенсионной системы общепризнанно, выступает старение. Начиная с 1995 г. во всех программных документах о пенсионной реформе в России, подчеркивается, что пенсионная система должна быть организована таким образом, чтобы оставаться финансово-устойчивой, несмотря на ухудшение соотношения между трудоспособным и пожилым населением. Действительно, различные демографические прогнозы свидетельствуют о том, что начиная со второго десятилетия XXI в. и по крайней мере до его середины российское население будет интенсивно стареть, что выразится прежде всего в сокращении численности трудоспособного населения, а также в увеличении доли пожилых (рис. 3).

Вместе с тем, хотя с такими темпами старения Россия столкнется впервые, относительно других стран возрастная структура российского населения остается довольно молодой (рис. 3). И по крайней мере, до недавнего времени само по себе старение не было фактором нестабильности пенсионной системы. Другое дело, что в установленных границах пенсионного возраста соотношение между населением трудоспособного и пенсионного возрастов оказывается намного хуже, чем значения коэффициента демографической нагрузки, в котором границей старости выступает возраст 65 лет⁸. В этом случае нагрузка пожилыми в России оказывается намного выше, чем, например, в Швеции или Германии, в которых пенсионный возраст в 2010 г. составлял, примерно, 65 лет. Более того, видно, что темпы роста показателя, рассчитанного для действующих границ пенсионного возраста, опережают темпы роста показателя, рассчитанного для границы 65 лет.

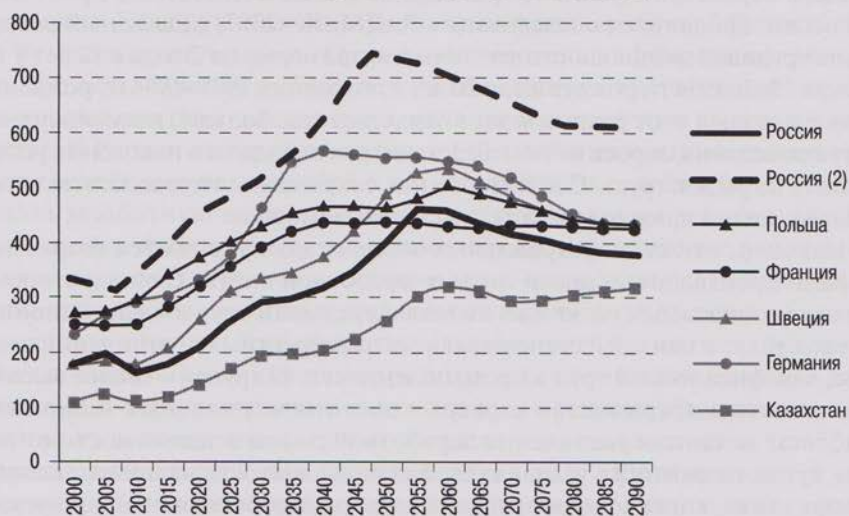
При этом важной особенностью российской модели старения населения выступает то, что ее движущей силой является только низкая рождаемость, тогда как продолжительность жизни остается практически неизменной на протяжении почти полувека. В случае, если продолжительность жизни в стране начнет увеличиваться, из чего исходит, например, Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., и как это произошло в странах ЦВЕ, то результатами этого, безусловно, положительного с социальной точки зрения процесса станут еще большее ускорение темпов старения населения и, соответственно, рост нагрузки на пенсионную систему.

Но если угрозы старения хорошо осознаются людьми, принимающими решения в пенсионной сфере, то проблемы, с которыми может столкнуться российская пенсионная система в процессе деиндустриализации, практически не нашли отражения в национальном пенсионном дискурсе. Более того, распространение нестандартных форм занятости наряду с низким уровнем заработной платы рассматривается как побочный — и временный — результат экономической трансформации.

Вместе с тем опыт западных стран, раньше вступивших на путь постиндустриального развития, свидетельствует о том, что увеличивающееся разнообразие

⁸ Ср. две линии «Россия» и «Россия (2)» на рис. 1.

Рисунок 3. Коэффициент демографической нагрузки пожилыми (численность лиц 65 лет и старше на 1000 чел. 15–64 лет)

Примечание: Россия (2) — коэффициент демографической нагрузки пожилыми, рассчитанный для действующих границ пенсионного возраста (55 лет у женщин и 60 лет у мужчин).

Источник: Всемирный банк, Health, Nutrition and Population Summary Profile, Demographic Projections.

форм занятости и изменение трудовых биографий, которые становятся все более прерывистыми, являются его неотъемлемыми спутниками. Это в свою очередь не может не сказаться на пенсионных системах, которые возникли для страхования от рисков наступления старости промышленных работников, занятых на протяжении всей жизни на условиях полной занятости [Barr, Rutkowski, 2005].

По мнению В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова, нестандартные формы занятости давно уже стали «стандартом» российского рынка труда [Нестандартная занятость..., 2006]. Действительно, исследование различных форм нестандартной занятости, проведенное коллективом исследователей под их руководством, убедительно показывает, что риски нестандартной занятости обратно пропорциональны размеру предприятия и выше в секторе услуг и строительстве по сравнению с промышленностью. Аналогичные результаты дает изучение распространенности неформальной занятости [Синявская, 2005], которая характерна преимущественно для индивидуальных предпринимателей, а также работающих по найму у физических лиц и на малых предприятиях. Следовательно, сокращение занятости на крупных и средних предприятиях и рост занятости в неформальном секторе экономики можно рассматривать как процессы, во-первых, увеличивающие масштабы нестандартной занятости на российском рынке труда, а во-вторых, сокращающие долю потенциальных плательщиков пенсионных взносов (рис. 4). Кроме того, важно понимать, что наиболее достоверные сведения о заработной плате, на основе которых рассчитывается средняя заработная плата и строится коэффициент замещения (отношение средней пенсии к средней заработной плате), также собираются прежде всего с крупных и средних предприятий, доля которых неуклонно сокращается.

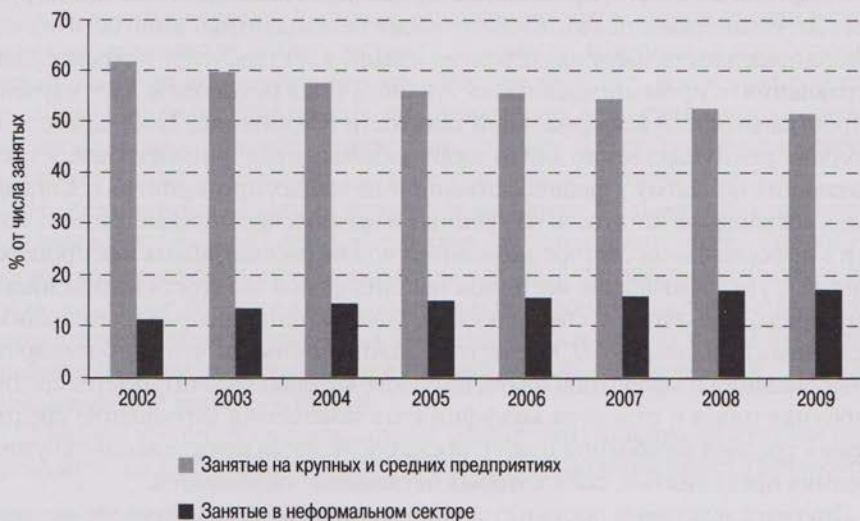
Другим следствием постиндустриального развития выступает повышение возраста первого входа на рынок труда. В развитых странах этот процесс,

во многом связанный с распространением среднего и высшего профессионального образования, начался раньше, но с 1990-х гг. активно происходит и в России. По данным обследования РидМиЖ–2007, медианный возраст начала трудовой деятельности увеличился примерно на 2 года с 18 лет у поколения 1945–1954 гг. рождения до 20 лет у поколения 1975–1984 гг. рождения, причем с годами этот разрыв может оказаться еще больше, поскольку к моменту проведения опроса не все представители последнего поколения успели вступить на рынок труда. Соответственно, сокращаются продолжительность трудовой жизни и период уплаты пенсионных взносов.

Наконец, в постиндустриальных экономиках изменяются возрастные профили производительности труда и заработной платы. С одной стороны, оказание социальных услуг или интеллектуальный труд в инновационных секторах услуг в меньшей степени зависят от возрастных ограничений в здоровье, чем физический труд в промышленности. С другой — более высокая мобильность и прерывистая карьера в постиндустриальных экономиках ослабляют механизм увеличения заработной платы в зависимости от возраста, существовавший в условиях стабильной занятости на промышленных предприятиях, когда в конце трудовой карьеры заработная плата опережала производительность труда. Для пенсионной системы это означает необходимость перехода от учета пенсионных прав на основе «последней» заработной платы к учету заработков на протяжении всей трудовой жизни [Bagg, Diamond, 2009].

Вызовы постиндустриального развития в России накладываются на последствия трансформации социально-экономической модели развития. С точки зрения пенсионной системы, наиболее важными из них оказываются, во-первых, особенности российской модели рынка труда [Капелюшников, 2001] с его высокой эластичностью заработной платы и незначительными изменениями в численности занятых. В этих условиях в пенсионной системе, финансирование которой опирается на взносы или налоговые отчисления

Рисунок 4. Доля работников крупных и средних предприятий и работников неформального сектора в общей численности занятых в 2002–2009 гг., в %

Источник: данные Росстата.

с заработной платы, возможности повышения пенсий ограничены уровнем «видимой» заработной платы в экономике и относительно низким порогом терпимости бизнеса к величине нагрузки на фонд заработной платы.

Во-вторых, значение имеет высокий уровень дифференциации заработной платы. Страны, в которых успешно действуют пенсионные системы бисмарковского типа, как правило, отличаются средними уровнями неравенства. В России же заработная плата 10% наиболее высокооплачиваемых работников большую часть 1990-х и в начале 2000-х гг. в 20 и более раз превышала заработную плату 10% наименее оплачиваемых работников. Обеспечение тесной связи между пенсиями и заработной платой в стране с таким уровнем неравенства означает возникновение существенного очага бедности среди пенсионеров, которые в прошлом относились к низкооплачиваемым категориям занятых. Любые же попытки снизить бедность пенсионеров за счет повышения минимального размера пенсий означают усиление горизонтального перераспределения доходов и — в условиях бюджетных ограничений на величину пенсионных расходов — уменьшают долю заработка, возмещаемого пенсией, для высокооплачиваемых работников. Это в свою очередь ослабляет социальную поддержку пенсионной системы со стороны средних и высших классов [Esping-Andersen, 1990].

Наконец, в-третьих, любая пенсионная система лучше всего действует в условиях стабильной макроэкономической ситуации. Высокая инфляция негативно сказывается на пенсионных системах, основанных как на распределительном принципе финансирования, так и на накопительном, поскольку обеспечить положительную реальную доходность пенсионных накоплений в условиях двузначной инфляции сложно.

Другие внешние вызовы пенсионной системе играют в России пока менее заметную роль, хотя их действие в будущем может усилиться. Речь прежде всего идет о двух факторах. Это влияние на пенсионную систему процессов, связанных с открытием российской экономики и усилением ее зависимости от общих мировых процессов, т. е. эффекте глобализации. И в западной, и в отечественной литературе влияние глобализации на социальную политику чаще всего рассматривается в контексте возможного сокращения социальных расходов и снижения налоговой нагрузки на работодателей [см. например, Razin et al., 2005]. Между тем глобализация означает не только усиление мобильности капитала, но и усиление трудовой мобильности. И в этом смысле пенсионные системы XXI в. не должны препятствовать ни трудовой мобильности, ни усилению разнообразия форм занятости.

Также в перспективе возможно усиление роли политических факторов как производной от процесса старения. Пенсионеры — наиболее активная часть электората, и поэтому чем старше население, тем больше становится электоральная поддержка политики по увеличению пенсионных расходов. Поскольку известно, что в постиндустриальных обществах появляются новые группы риска — семьи с детьми, особенно неполные семьи, а также молодежь, то, затягивание пенсионной реформы может привести к тому, что социальная политика повинувшись политическому давлению традиционной группы риска — пенсионеров, будет в меньшей степени учитывать интересы этих новых групп риска [Боноли, 2009]. Учитывая, что при нынешних границах пенсионного возраста доля пожилых превысит 50% лиц трудоспособного возраста уже к 2030 г., времени осталось немного.

ТАК ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Оценивая пройденный российской пенсионной системой путь, мы, безусловно, видим сохраняющуюся устойчивость институтов пенсионного обеспечения, в том числе тех из них, которые явно не относятся к числу эффективных и давно нуждаются в реформировании. Вопрос, вокруг которого вертятся и вертятся многие инициативы в пенсионной сфере, может быть сформулирован следующим образом: как сделать российскую пенсионную систему больше похожей на системы социального страхования в Европе, несмотря на особенности социально-экономической трансформации?

На первый взгляд, кажется, что решение этой задачи проваливается из-за низких величин российских зарплат и тарифа отчислений в пенсионную систему. Однако опыт стран континентальной и особенно Южной Европы показывает, что высокие размеры минимальной заработной платы и страховых взносов могут привести к еще более тяжелым последствиям в виде низкого уровня занятости, большого числа реципиентов пенсионной системы и других программ социальной защиты и, в конечном счете, к стагнации экономики [Эспин-Андерсен, 2006].

Чтобы избежать попадания в эту ловушку прежде всего следует продумать механизмы сдерживания роста пенсионных расходов при поддержании определенной величины пенсии. Иными словами, речь идет о расширении охвата государственным пенсионным обеспечением, удлинении периода уплаты страховых взносов и более ответственном участии работников и работодателей в формировании будущих пенсий.

- *Расширение базы финансирования пенсий.* Высокое неравенство в зарплатах вынуждает российскую пенсионную систему сохранять универсальную компоненту, не зависящую от трудового вклада человека. Но когда далеко не все заработки видны для пенсионной системы, базовую часть пенсии, по-видимому, лучше всего оплачивать за счет общих налогов, не связанных с заработной платой. Для участников страховой и накопительной компонент пенсионной системы речь должна идти об увеличении периода уплаты взносов за счет реформы досрочных пенсий и повышения пенсионного возраста.
- *Формирование ответственного участия работников в пенсионной системе.* Главный вызов пенсионной реформе России состоит не столько в том, удастся ли найти ресурсы, чтобы ликвидировать дефицит, сколько в том, изменится ли модель отношений между государством, работодателями и работниками. Сохранение патернализма советского образца, при котором работники — лишь пассивные участники процесса, может быть, и облегчает процесс изменения пенсионного законодательства, но препятствует успеху реформы, в которой все большая часть пенсии зависит от личного вклада работника и его решений. Вовлечение работников в заботу об их пенсионном будущем подразумевает не только активные усилия государства, работодателей и негосударственных пенсионных фондов по информированию застрахованных, но и введение взносов с заработков самих работников. Можно дополнить эту меру налоговым стимулированием добровольных пенсионных накоплений, формируемых по инициативе самих граждан.

Следует отметить, что определенные шаги в направлении новой модели пенсионной системы, отвечающей демографическим и социально-экономическим

вызовам будущего, сделаны уже в реформе 2002 г. Речь идет об установлении зависимости части пенсии от страховых взносов. И хотя предпринятое в 2010 г. слияние базовой (универсальной) и страховой частей пенсии делает связь между страховыми взносами и пенсионными выплатами менее прозрачной, шаг в сторону рынка уже сделан. Аналогичный эффект имеет и — пусть и не вполне успешное — внедрение обязательного накопительного элемента, а также развитие на протяжении последних нескольких лет корпоративных пенсионных программ. Все это закладывает основы многоуровневой пенсионной системы, в которой по крайней мере часть пенсии зависит от страховых взносов, что одновременно служит задаче сдерживания роста пенсионных расходов и задаче перераспределения ответственности за пенсии от государства к рынку.

Боле того, сильнейшая финансовая несбалансированность, в которой оказалась пенсионная система в настоящее время, может способствовать проникновению в политический дискурс новых подходов к ее реформированию. Из опыта других стран известно, что пенсионный кризис в условиях относительно стабильной экономики позволяет понять неэффективность прежней парадигмы пенсионного обеспечения.

И, конечно же, так же как пенсионная система при определенных условиях способна служить источником позитивных изменений на рынках труда и финансовых рынках, параллельное реформирование этих сегментов экономики может способствовать улучшению ситуации в пенсионной сфере. Как справедливо отмечает один из крупнейших экспертов в области пенсионного обеспечения Р. Хольцман, даже самая продуманная пенсионная реформа может провалиться по причине отсутствия одновременных реформ на рынках труда и в финансовом секторе. «В свою очередь, без четкого представления о реформах в этих сферах и некоторых упреждающих действий, необходимая комплексная пенсионная реформа может даже не начаться из-за риска, что доверие к этой реформе будет низким и, соответственно, сопротивление ей — высоким» [Holzmann, 2009. P. 23].

Главное — не потерять в поиске новых моделей пенсионной реформы еще несколько десятилетий. Время работает против нас. Россия в отличие от стран Западной Европы и так, в силу исторической траектории своего развития, в которой совпали переход и к рыночной экономике, и к постиндустриальной модели развития, располагала намного меньшим периодом для адаптации своих социальных систем, включая пенсионное обеспечение, к новым вызовам и рискам. Однако непоследовательность в проведении реформ рискует сделать Россию, как и страны Южной Европы [Боноли, 2009], заложницей упущенного «окна возможностей». Это, конечно, не отрицает возможности реформ в будущем, но означает, что проводить их будет труднее.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков В. Н., Баскакова М. Е.* О пенсиях для мужчин и женщин. — М., 1998.
- Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография: Коллективная монография / Под ред. Т. М. Малевой. — М.: Московский центр Карнеги, 1998.
- Боноли Дж.* Время имеет значение. Постиндустриализация, новые социальные риски и адаптация государства всеобщего благосостояния в развитых промышленных демократиях // SPERO. 2009. № 11. С. 7–28.

- Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М.: Экон-Информ, 2008. С. 7–100.
- Малева Т. М., Синявская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. — М.: Независимый институт социальной политики, 2005.
- Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
- О круглом столе в ИСЭПН РАН // Общественные науки и современность. 1994. № 6. Россия—1998. Социально-демографическая ситуация. VIII ежегодный доклад / Под ред. Н. М. Римашевской. — М., 1999.
- Синявская О. В.* История пенсионной реформы в России // Учебник новейшей истории: если бы Президентом был ты. — 2010. http://www.ru-90.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=428:2010-05-16-23-29-05&catid=50&Itemid=114
- Синявская О. В.* К вопросу о патернализме: государство и человек в пенсионной реформе // SPERO. 2008. № 8. С. 63–92.
- Синявская О. В.* Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. — М.: Независимый институт социальной политики, 2005.
- Синявская О. В.* Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. 2006. № 4. С. 66–90.
- Соловьев А. К.* Финансовая система государственного пенсионного страхования в России. — М.: Финансы и кредит, 2001.
- Хольцман Р., Хинц Р. и др.* Обеспеченная старость в XXI веке: Пенсионные системы и реформы в международной перспективе. — Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2005.
- Эспин-Андерсен Г.* Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. № 5. С. 7–32.
- Aysan M. F., Beaujot R.* Welfare Regimes for Aging Populations: No Single Path for Reform // Population and Development Review. 2009. Vol. 35. P. 701–720.
- Barr N., Diamond P.* Reforming pensions: Principles, analytical errors and policy directions // International Social Security Review. 2009. Vol. 62. P. 5–29.
- Barr N., Rutkowski M.* Pensions // Labor markets and social policy in Central and Eastern Europe: The accession and beyond / Ed. by N. Barr. — Washington, DC: The World Bank. 2005. P. 135–170
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Polity / W. van Pr. Ginneken (Ed.). 1996. Finding the Balance: Financing and Coverage of Social Protection in Europe. — Geneva: ISSA, 1990.
- Holzmann R.* Linking Pension Reform to Labor and Financial Market Reforms: An Introduction // Pension Reform in Southeastern Europe: Linking to Labor and Financial Market Reform. 2009. P. 9–26.
- Korpi W., Palme J.* The paradox of redistribution and strategies of equality: welfare state institutions, inequality, and poverty in the western countries // American sociological review. 1998. P. 661–687.
- Palier B.* Beyond Retrenchment: four problems in current welfare state research and one suggestion how to overcome them // The welfare state reader / F. Castles, Ch. Pierson (Eds.). — 2006. P. 358–374.
- Pierson P.* The new politics of the welfare state. — Oxford University Press, 2001.
- Razin A., Sadka E., Nam C. W.* The decline of the welfare state: demography and globalization. — The MIT Press, 2005.

ЭВОЛЮЦИЯ ВМЕСТО РЕВОЛЮЦИИ: ОБЗОР МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПЕНСИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ¹

Бабкин А. С., научный сотрудник Независимого института социальной политики (НИСП)

Что происходит с пенсионными системами развитых стран сегодня, когда старение населения стало уже реальностью, а экономический кризис неизбежно корректирует пенсионные финансы? Представляемый обзор пенсионных реформ пытается ответить на этот вопрос.

Простая классификация реформ в пенсионной сфере представлена на схеме (рис. 1). В процессе реформирования действующая пенсионная система полностью или частично заменяется новой либо подвергается «косметическим» изменениям параметров. Основные направления системных реформ — кардинальное изменение пенсионных формул, включая изменение набора используемых схем расчета выплат², их финансирование на основе солидарных или индивидуальных принципов, частного или государственного управления. Проводившиеся параметрические реформы можно сгруппировать по изменяемым параметрам. Во-первых, это изменение пенсионного возраста, которое может осуществляться напрямую или косвенно через систему стимулов для позднего или раннего выхода на пенсию или через изменение требуемого минимального стажа. Во-вторых, может меняться порядок индексации назначенных пенсионных выплат и накопленных пенсионных прав (валоризация взносов), а также длительность периодов учитываемых заработков. Третья группа параметрических изменений касается ставок взносов и средних и предельных³ ставок замещения.

В начале 1990-х гг. Всемирным банком были разработаны рекомендации по созданию так называемых многоуровневых (multi-pillar) пенсионных систем, включавших обязательный накопительный компонент [World Bank, 1994]. Следуя этим рекомендациям, многие страны начали соответствующие реформы. Основная цель этих изменений — достижение финансового самообеспечения и долгосрочной устойчивости пенсионной системы в условиях, когда из-за старения населения выплаты пенсий по установленным правилам обходятся государству все дороже. Основные направления реформирования в это время — повышение пенсионного возраста и внедрение накопительных схем с установленными взносами. Гибридной формой, введенной в Швеции, Польше

¹ Автор выражает огромную благодарность Оксане Вячеславовне Синявской, под научным руководством которой была подготовлена данная статья, за советы и консультации на различных этапах работы.

² Схемы с установленными размерами выплат (defined benefits) или взносов (defined contributions). Условно-накопительные счета в литературе называются по-разному: non-financial accounts, notional accounts, notionally defined contributions.

³ Прирост ставки замещения за каждый дополнительный год стажа, английский термин — accrual rate.

Рисунок 1. Типы пенсионных реформ

и Италии, стала система условно-накопительных счетов, сочетающая черты накопительной и распределительной систем. В целом реформы этого периода известны российскому читателю [Пенсионная реформа в России, 1998; Яременко, 1998; Грызлова, Яненко, 2005]. В 2000-х гг. реформирование пенсионных систем продолжалось, однако интенсивность этого процесса заметно снизилась. Масштабных реформ стало значительно меньше, а на смену системным преобразованиям 1990-х гг. пришли более мягкие параметрические, а в некоторых странах реформирование затормозилось или даже повернулось в обратном направлении. Кроме того, многие страны приняли различные меры для смягчения последствий финансово-экономического кризиса [OECD, 2009].

Наиболее актуальными вопросами пенсионного реформирования в России сейчас являются вопросы повышения пенсионного возраста, оптимизации накопительной части пенсии и поддержания равновесия системы в условиях финансово-экономического кризиса. Пенсионный возраст в России, особенно для женщин, — один из самых низких в развитых странах. Несмотря на то что официальная позиция государства состоит в сохранении установленного возраста выхода на пенсию⁴, в экспертном сообществе идет активное обсуждение этого вопроса, и вполне вероятно, что он будет подниматься в ближайшие годы. Накопительная пенсия формируется пока не слишком эффективно: реальная доходность накоплений редко была положительной. В результате по инициативе Минздравсоцразвития недавно была разработана «Концепция развития накопительного пенсионного обеспечения». Негативные последствия кризиса для действующей системы проявляются главным образом в снижении пенсионных взносов в распределительную часть, направляемых на финансирование текущих пенсий, но в условиях расширения роли накопительного пенсионного обеспечения важно проанализировать влияние спадов на финансовом рынке.

В данном обзоре мы остановимся на реформах в развитых странах Организации экономического содействия и развития (ОЭСР), но рассмотрим и несколько ярких примеров реформирования в других регионах. Первая часть посвящена параметрическим реформам с особым акцентом на изменениях пенсионного возраста. Во второй части рассматриваются обязательные на-

⁴ Эту официальную линию по-прежнему проводят Минздравсоцразвития и Минэкономразвития России, однако Минфин и лично министр финансов А. Л. Кудрин все чаще заявляют о необходимости повысить пенсионный возраст, чтобы снизить растущий дефицит бюджета Пенсионного фонда России.

копительные пенсионные системы на примере Чили и Аргентины, некоторое внимание уделено накопительным схемам с добровольным участием. В третьей части разбираются последствия финансово-экономического кризиса и примеры антикризисной политики в пенсионной сфере. В заключении содержатся краткое обобщение и выводы.

1. ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Параметрические реформы не меняют базовых принципов функционирования пенсионной системы, а только корректируют ее отдельные характеристики. Большинство преобразований и в 1990-х, и в 2000-х гг. были направлены на решение проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы в связи с процессом старения населения. Изменение ставок пенсионных отчислений, определяющих размер доходов пенсионной системы, происходило во многих странах, причем как в сторону повышения, так и в сторону снижения⁵. Одновременно с этим общей тенденцией для большинства стран было уменьшение пенсионных расходов и обязательств. Причем почти с одинаковой интенсивностью реформирование шло в странах как с высокими, так и с низкими пенсионными расходами (как доля от ВВП). К последним относятся, например, Турция, Мексика, Южная Корея — несмотря на относительно молодое население, старение в этих странах происходит достаточно резко. В частности Турция и Мексика пока могут позволить себе достаточно щедрую пенсионную систему, но без реформирования расходы вырастут быстро и значительно [OECD, 2007].

Один из параметров, позволяющий корректировать размеры пенсионных выплат, — *порядок их индексации*. Назначенные пенсии обычно ежегодно пересчитываются (индексируются) для поддержания уровня жизни пенсионеров, при этом существует два основных варианта. Первый — индексация по темпу инфляции, позволяющая сохранить неизменной покупательную способность пенсии. Другой вариант, как правило, более дорогой, — индексация по темпу роста заработной платы — позволяет поддерживать постоянный уровень жизни пенсионеров относительно работающего населения. Часто эти два показателя сочетаются. Во Франции пенсии в государственном секторе были переведены с индексации по зарплате на индексацию по инфляции. Турция в 2008 г. перешла от индексации по инфляции к смешанной индексации по инфляции и темпу роста ВВП. Более сложная схема была введена в Венгрии. До 2009 г. индексация проводилась по смешанному коэффициенту, составляющему 50% от роста цен и 50% от роста зарплат. Но в 2009 г. в связи с финансово-экономическим кризисом в качестве дополнительного параметра стал использоваться темп прироста ВВП: если он не превышает 3%, пенсии индексируются только по росту цен, при более высоких темпах в коэффициент индексации добавляется темп роста заработной платы, а при росте ВВП выше 5% рост цен и заработных плат учитываются при индексации в равной пропорции [SSA, June 2009]. Корректировка механизмов индексации проходила еще в ряде стран, но общая тенденция — переход к менее щедрым темпам перерасчета пенсионных выплат.

⁵ Для смягчения последствий старения ставки только повышаются, понижение происходит в рамках облегчения общей налоговой нагрузки в ответ на вызовы глобализации.

Еще одно параметрическое изменение коснулось *учета заработков* для исчисления размера пенсионных выплат. В самом простом случае пенсия рассчитывается от предпенсионного уровня зарплаты. Но поскольку в молодых возрастах заработка обычно ниже, более полный учет карьеры снижает размер пенсионных выплат и делает их более адекватными по отношению к взносам, фактически уплаченным каждым конкретным человеком. Кроме того, если на размер пенсии влияют лишь несколько лет работы, это сильно искажает трудовые стимулы, поэтому в странах наблюдается тенденция перехода от нескольких последних или лучших лет к более длинному периоду, зачастую ко всей трудовой карьере. Так, в Финляндии вместо 10 последних лет стала использоваться средняя заработная плата за всю жизнь [SSA, November 2004]. В Австрии с 2004 г. учитываемый стаж будет ежегодно увеличиваться на один год, поднимаясь с 15 лучших лет к 40 годам (практически полной карьере) [SSA, August 2004].

Еще одна тенденция в реформировании — дополнение распределительных пенсионных систем *резервными фондами*. В благоприятные годы в фонде накапливаются средства, которые затем используются для стабилизации пенсионной системы в годы спада. Относительно недавно резервный фонд появился в Австралии (2005), в Ирландии (2001), еще раньше — в Канаде, Японии, Корее, Швеции.

Однако, наверное, чаще всего внимание общественности привлекают *реформы пенсионного возраста*, поскольку их влияние на положение занятых и пенсионеров наиболее очевидно. В вопросах повышения пенсионного возраста приходится искать компромисс между благоприятной ситуацией в настоящем и финансовой стабильностью в будущем. Как и в 1990-х, в 2000-х гг. страны продолжают повышать пенсионный возраст в связи с увеличением средней продолжительности жизни и ростом демографической нагрузки пожилыми на трудоспособное население.

К 2008 г. в большинстве стран ОЭСР возраст выхода на пенсию был одинаковым для мужчин и женщин и составлял 65 лет. В некоторых странах еще сохранились гендерные различия в возрасте выхода на пенсию, но они постепенно устраняются. В Греции недавно было принято решение об установлении нового возраста на уровне 65 лет (повышение для обоих полов), в Швейцарии — для женщин возраст увеличивается с 63 до 64 лет (для мужчин остается без изменений на уровне 65 лет). В Турции запланировано медленное повышение пенсионного возраста до 65 лет к 2048 г. (с действовавших 58 лет для женщин и 60 лет для мужчин).

Пенсионный возраст может увеличиваться как напрямую (через установление новых стандартных возрастов), так и косвенно (через другие параметры, влияющие на фактический возраст выхода на пенсию). Но даже прямое изменение никогда не происходит одномоментно, обычно переход растянут на определенный период времени. Скорость повышения возраста не превышает 6 месяцев в год, и обычно происходит гораздо медленнее. Например, повышение с 65 до 67 лет запланировано в Австралии за 2017–2023 гг., в Германии — между 2012 и 2029 г., в Дании — между 2024 и 2027 г. В Венгрии с 2012 г. начнется повышение возраста с 62 до 65 лет. Чехия, постепенно увеличивавшая возраст выхода на пенсию до 63 лет, запланировала дальнейшее повышение до 65 лет к 2030 г.

Особую проблему представляет то, что фактический («эффективный») средний пенсионный возраст всегда отличается (чаще в меньшую сторону)

от официально установленного. Такая ситуация наблюдается более чем в 2/3 стран ОЭСР, наибольшие различия в среднем и официальном возрасте выхода на пенсию в Люксембурге (59 и 65 лет соответственно), в Бельгии (мужчины — 59 и 65 лет, женщины — 57 и 63), в Финляндии (60 и 65) [OECD, 2006]. Причина различий — возможность выйти на пенсию досрочно или, наоборот, позднее установленного срока. Право на досрочную пенсию обычно приобретает либо после накопления определенного стажа, либо ценой понижения в размере выплат (чаще и то, и другое). В некоторых странах досрочно на пенсию могут выйти безработные в предпенсионном возрасте. Отложенный выход стимулируется более высоким размером пенсии или другими способами, например, льготным налогообложением заработков работающих пенсионеров.

Изменения в области регулирования позднего или раннего выхода на пенсию осуществлялись наряду с реформами стандартного пенсионного возраста и преследовали ту же цель: повысить фактический возраст выхода на пенсию, чтобы сократить численность получателей и продолжительность пенсионных выплат, тем самым снизить финансовую нагрузку на систему. В Дании возраст раннего выхода в 2019–2022 гг. увеличивается с 60 до 62 лет, в Бельгии — с 58 до 60 лет в 2008–2012 гг. Разные изменения, ограничивающие возможность раннего выхода на пенсию, произошли в Бельгии, Венгрии, Ирландии (для госслужащих), Нидерландах (отменены налоговые льготы для досрочных пенсионеров), Польше. В Великобритании, Южной Корее увеличились стимулы для отложенного выхода на пенсию. Так, в Великобритании прибавка к пенсии за каждый отложенный год поднялась с 7,4% до 10,4%. Франция и Финляндия проводят политику по поощрению отложенного выхода и предотвращению досрочного. Например, во Франции минимальный стаж, необходимый для получения пенсии, был увеличен с 37,5 до 40 лет, и каждый недоработанный год уменьшает размер пенсии на 5%. Наоборот, за каждый год отложенного выхода пенсия увеличивается на 3–5%. Кроме того, во Франции и в Японии ограничены возможности работодателей по увольнению работников, желающих работать после достижения формального пенсионного возраста.

В некоторых странах пенсионный возраст повышается неявно, через увеличение минимального стажа, необходимого для получения пенсии. Так, в Чехии требуемый стаж увеличивается с 25 до 35 лет, в Италии — с 35 до 36, во Франции стаж повышается, но в различной пропорции для разных категорий работников. Такие изменения окажутся наиболее значимыми для работников с прерывистой или поздно начатой карьерой, в частности для женщин, покидавших рынок труда в связи с рождением и воспитанием детей. Смысл этих изменений состоит в том, что недостаточный страховой стаж лишает работника возможности досрочно выйти на пенсию или уменьшает размеры его пенсионных выплат, косвенно стимулируя продолжение занятости.

Поскольку повышение пенсионного возраста всегда тяжело принимается населением, облегчить процесс реформирования могут некоторые правила, по которым в будущем будет регулярно и *автоматически проводиться пересмотр пенсионного возраста в ответ на демографические изменения*. Такой механизм подстройки предоставляют, во-первых, накопительные и условно-накопительные системы (NDC) с установленными взносами, которые действуют в Австралии, Венгрии, Италии, Польше, Словакии, Швеции, странах Латинской Америки. В этих системах при назначении пенсии общая сумма накоплений (реальных или условных), как правило, преобразуется в пожизнен-

ный аннуитет. И тогда с ростом продолжительности жизни знаменатель в расчетах будет расти, а ежемесячный аннуитетный платеж будет уменьшаться.

Во-вторых, некоторые страны пытаются встроить ожидаемую продолжительность жизни в другие пенсионные схемы. Так, в Дании с 2022 г. после запланированного повышения пенсионного возраста, его дальнейшие изменения будут привязаны к динамике ожидаемой продолжительности жизни. Пенсионный возраст будет индексироваться по темпу роста ожидаемой продолжительности жизни 60-летних. Во Франции к продолжительности жизни привязан минимальный стаж: отношение стажа к продолжительности всей жизни должно оставаться постоянным.

В Финляндии, Германии и Португалии к демографической динамике привязан не пенсионный возраст, а способ расчета размеров распределительной пенсии. Механизм подстройки в Португалии введен реформой 2007 г. Здесь ежегодно рассчитывается индекс изменения ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в возрасте 65 лет, и устанавливаемый размер пенсии делится на этот индекс. Если продолжительность жизни растет, то при прочих равных условиях размер пенсии будет уменьшаться. В Финляндии корректировки начинаются с 2010 г. и перенимают подход накопительных схем с установленными взносами: в каждом году по ожидаемой продолжительности жизни рассчитывается знаменатель, аналогичный используемому в аннуитетах, и соотносится со знаменателем базового (2009) года. Это отношение используется как поправочный коэффициент к размеру назначаемой пенсии. В Германии с 2004 г. в качестве поправочного коэффициента используют изменение соотношения численности плательщиков и получателей пенсионной системы. С ростом ожидаемой продолжительности жизни при неизменном пенсионном возрасте соотношение будет смещаться в сторону получателей, и размер пенсий будет уменьшаться [Whitehouse, 2007. P. 33–34].

2. НАКОПИТЕЛЬНЫЕ ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Уязвимость любых распределительных пенсионных систем заключается в их зависимости от соотношения численности работников и пенсионеров, которое ухудшается в результате старения. Накопительные системы меньше зависят от демографического фактора, но больше подвержены другим рискам (например, риску инфляции или колебаний на финансовых рынках), поэтому комбинирование двух способов финансирования в рамках одной пенсионной системы может сделать ее более устойчивой. Накопительный компонент может вводиться и как обязательный для всего населения, так и с добровольным участием.

2.1. Обязательные пенсионные накопления

Хрестоматийным примером полной замены распределительной пенсионной системы *обязательной накопительной* стала реформа 1981 г. в Чили. Подобных радикальных реформ до этого не проводила ни одна страна. Ошеломляющая успешность реформы (пенсионные накопления приносили высокую реальную доходность, что позволило выплачивать более высокие, чем в распределительной системе, пенсии) сделала ее популярной и легла в основу разработанных Всемирным банком рекомендаций по реформированию пенсионных

систем, включающих обязательный накопительный компонент. После этого в 1990-х гг. по Латинской Америке и другим странам прокатилась волна схожих реформ, так или иначе вводивших накопительный принцип в систему обязательного пенсионного страхования.

Чилийская пенсионная реформа 1981 г. полностью закрыла для новых участников старую государственную распределительную систему и ввела вместо нее новую частную систему индивидуальных пенсионных счетов (накоплений). Участие в новой системе стало обязательным для всех, кто впервые вступает на рынок труда, а уже работавшим был дан некоторый срок для выбора. Государство взяло на себя расходы по выплате пенсий по прежним правилам всем, кто не станет переходить в накопительную схему, а также конвертировало пенсионные права в пенсионные накопления для перешедших. В рамках новой системы государством также гарантировалась минимальная пенсия для всех, кто проработает не меньше 20 лет. Застрахованные лица перечисляют в фонд свободно выбираемой ими управляющей компании 10% заработной платы. При достижении пенсионного возраста (65 лет для мужчин и 60 для женщин) на сумму накоплений приобретает аннуитет или формируется график ее постепенного изъятия [Kritzer, 2008].

Другой вариант формирования обязательной накопительной системы продемонстрировала Аргентина в ходе реформы 1994 г. Отличие аргентинской реформы заключается в том, что часть взносов (и будущих выплат) по-прежнему осуществлялась в рамках распределительной, а часть — в рамках параллельно существующей накопительной системы.

В обеих странах новые системы имели ряд недостатков, характерных для многих накопительных схем [Mesa-Lago, 2009; Calvo et al., 2010]. К ним можно отнести:

- неполный охват занятых. В Чили участие было добровольным для самозанятых, а для военных существовала отдельная пенсионная схема, в Аргентине специальные пенсии у военных и государственных служащих;
- отсутствие принципов солидарности как между поколениями, так и между доходными и гендерными группами, усиливающее неравенство в уровне пенсионного обеспечения. В накопительной системе работники с низкими заработками будут получать и низкую пенсию. Для женщин возникают дополнительные риски в связи с более длительным, по сравнению с мужчинами, периодом ожидаемой продолжительности жизни на пенсии, из-за чего даже при одинаковых суммах пенсионных накоплений размеры выплат у женщин будут ниже. В Аргентине минимально необходимый трудовой стаж для женщин достаточно высок (35 лет), поэтому многие не получают пенсию;
- вознаграждения управляющих компаний могут оказаться весьма высокими, что существенно снижает реальную доходность накоплений и, соответственно, размер будущих пенсий;
- вопреки ожиданиям охват системой (доля плательщиков) начал уменьшаться после введения накопительной системы, заработки стали чаще уходить в теневой сектор;
- сохраняются политические риски недобросовестного управления средствами. Несмотря на то что пенсионные накопления являются

собственностью застрахованных лиц, у правительств остаются возможности для манипуляций;

- в Чили нет полного охвата всех нуждающихся социальной пенсией (PASIC). При этом нередко возникала ситуация, когда застрахованные не имели права на социальную пенсию (по тесту на доходы), но и не имели требуемого для минимальной пенсии стажа (20 лет).

Рассмотрим, как был скорректирован ход пенсионных реформ в этих двух странах в ответ на выявленные проблемы внедрения накопительной компоненты.

Чили

Для улучшения существовавшей системы в Чили в 2006 г. из представителей заинтересованных сторон был составлен совет, рекомендации которого были практически полностью воплощены в последовавшей в 2008 г. реформе. Перечислим ее основные элементы.

Во-первых, обязательность отчислений на накопительную пенсию постепенно распространяется на самозанятых. В течение переходного периода, начиная с 2010-го и заканчивая 2015 г., база уплаты пенсионных взносов (10%) увеличивается с 40% до 100% совокупного дохода.

Во-вторых, вводятся два вида распределительной (солидарной) государственной пенсии. Базовая пенсия (*Pensión Básica Solidaria — PBS*) по старости и инвалидности выплачивается из государственных средств всем гражданам 65 лет и старше, входящим по уровню доходов в 40% беднейшего населения и не имеющим права ни на один из других видов пенсии. К 2012 г. порог бедности увеличивается до 60%. Кроме того, государственная доплата (*Aporte Previsional Solidario — APS*) выплачивается сверх накопительной пенсии, если ее размер не превышает установленного уровня. Для получения права на доплату установлен критерий по доходам — пенсионер должен входить в 40% беднейшего населения (повышается до 55% к 2012 г.). Поскольку размер выплат, гарантируемый доплатой APS, превышает минимальную пенсию (PBS), такая система сохраняет стимулы к уплате пенсионных взносов.

В-третьих, поскольку частные накопительные пенсии по своему устройству порождают гендерное неравенство в размерах пенсий, в Чили были введены ваучеры для всех матерей, выдаваемые на каждого ребенка и эквивалентные взносам с 18 минимальных месячных заработных плат. Средства такого ваучера индексируются по среднему уровню доходности и прибавляются к сумме накоплений в момент выхода на пенсию. Помимо этого, многие женщины попадут под действие PBS или APS, что также сократит гендерные различия в уровне жизни пожилого населения.

В-четвертых, были введены определенные меры для снижения платы, взимаемой фондами за управление пенсионными накоплениями. Запрещено взимание ежемесячной платы в виде фиксированного платежа (только процент от отчислений). Для стимулирования конкуренции вводится процедура конкурсов за право принять к обслуживанию впервые вступающих на рынок труда. Это право дается на два года той управляющей компании, которая предложит минимальную ставку вознаграждения и будет готова обслуживать по ней всех своих клиентов (не только новых).

В-пятых, для снижения риска значительного обесценения пенсионных накоплений в периоды финансовых кризисов еще в 2002 г. были введены 5 портфелей, различающихся по степени риска и доходности. Средства застрахованных старших возрастов могут инвестироваться только в рамках более надежного портфеля (похожая схема предложена в России в недавней концепции по совершенствованию накопительной пенсии). Хотя с введением новых распределительных компонентов пенсии обязательства государства увеличились, ежегодные актуарные расчеты прогнозируют финансовую устойчивость системы в долгосрочной перспективе.

Наконец, в-шестых, важно отметить информационное сопровождение реформы и включенность общества в процесс реформирования. Новый закон сформировал комиссию из представителей работников, пенсионеров, пенсионных фондов, ученых и застрахованных, оставшихся в старой государственной системе. Комиссия проводит мониторинг выполнения реформы, достижения целевых показателей, способствует повышению пенсионной и финансовой грамотности населения, для чего также было создано специальное учреждение.

Аргентина

Накопительная система *Аргентины* подверглась серьезным испытаниям в 2001 г., когда из-за экономического кризиса накопления значительно обесценились. Из-за недобросовестного регулирования перед кризисом ухудшающееся финансовое положение правительства поддерживалось благодаря продаже государственных облигаций управляющим компаниям до тех пор, пока не произошел дефолт [Calvo et al., 2010. P. 227].

Рекомендации по модернизации системы, разработанные экспертами после кризиса, были частично реализованы в 2007 г., но в 2008 г. под воздействием нового серьезного кризиса власти Аргентины решили отказаться от накопительной системы, и была проведена радикальная реформа по переводу всех накоплений обратно в государственную распределительную систему.

Все средства были переведены в «Гарантированный фонд по поддержке государственной распределительной системы» (Guaranteed Fund to Sustain the Public-PAYG System), и, поскольку закон никак не регулирует направления для инвестирования этих денег, очень велика вероятность, что они будут использоваться в качестве легкодоступного заимствования государством. В краткосрочном периоде это улучшит состояние государственных финансов, но в долгосрочном периоде возвращает страну к ситуации 20-летней давности, когда введение накопительной системы было предпринято именно для поддержания финансовой устойчивости пенсионной системы. Кроме того, системе пришлось дважды понести издержки трансформации.

Подобный поворот в государственной социальной политике подрывает доверие населения к пенсионной системе в целом, а международного сообщества — к стране и ее руководству. В накопительной системе все отчисления являлись собственностью застрахованных лиц, и в 2007 г., когда была введена возможность на добровольной основе вернуться в государственную распределительную систему, ею воспользовались только 28% участников. Реформа 2008 г. фактически лишила плательщиков тех средств, правом на которые они обладали. Падение доверия к государству может сильно снизить и без того невысокий в Аргентине уровень исполнения обязательств по уплате пенсионных

взносов. Что касается международного имиджа, то после национализации пенсионных накоплений из Аргентины произошел отток иностранного капитала.

2.2. Добровольные пенсионные накопления

Альтернативой переходу на обязательное накопительное пенсионное обеспечение является поощрение участия граждан в *добровольных накопительных схемах*. Эти схемы могут быть индивидуальными или профессиональными (в рамках организации). В последнем случае создание дополнительных пенсионных планов — добровольное дело для работодателей, хотя для сотрудников участие в них может быть и обязательным.

Добровольные накопительные пенсионные системы существуют во всех развитых странах, традиционно участие в них поощряется системами налоговых стимулов, и в последние годы в разных странах не перестают появляться новые модификации стимулирующих мер. Например, в 2004 г. в Польше у работающих появилась возможность открыть освобожденный от налогов индивидуальный пенсионный счет (IKE) и в год перечислять на него сумму, не превышающую 1,5 среднемесячных зарплат в стране. Направления для инвестирования средств не ограничены [SSA, September 2004]. Во Франции с 2004 г. действует индивидуальный пенсионный сберегательный план (PEIR) — страховой контракт, позволяющий накапливать средства для последующего приобретения аннуитета. Допустимый предел отчислений — 10% с годового заработка, но не более 2400 евро. На отчисления распространяются налоговые льготы, в свою очередь аннуитетные платежи распространяется подоходный налог [SSA, January 2004]. Более щедрый план появился с 2006 г. в Венгрии (NYESZ). Помимо освобождения от налога на прирост капитала счета будут дополнительно пополняться государством на величину, равную 30% от сделанных отчислений, но не более 100 000 форинтов (US \$ 490) в год. Направления инвестирования ограничены, но в значительно меньшей степени, чем средства обязательных пенсионных накоплений [SSA, February 2006].

Однако такие способы поощрения обходятся государству дорого и обычно неэффективны: по мнению экспертов, большинство из добровольных пенсионных сбережений были бы сделаны и без налоговых стимулов [OECD, 2007. P. 89].

Новые подходы к стимулированию участия в добровольных накопительных схемах базируются на идеях бихевиоризма о природной инертности человека. Первым примером квазиобязательной накопительной схемы стала введенная с 2008 г. в Новой Зеландии программа «KiwiSaver». В эту программу автоматически включаются все занятые, при этом они могут добровольно выйти из нее в любой момент. Опыт первых лет показывает, что процент участия в программе очень высок по сравнению с другими добровольными планами. Если раньше в профессиональных пенсионных планах участвовали 13% работников, а в индивидуальных — 5,5%, то теперь 43,3% занятых участвуют в программе «KiwiSaver» [Whitehouse et al., 2009. P. 519]. Аналогичная программа разработана и вступит в силу в Великобритании с 2012 г., обсуждение ведется в Ирландии.

2.3. Вопросы государственного регулирования

Отдельно следует сказать о *государственном регулировании инвестирования* средств пенсионных накоплений, которое касается и обязательных, и добровольных схем. Для защиты этих накоплений от серьезных потерь, связанных с рисками финансовых рынков, государство обычно накладывает различные ограничения на состав инвестиционных портфелей. Но чтобы обеспечить более высокую доходность пенсионных накоплений, эти ограничения могут иногда ослабляться. Так, в последние годы расширение доступных направлений для использования пенсионных накоплений среди стран ОЭСР произошло в Бельгии, Канаде, Германии, Мексике, Австралии, Чили.

Наибольший опыт управления обязательной пенсионной накопительной системой приобретен в Чили. При создании системы в 1981 г. возможности инвестирования пенсионных фондов были ограничены облигациями государства, некоторых частных фирм и инструментами финансовых организаций. В 1985 г. на долю государственных ценных бумаг в портфелях был установлен 50-процентный лимит, а от 10% до 30% портфеля должны были составлять акции. Инвестиции в зарубежные ценные бумаги были разрешены в 1996 г. в пределах 6% с постепенным повышением лимита до 30% к 2004 г. и 85% к 2008 г. С 2002 г. управляющие компании должны предлагать застрахованным выбор из 4 фондов (В–Е), различающихся по составу инструментов и степени риска. Необязательная опция — высокорисковый фонд А с лимитом на долю акций на уровне 80%. Наконец у застрахованных появилось право в любой пропорции распределять свои пенсионные накопления между двумя фондами (портфелями) в рамках управляющей компании, тогда как до этого все средства инвестировались только в один фонд [Kritzer, 2008].

В Мексике при введении накопительных счетов в 1997 г. перечень доступных для инвестирования инструментов также был ограничен и включал государственные и муниципальные ценные бумаги, а также облигации крупных корпораций. С 2004 г. возможности для инвестирования расширились, появился альтернативный портфель, в котором до 15% может быть вложено в акции разрешенных компаний и до 20% в кредитование других стран. В 2008 г., как и в Чили, появились 5 типов фондов, различающихся по степени риска. Самый рисковый фонд, доступный только для молодых работников (18–26 лет), допускает инвестирование до 30% средств в акции, самый консервативный (для работников 56–65 лет) дает фиксированную доходность по займам [SSA, June 2004; April 2008].

3. ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Частные накопительные пенсионные системы весьма чувствительны к кризисам на финансовых рынках. Очевидно, что спады приводят к обесцениванию накоплений, из которых впоследствии будет выплачиваться пенсия. Но и системы, основанные на распределительном принципе, не защищены от негативных последствий экономических кризисов. Сокращение уровня выпуска, заработных плат и рост безработицы ведут к уменьшению объема собираемых взносов, что в свою очередь сокращает доходы пенсионных систем и может привести к образованию дефицита. Нарушается долгосрочная финансовая устойчивость системы, что в крайних случаях вынуждает правительства

сокращать размер пенсионных платежей. Поэтому ни одна страна и ни одна пенсионная система не может быть полностью застрахована от негативного последствия кризисов в экономике.

Корректировки в пенсионных системах, предпринятые для смягчения негативных последствий нынешнего финансово-экономического кризиса, включают в себя разнообразные меры — от единовременных выплат наиболее уязвимым категориям пожилого населения до изменений в проблемных точках системного характера, более остро выявленных кризисом.

3.1. Накопительные системы

В среднем за 2008 г. по странам ОЭСР пенсионные фонды потеряли 23% накоплений в реальном выражении [Whitehouse, 2009]. При этом межстрановые различия весьма значительны (от 5–10% в Словакии, Германии, Чехии и Мексике до 26–27% в США и Австралии и максимальных 38% в Ирландии) и связаны с соотношением различных видов ценных бумаг в фондах. Обесценение было тем более высоким, чем большую долю в портфеле составляли акции по отношению к менее рисковым облигациям.

Одной из распространенных ответных мер стало усиление контроля и мониторинга пенсионных фондов государственными регуляторами. В Германии введено еженедельное наблюдение за ключевыми показателями крупнейших фондов. В Таиланде и Испании появился специальный мониторинг пенсионных инвестиций в сложные финансовые инструменты. В Португалии запланировано усиление регулирования в области управления рисками и внутреннего менеджмента пенсионных фондов [Antolin, Stewart, 2009].

Потери в пенсионных накоплениях имеют разное значение для различных возрастных групп населения. Для занятых в молодых и средних возрастах отрицательное влияние не слишком велико, поскольку суммы накоплений, а значит и абсолютная величина потерь, в начале карьеры значительно меньше. Также в этом возрасте не так высока вероятность на длительный срок потерять работу и лишиться возможности пополнять пенсионный капитал. Наконец, оставшийся срок до выхода на пенсию достаточен, чтобы восстановить накопления в годы экономического роста и положительной доходности. Противоположная ситуация наблюдается у лиц предпенсионных возрастов. Здесь потери капитала значительные, времени для их восполнения уже не остается, и работники данной возрастной группы сталкиваются с наибольшим риском потерять работу и надолго оказаться в числе безработных. Для частичной компенсации этих потерь в отдельных странах предлагается сделать более гибким выбор момента для преобразования накоплений в пенсионные платежи, чтобы существовала возможность восстановить их стоимость после кризисного падения [Antolin, Stewart, 2009. P. 13].

На доходах пенсионеров в накопительных системах экономический кризис почти не сказывается, за исключением двух случаев. Во-первых, не всегда при выходе на пенсию накопления преобразуются в пожизненный аннуитет, в некоторых случаях пенсионеры предпочитают выбирать их постепенно, остаток же продолжает инвестироваться в финансовые активы. И тогда вызванное кризисом обесценение оставшихся накоплений ведет к сокращению размеров будущих пенсий. Во-вторых, в некоторых странах существуют механизмы автоматической корректировки размеров пенсий

в зависимости от финансового состояния пенсионной системы: индексация пенсий не проводится, если в пенсионном фонде не достаточно для этого средств. Однако на практике понижать пенсии или сдерживать их рост достаточно трудно с политической точки зрения (как следствие, в Германии два года подряд размеры индексации не понижались, в Швеции корректировка была отложена на будущее).

Кроме того, есть механизмы автоматической регулировки, которые увеличивают доходы пенсионеров. Так, например, в Австралии и Дании существуют государственные выплаты, устанавливаемые в зависимости от размеров совокупных доходов, которые получает большая часть пенсионеров (65% и 75% соответственно). Если размеры частных пенсий снижаются в результате кризиса, потери в доходах частично компенсируются государством через увеличение этих государственных выплат. Похожие схемы существуют в Канаде, Ирландии и Великобритании, хотя они охватывают меньшую долю пенсионеров.

Во время нынешнего кризиса в Дании и Исландии у тех, кто накопил установленную законом минимальную сумму пенсионных накоплений, появилось право досрочно получить к ним доступ. В Австралии воспользоваться накопительной частью пенсии могут лица, попавшие в трудное финансовое положение. Хотя подобные меры не стоит недооценивать, их эффективность весьма ограничена. Потребность в пенсионных накоплениях с большей вероятностью появится у тех, у кого эти накопления невысоки.

В Канаде, Финляндии, Ирландии, Нидерландах и Норвегии на время кризиса было ослаблено регулирование накопительных профессиональных пенсионных схем с установленными выплатами. По закону пенсионные фонды должны поддерживать стоимость своих активов на уровне, достаточном для выплаты пенсионных обязательств. В связи с падением стоимости активов баланс был нарушен, и в этих странах на его восстановление предоставлен дополнительный срок.

Прямая компенсация государством потерь накопительных фондов — спорная мера, среди развитых стран предпринятая только в Израиле. Помимо того, что подобная компенсация требует от государства значительного объема средств, она может повысить моральный риск неэффективной деятельности пенсионных фондов, которые станут рассчитывать на государственную поддержку в случае неудачи.

В долгосрочном периоде взлеты и падения стоимости акций компенсируют друг друга, и среднегодовая доходность оказывается выше, чем более стабильных финансовых инструментов, поэтому инвестирование пенсионных накоплений в акции вполне целесообразно [Whitehouse, 2009. P. 544]. Риск значительных потерь, характерный для застрахованных лиц предпенсионных возрастов, может быть смягчен за счет перехода к менее рисковому портфелю в течение жизненного цикла. Использование подобных схем в обязательном пенсионном страховании пока не слишком распространено, возможно, они будут активнее применяться после нынешнего кризиса. В Мексике и Словакии существуют портфели с различной степенью риска с возрастными ограничениями, хотя даже в самых рисковом доля акций не превышает 50%. В США подобные портфели предлагают 2/3 фондов, но они не пользуются большой популярностью у населения. Вести «портфели жизненного цикла» в ближайшее время планирует Польша.

3.2. Распределительные системы

Для распределительных систем последствия кризиса не проявляются так быстро и наглядно, как это происходит в накопительных системах, поэтому реформирование коснулось их в меньшей степени. Нововведения можно разделить на два направления. Одни меры должны поддержать нынешних и будущих получателей пенсий, другие — укрепить пошатнувшуюся устойчивость государственных пенсионных финансов.

Сильнее всего от кризиса может пострадать наиболее уязвимая группа пенсионеров — получателей минимальных или гарантированных пенсий. Для кратковременного поддержания уровня их доходов в нескольких странах были выплачены единовременные пособия. Размеры этих пособий составили от 140—180 долл. в Греции до 1000 и более долл. в Австралии. Во многих странах сверх запланированных были проведены дополнительные индексации пенсий беднейших пенсионеров. В Испании увеличение составило 6%, в Австралии — 11%, похожие индексации произошли в Бельгии, Франции, Корее и Великобритании. Наибольшее увеличение запланировано в Финляндии, с 2011 г. взамен существующей вводится новая гарантированная пенсия, размер которой будет выше на 23%.

Другой пример поддержки населения — приостановка пенсионного реформирования в Италии. В ответ на кризис в этой стране были отложены реформы по повышению пенсионного возраста и сокращению размеров пенсионных выплат.

Поддержка финансового состояния государственной пенсионной системы может осуществляться за счет возврата от накопительных принципов обратно к распределительным. Подобные меры должны покрыть образовавшийся в системе дефицит, вызванный переходом части плательщиков в накопительную систему и усугубленный кризисом. Отрицательные последствия такого шага уже обсуждались выше применительно к Аргентине, которая является достаточно радикальным примером. В более мягком варианте реформы страны предлагают гражданам добровольно вернуться в старую систему. При этом, например, новое пенсионное законодательство Словакии стимулирует такой переход.

Более приемлемо с точки зрения долгосрочной устойчивости антикризисное реформирование условно-накопительной системы Швецией [Sundén, 2009]. В этой стране индексация пенсий и условно-накопительных счетов автоматически уменьшается (вплоть до отрицательных значений), если ухудшается соотношение поступлений и платежей системы. В таком случае резкое нарушение баланса также резко сказывается на размерах индексации. Так, прогнозы индексаций на 2010—2012 гг., сделанные в 2009-м, составляли -4,6%, -1,7% и 0,8%. После реформы, проведенной в октябре 2009 г., при расчете корректирующего коэффициента стали учитываться средневзвешенные доходы за три последних года. В результате индексация все равно уменьшается, но уменьшение растягивается на более длительный срок и становится не таким резким (прогноз коэффициентов на те же годы по новым правилам: -3,0%, -2,8%, -0,5%). На долгосрочную устойчивость это почти не повлияет, но негативный эффект кризиса для пенсионеров будет сглажен.

В целом, в ответ на кризис многие страны и с накопительными, и с распределительными пенсионными системами провели преобразования, направленные на поддержку населения или самих систем в краткосрочном пе-

риоде. Однако в пенсионной политике, как и в демографической, последствия реформ гораздо сильнее проявляются на длительном временном горизонте. Конечно, в условиях кризиса правительства должны принимать решения оперативно, но в любом случае должны проводиться оценки долгосрочных последствий таких решений. Можно вспомнить опыт реформирования 1970-х гг., когда для облегчения напряженности на рынке труда во многих странах стал поощряться добровольный досрочный выход на пенсию. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, в средне- и долгосрочной перспективе такие меры не оказали положительного влияния на уровень безработицы, а отменить данное право на досрочную пенсию теперь весьма сложно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период интенсивного пенсионного реформирования 1990-х гг. сменился этапом более плавной модернизации и оптимизации сформированных систем. Параметрические реформы 2000-х гг. продолжили тенденцию сокращения щедрости прежних систем и повышения фактического пенсионного возраста. Пенсионный возраст изменяется непосредственно или с помощью косвенных мер, например, стимулированием досрочного или отложенного выхода на пенсию. Это повышение почти всегда растянуто на несколько лет и (или) запланировано на будущее. Отдельные страны разрабатывают механизмы автоматической подстройки параметров пенсионной системы под демографические изменения.

Накопительные системы не стали панацеей от проблем старения населения и, так же как и распределительные, подвержены разнообразным рискам. Поэтому в Чили не так давно прошли преобразования, нацеленные на укрепление накопительной системы и смягчение ее недостатков. Основные изменения включают дополнительную защиту беднейших пожилых с помощью универсальных солидарных пенсий и стимулирование конкуренции среди управляющих компаний. Совершенно по противоположному, и опасному, пути пошла Аргентина, в которой накопительная система была полностью национализирована. Кроме того, новой моделью в развитии добровольных пенсионных схем, постепенно получающей распространение, стали квазиобязательные схемы с добровольным выходом.

Мировой кризис создал финансовые проблемы и обострил недостатки пенсионных систем в разных странах. Основными направлениями реформирования стало усиление социальной защиты наиболее уязвимых категорий пенсионеров и смягчение инвестиционных рисков пенсионных накоплений за счет более тщательной диверсификации. Опасной ловушкой для некоторых стран оказалась возможность улучшить текущее положение за счет долгосрочной устойчивости, например, с помощью возврата от накопительной системы к распределительной.

В последние годы разные страны столкнулись с первыми результатами бурного внедрения накопительных систем в 1990-е, осознали присущие им недостатки, и поэтому оптимизма в отношении к ним заметно поубавилось. Набор опций, доступных реформаторам пенсионных систем, значительно расширился, и благодаря этому появились новые возможности для достижения долгосрочной финансовой устойчивости. Однако более сложные системы сложнее регулировать, они требуют более тщательной настройки и ставят перед реформаторами но-

вые вызовы. Поэтому после революционного периода кардинальной перестройки пенсионных систем начался этап эволюционной модернизации, направленной на совершенствование накопительных и распределительных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

Грызлова А., Яненко Е. Обзор зарубежных пенсионных систем // Отечественные записки. 2005. № 3 (24).

Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / С. Н. Васин, Е. Ш. Гонтмахер, М. Э. Дмитриев, С. В. Захаров, Т. М. Малева, Г. В. Рахманова, О. В. Синявская, Д. Я. Травин / Под ред. М. Э. Дмитриева, Д. Я. Травина. — СПб.: Норма, 1998.

Яременко Г. А. Основные направления реформы пенсионного обеспечения: мировой опыт // Проблемы прогнозирования. 1998. № 3.

Antolin P., Stewart F. Private Pensions and Policy Responses to the Financial and Economic Crisis // OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions. 2009. № 36. OECD publishing.

Barr N., Diamond, P. Pension Reform: A Short Guide — Oxford University Press, 2010.

Calvo E., Bertranou F. M., Bertranou E. Are Old-age Pension System Reforms Moving Away from Individual Retirement Accounts in Latin America? // Journal of Social Policy. 2010. № 39. P. 223–234.

Kritzer B. E. Chile's Next Generation Pension Reform // Social Security Bulletin. 2008. Vol. 68. № 2. P. 69–84.

Mesa-Lago C. Re-reform in Latin American Private Pensions Systems: Argentinian and Chilean Models and Lessons // The Geneva Papers. 2009. Vol. 34. № 4. October. P. 602–617.

OECD. Live Longer, Work Longer — Paris: OECD, 2006.

OECD. Pensions at Glance: Public Policies across OECD Countries — Paris: OECD, 2007.

OECD. Pensions at Glance: Retirement Income Systems in OECD Countries — Paris: OECD, 2009.

SSA (Social Security Administration). International Update, 2004, 2006, 2008, 2009.

Sundén A. The Swedish Pension System and the Economic Crisis // Center for Retirement Research Issues in Brief. 2009. December. № 9–25.

Whitehouse E. R. Life-Expectancy Risk and Pensions: Who Bears the Burden? // Social employment and migration Working Paper. — Paris: OECD, 2007. № 60.

Whitehouse E. R., D'Addio A. C., Chomik R. et al. Two Decades of Pension Reform: What has been Achieved and What Remains to be Done? // The Geneva Papers. 2009. October. Vol. 34. № 4. P. 515–535.

Whitehouse E. R. Pensions During Crisis: Impact on Retirement Income Systems and Policy Responses // The Geneva Papers. 2009. October. Vol. 34. № 4. P. 536–547.

World Bank. Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old and Promote Growth — Oxford University Press, 1994.

ОБЗОР СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Сухова А. С., магистр социологии, младший научный сотрудник Независимого института социальной политики (НИСП)

В предлагаемой читателю статье представлен обзор социальных услуг по уходу за детьми в разных странах. Показаны различия в охвате детей институциональным уходом и дошкольным образованием. Проанализировано качество услуг по уходу за детьми. Рассматриваются государственные и семейные расходы на уход за детьми, а также то, как характеристики развития системы внесемейных услуг по уходу за детьми связаны с занятостью женщин с маленькими детьми. Дополнительное внимание уделено интересным практикам в организации ухода за детьми и дошкольного воспитания в отдельных странах.

Доступность социальных услуг по уходу за детьми, в том числе их влияние на раннее развитие детей и возможности совмещения родительства и занятости на рынке труда, волнуют население, а также людей, ответственных за социальную политику, и ученых многих стран мира. В этом обзоре мы обратимся к изучению социальных услуг в других странах мира, сознательно исключая Россию, — рассмотрим их общие характеристики и интересный опыт отдельных стран, обсудим механизмы разделения полномочий по оказанию социальных услуг внутри государства, а также уделим внимание качеству услуг и условиям их предоставления.

Лучше всего услуги по уходу за детьми и дошкольное воспитание развиты в странах Евросоюза (ЕС), где существенную роль в их регулировании и финансировании играет государство. В связи с этим в данном обзоре мы в большей степени сфокусируемся на опыте стран — членов ЕС и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Интерес к проблемам организации внесемейного ухода за детьми возник вследствие массового выхода женщин на рынок труда в 1970–1980-е гг. и одновременного снижения рождаемости. В марте 1992 г. Европейский совет разработал рекомендации для стран — членов ЕС, согласно которым они должны создавать и поощрять инициативы, позволяющие мужчинам и женщинам за счет доступности услуг по уходу за детьми сочетать занятость на рынке труда и воспитание детей. В 2002 г., 10 лет спустя, во время Барселонского саммита были сформулированы более четкие цели в сфере услуг по уходу за детьми [Presidency conclusions..., 2002]. Учитывая особенности спроса на уход за детьми в каждой отдельной стране, страны ЕС ставят целью ликвидировать причины, тормозящие женскую активность на рынке труда. К 2010 г. необходимо обеспечить охват домохозяйств услугами по уходу за детьми на уровне 90% для детей от 3-х лет до школьного возраста и 33% для детей младше 3-х лет.

Основная проблема анализа доступности услуг по уходу за детьми в страновом контексте состоит в несопоставимости статистических данных по странам и в трудности приведения национальных статистик к единому формату. База данных за 2003—2005 гг. по охвату детей в возрасте до 3-х лет и от 3-х лет до школьного возраста институциональными услугами по уходу, собранная в рамках Европейской стратегии занятости (European Employment Strategy), демонстрирует нехватку информации по ряду стран. Но даже имеющиеся данные трудно интерпретировать без знания институционального устройства стран [Plantenga, Remery, 2008].

Чтобы преодолеть эту проблему и отслеживать достижение поставленных на Барселонском саммите целей, Европейская комиссия совместно со странами — членами ЕС с 2002 г. начала разрабатывать методологию сбора данных на основе гармонизированного источника данных. В 2004 г. Комитет по занятости совместно с разработчиками обследования доходов и условий жизни Евросоюза EU-SILC предложил вести статистику институционального ухода за детьми в разрезе продолжительности предоставляемых услуг (до 30 ч в неделю и 30 ч в неделю и более) и возрастных групп (дети до 3-х лет (0—2 года); дети между 3 годами и школьным возрастом). Кроме того, с марта 1998 г. 12 стран — членов ОЭСР (Австралия, Бельгия, Чехия, Дания, Финляндия, Италия, Голландия, Норвегия, Португалия, Швеция, Англия и США) добровольно предложили выпускать серию страновых обзоров по образованию маленьких детей и политике в сфере ухода за детьми [Bennett, 2003].

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОСТУПНОСТИ УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

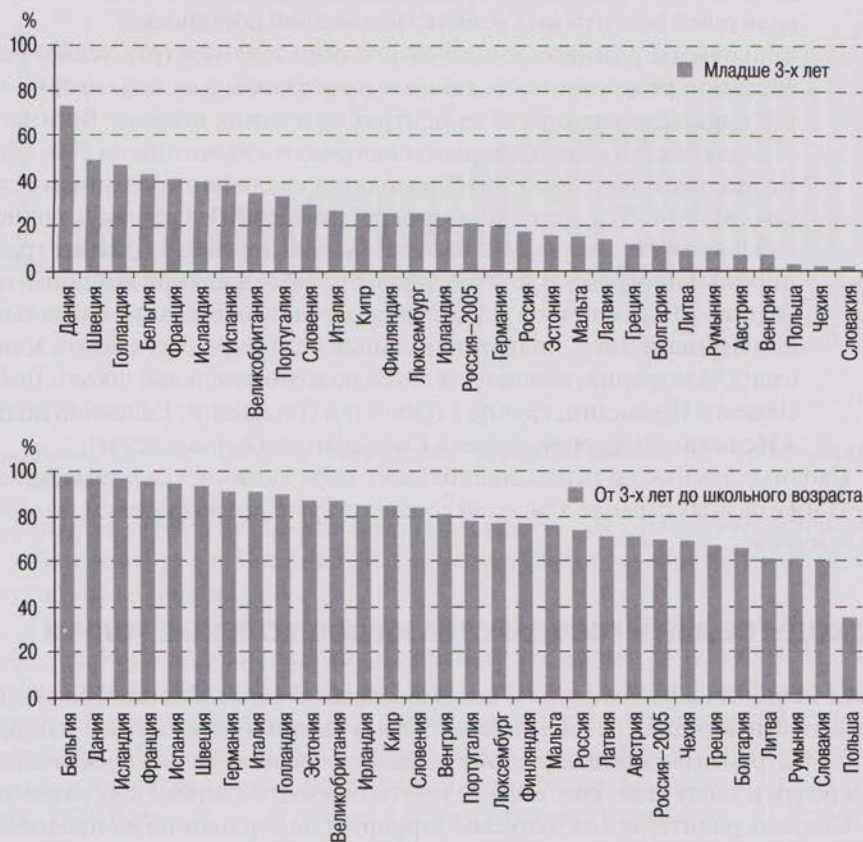
В 2008 г. в 27 странах ЕС 28% детей младше 3-х лет и 83% детей от 3-х лет до школьного возраста пользовались формальными услугами (учреждениями) по уходу за детьми¹. Но показатели охвата детей институциональными услугами по уходу и развитию довольно сильно варьируют по странам (рис. 1).

Наиболее широкий охват детей до 3-х лет институциональными услугами по уходу за детьми демонстрирует Дания (73%), за ней с большим отрывом идут Швеция (49%), Голландия (47%) и Бельгия (43%). Меньше всего среди стран ЕС формальным уходом дети до 3-х лет обеспечены в странах Восточной Европы — Польше (3%), Чехии (2%) и Словакии (2%). Дети от 3-х лет до возраста начала получения школьного образования пользуются услугами по уходу и развитию существенно чаще. К полному охвату стремятся Бельгия (98%), Дания (97%), Исландия (97%) и Франция (96%), но всего лишь чуть больше трети детей получают институциональные услуги в Польше (35%). В странах с низким охватом детей услугами по уходу и дошкольным образованием они чаще воспитываются неработающими родителями, другими родственниками, знакомыми, друзьями и пр.

Институциональные услуги по уходу за детьми и их развитию могут предоставляться разными учреждениям, в режиме полного и неполного дня,

¹ Формальные услуги, учреждения (или формальный уход) включают в себя уход в центрах дневного пребывания детей и образовательные услуги в дошкольных учреждениях, т. е. услуги, оказываемые и/или контролируемые государственными или частными структурами. Данные с сайта Евростата: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>

Рисунок 1. Доля детей, получающих формальный уход, в % от числа детей соответствующей возрастной группы, 2008

Источник: сайт Евростата: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>;

на государственной и частной основе и пр. Согласно методологии стран ОЭСР выделяется 3 вида услуг по уходу за детьми и раннего образования:

- 1) центры, обеспечивающие уход за детьми в дневное время (centre-based day-care). Чаще всего ими являются ясли, детские сады, группы кратковременного присмотра за детьми, группы, организованные родителями, работающие в режиме полного или неполного дня. В большинстве случаев такие услуги предоставляются детям до 4-х лет. Форма собственности этих учреждений варьирует по странам: в Австралии, Канаде, Ирландии, Новой Зеландии, Голландии, Швейцарии, Англии и США, например, услуги по уходу за детьми предоставляются частными организациями. В ряде стран за институциональный уход и дошкольное воспитание отвечает Министерство образования (Австралия, Мексика, Голландия, Новая Зеландия, Португалия, Швеция), в других — Министерство социального обеспечения (Дания, Финляндия, Франция, Япония);
- 2) домашний дневной уход (family day care) может осуществляться на дому у няни или дома у ребенка квалифицированным воспитателем, няней. Максимальное число детей у одной няни при таком виде ухода до-

стигает 3—4 человек. Чаще всего услугами нянь пользуются родители детей до 3-х лет по причине нехватки мест в детских садах или желания родителей воспитывать ребенка в семейной обстановке;

- 3) программы раннего дошкольного образования (pre-school early education programmes) включают программы для подготовки детей к школе в специальных центрах или самих школах. Во многих странах такого рода программы включают как минимум 50% образовательной деятельности и проводятся квалифицированными специалистами. В одних странах они организованы на условиях полного дня и в рамках внешкольного образования, другие предлагают традиционные программы детских садов с образовательной компонентой, третьи — 1—2-годичное дошкольное образование в рамках начальной школы (например, подготовительный год (prep-year) в штате Квинсленд, Австралия; классы для детей подготовительной школы (infant classes) в Ирландии; группа 1 (group 1) в Голландии; Educacion infantil в Испании; Reception classes в Соединенном Королевстве).

Сводные данные по типам дошкольного образования и услугам по уходу за детьми в разных странах для детей соответствующего возраста см. в *табл. 1 Приложения*.

РАСХОДЫ СЕМЕЙ И ГОСУДАРСТВА НА ДОШКОЛЬНЫЕ УСЛУГИ

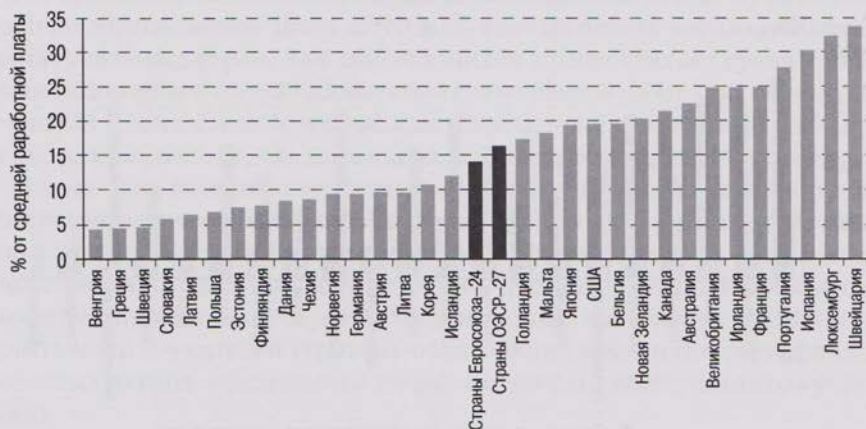
Выход женщин на рынок труда и последовавшая за ним тенденция снижения рождаемости породили собой конфликт между женской занятостью и материнством. Инструментами решения этой проблемы являются отпуска по беременности и родам и уходу за детьми, а также услуги по уходу за детьми и их развитию.

Система родительских отпусков варьирует по странам по их продолжительности и по оплате. По показателю FTE (Full-time equivalent), который представляет собой произведение продолжительности отпуска в неделях и доли денежного покрытия, впереди других стран оказываются Швеция, Германия и Норвегия². Некоторые эксперты считают, что при пересчете показателей охвата детей до 3-х лет услугами по уходу с учетом политики отпусков по уходу за детьми в разных странах, показатели обеспеченности детей услугами по уходу бы увеличились [Comparative Social Research, 2008].

По сравнению с отпусками по уходу за ребенком некоторые авторы считают услуги по уходу за детьми более эффективным инструментом совмещения женщиной занятости на рынке труда и материнства [Andersen, 2002]. Доступность услуг определяется их предложением и ценой. Даже при наличии мест в дошкольных учреждениях, родители во многих странах вынуждены платить за уход и воспитание детей, причем зачастую немалую сумму. При среднем в ОЭСР уровне оплаты ухода за детьми 2-х лет в размере 15% от средней заработной платы, жители Швейцарии, Люксембурга, Испании и Португалии расходуют на эти цели около трети среднего заработка работающего члена домохозяйства (*рис. 2*). Причем если в Швейцарии и Португалии услуги

² Подробнее о мировой практике родительских отпусков см.: *Тындик А. О.* Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. 2010. № 12 (Весна-лето). С. 157—176.

Рисунок 2. Оплата услуг по уходу за детьми и образовательных услуг для ребенка в возрасте 2-х лет, 2004

Примечание: средняя заработная плата отражает заработки среднего работника; подробнее см.: ОЭСР, 2007. С. 186–187.

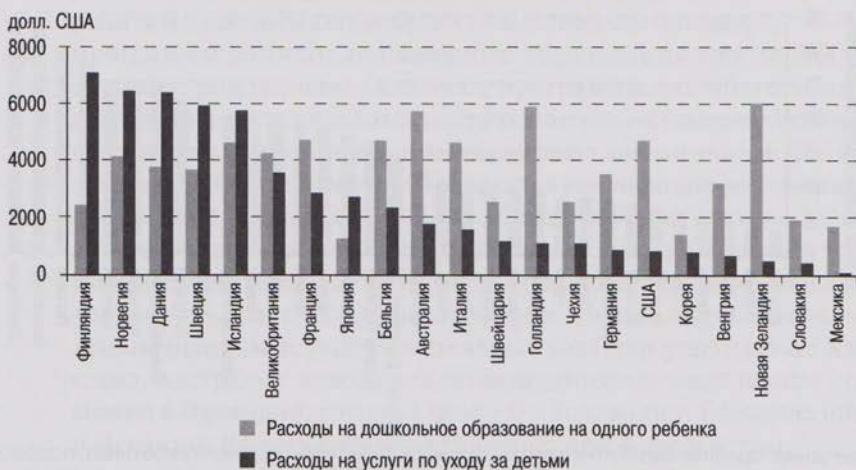
по уходу за детьми до 3-х лет предоставляются частными учреждениями, то в Люксембурге и Испании этим занимаются государственные центры по уходу за ребенком.

Прямой зависимости между охватом детей услугами по уходу и стоимостью услуг нет. Низкая доля расходов домохозяйства на услуги по уходу за детьми необязательно свидетельствует об их бесплатном предоставлении или низкой стоимости и не всегда приводит к широкому охвату маленьких детей услугами. Например, в Венгрии, где уход предоставляется государственными учреждениями и является самым дешевым для домохозяйств с детьми 2-х лет среди стран ОЭСР (рис. 2), охват остается одним из самых низких (рис. 1). В то время как в Швеции, имеющей близкие с Венгрией показатели доли расходов на услуги по уходу за детьми, также предоставляемые государством, показатели охвата детей до 3-х лет институциональным уходом уступают только Дании.

Из экономической теории известно, что если государство не субсидирует образовательные услуги, средств, получаемых от населения, скорее всего, будет недостаточно для осуществления нормального ухода за детьми и их образования. Поэтому почти все развитые страны активно субсидируют дошкольное образование. Государство заинтересовано в развитии этого сектора как для раннего развития человеческого капитала, так и для выравнивания стартовых возможностей детей, привлечения женщин на рынок труда и т.д. Судить о важности данного вопроса для государства можно по величине расходов страны на дошкольное образование и услуги по уходу за маленькими детьми.

Скандинавские страны (Исландия, Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия), а также Франция и Бельгия расходуют на услуги по уходу за детьми максимальную долю ВВП. В этих странах все дошкольные учреждения являются государственными. Именно мощное финансирование со стороны государства обеспечивает широкий охват населения услугами по уходу за детьми. Либеральные страны (США, Ирландия, Корея, Канада), а также страны с так называемой консервативной моделью социальной политики (Кипр, Австрия, Польша, Швейцария, Греция) демонстрируют минимальную долю ВВП, направляемую на социальные услуги по уходу за детьми.

Рисунок 3. Расходы государства на услуги по уходу за детьми и дошкольное образование, на одного ребенка, 2005

Источники: База данных Social Expenditure 1980–2005 гг.; база данных по образованию в странах ОЭСР (OECD Education database); данные Евростата по странам, не входящим в страны ОЭСР; Департамент по здравоохранению и социальным услугам США.

Если обратиться к структуре расходов в Скандинавских странах, то видно, что около половины средств, затрачиваемых на уход за детьми и их образование, приходится на уход за детьми младшего возраста. В то время как страны, демонстрирующие меньшие доли расходов в ВВП на услуги по уходу за детьми, тратят средства в большей степени на развитие и образование детей старшего дошкольного возраста.

По величине государственных расходов на уход в расчете на одного ребенка также лидируют Скандинавские страны (рис. 3). Дошкольное образование в большем объеме, чем уход за детьми, оплачивается государством в Австралии, Голландии, Новой Зеландии, а страны либерального толка направляют бюджетные средства в основном на дошкольников, что отчасти обусловлено государственным статусом дошкольных учреждений и частным — центров по уходу за маленькими детьми.

КАЧЕСТВО УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

Качество предоставляемых услуг по уходу за детьми определяется стандартами гигиены, безопасности, соотношением числа детей на одного работника, численностью групп, а также квалификацией персонала учреждения. Стандарты качества услуг по уходу за детьми и дошкольного образования, а также методы его повышения различаются по странам.

В некоторых странах есть нормативные требования по максимально допустимому количеству детей на одного воспитателя, которое повышается с увеличением возраста детей. Минимальное число воспитанников 3-х лет и младше (4–5 человек) на одного работника учреждения по уходу за детьми наблюдается в Корее, Японии, Ирландии, Голландии, Великобритании и США [Quality of childcare..., 2010].

Как правило, в дошкольных учреждениях для детей более старшего возраста соотношение числа детей на одного работника выше. Однако, например,

Дания показывает практически равные показатели среди совсем маленьких детей и среди дошкольников. А Корея, которая демонстрирует лучшие показатели по соотношению числа детей до 4-х лет на одного воспитателя среди рассматриваемых стран, для дошкольников предоставляет сравнительно худшее положение (более 20 воспитанников на одного работника обучающего состава). И наконец, наиболее высокие цифры, приближающиеся к 30 детям на одного воспитателя, для маленьких детей демонстрирует Мексика.

Безусловно, качество предоставляемых услуг по уходу за детьми трудно оценить статистическими методами. Характеристики взаимодействия между воспитателями и детьми едва ли поддаются адекватной оценке. Наравне с соотношением числа детей и воспитателей в учреждениях, одной из косвенных характеристик качества услуг по уходу за детьми выступает квалификация воспитателей и учителей (уровень образования и наличие сертификатов различных курсов, обязанности по работе, возраст воспитанников учреждений).

Квалификация работников, предоставляющих уход за маленькими детьми, сильно различается по странам. Во многих странах они имеют профессиональное образование, чаще всего диплом няни с полным средним или начальным профессиональным образованием (Австрия, Бельгия, Финляндия, Германия, Италия и др.). Хотя некоторые страны требуют от работников среднего и среднего специального образования (Корея, Великобритания, США, Австралия). Однако в центрах по уходу за детьми значительная часть персонала не имеет специальной квалификации в данной области занятости.

Воспитатели или учителя в дошкольных заведениях, как правильно, имеют такой же уровень квалификации и образования, как и учителя начальной школы. Специализация наблюдается в Австралии, Канаде, Франции, Ирландии, Голландии, Великобритании и США. В странах Северной и Центральной Европы педагоги могут иметь специальную подготовку по уходу за маленькими детьми (среднее профессиональное или высшее образование), отличную от той, что необходима для преподавания в начальной школе.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ И ОБРАЗОВАНИЮ ДОШКОЛЬНИКОВ

Важной характеристикой системы услуг по уходу за детьми выступает разделение полномочий между разными акторами по уходу за маленькими детьми и образованию дошкольников. Исторически так сложилось, что уход за детьми и дошкольное образование были введены как отдельные системы [Kamerman, 2000]. В то время как основной целью политики в сфере ухода за детьми было обеспечение с помощью субсидирования доступа к услугам по уходу за ребенком для услуг малооплачиваемых работающих родителей, дошкольное образование сосредоточилось на подготовке детей к школе, то есть на выполнении образовательной функции [Neuman, 2005]. С недавних пор эти различия стали размываться по причине осознания того, что качественное воспитание ребенка содержит одновременно и уход, и образовательную составляющую.

С точки зрения организации этого сектора выделяется 3 модели распределения полномочий между государственными органами власти различного уровня и рынком по предоставлению населению услуг по уходу за детьми

и их дошкольному образованию [Gallagher, Clifford, 2000]. Остановимся на каждой из них подробнее.

1. Административные различия между уходом за детьми и дошкольным образованием присущи таким странам, как Австралия, Бельгия, Чехия, Франция, Италия, Голландия, Португалия, США. На национальном уровне это административное разделение проходит по возрасту ребенка: дошкольное устройство обеспечивается для детей от 3-х лет и совместно с начальной школой находится в ведении Министерства образования. Уход за младенцами и детьми ясельного возраста обычно находится в зоне ответственности министерств социального развития или здравоохранения.

Например, в США, в 1999 г. обеспечивали и поддерживали дошкольное образование и уход за детьми до 5 лет 69 федеральных программ. Девять федеральных агентств и департаментов администрировали эти программы, хотя большинство из них подчинялось Департаменту здравоохранения и социальных услуг и Департаменту образования [US General Accounting Office, 2000].

Разница в администрировании систем по уходу за детьми и дошкольного воспитания состоит в том, что в системах социального развития и здравоохранения услуги по уходу за детьми предоставляются низкооплачиваемым и менее квалифицированным персоналом в режиме полного дня и основываются на взимании платы с родителей. В то время как услуги под эгидой образовательных учреждений оказываются специально обученными педагогами, чья квалификация сравнима с квалификацией учителей начальной школы, в режиме неполного дня и бесплатно для родителей [European Commission Childcare Network, 1996; Oberhuermer, Ulich, 1997; OECD, 2001].

2. Интегрированная система услуг по уходу за детьми и дошкольному воспитанию под единым административным руководством внедрена в небольшом, но постоянно увеличивающемся числе стран (Дания, Англия, Финляндия, Новая Зеландия, Норвегия, Шотландия, Испания и Швеция). Например, в Норвегии Министерство по делам детей и семьи курирует все услуги, направленные на образование, воспитание детей до 6 лет и уход за ними.

3. Механизмы управления административными функциями по делам детей и молодежи на стыке различных секторов и департаментов (например, образования, социальных услуг и здравоохранения) существуют независимо от принятой административной структуры страны [Hodgkin, Newell, 1996; Taguchi, Munkammar, 2003]. Так, в Дании Межведомственный комитет по делам детей (an Inter-Ministerial Committee on Children) был основан в 1987 г. как междисциплинарный орган из 15 министерств, ответственный за внедрение инициатив по улучшению условий жизни детей и молодежи. В США несколько штатов и структур местной власти (например, губернаторский кабинет министров по делам детей, частные/государственные управленческие органы, межведомственные консульства) возникли для реализации социальной политики в сфере ухода за детьми и наблюдения за ее осуществлением [Groginsky, 2002; Cauthen, Knitzer, Ripple, 2000].

Когда за развитие и воспитание детей дошкольного возраста отвечает министерство образования, придающее этим услугам статус части образовательного процесса, внимание акцентируется на развитии всех детей (независимо от статуса занятости родителей). В таком случае данные услуги оказываются бесплатно для всех детей (как в случае детей старше 3-х лет в Бельгии, Италии и Франции).

По административному разделению страны также различаются в том, кому отдана власть распоряжаться услугами по уходу за детьми: местным или государственным органам. В то время как в одних странах организация ухода за детьми осуществляется на национальном уровне (Италия, Бельгия и Франция), другие предоставили ответственность по регулированию сферы социальных услуг местным правительствам (Дания, Швеция, Голландия и США). В последние годы появилась тенденция к снижению ответственности центральной власти и делегированию местным органам власти полномочий в области организации ухода за детьми и их развития, контроля качества и доступности предоставляемых услуг.

ПРИМЕРЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Рассмотрим ситуацию с охватом услугами по уходу за детьми и их воспитанию, организацией этих услуг и влиянием на другие сферы жизни семей в отдельных странах.

1) *Скандинавские страны* — лидеры по охвату детей услугами по уходу и образовательными услугами. Эти услуги осуществляются государственными учреждениями в режиме полного дня. Финляндия, Швеция и Дания предоставляют дошкольное воспитание детям с годовалого возраста до 7 лет. При мощном по сравнению с другими странами государственном субсидировании этих услуг, особенно в части ухода за маленькими детьми, расходы домохозяйств на воспитание и образование детей 2-летнего возраста составляют не более 5% в Швеции и — 10% в Дании и Финляндии.

В 1974 г. Швеция была первой страной в мире, которая ввела систему отпусков по уходу за ребенком и предоставила родителям право находиться в отпуске в течение 6 месяцев с сохранением оплаты в размере 90% от предыдущего заработка. Вслед за ней такие отпуска начали внедрять другие Скандинавские страны: Норвегия в 1977 г., Финляндия в 1978 г., Дания в 1984 г. [Sundström, Duvander, 2002]. Право на получение пособий имели родители, включенные в систему медицинского страхования на протяжении хотя бы 180 дней перед рождением ребенка. Тем не менее размер пособия зависел от заработка родителей в течение последних 240 дней перед рождением ребенка. Этот механизм стимулирует откладывание рождения детей до получения стабильной работы. Пособия могут быть использованы при работе полный или неполный рабочий день, одним или другим родителем, а также в любое время до достижения ребенком 8-летнего возраста. С течением времени длительность отпуска по уходу за ребенком и размер пособия менялись. В 1995, 1996 и 1997 гг. размер пособий поэтапно сокращался до 75% от предыдущего заработка, а в 1998 г. он снова увеличился до 80%.

Дания, Финляндия, Швеция проводят политику предоставления услуг по уходу за детьми, сочетающуюся с ранним доступом к дошкольному образованию с годовалого возраста.

Скандинавские страны часто воспринимаются как схожие государства благосостояния. Однако в части политики по уходу за детьми есть некоторые различия: Дания и Швеция были пионерами в развитии услуг по уходу за детьми, Норвегия отличается от них меньшей распространенностью услуг для детей до 3-х лет, а также ухода в режиме полного дня.

2) **Франция** также относится к числу лидеров по организации политики по уходу за детьми. Эта политика уходит корнями в XVIII в. — время, когда начали осуществляться внесемейное образование дошкольников и уход за детьми.

Длительная традиция участия государства в ранней социализации детей во Франции связана со стремлением государства замещать семью в воспитании ребенка, чтобы обеспечить ему светское воспитание, повысить социальную справедливость и стимулировать рождаемость [Pailhé, Sinyavskaya, 2009]. Не ставя перед собой прямой задачи совмещения женской занятости и материнства, такая система тем не менее помогает женщинам в сочетании этих функций.

В 1990-е гг. французская семейная политика была изменена в ответ на высокий уровень безработицы. Достаточно щедрыми во Франции стали родительские и материнские отпуска по уходу за ребенком, побуждавшие женщин покидать рынок труда. На сегодняшний день они составляют 16 недель на первенца с пособием в размере 100% оплаты труда и не менее 26 недель для второго и третьего ребенка [White, 2009]. Родители несут только около четверти затрат на содержание ребенка в зависимости от материального положения семьи и числа детей.

Так называемые материнские школы (École maternelle) представляют собой учебно-воспитательные учреждения, которые являются первой ступенью школьного образования и в которые принимаются дети от 2-х до 6 лет. Занятия в них проводятся чаще всего учителями младших классов. Свыше 99% детей 3-летнего возраста посещают материнские школы, причем большая их часть входит этих учреждений в систему государственного образования.

Учреждения по уходу за детьми и их развитию открыты каждый будний день в течение 11 часов, и доступны семьям сразу же после окончания отпуска по уходу за ребенком.

Кроме того, во Франции порядка 10% детей посещают детские дошкольные учреждения, принадлежащие католической церкви [Маркова, 2007]. Воспитание детей в такого рода учреждениях оплачивается из средств самой церкви. Также, в отличие от многих стран, французские дети имеют возможность получать уход от субсидируемых государством нянь.

3) В **Германии** доступность социальных услуг по уходу за детьми ограничена. В большей степени это касается совсем маленьких детей (лишь 20% детей до 3-х лет в 2008 г. были охвачены институциональными услугами по уходу за детьми; см. *рис. 1*) и семей западной Германии. Согласно социологическим опросам, 48% домохозяйств с детьми дошкольного возраста удовлетворены доступностью социальных услуг по уходу за детьми [Wrohlich, 2005]³. Среди семей с детьми до 3-х лет степень удовлетворенности составляет 45%. Несмотря на это, доля семей с детьми в возрасте 0–3 лет, имеющих неудовлетворенный спрос на социальные услуги по уходу за детьми, составляет более 50%, а для детей 4–6 лет — всего 10% [Wrohlich, 2005].

В дополнение к уходу, предоставляемому дошкольными учреждениями, немецкие семьи пользуются услугами нянь. Согласно разным источникам в 2005 г. к услугам нянь прибегали от 3% (Family Survey) до 4% (GSOEP) домохозяйств. Индивидуальный подход к ребенку требует намного больших финансовых вложений, нежели уход в группе. Если величина оплаты полного

³ Оценки 8–10 на шкале удовлетворенности от 0 до 10. Результаты обследования GSOEP (German Socio-Economic Panel).

дня пребывания ребенка в учреждении по уходу за детьми в среднем составляет 110 евро в месяц, то услуги нянь обходятся семьям в 800 евро.

Хотя расходы государства на семейные пособия в Германии выше, чем в среднем по странам ОЭСР, расходы на услуги по уходу за детьми низки. Детям до 3-х лет формальный уход оказывается в 14% случаев (при 27% в среднем по странам ОЭСР), тогда как охват услугами детей 3–5 лет в Германии выше среднего уровня и составляет 89% (при среднем по странам ОЭСР — 79%)⁴.

Немецкое государство не принимает никакого участия в финансировании дошкольного образования, которое является первой ступенью в общей образовательной системе (табл. 1 Приложения). Посещение дошкольных учреждений в Германии добровольное и предоставляется детям от 3-х до 6 лет. Дошкольная подготовка детей не имеет принятой программы и не относится к Министерству образования страны. В целом сеть дошкольных учреждений в Германии развита слабо, в большой степени представлена частными учреждениями. Они состоят из детских садов, подготовительных классов и групп для подготовки к школе. Главной целью детских садов является развитие речи, детской личности, социальное воспитание ребенка. Существенным недостатком, в частности с точки зрения занятости родителей, является неудобный график работы дошкольных учреждений — большинство из них работают до обеда, учреждений с продленным днем мало.

В Германии совмещение занятости и материнства наиболее трудно по сравнению с другими развитыми странами ОЭСР. В 60% случаев доля работающих женщин едва превышает средний показатель женской занятости по странам ОЭСР, но наряду с этим суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,3 ребенка на женщину. Политика в отношении отпусков по уходу за ребенком смещается в Германии в сторону раннего выхода на рынок труда. Тем не менее институциональный уход возможен для детей с годовалого возраста, а детские сады принимают детей только на короткий промежуток времени. В докладах ОЭСР утверждается, что многие родители не будут работать до тех пор, пока в стране не будет возможности адекватного ухода за детьми после окончания отпуска по уходу за ребенком [Highlights Germany, 2007].

4) **Нидерланды** являются одной из лидирующих стран по охвату детей услугами по уходу и дошкольным образованием. Половина детей до 3-х лет и 90% дошкольников 3–4 лет посещают дошкольные учреждения. В возрасте 3-х лет и младше детям предоставляются услуги частных центров по уходу за детьми, домашнего дневного ухода, ясельных групп (табл. 1 Приложения). В возрасте 4-х лет дети посещают дошкольную группу, которая является первой ступенью перед начальным образованием и по большей части финансируется из государственного бюджета (табл. 1 Приложения; рис. 3).

До 2005 г. в Нидерландах для родителей существовали три типа услуг по уходу за детьми: частные, субсидируемые государством и субсидируемые работодателем (места, выкупленные компаниями). По новому законодательству родители платят за услуги по уходу за детьми авансом, получая зависящую от дохода семьи компенсацию от государства и вклад от работодателя на добровольной основе. По закону работодатель не обязан дотировать услуги по уходу за детьми. Тем не менее, согласно распоряжению министерства социального обеспечения все работодатели ответственны за 1/6 часть платы

⁴ Данные за 2006 г., OECD Family Database; www.oecd.org/els/social/family/database

за услуги по уходу за детьми, предполагается, что работодатель партнера также оплатит 1/6 часть [Wattis, Yerkes, Lloyd, 2006].

Родственники, особенно бабушки и дедушки, а также друзья и соседи играют существенную роль в уходе за ребенком в Голландии. Несмотря на это, женщины предпочитают работать неполный день или тратить неиспользованные отпуска для воспитания детей, чтобы не брать неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком.

5) Многие из женщин в *Италии* получают недостаточно внесемейной помощи, чтобы иметь возможность совмещать работу и воспитание ребенка. Отчасти этим объясняется один из наиболее низких в мире уровней рождаемости. Однако женская занятость в Италии также остается на довольно низком уровне: в 2005 г. она составляла 45% [Highlights Italy, 2007]. Напротив, страны с высоким уровнем женской занятости (например, Скандинавские страны или Франция) имеют высокие уровни рождаемости [Adema, 2007].

Уход за дошкольниками обходится итальянским семьям довольно дорого. Но все услуги по уходу за детьми дошкольного возраста предоставляются государственными учреждениями. Охват итальянских детей до 3-х лет институциональными услугами составляет 27%. Для детей от 3-х до 6-ти лет этот показатель составляет 90%.

В другой стране Южной Европы — *Испании* в 1992 г. охват детей услугами по уходу находился на уровне всего 4% [Gonzalez, Vidal, 2005]. Однако к 2008 г. по этому показателю Испания обогнала Италию, продемонстрировав рост охвата до 38% для детей 0–2 лет и до 95% для детей 3–5 лет к 2008 г.⁵ Одно из объяснений того, почему услуги по уходу за маленькими детьми были очень слабо развиты в Испании в начале 1990-х гг., — традиция семей ухаживать за детьми самостоятельно. Другое объяснение — высокая убежденность испанских женщин в том, что уход за детьми — их индивидуальная ответственность в семейных обязательствах. И, наконец, последнее — отголоски семейной политики авторитарного режима [Gonzalez, Vidal, 2005].

Расширение охвата детей услугами по уходу объясняется в контексте введенной с 1991/1992 учебного года образовательной реформы, так называемой LOGSE (Ley Orgánica de Ordenación General del Sistema Educativo). Данная реформа впервые включила в систему образования маленьких детей. Дошкольное образование было разделено на 2 цикла: до 3-х лет и с 3-х до 6 лет (до возраста начала обучения в школе). Образование для детей до 3-х лет стало доступно в режиме полного дня и круглогодично, однако государственные школы могли иметь 2-месячные летние каникулы. Такого рода муниципальные учреждения могли взимать плату за обучение детей дошкольного возраста, однако, как правило, она не превышала 20% от общей стоимости содержания ребенка. А самые бедные семьи могли пользоваться данными услугами полностью за счет государства.

Данные европейского выборочного обследования (ECHP⁶) показывают, что вероятность того, что испанцы будут пользоваться платными услугами по уходу за детьми, увеличивается при следующих факторах: наличие в домохозяйстве трех и более детей, активность женщины на рынке труда, высокий

⁵ Данные с сайта Евростата; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>

⁶ The European Community Household Panel (ECHP); <http://circa.europa.eu/irc/dsis/echpanel/info/data/information.html>

уровень образования женщины, проживание в небольшой семье [Gonzalez, Vidal, 2005]. Причем занятость матери на рынке труда в основном оказывает влияние при работе в течение полного рабочего дня. Также немаловажным фактором, помимо уровня дохода женщины, является доход остальных членов семьи.

б) Показатели охвата детей детскими дошкольными учреждениями в *Англии* в 2008 г. находились на среднем по ЕС уровне (35% для детей до 3-х лет при среднем среди 27 стран ЕС — 28%; 87% для детей от 3-х лет до школьного возраста при среднем по 27 странам ЕС — 83%).

Услуги по уходу за детьми в Англии довольно дорогие, одни из самых дорогих в Европе. В силу минимального количества государственных услуг по уходу за детьми и дороговизны ухода за ребенком, такого рода услуги доступны лишь наиболее обеспеченным семьям.

Тем не менее в возрасте от 3—4-х до 5 лет все дети могут бесплатно получать по 12,5 ч дошкольного образования в неделю в течение 38 недель в году. Такого рода услуги могут получать в яслях, группах по уходу за детьми, дошкольных воспитательных учреждениях или от нянь. Некоторые местные власти установили на своих территориях по 15 ч бесплатного ухода за детьми в неделю. С сентября 2010 г. эта практика будет распространена по всей стране [Free early learning..., 2010]. Это время может быть произвольно распределено в течение не менее 3-х дней в неделю.

В целом государственное обеспечение услугами по уходу за детьми в Англии неоднородно. Прямого финансового государственного обеспечения детей в виде пособий в раннем возрасте не существует, часы работы детских садов и яслей не совместимы с часами работы родителей на рынке труда, а объем предоставления услуг по уходу за детьми варьирует в разных районах страны из-за различий в законодательстве на местном уровне.

В Англии есть несколько видов адресной социальной помощи для семей с детьми, связанной с уходом. Во-первых, налоговые льготы (Tax Credits), которые представляют собой пособие нуждающимся людям, ухаживающим за одним ребенком и более, или молодым людям, получающим полное среднее или общее образование. Налоговые льготы на детей (Child Tax Credits (СТС)) оказывают поддержку семьям с детьми, а также молодым людям в возрасте 16—18 лет. Все семьи с детьми с доходом в пределах £58 000 в год (или до £66 000 в год, если в семье есть ребенок до года) могут обратиться за данной льготой [Wattis, Yerkes, 2006].

Во-вторых, так называемые ваучеры (приватизационные чеки) (Childcare vouchers) являются формой содействия уходу за детьми, предложенной работодателями Соединенного Королевства. Ваучеры стали одной из наиболее эффективных составляющих, которую может предложить любая организация для всей семьи в качестве части страхового пакета. Работодателям система ваучеров на уход за детьми помогает справиться с проблемой набора и удержания ключевых работников, поскольку такого рода ваучеры мотивируют родителей не менять работу и иметь невысокую плату за услуги по уходу за детьми. Приватизационные чеки помогают работающим родителям платить за услуги по уходу за детьми, получая выгоду до £1 195 в год. Работники покупают ваучеры за £55 в неделю и £243 в месяц. Деньги экономятся за счет того, что по ваучерам не нужно платить за социальное страхование и отчислять налоги [Childcare vouchers, 2010].

7) Отличается от европейских стран ситуация с услугами по уходу за детьми в *Соединенных Штатах Америки*. Там 63% детей до 5 лет вовлечены в сферу

услуг по уходу за детьми [NACCRRR Annual report, 2008]. Наиболее распространенными видами ухода за детьми являются институциональные услуги (детские сады, подготовительные группы и начальная школа), неформальная помощь бабушек и дедушек, а также часто встречается совмещение нескольких видов ухода на регулярной основе [Who's Minding..., 2006]. Ученики младших классов (5–14 лет) чаще всего получают уход в школе, от родственников внутри домохозяйства, а также при постоянном совмещении нескольких видов услуг.

Единой системы дошкольного образования в США нет. Она представляет собой разнообразие программ для дошкольников: программы, работающие в режиме полного и неполного дня, по гибкому графику, программы для детей 3–4-х лет с особенностями развития и пр.

Как правило, данные программы платные, но они могут финансироваться из разных источников. Для родителей стоимость такого рода услуг достаточно высока. Например, семьям приходится в год тратить \$4542–14 591, что превосходит оплату за учебу в колледжах в 44 штатах. Несмотря на это, только около 10% услуг могут быть названы высококачественными [NACCRRR Annual report, 2008].

В США сильно развита система рыночных услуг по уходу за детьми на коммерческой и некоммерческой основах. Чаще всего такие услуги предоставляются персоналом с невысоким уровнем образования и заработной платы, при минимальном регулировании со стороны государства и штатов. Оплата услуг по уходу за детьми и воспитанию полностью ложится на плечи родителей, государство участия в этом не принимает.

Американское государство предоставляет некоторые программы по уходу за детьми, но подавляющее большинство из них направлено на низкодоходные семьи. Они финансируются как из государственного бюджета, так и правительством штатов, набор и содержание программ от штата к штату сильно варьирует [White, 2009].

При этом федеральный закон США гарантирует только 12-недельный неоплачиваемый отпуск с сохранением рабочего места, оставляя большую долю населения без государственной поддержки после рождения ребенка. В большинстве случаев в США родители полагаются на работодателей, которые могут добровольно обеспечить их оплачиваемым отпуском по уходу за ребенком или предоставить возможность работы неполный рабочий день, чтобы воспользоваться рыночными услугами по уходу за ребенком [Gornick, Meyers, 2004]. На практике работники средних и крупных предприятий получают около 10 дней в год в течение первых 5 лет ухода за ребенком, 14 дней для детей от 5 лет и 17 дней — от 10 лет. Несмотря на это, в США около 20% детей в возрасте до 3-х лет получают уход в рамках различных программ [Gornick, Meyers, 2004].

***

Итак, виды услуг по уходу за детьми, условия их предоставления и источники финансирования варьируют по странам. Во многом политика в сфере ухода за детьми и дошкольного образования определяется приоритетами государства в этой области и политикой женской занятости.

Лидерами по охвату детей услугами по уходу и доле расходов государства на дошкольное воспитание являются Скандинавские страны. В них действует интегрированная система услуг по уходу за детьми и дошкольному воспитанию под единым административным руководством. Высокие показатели охвата детей услугами дошкольного воспитания демонстрирует также Франция.

Напротив, государства с либеральной моделью социальной политики тратят минимальную долю ВВП на услуги по уходу за детьми, и маленькие дети чаще всего получают неформальную помощь от бабушек и дедушек. Высокая стоимость услуг по уходу за детьми и незначительное предложение институциональных услуг, как в Англии, делают уход и дошкольное образование доступными только небольшой доле обеспеченных семей.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркова В. А. Модели и основные тенденции развития дошкольного образования за рубежом / Общественная экспертиза процесса трансформации системы дошкольных образовательных учреждений / Отв. ред. О. Б. Савинская. — СПб.: ЛЕМА, 2007.
- Тындик А. О. Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. 2010. № 12 (Весна-лето). С. 157–176.
- Adema W. OECD Babies and Bosses: A Synthesis of Findings for OECD Countries / PressRelease to the conference in Berlin. 2007. 29 November; <http://www.oecd.org/dataoecd/39/33/39696968.pdf>
- Andersen E. A Child-Centred Social Investment Strategy / Why We Need A New Welfare State. — NY: Oxford University Press, 2002. P. 26–67.
- Bennett J. Starting Strong: The Persistent Division Between Care and Education // Journal of Early Childhood Research. 2003. № 1. P. 21.
- Cauthen N. K., Knitzer J., Ripple C. H. Map and track: state initiatives for young children and families. — NY: National Center for Children in Poverty, 2000.
- Childcare vouchers. 2010; <http://www.childcarevouchers.co.uk>
- Comparative Social Research. Vol. 25: Childhood: Changing Contexts / Arnlaug Leira, Chiara Saraceno. (Eds.). JAI Press. Emerland Group Publishing Liimedit. 2008. P. 29–31.
- European Commission Childcare Network. Are view of services for young children in the European Union 1990–1995 / Brussels. European Commission Childcare Network. 1996.
- Free early learning for three and four year olds: Сайт о бытовом обслуживании в Англии, 2010; http://www.direct.gov.uk/en/Parents/Preschooldevelopmentajndlearning/Nurseries/PlaygroupsReceptionClasses/DG_10016103
- Gallagher J., Clifford R. C. The missing support infrastructure in early childhood // Early Childhood Research and Practice. 2000. Vol. 2. № 1. P. 1–24.
- Gonzalez M., Vidal S. Where do I leave my baby? Use and development of early childcare in Spain // DemoSoc Working Paper. Paper Number 2005–02. 2005. February.
- Gornick J. C., Meyers M. K. Welfare Regimes in Relation to Paid Work and Care // J. Zollinger Giele, E. Holst (eds.). Changing Life Patterns in Western Industrial Societies. — Netherlands: Elsevier Science Press, 2004. Ch. 3. P. 45–67.
- Groginsky S. Childcare and early education coordination in the states: a statutory overview // Denver, CO. National Conference of State Legislatures, 2002.
- Highlights Germany. Babies and Bosses — Policies towards reconciling work and family life. 2007; <http://www.oecd.org/dataoecd/20/18/39696251.pdf>
- Highlights Italy. Babies and Bosses — Policies towards reconciling work and family life. 2007; <http://www.oecd.org/dataoecd/20/23/39696356.pdf>

Hodgkin R., Newell P. Effective government structures for children: report of a Gulbenkian Foundation inquiry. — London: Gulbenkian Foundation, 1996.

Kamerman S. B. Early childhood education and care: an overview of developments in the OECD countries // *International Journal of Educational Research*. 2000. Vol. 33. № 1. P. 7–30.

Lenz Taguchi H., Munkammar I. Consolidating governmental early childhood education and care services under the Ministry of Education and Sciences: a Swedish case study: Working Paper. — Paris: Unesco, 2003.

NACCRRRA 2008 Annual report. Getting Child Care on the Right Track. Online look at the site of National Association of Child Care Resource and Referral Agencies (NACCRRRA). 2008; <http://www.naccrra.org/publications/annual-reports>

Neuman M. J. Governance of early childhood education and care: recent developments in OECD countries // *Early Years*. 2005. Vol. 25. № 2. P. 129–141.

Oberhuemer P., Ulich M. Working with young children in Europe: provision and staff training. — London: Paul Chapman, 1997.

OECD. Starting strong: early childhood education and care. — Paris: OECD, 2001.

Pailhé A., Sinyavskaya O. The work of women in France and Russia: The impact of children and gender values // *Families, east and west: a half century of changes in Europe*. *Revue d'études comparatives est-ouest*. 2009. Vol. 40. № 3–4. Septemer-December.

Plantenga J., Remery Ch., Siegel M. et al. Childcare Services in 25 European Union Member States: The Barcelona Targets Revisited / *Comparative Social Research*. Volume 25: *Childhood: Changing Contexts* / *Arnlaug Leira, Chiara Saraceno (Eds.)*. JAI Press. Emerland Group Publishing Liimited. 2008. P. 29–31.

Presidency conclusions. Barselona European Council 15 and 16 March 2002. P. 12; http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/71025.pdf

Quality of childcare and early education services / OECD Family Database. 2010. July 1; <http://www.oecd.org/dataoecd/45/30/37864559.pdf>

The European Community Household Panel (ECHP); <http://circa.europa.eu/irc/dsis/echpanel/info/data/information.html>

Typology of childcare and early education services / OECD — Social Policy Division — Directorate of Employment, Labour and Social Affairs. 2010. July 1; <http://www.oecd.org/dataoecd/45/28/41927983.pdf>

US General Accounting Office. Early education and care: overlap indicates need to assess crosscutting programs/ No. GAO/HEHS-00–78. — Washington, DC: GovernmentPrinting Office, 2000.

Wattis L., Yerkes M., Lloyd S. et al. Combining Work and Family Life: Removing the Barriers to Women's Progression. Experiences from the UK and the Netherlands. — European Union, 2006.

White Linda A. Explaining Differences in Child Care Policy Development in France and the USA: Norms, Frames, Programmatic Ideas // *International Political Science Review*. 2009. Vol. 30. P. 385.

Who's Minding the Kids? Child Care Arrangements: Summer 2006. U. S. Census Bureau; <http://www.census.gov/population/www/socdemo/child/tables-2006.html>

Wrohlich K. The Excess Demand for Subsidized Child Care in Germany // Discussion Paper No. 1515. 2005. March.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Типология услуг по уходу за детьми соответствующего возраста в разных странах^{a)}

Показатели	Центры по уходу за ребенком (Centre-based care)		Домашний дневной уход ^{b)} (Family day care)		Дошкольное образование (Pre-school)		Обязательная школа (Compulsory school)	
	0	1	2	3	4	5	6	7
Государственные*							Обязательная школа	
Частные**								
Возраст	0	1	2	3	4	5	6	7
Австралия	Официальный домашний дневной уход и уход в центрах в режиме неполного (20 ч ^{в)} и полного (40 ч) дня			Дошкольные/ подготовительные классы, начальная школа – полный день и внешкольный режим		Обязательная школа		
Австрия	Tagesmutter (домашний дневной уход) и Krippen (уход в центрах) – неполный день (25 ч)			Kindergarten (детский сад) – 25 ч; кроме того, развивается предоставление услуг по уходу за детьми вне школы		Обязательная школа		
Бельгия	Kinderdagverblijf (центр по уходу) и домашний дневной уход; Crèche (центр по уходу) и gardiennes encadrées (домашний дневной уход)			Kleuterschool – полный и неполный день, а также режим внешкольного ухода; École maternelle – полный и неполный день, а также режим внешкольного ухода		Обязательная школа		
Великобритания	Няни, воспитатели и дошкольные группы			Дошкольные группы и няни	Подготовительные классы начальной школы	Обязательная школа		
Венгрия	Bölcsöde (ясли) – полный день (40 ч)			Ovoda (детский сад)		Обязательная школа		
Германия	Krippen ясли на основе центров по уходу			Kindergarten (дошкольное образование)		Обязательная школа		
Голландия	Gastouderopvang (FDC), Kinderopvang (детские центры по уходу) и дошкольные группы			Группа 1 (group 1) при начальной школе	Обязательная школа			
Греция	Vrefonipiaki stahmi (ясли для детей до 2,5 лет и детский сад после 2,5 лет)					Обязательная школа		
	Nipiagogeia (детский сад)							
Дания	Dagpleje (домашний дневной уход) и Vuggestuer (ясли) – полный день (>32 ч)			Børnehaver (детский сад) – полный день (>32 ч)		Обязательная школа		
	Adlersintegrer (объединение по возрасту детей – полный день (>32 ч))					Børnehaver (>32 ч)		
Ирландия	Регулируемый домашний дневной уход и няни в центрах по уходу за ребенком			Early Start и Infante school (детский сад) при начальной школе		Обязательная школа		
				Дошкольные группы				
Исландия	Центры дневного ухода и «дневные мамы» («day mothers») (домашний дневной уход)			Дошкольное образование		Обязательная школа		
Испания	Educacion Pre-scolar (на основании центров)			Education infantil (дошкольное образование) при начальной школе		Обязательная школа		
Италия	Asili nidi (ясли) – неполный день (20 ч) и полный (<50%)			Scuola dell'infanzia (дошкольное образование)		Обязательная школа		
Канада	Семейный дневной уход и уход в центрах			Junior Kindergarten Ontario	Kindergarten/ Maternelles in Québec	Обязательная школа		
Корея	Центры по уходу за детьми					Обязательная школа		
	Детские сады							
	Hakwon (дошкольное образование)							

Показатели	Центры по уходу за ребенком (Centre-based care)		Домашний дневной уход ^{б)} (Family day care)		Дошкольное образование (Pre-school)		Обязательная школа (Compulsory school)	
	0	1	2	3	4	5	6	7
Государственные*							Обязательная школа	
Частные**								
Люксембург	Ясли (<i>Crèche</i>) в центрах по уходу за ребенком и <i>Tadesmutter</i> (домашний дневной уход)		Enseignement pre-scolaire (дошкольное образование)				Обязательная школа	
Мексика	<i>Educación inicial</i> (ясли на основании центров)		<i>Compulsory educación preschool</i> (дошкольное образование)				Обязательная школа	
Новая Зеландия	Центры по уходу за детьми и некоторые услуги по уходу на дому (домашний дневной уход)		Детские сады по месту жительства, дошкольные группы				Обязательная школа	
Норвегия	<i>Barnehage</i> , включая сельские <i>familiebarnhager</i> – полный день (40 ч)						Обязательная школа	
Польша	Ясли		Детский сад, в том числе ясельные группы				Обязательная школа	
Португалия	<i>Creche familiare</i> (домашний дневной уход) и ясли в центрах ухода за детьми		<i>Jardins de infancia</i> (дошкольное образование)				Обязательная школа	
Словакия	Ясли		Детский сад				Обязательная школа	
США	Официальный домашний дневной уход и уход в центрах		Образовательные программы, включая частные детские сады и государственные				Обязательная школа	
Турция	Ясли (<i>Crèche</i>)		<i>Ana Oculari</i> (детские сады)				Обязательная школа	
Финляндия	<i>Perhepäivähölyt</i> (домашний дневной уход) и <i>Paivakoti</i> (муниципальные центры раннего развития) – полный день (<50 ч)				<i>Esiopetus</i> детские сады		Обязательная школа	
Франция	<i>Crèche</i> (уход в центрах) и <i>Assistant maternelles</i> (домашний дневной уход)		<i>École maternelle</i> (дошкольное образование)				Обязательная школа	
Чехия	<i>Crèche</i> (уход в центрах)		<i>Materska skola</i> (государственный детский сад)				Обязательная школа	
Швейцария	Ясли (<i>Crèche</i>). <i>Krippen</i> (уход в центрах) – варьируется в зависимости от кантона		Дошкольное образование – для некоторых кантонов является обязательным				Обязательная школа	
Швеция	<i>Forskola</i> (дошкольное образование) – полный день (30 ч). <i>Familiedaghem</i> (домашний дневной уход) в некоторых преимущественно сельских районах.				<i>Forskolleklass</i> (дошкольное образование)		Обязательная школа	
Япония	Центры по уходу за детьми		Детский сад				Обязательная школа	
	Домашний дневной уход							

Примечания: а) Typology of childcare and early education services / OECD — Social Policy Division — Directorate of Employment, Labour and Social Affairs. 2010. July 1; <http://www.oecd.org/dataoecd/45/28/41927983.pdf>; б) домашний дневной уход (family day care) представляет собой уход за ребенком на дому у няни или в детском саду семейного типа; в) здесь и далее указано количество часов в неделю; * — финансирование и управление из государственного бюджета (более 50% поступлений являются государственными средствами); ** — управление частными организациями (коммерческими и некоммерческими) и финансирование из частных и государственных источников.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ЕДИНОГО АРХИВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ — УЖЕ В ПЯТЫЙ РАЗ!

Хахулина Л. А., к. э. н., научный руководитель Единого архива социологических данных (ЕАСД),
Косова Л. Б., к. т. н., директор Единого архива социологических данных (ЕАСД)

В этом году Единый архив социологических данных (ЕАСД) празднует свое 10-летие — проект был начат в сентябре 2000 г. при финансовой поддержке Фонда Форда. За годы, прошедшие со времени создания, ЕАСД стал частью мирового архивного сообщества, принял основные цели и этику работы. Во всем мире архивы данных по социальным наукам ставят перед собой две основные цели: сохранить первичные данные эмпирических исследований и сделать

их доступными для научного и экспертного сообщества. Решение этой задачи важно не только для развития социальных наук, свободный доступ к достоверным и надежным данным — основа развития гражданского общества и демократии. Жизнь в демократическом, открытом обществе невозможна без доступа к достоверной информации, отвечающей на самые актуальные вопросы общественной жизни, позволяющей исследователю понять и донести до широкой публики важнейшие процессы социальной трансформации.

Очень важно отметить, что доступность информации подразумевает не только открытость данных, но и владение навыками грамотного и адекватного вторичного анализа. Не случайно важнейшим элементом работы всех архивов мира является организация курсов по обучению статистическому анализу данных, которые обычно проводятся в форме летних школ. ЕАСД смог начать эту работу 5 лет назад, получив финансовую поддержку Фонда Макартуров.

Первая Летняя школа Единого архива прошла в 2006 г. Для проведения занятий был выбран подмосковный поселок Снегири, где на базе небольшого дома отдыха, дающего возможности плодотворной работы и приятного отдыха после занятий, был организован недельный курс, который мы назвали «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR». Программа занятий включала в себя общий обзор наиболее известных методов статистического анализа и конкретные навыки работы с программными комплексами, позволяющими анализировать данные ЕАСД. Примерно половина занятий проходила в компьютерном классе, где наши

«школьники» осваивали только что прослушанную лекцию. Заканчивались занятия публичной защитой подготовленной работы. Вся программа базировалась на реальных данных опросов, депонированных в ЕАСД. Основной целью школы мы ставили изучение возможностей Единого архива, знакомство с его коллекциями, освоение программных средств, позволяющих проводить вторичный анализ данных, с тем чтобы наши слушатели получили возможность использовать полученные навыки в преподавательской и исследовательской работе.

В Первой летней школе участвовало 20 человек. Они были отобраны на конкурсной основе среди почти 60 поступивших заявок. Предпочтение отдавали молодым преподавателям региональных университетов, имеющим опыт ведения таких предметов, как «Методы сбора социологической информации», «Статистический анализ данных», «Методология и техника проведения опросов» и т.д. Мы стремились к тому, чтобы, пройдя недельный курс и вернувшись в свои университеты, прошедшие обучение преподаватели включили полученные навыки в курсы, которые они читают своим студентам. Тогда эффект обучения «удесятерится» — знание об ЕАСД, знакомство с его коллекциями, навыки вторичного анализа будут усвоены не только 20 нашими слушателями, но и их студентами.

Выбранный формат мероприятия показал себя весьма эффективным и был с учетом небольших доработок положен в основу последующих Летних школ. С 2006 по 2010 г. школы проходили ежегодно, каждый раз в них участвовало около 20 слушателей. В итоге почти 100 молодых преподавателей из региональных университетов ознакомились с коллекциями Единого архива, научились пользоваться информационной системой «Софист», прослушали краткий курс теории измерения и статобработки данных, закрепили полученные навыки в ходе работы в компьютерном классе, скорректировали свои знания и наработки в ходе публичной дискуссии с коллегами на защите выполненных в рамках школы работ, познакомились и завязали рабочие

контакты с коллегами из других регионов России. Они приехали с разных концов России: Новороссийска, Уфы, Нижнего Новгорода, Бийска, Санкт-Петербурга, Челябинска, Твери, Владикавказа, Владивостока, Мурманска. Несколько участников представляли страны ближнего зарубежья — Армению, Белоруссию, Украину. Но все они оценили возможности, которые предоставляет Единый архив, рабочую атмосферу, созданную во время занятий, неформальное и глубокое общение с коллегами. Давайте дадим слово самим участникам.

«Для меня как для молодого ученого семинар предоставил возможность расширить свои исследовательские горизонты, здесь я получил навыки аналитической работы с базами данных Единого архива социологических данных. Полученные знания будут полезны мне и в преподавательской, и в научной деятельности. Семинар собрал много интересных ученых не только из России, но и из стран ближнего зарубежья, была создана творческая атмосфера интеллектуального поиска, в которой было необычайно легко и продуктивно работать».

Красильников Сергей,
Ульяновский государственный университет,
участник Летней школы—2006

«Я в восторге от работы Первого методического семинара «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR». Участники получили редкую возможность познакомиться с социологическими данными, которые могут применяться как в научной, так и в методической работе. Использование материалов ЕАСД позволит поднять уровень преподавания дисциплин, предполагающих использование статистических данных, работу с вторичными материалами, изучение методов обработки информации. Кроме того, использование материалов ЕАСД позволит совершенствовать научно-исследовательскую работу студентов: написание

научных статей, курсовых работ, выпускных квалификационных работ. Хочется поблагодарить организаторов семинара за прекрасное время, внимание и заботу».

Волкова Ольга Александровна,
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Балашовский филиал,
участник Летней школы—2006

«Факт создания ЕАСД уже сам по себе достаточно важен, и не только с утилитарной точки зрения. Передача исследований в архив, высокие требования к присылаемым материалам создают новую профессиональную культуру. И я очень рад, что Армения уже включилась в этот процесс и передала несколько исследований в ЕАСД... Семинар был чрезвычайно насыщенным, интересным и полезным. Особенно хочется отметить отличное сочетание теоретических и продуманных практических занятий...»

Арутюнян Баграт,
Ереванский государственный университет, Армения,
участник Летней школы—2006

«Благодарю организаторов за предоставленную мне возможность познакомиться с работой Единого архива социологических данных и системой NESSTAR. Эти знания помогут мне организовать исследовательскую работу студентов на новом уровне, провести исследовательскую работу по интересующей меня проблематике. Информация о семинаре заинтересовала моих коллег, и я планирую подробно рассказать им о ее возможностях».

Гончарова Светлана Владимировна,
Тихоокеанский государственный экономический университет,
кафедра философии и политологии,
участник Летней школы—2007

«Семинар, проведенный ЕАСД, оставил самые позитивные впечатления. Уникальный преподавательский состав, новейшее программное обеспечение, крайне комфортные условия проведения обучения и непринужденная дружеская атмосфера — вот что вспоминается по его окончании. Но главное все же результат: полученный опыт — опыт работы с данными нового типа и опыт общения с коллегами, имеющими аналогичные проблемы и запросы.

На основе полученных навыков я планирую провести на базе Ярославского государственного университета несколько семинаров. Полученная информация будет очень актуальна для ярославских коллег, специализирующихся в области международных социополитических и различных кросс-культурных исследований.

Огромное спасибо организаторам за безупречную работу и возможность расширения профессиональных горизонтов».

Епархина Ольга Валерьевна,
кафедра социологии Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова,
участник Летней школы—2007

«Мои впечатления о семинаре самые положительные. Организация замечательная, мне есть с чем сравнивать, я могу оценить уровень мероприятия только на 5. Понравилось и место проведения семинара, и организация заезда: встретили, отвезли, поселили. Единый архив порадовал возможностью получения данных из одного источника. Кстати, информационная система «СОФИСТ» вызвала интерес не только у людей, связанных с социологией и политологией, но и у «айтишников». Они признали идею самого архива и программного комплекса NESSTAR весьма продвинутой».

Туровский Ярослав Александрович,
Воронежский государственный университет,
участник Летней школы—2007

«Участие во Втором семинаре «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR» было, несомненно, очень полезным. Информационная насыщенность семинара в сочетании с неформальным общением сформировало ту основу, на которой могут быть проведены и собственные исследования, и реализованы совместные с коллегами проекты.

Использование материалов Единого архива в определенной степени позволяет сгладить «удаленность» исследователей с периферии от центра, предоставив им возможность пользоваться теми же данными, которые имеют в распоряжении московские коллеги.

Огромное спасибо организаторам!»

Волкова Наталья Викторовна,
Бийский технологический институт,
кафедра экономики предпринимательства,
участник Летней школы—2007

«Мой личный опыт показывает, что важность школы понимаешь по прошествии времени. Очень ценная информация! Она помогает в исследовательской и в педагогической деятельности. Большую благодарность выражают мои коллеги-социологи и студенты, которым я рассказал про архив и которые успели воспользоваться накопленными в нем исследованиями.

Со многими из участников школы переписываемся и общаемся до сих пор. Хочется выразить огромную благодарность организаторам школы и всем сотрудникам Единого архива и пожелать терпения и сил в работе по его пополнению и популяризации».

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,
доцент кафедры социологии ТюмГНГУ,
участник Летней школы—2008

«Летняя школа стала для меня полезным опытом, до этого я никогда в подобных мероприятиях не участвовала. С профессиональной точки зрения эта поездка мне очень помогла, показала мой уровень, а также в каком направлении нужно двигаться. Мне очень понравились доброе отношение и понимание со стороны организаторов. Я познакомилась с коллегами из других городов и вузов, — это тоже очень полезно. Дружеские отношения с ними я поддерживаю до сих пор.

Идея создания Единого архива социологических данных кажется мне очень перспективной. Всю полезность этого проекта мы сможем оценить лет через 20—50, когда сегодняшний день станет историей.

Большое спасибо!»

Назарова Л. В.,
ассистент кафедры социологии и связей с общественностью
Тверского государственного университета,
участник Летней школы—2009

«От всей души благодарю Единый архив социологических данных и Независимый институт социальной политики за организованный семинар. Летняя школа оказалась действительно полезным мероприятием, в котором объединились теоретические и практические особенности научного познания. Особое спасибо за лекцию по методологии анализа данных, которую блестяще провела Ю. Н. Толстова. Хотелось бы заметить, что семинар позволил расширить научный кругозор и познакомиться с замечательными людьми со всей России (от Ставрополя и Саратова до Сургута и Омска). Желаю

вам дальнейшего развития, а со своей стороны приложу максимум усилий по продвижению ЕАСД в Республике Мордовия.

Зинин А. А.,

научный сотрудник Научного центра социального
экономического мониторинга Республики Мордовия,
преподаватель кафедры социологии МГУ им. Н. П. Огарева,
участник Летней школы—2009

«Мне было очень приятно участвовать в семинаре «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR», организованным Независимым институтом социальной политики на базе Единого архива социологических данных. Мне очень понравилась атмосфера, особенно живое общение и обсуждение вопросов современного социологического образования с коллегами из разных регионов страны, возможность поделиться опытом, выслушать любого и обсудить все точки зрения, а также хорошее сочетание теории и практики.

Понравился и сам подход к проведению семинара: все основные идеи были четко сформулированы, информация представлена достаточно сжато — самая суть. На мой взгляд, это очень большой успех, что в течение нескольких дней нам преподнесли достаточно большой объем информации и выполнить практическую работу.

Семинар оказался полезным и с точки зрения педагогической деятельности. На семинаре была предоставлена ценная информация, которую я обязательно буду использовать в своей работе на занятиях по «Использованию компьютерных технологий в социологических исследованиях». В ходе семинара у меня появились идеи относительно использования студентами-социологами ресурсов ЕАСД, например, при написании курсовых работ. Я увидела новые направления своего дальнейшего развития в области анализа данных.

Спасибо всем организаторам и преподавателям, которые работали с нами в Летней школе за содержательный семинар. Я могу сказать, что с пользой провела время. Этот семинар направил меня в нужное русло, и теперь мне есть над чем задуматься и над чем работать в дальнейшем».

Дюмина Наталья Николаевна,

ассистент кафедры философии и социологии,
мл. научн. сотр. НИЛСИ Мурманского государственного
педагогического университета
участник Летней школы—2009

SUMMARIES

Social Policy – Its Past, Present and Future

Interview with E.G. Yasin – Doctor of Economics, Professor and Academic Supervisor of the Higher School of Economics, Minister of Economy of Russia in 1994–1997 (conducted by the Chief Redactor T.M. Maleva) on issues of the “social price” paid for the Russian economic reforms in 1990s, including the assessment of the reforms and their results; position of social policy in political system during the period of economic growth in the early 2000s; National Projects; priorities for a future reform of the social protection system in Russia.

T. Maleva, L. Ovcharova

Social Modernization: Objects and Subjects

The authors' views on social modernization result from a long research by the Independent Institute for Social Policy, which has its 10th anniversary this year. Thus, the article could be viewed as a research report. It discusses current conditions in labor market, education, social protection and pension sphere in Russia and vectors of modernization in these areas, along with issues of data needed to conduct social policy.

The second part of the article considers the Russian social structure from modernization perspective. The authors regard middle class as the central element of the structure because of its functions and its role in society. In some cases the authors refer to the Institute researchers' works which provide details of arguing and empirical results used to draw conclusions presented in this article.

E. Gontmaher

Towards the Reform of Mandatory Medical Insurance: Style, Backbone, and Alternative

The article discusses the bill of mandatory medical insurance (MMI) law by the Ministry of Health and Social Development. Simple calculations, based on the Rosstat data, demonstrate obvious contradictions between the MMI funding scheme as declared by the Ministry and perspectives of social and economic development of our country as projected by the Russian government. Then the author focuses on such aspects of proposed reform as a patient's ability to choose a doctor and a medical institution; the position of Emergency medical service and high-tech medical help in the MMI system, access to healthcare for patients without insurances, etc. In conclusion the author points out basic goals of further development of healthcare in Russia and possible sequence of measures to achieve these goals.

L. Ovcharova, A. Yazykov

Which housing mortgage products could become the drivers of modernization

Modernization and growth of housing mortgage are referred to as the short-run prior goals. Is it possible that moving toward the last goal could help to reach the first one? The authors answer this question using the mutual research data of the Independent Institute for Social Policy and the ARHML. Special housing mortgage programs could become the drivers of modernization if they facilitate internal labor migration and equalize incomes and quality of life of those at working age and at pension age. The authors assess the volume and structure of potential demand for the new housing mortgage products. Also they analyze how the economic crisis affected mortgagees' ability to pay.

S. Belanovsky, M. Dmitriev, S. Misikhina

Middle Class in a Rent-oriented Economy: Why Moscow is not like Russia?

Shortly before the economic crisis of 2008, a new mass social stratum emerged in Moscow; the stratum was alike the west-European middle class in terms of income, but strikingly differed in terms of capital structure. The authors assert that Moscow as a subordinate entity of the Russia Federation has a specific rent-oriented economy, because the real estates are the largest source of Moscow residents' incomes.

The dominate income source affects economic and social motivation of the Moscow middle class, including high economic autonomy and special relations with authorities; demand for legal guarantees as a means to secure the assets; diminishing role of human capital and lack of motivation to invest in it; abundance of spare time and growth of protest moods.

In conclusion, in attempt to find out whether the Moscow's economy would become more like the rest of Russia, the authors present three scenarios of further dynamics of this phenomenon.

L. Grigoriev

Elites and Middle Class

The article stresses the importance of studies of elites in context of modern social structure. Formation of democracy and middle classes in XX–XXI centuries requires us to abandon separate analysis of democracy and of elites. The author suggests the analytical approach to the role and place of elites in the broader context. The system of élites, hypo-elites and contra-elites is introduced. And some Russian background is given to the theoretical constructions.

S. Ivanov

Demographic Factors of Climate Change

Scientists tend to pay more attention to the demographic effects of climate change rather than to the demographic factors as the cause of climate change. However, population growth and many other demographic conditions (like population density, spatial distribution and flows of population, urbanization, age structure) somehow affect expansion of carbon dioxide and other greenhouse gases, i.e. they work as climate change factors. According to the author, the demographic factor of climate

change is ignored because of a tendency to view consequences of rapid population growth as a political matter. In next decades, developing countries are to become major contributors to greenhouse gas emissions, and their cooperation is obligatory to stabilize the atmospheric concentration of greenhouse gases. International organization should push toward the recognition of the problem.

L. Drobigeva

The problem of inequality in the ethnic and national perspectives in Russia

Multi-ethnic societies have ethnic aspects of inequality. The article considers how ethnicity affect a person's position in social structure of modern Russia. Why the labor market selection (which is inevitable in situation of economic competition) are seen as discrimination by public opinion? How ethnic groups differ in relation to wealth, prestige and power, and what are the image of these differences inside ethnic groups? Is it reasonable to talk about ethnic and cultural obstacles for the transformation processes in Russia?

E. Tyuryukanova

Migration as a Challenge of the Nearest Future

To overcome the economic crisis and achieve economic growth in Russia, we need a significant increase of migration rate; current immigration flow, both permanent and temporary, would be insufficient for that purpose. Opposite to a commonsense point of view, The author consider some increase of migration as possible; even after the increase, migration rate would remain quite moderate in comparison with other major recipient countries. Certainly, immigrants with a dramatically different cultural background do present serious challenges, but from now on this is the only possible kind of immigrants, and we should deal with this perspective. If the government doesn't take a risk to liberalize migration regime, Russia will face the new "overheat" of the labor market and unprecedented increase of illegal immigration.

N. Barr, P. Diamond

The Economics of Pensions

This paper sets out the economic analytics of pensions. After introductory discussion, successive sections consider the effects of different pension arrangements on labour markets, on national savings and growth, and on the distribution of burdens and benefits. These areas are controversial and politically highly salient. While we are open about expressing our own views, the main purpose of the paper is to set out the analytical process by which we reach them, to enable readers to form their own conclusions.

O. Sinyavskaya

The Russian Pension Reform: What are the Future Challenges?

The article analyses Russian pension system and its evolution, including pension legislation, plans of pension reform and actual situation. The author also discusses future demographic and social-economic challenges for the pension system. The author's idea is that the most critical problem of the Russian pension reform is not

that it failed to build a mandatory insurance system, but that it failed to change some ineffective features like low pension age, paternalistic role of the government, people's inactivity. These features would worsen the pension crisis whichever are the external economic and demographic conditions.

A. Babkin

Evolution in spite of Revolution: Review of the Worldwide Trends in Pension Insurance

What are the current trends in the pension systems of developed countries – today, when population ageing have become real and when the economic crisis provokes inevitable changes in pension funding? This review aims to find an answer.

A. Sukhova

Review of Childcare Services in Different Countries

The article reviews the social childcare services in different countries, including variations in access to institutional care and pre-school education and quality of childcare services. The article considers public and private expenditures on childcare and how the out-of-family childcare services characteristics are related to employment of women with small children. Particular attention is paid to the interesting practices of childcare and pre-school education in several countries.

SPERO
Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры
№13

Журнал «SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ №ФС77-38002

Журнал выходит 2 раза в год
Все статьи рецензируются
Электронная версия журнала <http://spero.socpol.ru/current.shtml>

Ответственный редактор М. И. Фетисова
Корректоры: Л.М. Малова, Е. И. Макеева
Оригинал-макет и компьютерная верстка: И.А. Кобзев
Переводчик Е. Б. Головляницина

Подписано в печать 22.11.2010
Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 900 экз.

Адрес редакции журнала: 125009 г. Москва,
Глинищевский пер., д. 3, подъезд 3
Тел.: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: spero@socpol.ru

Журнал распространяется бесплатно. Для получения очередного номера обращайтесь в публикационную программу НИСП
Тел: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: m.fetisova@socpol.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. И.И. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» УД П РФ
Генеральный директор Э.А. Галумов
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл. д. 5
E-mail: izd.izv@ru.net
Заказ 0613